

ALL-UNION «THE BADGE OF HONOUR»
BOOK CHAMBER

The BOOK

RESEARCHES AND MATERIALS

SYMPOSIA

XXXIX

PUBLISHING HOUSE «KNIGA»

MOSCOW 1979

ВСЕСОЮЗНАЯ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

КНИГА

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК

XXXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

МОСКВА 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. М. Сикорский (главный редактор), *А. И. Дей*, *А. В. Западов*,
Е. С. Лихтенштейн, *А. С. Мыльников*, *С. Е. Поливановский*,
А. П. Толстяков (заместитель главного редактора), *Ю. И. Фартунин*

О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ СССР В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ

В

ыполняя задачи 10-й пятилетки, книгоиздатели, работники полиграфии, книжной торговли ведут большую работу по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС. Большой размах выпуска печатной продукции вызвал определенные сложности в области статистики печати, поставил перед ней новые задачи. Статистика печати — важный инструмент для решения вопросов более полного и точного удовлетворения потребностей читателей в книжной продукции.

Государственная регистрация и статистика произведений печати, выпускаемых в нашей стране, возложена на Госкомиздат СССР.

Коллегия Комитета ежегодно рассматривает итоги статистического учета печатной продукции СССР во Всесоюзной книжной палате. На основе представленных статистических материалов намечаются конкретные меры по выпуску книг необходимой тематики, по увеличению книг, пользующихся повышенным спросом, устанавливаются оптимальные пропорции выпуска различных видов литературы и т. д.

Очередные задачи государственной статистики печати формируются с учетом нужд экономики советского книгоиздания, запросов партийных, государственных и общественных организаций.

В связи с вводом в эксплуатацию Автоматизированной системы сводного тематического планирования и координации (АССТПК) в последние годы на статистику печати возложена новая функция — формировать статистические показатели, на основе которых было бы возможно прогнозирование выпуска произведений печати на очередную пятилетку.

Жизнь постоянно выдвигает перед статистикой все новые и новые задачи, требует от нее все более полной и разносторонней информации о произведениях печати, изданных не только в текущем году, но и за все годы Советской власти.

Статистика печати присущими ей методами определяет количественную сторону развития издательского дела в непрерывной связи с его качественной стороной, придает числовое выражение закономерностям этого развития в конкретных условиях места и времени.

Статистика печати сочетает в себе два взаимосвязанных показателя — статистику культуры и статистику экономики.

Поэтому экономические и социальные задачи дальнейшего развития советского книгоиздания, повышения качества работы издательств, полиграфических предприятий и книготорговых организаций, улучшения тематического планирования, более полного удовлетворения читательского спроса выдвигают актуальные проблемы теории и практики государственной статистики печати, ее дальнейшее совершенствование. Полученные статистические данные свидетельствуют о том, что принятая в 1973 г. качественная перестройка статистического учета печатной продукции оправдала себя. Учет произведений печати по контрольному экземпляру позволяет в современных условиях объективно оценить в количественных и качественных показателях всю печатную продукцию нашей страны в соответствии с принятой в 1974 г. «Методикой статистического учета произведений печати СССР».

На основе приказа председателя Госкомиздата СССР № 414 от 15 августа 1973 г. «О серьезных ошибках, допущенных Всесоюзной книжной палатой в статистическом учете книг и брошюр», была начата организационно-методическая перестройка статистического учета во Всесоюзной и республиканских книжных палатах, которая в основном завершилась в 1975 г.

Эта перестройка была вызвана в основном отрывом статистики печати от носителя первичной информации — самого издания. Организация учета на основе «Книжной летописи» была по сути вторичной, неполной информацией о книгах. Так, итоги учета 1972 г. первоначально подготовленные Всесоюзной книжной палатой, основанные на данных «Книжной летописи», зарегистрировавшей только 50% изданий, выпущенных в свет и подлежащих включению в годовые показатели статистики печати, отражали фактический выпуск книг и брошюр лишь на 78%.

В настоящее время мы располагаем более достоверными данными. Так, при сравнении показателей двух официальных источников — сборника «Печать СССР в 1977 году» и «Сборника экономических показателей по отраслям деятельности» по выпуску книг и брошюр в 1977 г. — видно, что они фактически совпадают.

Значительное повышение точности учета — это главное преимущество нового подхода к ведению государственной статистики печати СССР. Сегодня статистика с большой полнотой и достоверностью учитывает все произведения печати СССР. Полученная информация служит надежным источником для разработки текущих и перспективных планов советского книгоиздания.

Статистические сведения, полученные в результате разработок Всесоюзной и республиканских книжных палат, рассмотренные Госкомиздатом СССР и госкомиздатами союзных республик, направляются в Госплан СССР и плановые организации союзных республик, ЦСУ СССР и органы статистики союзных республик, где используются при распределении бумажных фондов, для оценки выполнения народнохозяйственных планов развития печати и других целей.

Основные принципы дифференцированного учета печатной продукции сформулированы в «Инструкции по отбору произведений печати СССР для дифференцированного статистического учета», утвержденной Госкомиздатом СССР в 1975 г.

Виды печатной продукции разделяются по издательствам, министерствам, ведомствам и другим организациям с выделением междведомственных и внутриведомственных изданий, информационных материалов.

Статистика печати отражает выпуск книг и брошюр по основным тематическим разделам, разделам целевого назначения, читательскому

адресу, по языку издания, номиналу, по ведомственному, территориальному и другим признакам.

Наиболее полному анализу подвергается выпуск книг и брошюр, который ныне осуществляется на основе «Временной классификации литературы для сводного тематического планирования и координации» по 31 тематическому разделу. Начиная с отчета 1979 г., в статистике печати вводится «Единая схема классификации литературы для книгоиздания в СССР». Она предусматривает более полный анализ книг и брошюр — уже по 50 тематическим разделам, что позволит проводить координацию выпуска книг и брошюр в системе сводного тематического планирования, книжной торговли, государственной библиографии, обеспечить сопоставимость данных на стадиях планирования, учета и реализации книжной продукции.

Осуществляется также разносторонний дифференцированный учет периодических изданий. Статистика печати характеризует их выпуск по периодичности, языку издания, по тематическим разделам, по целевому назначению, по территориальному и другим признакам.

Таким образом, статистика печати стала более многоаспектной и содержательной, возросла ее информационная емкость. При этом сохранились преемственность и сопоставимость новых данных с материалами прошлых лет, что весьма важно для анализа культурного наследия.

В 1977 г., по данным статистики печати, всего было выпущено более 85 тыс. книг и брошюр тиражом 1,8 млрд. экз. Из общего количества книг и брошюр на долю издательств страны пришлось 47,5 тыс. названий тиражом 1,7 млрд. экз., что составляет 55,5% по названиям и 95,8% — по тиражу.

Кроме того, статистика печати учла в 1977 г. более 17,3 тыс. изоизданий и нотных изданий, 18,5 тыс. авторефератов диссертаций, 540 картографических изданий, 12 отрывных ежедневных календарей, 264 тыс. мелкопечатной продукции, выпущенной всеми организациями страны, а также 7923 названия газет, которые выходят общим тиражом 38,5 млрд. экз., 1367 названий журналов тиражом 2,3 млрд. экз., 3 тыс. бюллетеней тиражом более 700 тыс. экз., другую печатную продукцию.

Статистика печати только в 1977 г. учла 398 тыс. названий печатной продукции общим тиражом 47,5 млрд. экз.

Основные результаты статистического учета печатной продукции публикуются в статистических сборниках «Печать СССР», «Народное хозяйство СССР», «Статистический ежегодник ЮНЕСКО». Данные о выпуске в СССР переводной литературы публикуются в издании ЮНЕСКО «Индекс транслационум».

Показатели статистики широко используются в текущем и перспективном народнохозяйственном планировании, в работе партийных, советских организаций и учреждений культуры, для оценки работы нашей отрасли, подразделений Госкомиздата СССР, госкомиздатом союзных республик, для анализа актуальных направлений советского книгоиздания.

Большую справочно-информационную работу проводят Всесоюзная и республиканские книжные палаты, в распоряжении которых, кроме данных, публикуемых в сборнике «Печать в СССР», также большой объем информации, более дробной — по всем издательствам, издающим организациям, регионам и т. д.

Организационно-методическая перестройка государственной статистики печати СССР, осуществленная в соответствии с приказом № 414, и та большая работа, которую проделали Всесоюзная и республиканские книжные палаты, наметили существенные сдвиги в организации статистики печати.

Рассмотрев итоги статистического учета печатной продукции в СССР за 1977 г. Коллегия Госкомиздата СССР отметила, что в результате принятых мер статистический учет значительно полнее отражает фактический выпуск печатной продукции в СССР.

Статистические показатели выпуска книг и брошюр по тематике, целевому назначению, по языку издания и другим характеристикам легли в основу ряда принципиальных решений, определивших пропорции выпуска различных видов литературы. Было признано целесообразным уменьшить выпуск некоторых малоактуальных видов изданий литературы, а высвободившиеся фонды бумаги направить на увеличение художественной, детской, справочной, медицинской, учебной и других видов литературы, спрос на которую еще не удовлетворяется.

Так, в 1977 г. тираж художественной и детской литературы в стране составил 750 млн. экз. По сравнению с 1971 г. выпуск художественной литературы в стране увеличился на 229 млн. экз. Тираж детских книг и брошюр в 1977 г. составил 517 млн. экз., что на 172 млн. экз. больше, чем в 1971 г. В 1977 г. на душу населения издано только книг и брошюр в два раза больше, чем в 1940 г.

Увеличивается из года в год издание литературы зарубежных стран. Особенно ярко обозначилась эта тенденция в издательской политике СССР после состоявшегося в Хельсинки Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Если в 1971 г. в СССР было издано около 67 млн. экз. книг авторов зарубежных стран, в 1974 г. — 69, то в 1975 г. уже 80, в 1976 г. — 97, а в 1977 г. — почти 122 млн. экземпляров.

Современные требования советского книгоиздания к статистике наиболее полно сформулированы в решениях Госкомиздата СССР, последовавших за приказом № 414. Они уточнены в решении Коллегии от 23 марта 1977 г. «О состоянии и мерах по улучшению работы Всесоюзной книжной палаты».

В решении Коллегии записано: «Считать главными задачами в области статистики печати — повышение качества статистических разработок, полноты и точности учета, оперативное представление статистической информации; достижение сопоставимости статистических показателей с отчетностью издательств, Госкомиздата СССР, а также показателями сводного тематического планирования; организацию аналитической работы по статистическим материалам, отражающим основные тенденции развития советского книгоиздания».

В решении также указано на одно из главных средств, позволяющих реализовать указанные задачи — это разработка и внедрение подсистемы «Статистика печати» — Автоматизированной системы обработки, хранения и выдачи информации (АСОИ).

На современном этапе необходимо повышение роли статистики печати в определении соотношений и пропорций выпуска литературы, представлении необходимой информации для планирования материально-технической базы книгоиздания. Она призвана помочь Госкомиздату СССР, госкомиздатам союзных республик организовать контроль за выполнением тематических планов.

Для выполнения поставленных задач и повышения роли статистики печати необходимо совершенствовать механизм учета, уточнить принципы, методы и организацию подразделений, занимающихся этим вопросом.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА СТАТИСТИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

Как известно, базой и источником статистического учета являются контрольные экземпляры всех изданий, поступающие во Всесоюзную

и республиканские книжные палаты от полиграфических предприятий страны. Статистическая обработка изданий непосредственно по контрольному экземпляру позволила расширить и качественно развить статистические разработки. Введена более дробная классификация литературы по содержанию. Появилась возможность выяснить непосредственно по выходным сведениям издания большое количество показателей, которые ранее невозможно было определить по библиографическому описанию в летописях (например, определение принадлежности автора к стране), что крайне необходимо для ведения учета переводных изданий и персонального учета. Стало возможным вести подсчет издательской продукции *по признаку серийности*: библиотечки, подписные серии; *по способу оформления*: сувенирное, юбилейное, подарочное и т. п.; *по типу издания*: «собственное» или «заказное» и т. д.

Учет литературы, выпускаемой, минуя издательства, осуществляется в соответствии с разделами «Положения о порядке издания министерствами, комитетами, ведомствами и организациями печатной продукции», утвержденного в 1976 г.

Таким образом, статистика печати получила важный источник информации — контрольный экземпляр. По сравнению с другими источниками он располагает наиболее полными сведениями об издании, сведениями, представляющими собой совокупность данных, необходимых для использования в работе издательских, полиграфических и книготорговых организаций. Потенциальные возможности информационной емкости показателей контрольного экземпляра до конца еще не исчерпаны, что создает широкую перспективу для углубления и дальнейшего развития программы разработок в области статистики печати.

Решив ряд задач с переходом на новую форму учета печатной продукции, статистика печати сегодня дает еще мало информации полиграфии, книготорговым организациям, не в полной мере стыкуется с издательской отчетностью и показателями плановых органов. Поэтому согласно ГОСТу 7.4—77 «Выходные сведения в издательской продукции» с 1 января 1978 г. контрольный экземпляр пополнился новой информацией. В выходных сведениях стало необходимым указывать дополнительные данные: сорт и номер бумаги для печатания основного текста, способ печати, гарнитуру шрифтов.

Эффективность этой информации трудно переоценить и, прежде всего, для перспективного расширения программы статистических разработок. Имеющаяся и новая информация в выходных данных позволяет организовать централизованный статистический учет длительности редакционно-издательского и производственного процесса на стадии корректурного обмена и набора; осуществить дифференцированный статистический учет бумаги, израсходованной на конкретные издания, тип изданий, раздел литературы по тематике или целевому назначению; вести статистику полноты и использования шрифтового хозяйства по гарнитурам шрифтов в наборе различных изданий и т. д.

Такого рода статистические данные помогут в планировании бумажных фондов и полиграфических мощностей, а также будут служить целям контроля за их рациональным использованием.

Однако качество разработок, объективность информации существенно зависит от издательств, издающих организаций, в частности, от заполнения ими выходных сведений и соблюдения ГОСТа 7.4—77.

Практика показывает, что хотя указанный стандарт обязателен для всех, кто выпускает печатную продукцию, нарушения его не единичны. Особенно много нарушений допускается при оформлении продукции издающих организаций, органов научно-технической информации и других

организаций. Например, в 1977 г. каждая седьмая книга или брошюра, изданная организациями, минуя издательства, выпускалась с нарушением указанного ГОСТа. В этих случаях для описания издания требуется много дополнительного времени, вследствие чего страдает оперативность статистических разработок и снижается их эффективность.

ПОЛНОТА И ТОЧНОСТЬ УЧЕТА. СОПОСТАВИМОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В настоящее время статистика печати достаточно объективно и полно отражает выпуск печатной продукции в СССР. Однако в силу специфики задач, которые стоят перед статистикой печати и планово-финансовой и издательской отчетностью, до сих пор не решены отдельные вопросы сопоставимости показателей. Поэтому столь важно совершенствование механизма учета, который позволял бы более полно информировать о работе отрасли, издательств и полиграфических предприятий.

Качество и эффективность государственной статистики печати находится в прямой зависимости от полноты и своевременности поступления во Всесоюзную и республиканские книжные палаты контрольных экземпляров выпускаемых в стране изданий. Доставку контрольного экземпляра осуществляют в книжные палаты полиграфические предприятия, издательства и отделения связи. Делается это недостаточно четко. Так, по итогам 1977 г., во Всесоюзную книжную палату не было доставлено около 300 изданий. Значительная часть изданий направляется несвоевременно. Так, с опозданием доставляет контрольные экземпляры полиграфобъединение «Китап» (Алма-Ата), полиграфобъединение Киргизии (Фрунзе), Дагестанское полиграфобъединение, Киевская книжная фабрика, типографии издательств «Стандарты», «Дониш», типография «Таврия» (Симферополь) и др.

Установленный порядок рассылки контрольных экземпляров четко требует, чтобы рассылка осуществлялась до оформления издания на выпуск в свет. Категорически запрещается выдача тиражей изданий заказчику до рассылки контрольных экземпляров и оформления издания на выпуск в свет.

Массовое статистическое наблюдение в государственной статистике печати, проводимое на базе поступления во Всесоюзную книжную и республиканские книжные палаты контрольных экземпляров всех произведений печати, было бы не полным без использования в качестве дополнительного корректирующего источника учета формы № 1—И месячного отчета издательства о выпуске и сдаче печатной продукции.

В книжных палатах она помогает проконтролировать своевременность и полноту доставки контрольных экземпляров, принять все необходимые меры к получению недоставленных экземпляров, что крайне важно не только для получения полных и достоверных статистических показателей, но и для формирования Архива советской печати.

Система учета печатной продукции, построенная по схеме: контрольный экземпляр — корректировка по форме № 1—И, практически позволяет решить проблему полноты учета всей печатной продукции. Однако проблема эта до сих пор не решена, хотя задача поставлена вполне конкретно: «начиная с отчета 1979 г., обеспечить единые принципы учета книг и брошюр в статистике печати и планово-финансовой отчетности издательств».

Чем же вызваны эти трудности?

Государственный статистический учет печати осуществляется на базе контрольного экземпляра. Он требует четкой работы всего экономи-

ческого механизма книгоиздания, строгого выполнения плановых заданий.

Тематическое планирование каждого издательства должно быть построено таким образом, чтобы выпуск типографиями всех запланированных изданий был осуществлен в пределах планируемого года. Такой принцип и заложен в тематическом и аннотированном планах.

«Особые условия поставки непериодических изданий издательствами книготорговым организациям» определяют предельный срок сдачи последней партии тиража в три месяца. Естественно, что подобные ограничения позволяют издательствам осуществлять выпуск некоторых изданий в последующем году. Кроме того, практика такова, что существует досдача не только из выпуска предшествующего года, но и «прошлых лет». Что, в частности, и отражено в форме № I—II оперативной отчетности издательств.

Должна ли учитывать эту «досдачу» статистика печати? В этом заключена одна из важных проблем учета фактического выпуска печатной продукции в стране.

«Выпускные» данные контрольного экземпляра формируют статистику печати по таким показателям, как количество названий, общий тираж, объем в печатных листах-оттисках. Таким образом, если, например, издательство в текущем году закрывает все тиражи по конкретным названиям книг и брошюр, то «выпускные» данные статистики печати совпадают с отчетностью издательств по «сдаче» продукции.

Но, к сожалению, анализ итоговой отчетности издательств за год по форме № I—II показывает, что в ряде случаев показатели «выпуска» и «сдачи» отличаются друг от друга на разницу переходящих из года в год остатков тиражей и листов-оттисков. Эти остатки тиражей, образующие досдачу, в планово-финансовой отчетности в соответствии с установленным порядком учитываются в показателях работы издательств по «валу», а в статистике печати не успевают найти отражения, что затрудняет фактический учет печатной продукции, и прежде всего по переходящим названиям.

Одним из возможных вариантов решения проблемы «досдачи» тиражей могло быть установление следующего порядка.

В тематическом планировании предусматривать в текущем году по каждому изданию только реальный выпуск тиража. Если же выпуск этого издания переходит в последующий год, то в «выпускных» данных представлять его как отдельный завод. Это создаст возможность совпадения данных статистики печати с фактическим выпуском печатной продукции, явится одним из перспективных направлений расширения программы статистических разработок.

Но есть и другой важный аспект у проблемы полного учета и сопоставимости данных статистики печати с планово-финансовой отчетностью издательств.

К сожалению, не всегда соблюдаются требования «Инструкции». Так, систематически нарушают правила заполнения формы № I—II такие издательства, как «Правда», «Известия», Издательство ЦК ДОСААФ, Издательство АПН, Профиздат, Гидрометеиздат, «Просвещение», Дагестанское, Западно-Сибирское, Мурманское, Пермское, Ростовское, Куйбышевское издательства.

Издательство «Транспорт» не подводит итогов выпуска книжной продукции и не раскрывает поименно служебного расписания, «Советское радио» неправильно оформляет «заводы», «Медицина» нарушает формы отчетности, «Высшая школа», «Книга», «Прогресс» не выделяют книжную продукцию в отчетной форме.

Некоторые издательства искажают статистическую отчетность. Издательства «Московский рабочий», «Музыка», «Изобразительное искусство», Приокское, Волго-Вятское, Удмуртское, «Молодая гвардия» включают в книжную продукцию буклеты и другие листовые издания, изоиздания, нотные, периодические издания, а это противоречит всем действующим в отрасли ГОСТам и инструкциям.

Издательства «Химия», «Советская Россия», Дагучпедгиз, Калмыцкое, Карельское, Мордовское и другие включают в нарушение установленного правила в раздел формы I—II по «выпуску» досдачу тиражей настоящего и прошедшего года.

Особо хочется обратить внимание Госкомиздата РСФСР на систематические нарушения в отчетности подведомственных ему издательств.

Кроме того, не берется в расчет та особенность статистического учета, что он в значительной мере основывается на отборе для государственной библиографии. Только по этой причине и в соответствии с «Методикой статистического учета печатной продукции СССР», так называемые издания книжного типа, учитываются статистикой печати в разделе «Листовая и другая печатная продукция, не распределенная по основным видам изданий». Среди продукции книжного типа в основном издания вспомогательного, прикладного или узковедомственного характера. Это именные, адресные, телефонные книги, темники для изобретателей и рационализаторов, отдельные каталоги и тематические планы издательств и т. д.

Издательства, основываясь на определении понятия «книга» по ГОСТу, который характеризует издание только с количественной стороны, включают эту продукцию в раздел книг и брошюр, ссылаясь, в частности, на то, что в полиграфическом исполнении некоторые издания подобного типа более трудоемки, чем многие книги.

Эта проблема из года в год поднималась в Госкомиздате СССР при рассмотрении итогов статистического учета. Она стоит очень остро и теперь в связи с несогласованностью отчетности главных редакций Госкомиздата СССР и Всесоюзной книжной палаты.

Как здесь быть? Сохранить прежний порядок, т. е. в статистике печати учитывать отдельно книги и брошюры по их содержанию и назначению, или усовершенствовать методику статистического учета и следовать за оперативной отчетностью, когда все книги и брошюры в соответствии с формально-количественным признаком учитываются вместе.

Было бы неверно следовать только за формальной, количественной стороной в характеристике издания, но и эта количественная, иными словами, экономическая сторона вопроса не может не быть отражена в полном объеме. Поэтому проблема, вероятно, будет решена, если публиковать отдельной строкой издания книжного типа.

Для полной сопоставимости показателей статистики печати с отчетностью издательств необходимо также решать вопрос об альманахах, учитываемых в издательской отчетности в «книгах и брошюрах», а в статистике печати — в «периодических изданиях». Бумага на альманахи должна выделяться по разделу периодических изданий.

Решить названные вопросы необходимо. Главное управление сводного тематического планирования и координации, Планово-экономическое и финансовое управление, госкомиздаты союзных республик, Всесоюзная и республиканские книжные палаты должны оперативно согласовать все необходимые вопросы, помочь статистике печати в дальнейшем совершенствовании необходимой отчетности.

ОПЕРАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

Значимость статистических показателей тем весомей, чем оперативнее они отражают фактический процесс.

К сожалению, из-за нечеткой работы отдельных издательств и полиграфических предприятий, книжные палаты несвоевременно получают контрольные экземпляры. Мало оперативности и в отчетности республиканских книжных палат.

Но даже если информация и поступает вовремя, ее обработка и анализ занимают до четырех месяцев. Главный резерв сокращения времени обработки — в ускоренном вводе в эксплуатацию подсистемы «Статистика печати» Автоматизированной системы обработки, хранения и выдачи информации (АСОИ), разрабатываемой Всесоюзной книжной палатой.

Это не только сократит сроки обработки данных и их представление в Госкомиздат СССР, но и даст возможность принципиально изменить организацию справочной службы, получать такой справочный материал, который сегодня мы получить не можем.

О СОПОСТАВИМОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТАТИСТИКИ ПЕЧАТИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ СВОДНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В настоящее время издательствами страны ежегодно выпускается более 45 тыс. различных книг и брошюр. Кроме того, на стадии редакционной подготовки находится не менее 100—120 тыс. названий. При таком объеме наименований чрезвычайно сложно определить правильное соотношение планируемых к выпуску видов литературы, скоординировать тематические планы издательств страны независимо от их ведомственной подчиненности, своевременно устранять дублирование и параллелизм. Эти задачи, как известно, решаются. За последние годы система сводного тематического планирования выпуска литературы в масштабах страны организована достаточно четко.

Прделана большая работа по совершенствованию сводного тематического планирования и координации на базе электронно-вычислительной техники.

С помощью ЭВМ ежегодно готовятся такие документы, как «Основные показатели сводного тематического плана выпуска литературы издательствами СССР», сводные тематические планы выпуска общественно-политической литературы, научно-технической литературы, художественной и детской литературы, переводной зарубежной и т. д.

Впервые перед государственной статистикой печати выдвинута задача разработки статистических данных о выполнении издательствами и издающими организациями сводных тематических планов.

Полный и оперативный статистический учет дает возможность проводить точный научный анализ выпускаемой печатной продукции и на основе этого разрабатывать вместе со сводными тематическими планами предложения о пропорциях выпуска отдельных видов литературы и перспективах развития книгоиздательства страны.

С этой целью во Всесоюзной книжной палате осуществляется стыковка двух автоматизированных систем: АСОИ и АССТПК.

Во Всесоюзной книжной палате уже предприняты определенные попытки по максимальному сближению статистических данных с требованиями сводного тематического планирования.

Для эффективного решения проблем, возникающих при согласовании работы двух автоматизированных систем, необходимо ввести единые

регламентирующие документы с подробными методическими указаниями по их применению.

Учет изданий, начиная с 1978 г., отдел статистики печати осуществляет путем регистрации литературы, которая прошла координацию и имеет номер информационного бланка. Полученные за первое полугодие 1978 г. данные свидетельствуют о том, что некоторые издательства не выполняют установленных требований о проставлении номера информационного бланка на координируемой литературе.

Так, более чем в 100 книгах и брошюрах издательств Главной редакции художественной литературы отсутствовал такой номер. Не было его и в двухстах изданиях издательств Главной редакции научно-технической литературы, в 150 изданиях Главной редакции общественно-политической литературы, в 650 изданиях издательств РСФСР, 170 изданиях Узбекской ССР, в 120 изданиях Казахской ССР, в 300 изданиях Грузинской ССР, в 250 изданиях Азербайджанской ССР, в 120 изданиях Армянской ССР, 100 изданиях Туркменской ССР.

Напрашивается вполне резонный вопрос: как же выполняются издательствами тематические планы? Ведь есть решение коллегии Госкомиздата СССР от 7 марта 1978 г. о том, чтобы при подведении итогов выполнения тематических планов учитывали только те работы, которые прошли координацию и имеют в выходных данных номер информационного бланка.

Издания, которые подлежат координации, но не прошедшие ее, должны быть рассмотрены в главных редакциях, Главиздатэкспорте, госкомиздатах союзных республик.

Дальнейшее развитие и совершенствование статистики печати связано с автоматизацией обработки статистических данных и подготовки соответствующих статистических материалов, вплоть до автоматизации набора сборника «Печать СССР».

Автоматизация системы статистики печати СССР — компетенция не только Всесоюзной книжной палаты. Решением этих вопросов должны заниматься также госкомиздаты и книжные палаты союзных республик.

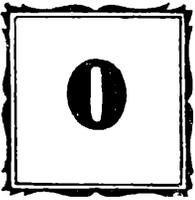
Работа в данном направлении уже ведется. Так, успешно прошел эксперимент, проведенный Госкомиздатом СССР совместно с рядом министерств и Госкомиздатом Казахской ССР по автоматизированной передаче данных по каналу телефонной связи. Была передана из Алма-Аты в Москву обширная информация сводного тематического планирования и координации.

Необходимо, чтобы вопросы автоматизации более широко ставились в союзных республиках. И здесь большую научно-методическую помощь должна оказывать Всесоюзная книжная палата.

Управление такой сферой культуры, как книгоиздание, выполнение важной задачи, поставленной партией перед издателями, о более полном удовлетворении спроса трудящихся на книги, во многом зависит от того, насколько оперативно, полно и разносторонне служба государственной регистрации и статистики печати будет снабжать необходимой информацией органы управления, издателей, всех работников культуры.

МЕТОДИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ

существование грандиозных планов коммунистического строительства требует дальнейшего совершенствования учета и статистики. Это отмечается в Программе КПСС, где записано: «Возрастание масштабов народного хозяйства, быстрое развитие науки и техники требует повышения научного уровня планирования, проектирования, учета и статистики»¹.

Перед советской статистикой в целом и перед статистикой печати, в частности, стоят большие и ответственные задачи по тщательному сбору, научной обработке и анализу статистических данных, характеризующих развитие народного хозяйства и культуры нашей страны. В связи с этим необходимо постоянно совершенствовать методические и организационные принципы статистики печати как части общегосударственной статистики культуры.

Так называемая библиографическая статистика печати, которая осуществлялась в течение многих лет в стенах Всесоюзной книжной палаты и республиканскими палатами, была оторвана от насущных задач, которые решаются книгоиздателями страны. Ей были присущи такие недостатки, как неполнота статистических данных, отсутствие точного учета всей выпускаемой в стране печатной продукции, недостаточный экономический анализ данных, неумение и невозможность на этой базе разработки конкретных предложений, направленных на совершенствование хозяйственной деятельности в нашей отрасли, несопоставимость данных по основным показателям.

Жизнь же требовала такой статистической информации, которая позволяла бы анализировать и принимать решения по наиболее важным направлениям издательской политики, проводимой Госкомиздатом СССР и республиканскими комитетами.

Придавая огромное внимание масштабам, темпам и пропорциям выпуска печатной продукции, Комитет потребовал коренным образом повысить уровень статистической, методологической и экономической работы, усилить деятельность Всесоюзной книжной палаты в области

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 87.

механизации и автоматизации учетно-статистических работ на базе электронно-вычислительной техники.

В этой связи перед статистикой печати СССР были поставлены очень важные задачи: с одной стороны, она должна разрабатывать общие теоретические и методологические проблемы, направленные на ее дальнейшее совершенствование, а, с другой, — давать ясное, точное и своевременное количественное и качественное выражение процессов и явлений, происходящих в издательском деле.

Нельзя также забывать, что статистика печати является и фактологической основой развития ряда наук — книговедения, информатики и др.

Статистика печати — это прежде всего хорошо отлаженный, повседневный процесс учета печатной продукции, издаваемой в стране. Вот почему большое внимание было уделено совершенствованию статистической базы учета и его организации. В то же время нуждалась в радикальной перестройке система показателей, которая характеризует выпуск произведений печати в стране.

Большую работу нужно было проделать для того, чтобы существенно повысить достоверность статистических данных, получаемых во Всесоюзной книжной палате и республиканских палатах.

Методологической основой статистики печати являются следующие основные положения:

— изучение количественных отношений в диалектической взаимосвязи с качественными особенностями процессов и явлений, происходящих в издательской деятельности;

— комплексное изучение явлений и процессов, на основе которого можно было бы получать данные как о тенденциях и закономерностях развития нашей отрасли, так и разрабатывать практические предложения по ее совершенствованию;

— разрабатывать систему показателей таким образом, чтобы она давала возможность отражать совокупность явлений дифференцированно, в многообразии типов, групп литературы, выпускаемой в стране, характеризовала пропорции и отношения, складывающиеся между ними.

Таким образом, задача статистики печати сегодня состоит в том, чтобы представить обобщенные данные в Госплан СССР, в ЦСУ СССР (и ЦСУ союзных республик), в Госкомиздат СССР (и госкомиздаты союзных республик), которые служили бы совершенствованию планирования издательского дела и были использованы при составлении общего народнохозяйственного баланса страны.

Вместе с тем статистический учет произведений печати дает возможность контролировать выполнение тематических планов издательств и сводных тематических планов выпуска литературы в стране.

Полный и оперативный статистический учет позволяет проводить точный научный анализ выпускаемой в стране печатной продукции и на основе этого, вместе со сводными тематическими планами, разрабатывать предложения о пропорциях и соотношениях выпуска отдельных видов литературы и перспективах развития книгоиздательского дела.

Данные статистики печати предоставляют в распоряжение практических работников богатейший материал для принятия конкретных решений, учитывающих опыт прошлого, а также вытекающих из требований современности и предполагающих оптимальные пути для удовлетворения потребностей будущего.

Основная задача книжного дела, которая должна быть решена в период до 2000 года, — полное удовлетворение потребностей населения и народного хозяйства в основных видах печатной продукции при по-

стоянном повышении ее качества и значительном сокращении времени и затрат на ее производство.

Перспективное и текущее планирование развития издательского дела на этот период требует учета большого количества разнообразных факторов, характеризующих структуру и закономерности хозяйственно-экономической и производственной деятельности издательства страны. Определение количественных характеристик для нужд прогнозирования и планирования — одна из практических задач статистики печати.

Особенностью предстоящего этапа развития общественно-хозяйственной деятельности является комплексный, системный подход к совершенствованию производительных сил, улучшению управления на основе автоматизации переработки различных видов информации.

Одной из основных подсистем единой государственной системы научно-технической информации явится и разрабатываемая во Всесоюзной книжной палате автоматизированная система обработки, хранения и выдачи информации — (АСОИ).

Жизненно важными для автоматизированной системы являются информационные потоки, поступающие на вход системы, и роль статистики как одного из элементов этого потока, несомненно, возрастет.

Необходимо также подчеркнуть, что статистика печати синтезирует в себе два свойства:

1) статистики культуры, поскольку она оценивает развитие советского книгоиздательства в качественном аспекте;

2) экономической статистики, поскольку она оценивает количественную сторону издательского дела в СССР.

На современном этапе статистика печати призвана прежде всего обеспечивать глубокими и дифференцированными сведениями о книгоиздательском деле СССР директивные и планирующие организации — ЦК КПСС, Госплан СССР, ЦСУ СССР, Госкомиздат СССР и соответствующие подразделения союзных республик, а также на основе разрабатываемой во Всесоюзной книжной палате АСОИ обеспечивать статистическим информационным потоком государственную систему научно-технической информации.

Функции, возложенные на дифференцированный статистический учет, состоят, прежде всего, в необходимости решения силами статистических служб печати важнейших задач:

— объективно, с исчерпывающей полнотой и достоверностью отражать фактическое состояние выпуска литературы в стране;

— оперативно сообщать необходимую статистическую информацию заинтересованным партийным и государственным директивным органам, служить инструментом эффективного управления в отрасли.

10 апреля 1974 г. приказом председателя Госкомиздата СССР была утверждена новая «Методика статистического учета произведений печати СССР», создание которой явилось основным этапом организационно-методической перестройки советской статистики печати.

Прежде чем охарактеризовать основные особенности «Методики», следует отметить, что ее составителями во Всесоюзной книжной палате, республиканских книжных палатах, Госкомиздате СССР и госкомиздатах союзных республик преследовалась цель обеспечить единство методологических принципов статистического учета со всеми видами планово-финансовой отчетности отрасли и, в первую очередь, с отчетностью каждого отдельно взятого издательства.

Вот почему важнейшим методическим принципом рассматриваемого документа является «соответствие методов и принципов учета произведений печати критериям оценки издательской деятельности, принятым

в планирующих органах (Госплане СССР и госпланах союзных республик) и в Госкомиздате СССР (госкомиздатах союзных республик)».

«Методика статистического учета произведений печати СССР» определила следующие основные требования, предъявляемые к дифференцированному статистическому учету:

- полнота и достоверность статистических разработок;
- дифференцированное изучение количественных и качественных показателей в их взаимосвязи;
- сопоставимость статистических данных на протяжении ряда лет и возможность построения динамических рядов;
- преемственность программы статистических публикаций.

Полнота и достоверность статистических разработок достигается, прежде всего, благодаря тому, что базой статистического учета являются контрольные экземпляры произведений печати, поступающие в книжные палаты от полиграфических предприятий страны (за доставку контрольных экземпляров изданий, отпечатанных за границей, несут ответственность сами издательства).

Издания, подготовляемые совместно советскими и зарубежными издательствами, направляются во Всесоюзную и республиканские книжные палаты советскими издательствами.

Организация статистического учета печатной продукции по контрольному экземпляру имеет большие преимущества. Назовем основные из них. Контрольный экземпляр как источник статистики печати обеспечивает полноту учета всех изданий независимо от места выпуска, характера издательства, издающей организации или другого учреждения, каналов распространения, широты читательского назначения и полиграфических признаков оформления. Организационно полнота статистического учета изданий на базе контрольного экземпляра обеспечивается существующим в стране порядком их распространения и системой контроля за его соблюдением со стороны Главлита, Всесоюзной и республиканских книжных палат. Комплект контрольного экземпляра, доставляемого в книжные палаты, является наиболее полным по сравнению с комплектом других организаций — получателей контрольного экземпляра — и, как правило, включает все издания, выпущенные в СССР. По сравнению с другими источниками, он располагает наиболее полными сведениями об издании, сведениями, представляющими собой совокупность данных, необходимых для использования в работе издательских, полиграфических и книготорговых организаций. Потенциальные возможности расширения информационной емкости показателей контрольного экземпляра до конца еще не исчерпаны, что создает широкую перспективу для углубления и дальнейшего развития программы статистических разработок в области печати. По сути дела, в выходные сведения издания можно вынести любой из признаков, представляющий интерес для статистики печати. Это создает возможность в дальнейшем целенаправленно регулировать полноту исходных показателей — объектов учета.

Контрольный экземпляр обеспечивает оперативность статистического учета изданий, сводя к минимальному сроку тот информационный интервал, который образуется между сроком выпуска изданий в свет и сроком его статистической обработки. Немаловажную роль для оперативности учета имеет тот факт, что контрольный экземпляр, получаемый книжными палатами, фактически выделяется из первой партии тиража и подлежит доставке еще до выпуска издания в свет. Это условие является объективной предпосылкой для обеспечения учета изданий почти одновременно со сроком их выпуска, а это, в свою очередь, позво-

лит сократить сроки подготовки необходимой статистической информации.

В качестве дополнительного корректирующего источника учета с целью достижения большей сопоставимости статистических итогов с показателями и формами отчетности издательств используется форма № 1 — И — месячный отчет издательства о выпуске и сдаче печатной продукции.

Здесь необходимо соблюдение двух условий:

1) отчет должен быть составлен в точном соответствии с «Инструкцией об объеме, сроках предоставления и порядке составления оперативных статистических отчетов издательств и комитетов по печати союзных республик», утвержденной 25 мая 1972 г.;

2) в книжные палаты он должен быть доставлен не позднее 5 числа каждого месяца.

Вместе с тем отчеты нередко оформляются очень небрежно, нарушаются сроки их доставки.

«Методика» предъявляет следующие требования к издательским отчетам:

1) точность заполнения формы и полное соответствие сведений выходным данным;

2) соблюдение классификации по видам изданий: книги и брошюры, изоиздания, нотная продукция, картографические издания, периодические издания, продолжающиеся издания;

3) классификация по типам издания: «собственные» и «заказные»;

4) классификация по разделам литературы.

Пока издание не отражено в издательском отчете (т. е. издательство не отчиталось за него), оно не учитывается, но проходит статистическую обработку. Такие издания включаются в особую картотеку, которая к концу года должна быть погашена, т. е. в конце отчетного года должна быть полная сопоставимость издательских отчетов и поступлений контрольных экземпляров.

К сожалению, данные статистики печати в полной мере совпадают ныне только с отчетностью издательств по «выпуску» печатной продукции и не совпадают с отчетностью по «сдаче» издательской продукции, берущейся за основу при оценке хозяйственно-экономической деятельности издательств. Как известно, показатели «выпуска» и «сдачи» за отчетный период отличаются на величину переходящих остатков (досдачи). Размер досдачи тиража — величина не постоянная. Она колеблется в больших пределах, но в этом, к сожалению, нет какой-либо определенной закономерности.

По отдельным издательствам (например, «Высшая школа», «Экономика», Воениздат, Атомиздат, «Колос», «Недра», «Советское радио», «Химия», «Машиностроение», «Лесная промышленность», «Пищевая промышленность» и др.) досдача тиражей чрезмерно велика. В результате в первом полугодии 1978 г. расхождения между «выпуском» и «сдачей» составили по издательствам Главной редакции общественно-политической литературы Госкомиздата СССР 30,5 млн. печ. л.-отт., по издательствам Главной редакции научно-технической литературы — 27,2 млн. печ. л.-отт. В то же время, для сравнения, по издательствам Главиздатэкспорта — 1,1 млн. печ. л.-отт., по издательствам Главной редакции художественной литературы — 3,5 млн. печ. л.-отт.

Нарушение достоверности статистических данных приводит в конечном счете к неправильному планированию фондов бумаги, которые рассчитываются исходя из отчетных данных и наших потребностей, и страдает от этого отрасль в целом, а также потребитель.

Для сближения показателей, характеризующих «выпуск» и «сдачу» издательской продукции, на наш взгляд, следует осуществить ряд организационных мероприятий, направленных на повышение ответственности издательств по соблюдению государственной дисциплины поставки тиражей изданий в книготорговую сеть, значительно повысить ответственность полиграфических предприятий за изготовление тиражей изданий в соответствии с установленным порядком.

Это — одно из важных условий обеспечения единых принципов учета книг и брошюр в статистике печати и планово-финансовой отчетности издательств.

«Методика статистического учета произведений печати СССР» предусматривает такое толкование единицы учета, которое полностью совпадает с понятиями и определениями, принятыми в отрасли для всех видов планово-финансовой отчетности и для народнохозяйственного планирования в области печати.

Так, например, за единицу учета принимается каждое отдельное произведение печати: каждое издание какой-нибудь книги, брошюры, каждый том собрания сочинений, каждый номер журнала, газеты, каждая открытка, листовка, репродукция и т. д.

За одну единицу также считаются комплектные издания, состоящие из отдельных связанных единой темой плакатов, репродукций, чертежей, открыток, имеющие общую обложку или упаковку с указанием на ней общего наименования и цены всего комплекта и не имеющие цены на каждом листе (открытке); издания, часть тиража которого выпущена в переплете, а часть в обложке или в переплетах различных стандартов; издания, тираж которого отпечатан в разных типографиях или в одной типографии, но несколькими заводами (допечатка в отчетном году тиража какого-либо издания по заявке книготорговой организации или заказчика — за единицу учета не считается); воспроизведение тиража издания, выпущенного в прошлом отчетном году (если это по выходным сведениям не очередной завод); периодическое издание, выпущенное двоянным номером.

Книга, выпущенная частично в обычном полиграфическом оформлении и частично в художественно-иллюстрированном (подборочном) оформлении, считается как два отдельных издания.

Издания, выпущенные отдельно в переводе на нескольких языках, считаются за столько единиц учета, на скольких языках они выпущены.

В статистический учет включаются произведения печати, изданные в СССР на любом языке, предназначенные как для продажи, так и для бесплатного распространения, выпущенные как издательствами, так и издающими организациями, органами научно-технической информации и другими учреждениями.

Статистика печати предусматривает учет в количественных показателях всех изданий, выпускаемых в стране, и дифференцированный (качественный) учет отдельных видов изданий.

Принципы отбора и перечень произведений печати, подлежащих дифференцированному статистическому учету, определяется «Инструкцией по отбору произведений печати СССР для дифференцированного статучета» (утверждена Госкомиздатом СССР 21 марта 1975 г.).

Основными критериями отбора изданий для дифференцированного статистического учета изданий являются:

1. Объем (на основе этого признака издания делятся на мелкопечатные — до 4-х стр. и прочие — свыше 4-х стр.).

2. Тираж (на основе этого продукция делится на малотиражную — до 100 экз. включительно — и прочую).

3. Способ печати — выделяются издания, отпечатанные типографским способом, средствами оперативной полиграфии и средствами малой машинописи, фотокопий.

4. Формат издания и его оформление — согласно этому признаку выделяются издания типа карточек (в несверстанном виде), издания без титульного листа и обложки, несброшюрованные и прочие издания книжной формы и издания книжной формы.

5. Срок действия — главным образом, для неперIODических изданий, которые делятся на краткосрочные (менее года) и прочие.

6. Масштаб распространения издания и масштаб издающей организации — группы «А» и «Б», кроме того, группа «В», которая в ближайшее время будет пересмотрена и частично или полностью перейдет в мелкопечатную продукцию.

7. Тип издания и его целевое назначение — по этому признаку издания также делятся на группы «А» и «Б».

Содержание дифференцированного статистического учета определяется видовыми и типологическими особенностями изданий.

«Методика статистического учета произведений печати СССР» выдвинула принципы дифференцированного статистического учета произведений печати СССР по их основным видам.

Непериодические издания, в том числе: книги и брошюры, авторефераты диссертаций, отрывные ежедневные календари, изоиздания, нотные издания, картографические издания.

Периодические и продолжающиеся издания, в том числе: журналы, «Роман-газета», блокноты агитатора, сборники, бюллетени, газеты.

Особую группу изданий составляет *листовая продукция* (куда включаются все буклеты и прочие издания объемом до 4 страниц), издания *книжного типа* (лишь по внешним признакам напоминающие книгу или брошюру, но по своей сущности и общественной значимости не являющимися таковыми) и другая продукция, не распределенная по основным видам.

Такое деление в полной мере соответствует ГОСТу 16447—78 «Издания. Термины и определения основных видов», хотя имеет некоторые специфические особенности, принятые специально для государственного статистического учета. Сопоставительный анализ статистических материалов и отчетов издательств по данному вопросу показывает, что несмотря на наличие специального ГОСТа, устанавливающего единство терминологии, известные разночтения все же имеются. Так, издательство «Высшая школа» в книги и брошюры включает буклеты, листовки, карточки к темплану и периодические издания типа бюллетеней, издательство «Молодая гвардия» включает в книги и брошюры периодические издания и изоиздания, например, журнал «Молодежная эстрада», литературно-художественный альманах «Поэзия», журнал «Мастерок», некоторые изоиздания; учитывают изоиздания в книгах такие издательства, как Алтайское, Волго-Вятское, Приокское, Восточно-Сибирское.

Западно-Сибирское, Краснодарское, Красноярское издательства учитывают в книгах литературно-художественные альманахи, являющиеся периодическими изданиями.

Такая практика ведет к нарушению единых принципов учета, к неверному отражению выпуска печатной продукции в стране. И выполнение ГОСТа 16447—78 «Издания. Термины и определения основных видов», положенного в основу методики статистики печати, обязательно для всех издательств страны.

Статистический учет печатной продукции (кроме газет) осуществляется в следующих основных количественных показателях: число назва-

ний изданий, тираж в экземплярах, объем в печатных листах, объем в печатных листах-оттисках.

По «Инструкции» статистический учет изонданий, картографических и нотных изданий, отрывных ежедневных календарей, газет, периодических и продолжающихся изданий остался без изменений.

Статистический учет книжной продукции существенно изменился и дополнился. Он осуществляется:

- 1) по содержанию — на основе «Временной классификации литературы для сводного тематического планирования»;
- 2) по целевому назначению, в соответствии с действующей «Методикой»;
- 3) по языку — русский, другие языки народов СССР, языки народов зарубежных стран;
- 4) по номиналу — платная и бесплатная;
- 5) по оригинальной и переводной;
- 6) по первоизданиям и переизданиям;
- 7) по «собственным» и «заказным» изданиям (на основе формы издательской отчетности 1—И);
- 8) по изданиям подписным, серийным и библиотечкам;
- 9) по признаку художественного оформления и полиграфического исполнения (юбилейные, подарочные, сувенирные, в обложке или в переплете);
- 10) по территориальному признаку — место издания.

Все эти данные берутся из выходных сведений и титульного листа. **Выходные** же сведения должны быть составлены в строгом соответствии с ГОСТом 7.4.—69 «Выходные сведения в издательской продукции». Особый смысл это приобретает в связи с точным указанием даты выпуска издания в свет. В «Методике» указано, что за отчетный период принимается календарный год с 1 января по 31 декабря. А сбор данных о произведениях печати, вышедших в отчетном году, осуществляется с 1 января по 31 января следующего за отчетным года. Этот дополнительный месяц дается для того, чтобы дополучить контрольные экземпляры изданий, и следует добиваться, чтобы все издания, выпущенные в отчетном году, поступили в Книжную палату до 31 января. В противном случае продукция издательства, поступившая в Книжную палату позднее 31 января, когда отчетный год уже закрыт, и массив статистических карточек передан на Вычислительный центр, не попадает в учет, что приведет к искажению статистических данных.

Практика свидетельствует о серьезных нарушениях в доставке контрольного экземпляра. Особенно плохо обстоит дело с получением Всесоюзной книжной палатой контрольного экземпляра изданий, отпечатанных на зарубежной базе (продукция издательств «Русский язык», «Мир», «Прогресс», Издательства АПН и др.).

Несомненно, было бы целесообразным возложить ответственность за полную и своевременную доставку контрольных экземпляров не только на полиграфические предприятия, но и на издательства.

Говоря о текущих организационно-методических моментах статистического учета нельзя не остановиться на работе книжных палат союзных республик.

Необходимо отметить хорошую работу книжных палат Украины, Белоруссии, Латвии. Значительно улучшила работу Азербайджанская книжная палата.

Неплохо работают книжные палаты Грузинской и Армянской ССР, хотя они и не всегда выдерживают сроки представления статистических материалов.

К сожалению, работа остальных республиканских книжных палат оставляет желать много лучшего. Особенно тревожное положение сложилось в Туркмении и Таджикистане. Книжные палаты этих республик из года в год срывают сроки представления статистических материалов во Всесоюзную книжную палату. И самый важный упрек — эти материалы очень низкого качества.

Чтобы повысить оперативность статистического учета в масштабе страны нужно значительно улучшить работу республиканских книжных палат.

Полугодовые и годовые отчеты книжных палат в обязательном порядке должны согласовываться с республиканскими госкомиздатами.

Книжным палатам в республиках необходимо повысить качество шифровки статистических карточек.

Желательно, чтобы республиканские книжные палаты закрывали статистический учет не 31 января следующего за отчетным года, а 10 января.

Конечно «Методика статистического учета произведений печати СССР» — не догма, а руководство к действию. Организационно-методическая перестройка государственной статистики печати в основном завершена и многое с момента утверждения «Методики» изменилось в статистике печати и в планово-финансовой деятельности нашей отрасли.

Безусловно, это должно найти отражение прежде всего в документах, призванных регламентировать статистический учет произведений печати. Вот почему в настоящее время Всесоюзная книжная палата приступает к уточнению и переработке некоторых методологических и организационно-методических принципов статистики печати. Надеемся, что новая методика, завершение которой предполагается в 1980 г., послужит целям улучшения качества и повышения эффективности государственного статистического учета издательской продукции СССР.

Хотелось бы остановиться на ряде моментов, которые Всесоюзной книжной палате предстоит решить совместно с книжными палатами братских республик. Одной из нерешенных до сих пор методических задач статистики печати является способ исчисления сводного показателя для динамической оценки развития книгоиздания в стране. Это объясняется тем, что мы до сих пор не смогли преодолеть старого наследия, оставленного нам со времен, когда статистика печати строилась на основе библиографической регистрации и не отражала фактического состояния выпуска печатной продукции в стране.

Другой важной организационно-методической задачей является дальнейшее совершенствование организации анализа статистических данных, получаемых в результате статистического учета издаваемой в стране печатной продукции. Оно должно быть направлено на то, чтобы итоги статистического анализа все более полно использовались в управлении выпуском печатной продукции в стране, чтобы результаты анализа были постоянным инструментом воздействия на издательский процесс в целом и на работу каждого издательства в отдельности.

Статистический анализ может выполнить эту роль только при условии резкого повышения его научного уровня, чтобы предложения и рекомендации, разрабатываемые статистической службой печати, вскрывали объективные закономерности развития издательского дела в условиях развитого социализма.

В этих же целях необходимо постоянно совершенствовать систему показателей, применяемых в статистике печати, уделять больше внимания группировкам материала, особенно в связи с переходом статистики

печати на применение «Единой схемы классификации литературы для книгоиздания в СССР».

Для того, чтобы вскрыть внутренние, сущностные закономерности и тенденции, определяющие развитие издательского дела, а не просто описывать явления, происходящие в нем на основе механического перечня цифр, необходимо глубоко продумать программы статистических исследований на базе новой классификации, которые бы позволили обобщить результаты непосредственного наблюдения, свести разнообразные фактические данные к одному или нескольким общим выражениям, а также дали бы возможность оценить процесс развития издательского дела в целом, в соответствии с объективными материальными и духовными потребностями нашего общества.

Безусловно, как и прежде надо широко использовать для характеристики развития издательского дела такое испытанное средство, как подведение суммарных итоговых данных, но при этом следует смелее применять и методы средних показателей и относительных величин, особенно при определении объемов и тиражей издаваемой в стране печатной продукции.

Видимо было бы правильным иметь эти данные в динамике как по всей издательской системе, так и по каждому издательству в отдельности.

Очень важно, с методической точки зрения, составление программ и проведение выборочных обследований, которые при условии соблюдения репрезентативности выборки могли бы дать богатейший материал для текущего оперативного анализа, а также более смелое применение системы групповых и комбинационных таблиц в целях раскрытия внутреннего механизма формирования издательской политики как на уровне всей нашей отрасли, так и на уровне отдельного издательства. Надо поддерживать стремление наших статистиков к применению групповых и комбинационных таблиц, и тон этому должны задать сотрудники Всесоюзной книжной палаты как методологического и методического центра статистики печати.

Необходимо объявить беспощадную борьбу с шаблоном и рутинной статистикой печати. Надо смелее внедрять новые методы статистического анализа и статистических исследований, чтобы статистика печати всегда отражала достоверную картину развития издательского дела в стране на каждом этапе ее развития, помогала бы вскрывать нерешенные проблемы и указывала пути к их решению.

Только при таком подходе к решению методических и организационных принципов статистика печати выполнит роль важнейшего инструмента, при помощи которого можно более глубоко познать механизм закономерностей, определяющих развитие издательского дела в стране, в противном случае это будут статистические упражнения или, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, «игра в цифирьки».

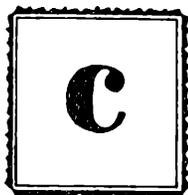
Этого требуют от нас решения XXV съезда КПСС, над претворением в жизнь которых вдохновенно трудится советский народ.

АЛГЕБРА И ГАРМОНИЯ,

ИЛИ

ЗАМЕТКИ О ЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РЕДАКТИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений перспективность того направления в теории и практике редактирования, которое связано с вопросами логического нормирования текста¹. Начатое А. В. Западным², оно закрепилось в виде специального раздела вузовского учебного курса и получило дальнейшее развитие в исследованиях и пособиях³.

Одна из самых сложных и теоретически интересных проблем, возникающих в русле указанного направления, может быть сформулирована так: действительны ли нормативные логические критерии для работы над всеми текстами? Иными словами, универсальны ли эти критерии? Никто не будет оспаривать их продуктивность для редактирования тех текстов, в которых логическая строгость выдвигается едва ли не на первый план, а возможные смысловые просчеты нередко ведут к существенным информационным потерям. В то же время очевидно, что кочерку или фельетону нельзя подходить с теми же логическими мерками, какие прилагаются к доказательству теоремы даже в школьном учебнике геометрии. Учитывая это обстоятельство, допустимо, видимо, мысленно ранжировать редактируемый материал по степени значимости принципов логики для его оптимальной организации, а следовательно, и по роли логического нормирования в процессе его обработки. И если одна из крайних точек такой иерархии будет, безусловно, принадлежать научному тексту, то столь же очевидно, что на другом ее полюсе окажется текст художественный.

¹ Под логическим нормированием текста мы понимаем совокупность операций, направленных на достижение его оптимальной логической организации. Первой из таких операций является оценка текста, выявление его соответствия определенным нормативным установкам. И если эта оценка принципиально положительна, то все другие операции могут оказаться ненужными. Таким образом, термин «логическое нормирование» не должен связываться с обязательной правкой текста. Последняя будет оправданной лишь в случае мотивированной негативной оценки соответствующих фрагментов произведения.

² Западов А. В. Логические основы редактирования текста. — В кн.: О редактировании книги. М., 1959, с. 76—98.

³ Сикорский Н. М. Теория и практика редактирования. М., 1971, с. 30—31, 236, 240—246; Мильчин А. Э. Методика и техника редактирования текста. М., 1972, с. 188—223; Свинцов В. И. Логические основы редактирования текста. М., 1972.

Разумеется, невозможно снабдить каждую из ступеней этой иерархии сколько-нибудь точными характеристиками логической организации текста. Однако, оперируя самыми общими представлениями и снижая уровень логической строгости от максимума к минимуму, не получим ли мы в конце концов своего рода величину, близкую или даже равную нулю? Иначе говоря, насколько продуктивны и применимы ли вообще логические критерии к художественному тексту?

В настоящих заметках предпринимается попытка показать принципиальную возможность, практическую эффективность (понимая под этим в конечном счете достижение нужного коммуникативного эффекта издания) и специфику логического нормирования художественного текста. При этом термин «логика» и производные от него толкуются в обычном смысле, то есть соотносятся с традиционными представлениями о таких свойствах мышления, как точность, непротиворечивость, последовательность, доказательность.

1. БЫЛ ЛИ БЫ НАПИСАН «АНЧАР»,

или

Истина и художественная правда в их проекции на логические свойства текста

Одно из существенных (и лишь, на первый взгляд, сугубо теоретических) препятствий, возникающих при логическом подходе к художественному тексту, состоит в следующем.

Законы традиционной логики определенным образом соотносятся с понятиями «истина» и «ложь» в их *прямом* гносеологическом значении. Устранение этих понятий из числа характеристик текста одновременно исключает его из сферы действия некоторых существенных принципов логики. Скажем, принцип непротиворечивости мышления (к которому мы в дальнейшем будем часто прибегать) воспрещает рассматривать два несовместимых суждения как одновременно истинные. Конструкции, не удовлетворяющие этому требованию, получают отрицательную оценку с логико-нормативной точки зрения, то есть квалифицируются как логические ошибки. Ставя текст вне оценок со стороны его истинности, мы тем самым теряем критерии различия правильного и неправильного, логичного и нелогичного.

Таким образом, необходимым условием логического анализа художественного текста является *всего лишь* принципиальная приложимость к нему гносеологической категории истины. Но не становится ли эта фундаментальная теоретическая предпосылка тем непреодолимым барьером, который заставляет отказаться от нормативных логических оценок произведений искусства, ограничивая аксиологические их характеристики системой не менее значимых, но все же принципиально иных ценностей — нравственных, эмоциональных, эстетических? Ведь ни одно из огромного множества высказываний, субъектами которых являются Дон Кихот, Пьер Безухов, Григорий Мелехов и т. д., заведомо не может быть названо истинным. В отличие от науки искусство ориентировано не на истину, а на художественную правду, оно не существует без намеренного вымысла, воплощенного в литературной функции.

Хотя эта проблема по своему существу литературоведческая, интересно, что строгую формулировку она впервые получила, по-видимому, в логике. Готлоб Фреге в известной работе «О смысле и значении»⁴

⁴ Frege G. Über Sinn und Bedeutung. — Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik, 1892, Bd. 100, S. 25 — 50.

доказал, что предложения с собственным именем в позиции подлежащего (например, «Кеплер умер в нищете») обретают логический статус суждений только в том случае, если это имя относится к реальному объекту. Конструкции же, не обладающие этим свойством, не являются ни истинными, ни ложными, ничего не обозначают и потому несопоставимы с научными. Они могут действовать на воображение, быть благозвучными, выразительными и т. п., но не могут трактоваться как суждения в собственном смысле слова.

Рассматривая современные эстетические концепции применительно к данной проблеме, следует, разумеется, отмежеваться от тех из них, в которых искусство не связывается с отражением объективной реальности⁵. В этом случае понятие художественной правды (если оно вообще используется) наполняется настолько специфическим содержанием, что его сопоставление с категорией истины в рамках здравого смысла становится практически невозможным. Соответственно и логические характеристики художественного текста либо прямо отвергаются, либо заменяются явно неадекватными эквивалентами: доказательность приравнивается к убедительности или эмоциональному эффекту, непротиворечивость трактуется как литературно-стилистическая последовательность и т. д.

Надо сказать, что и включение искусства в большую и разнообразную сферу форм отражения объективной действительности лишь создаст предпосылки для рациональной постановки вопроса, но не предопределяет положительного его решения, поскольку соотношение истины и художественной правды в рамках общепринятых характеристик последней остается достаточно неопределенным. Исследование сложного механизма взаимодействия этих начал в художественном произведении должно прежде всего опираться на семантико-синтаксические особенности его структуры. Отправным пунктом решения этой задачи, по-видимому, может стать идея *двуполюсной отнесенности* художественного текста, его одновременная связь с фиктивной и реальной моделями. Внешне это достаточно хорошо выражается в известной семантической близости между некоторыми произведениями художественного и научного творчества. Возможны различные степени (или уровни) такой близости.

Прежде всего не столько редки ситуации, когда художественные произведения непосредственно ориентированы на реальную модель, поскольку объектом их отражения являются подлинные события и лица. Польский исследователь Е. Пельц подчеркивает тот примечательный факт, что по набору элементарных языковых (и смысловых) единиц научный и художественный тексты могут в принципе не отличаться друг от друга. Если, например, сопоставить три текста — научные монографии о Наполеоне и Копернике и роман, посвященный жизни Наполеона, — то большая близость обнаружится не между первыми двумя, а между первым и третьим, хотя последний не исключает литературной фикции⁶. Эта семантическая близость объясняется единой предметной областью отражения, сюжетной основой (хотя говорить о сюжете научной монографии можно лишь в переносном смысле).

Но ограничивается ли в таких случаях сходство простым словесным (понятийно-терминологическим) совпадением? При более внимательном подходе выясняется, что оно охватывает и фундаментальные механиз-

⁵ Критический анализ таких теорий дается в работе: Леонтьева Э. В. Искусство и реальность. Критика некоторых буржуазных концепций худож. правды. Л., 1972.

⁶ Pelc J. O użyciu wyrażen. Kraków, 1971, s. 121—122.

мы отражения действительности. Во многих художественных произведениях определенного вида и жанра сплошь и рядом встречаются обширные текстовые конструкции, которые по своему *гносеологическому статусу* практически ничем не отличаются от научных: они претендуют на выражение истины и, действительно, выражают ее. Вот несколько примеров из всемирно известных романов: «6 августа начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лукомский, через первого генерал-квартирмейстера ставки, генерала Романовского, получил распоряжение о сосредоточении в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки 3-го конного корпуса с Туземной дивизией» (М. А. Шолохов); «29-го мая Наполеон выехал из Дрездена, где он пробыл три недели, окруженный двором, составленным из принцев, герцогов и даже одного императора» (Л. Н. Толстой); «Родом Нестор Махно был из Екатеринославщины, из села Гуляй-Поле» (А. Н. Толстой). Первая из приведенных фраз сугубо документальна не только по содержанию, но и по форме, она вполне могла бы принадлежать историческому исследованию. Вторая (с ее скрытой иронией) и третья (нарочито просторечная) не типичны для современного научного стиля изложения. Однако все три конструкции по замыслу и объективно отражают реальные факты и потому бесспорно обладают статусом суждений. В таких ситуациях художественная правда, по существу, *сливается с истиной* в прямом гносеологическом смысле термина.

Разумеется, сложнее обстоит дело при переходе к гораздо более распространенной в художественной литературе и в целом типичной для нее области «чистого» вымысла, где представлены никогда не существовавшие герои и/или события. Акцент здесь переносится с реальной модели на фиктивную, и непосредственное отображение действительности уступает ведущую роль специфическим механизмам художественного творчества — таким, например, как (в реалистическом искусстве) персонифицированная или событийная типизация. Собственно говоря, действие этих механизмов и определяет в конечном счете ценность художественного произведения. Однако в интересующем нас плане важно подчеркнуть, что и здесь связь художественного текста с реальной моделью никогда не сводится к нулю. Любые вымышленные герои и события оказываются так или иначе «погруженными» в область реальных процессов, вещей, отношений, и потому в соответствующих текстовых конструкциях «...как бы переброшен мостик между миром фикции и миром реальным»⁷. На поверхности текста это опять-таки проявляется в обилии «обычных» предикатов, которыми наделяются персонажи (возраст, черты характера, речь), процессы (их пространственно-временная определенность), реалии (их принадлежность эпохе, назначение и т. д.) и которые принципиально не отличаются от смысловых единиц любого, в том числе и научного, текста. Даже если автор «придумывает» такие объекты, свойства и отношения, переноса действие в неведомые миры (случай, кажется, не учтенный в цитированной работе Е. Пельца), он вынужден как-то «привязывать» их к реальной модели, разъясняя с помощью общепринятых лексических (и смысловых) средств. Таковы, например, несуществующие планеты, их обитатели, машины и т. п. в современной фантастике⁸.

⁷ Pele J. Op. cit., s. 136.

⁸ Терминов, обозначающих вымышленные объекты, может быть так много, что их разъяснение требует специальных процедур. Роман американского фантаста Ф. Герберта «Дюна» (Herbert F. Dune. New York, 1965), действие которого происходит на несуществующей планете Арракис, снабжен приложением, включающим карту, экологическое описание, введение в религиозные отношения, а также словарь реалий (деталь-

Но дело не только в том, что художник слова, как и ученый, «вынужден» применять средства естественной речевой коммуникации. Однако сквозь все условности искусства пробивается мощная и в настоящее время, по-видимому, укрепляющаяся тенденция создавать «... иллюзию действительности — зримую и слышимую картину изображаемого»⁹. А потому если и не для всех, то для огромного множества художественных произведений (с учетом их видовых и жанровых особенностей) характерно стремление максимально приблизиться к истине в прямом гносеологическом значении этого термина. В предельных случаях эта тенденция выражается в непосредственном слиянии художественной правды с истиной, в других ситуациях она принимает форму *художественной имитации истины*.

Стремление к подлинному изображению событий, которое Ян Парандовский называет «голодом всамделешности»¹⁰, заставляет писателя изучать предмет с яростью и систематичностью ученого, становиться историком, медиком, агрономом, познавать все возможные профессии и ремесла. Многие художественные произведения могут соперничать с научными исследованиями в своей верности исторической истине¹¹.

О близости между истиной и художественной правдой достаточно красноречиво говорит интересная (и исключительно важная для практики редактирования) возможность фиксировать фактические ошибки в художественном тексте. Как бы ни толковать полисемичное слово «факт», любое его значение так или иначе соотносится с понятием истины. Такие ошибки нередко проникают в произведения даже «большой» литературы и, к сожалению, фиксируются уже после их публикации, вызывая огорчительную реакцию авторов и справедливые упреки в адрес редакторов. В следующем разделе мы вернемся к вопросу о фактических ошибках (для сопоставления их с логическими). Пока же к известным примерам такого рода¹² добавим следующий. После того как в «Анне Карениной» были обнаружены некоторые неточности, относящиеся к описанию свадебного обряда, Л. Н. Толстой писал Н. Н. Страхову: «То, что я сделал ошибки в венчанье, мне очень обидно, тем более, что я люблю эту главу»¹³. Интересен и такой факт. В 1899 г. надзиратель Бутырской тюрьмы по просьбе Толстого специально просматривал корректурные листы «Воскресенья» и обнаружил несколько неточностей фактического характера. С этим же эпизодом, видимо, связано изменение плана романа: по первоначальному замыслу знакомство Масловой с политическими заключенными должно было состояться в тюрьме, но тюремный режим исключал такую возможность, и оно было перенесено писателем на путь следования в Сибирь¹⁴. Стремление ху-

---

лей одежды, растений и т. д.). Это приложение составляет около десятой части общего объема текста.

⁹ Лихачев Д. Будущее литературы как предмет изучения. — Новый мир, 1969, № 9, с. 172. См. также замечание о росте «документального начала» в русской литературе: Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноискусства. Таллин, 1973, с. 17.

¹⁰ Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1972, с. 185.

¹¹ Как свидетельствует современный историк, белоказачье восстание в станице Вешенской (март — июнь 1918 г.) описано М. А. Шолоховым с большей точностью и даже концептуальной глубиной, нежели в исторических исследованиях, предшествовавших публикации «Тихого Дона». См.: Семанов С. Н. «Тихий Дон» — литература и история. М., 1977, с. 45—66.

¹² См.: Брейтбург С. М. Фактические ошибки в художественной литературе и роль редактора в их устранении. — Книга. Исслед. и материалы, 1967, сб. 14, с. 27—50.

¹³ Толстой Л. Н. О литературе. М., 1955, с. 156.

¹⁴ Виноградов И. М. Из записок надзирателя Бутырской тюрьмы. — В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1955, т. 2, с. 106—109.

дожника избежать даже малейших фактических ошибок весьма показательно. Ведь такие погрешности фиксируются в том случае, если акцент переносится с фиктивной модели на реальную и в силу вступает антонимия категорий «истина» и «ложь» в их обычном гносеологическом толковании.

Известный современный поэт полагает, что одно из прекрасных произведений русской поэзии вряд ли увидело бы свет, будь его великий создатель осведомлен о действительных свойствах «древа смерти»:

...Так Пушкин порвал бы, услышав,
что не ядовиты анчары,
великое четверостишие
и начал сначала!

В пушкинские времена не было известно, что гликозид антиарин, содержащийся в соке анчара, не очень опасен, что «... представления о ядовитости анчара на расстоянии и при прикосновении к нему ошибочны», как свидетельствует современная энциклопедия. Впрочем, и смещение исторических планов не предопределяет однозначный ответ на вопрос: был ли бы написан «Анчар»? Все зависит от того, насколько серьезно отнесся поэт к фактической основе сюжета, стремился ли он к точному (в деталях) воспроизведению действительности или воспользовался романтической (но соответствовавшей тогдашним представлениям) легендой всего лишь как толчком для полета художественной фантазии. Конечно, в любом случае поэзия не проиграла от появления этого стихотворения с «ложной основой». Однако если довериться поэтическому чутью А. Вознесенского, а также припомнить, насколько строг был Пушкин в оценке некоторых фактических деталей стихотворного текста, то этот эпизод лишний раз подчеркнет зависимость художественной правды от истины в прямом значении термина.

Отношение художественной правды к истине в общем виде можно было бы выразить различными характеристиками, выдержанными в духе современной терминологии: художественная правда *погружена* в истину, она *накладывается* на истину, является *вторичной*, *производной* по отношению к истине, представляет собой *надстройку* над истиной и т. п. По-видимому, допустимо говорить о своеобразной *квазиистине* искусства и называть соответствующие конструкции *квазисуждениями*, приближая их тем самым к обычным логическим единицам текста. Но дело, разумеется, не в терминологии, а в том, что литературная фикция, «поднимаясь» над истиной, в то же время обусловлена ею.

Стремление искусства имитировать истину с интересующей нас точки зрения исключительно важно. И вот почему. Как уже говорилось в начале раздела, характеристика текста со стороны истинности есть необходимая предпосылка применения некоторых логико-нормативных оценок. Но между истиной и логикой существует и обратная связь: принципы логического мышления являются необходимым (хотя и недостаточным) условием достижения (и демонстрации) истины. И если, скажем, применение принципа непротиворечивости мышления возможно лишь в случае четкого разграничения истины и лжи, то отказ от данного принципа, в свою очередь, стирает эту границу и лишает названные категории их традиционного смысла. Непротиворечивость считается одной из самых существенных характеристик научных теорий, претендующих на выражение истины¹⁵.

Из сказанного следует, что не только непосредственное воспроизведение истины, но и имитация ее художником слова в принципе под-

¹⁵ См.: Рузавин Г. И. Научная теория. Логико-метод. анализ. М., 1978, с. 213.

вержены действию логики. Фантазия автора распространяется на выбираемую им систему сюжетных элементов, однако, «свободно» совершив этот выбор, писатель вступает не только в реальный мир с его объективными законами, но и в мир логики, которой не может пренебрегать. А потому и к художественным произведениям принципиально приложимы такие оценки, как непротиворечивость, последовательность, обоснованность, принадлежащие аппарату обычной логики.

Насколько же они значимы, практически оправданы и социально эффективны? И какова роль редактора в работе над этой стороной раскрыл книгу?

2. ПИСАТЕЛЬ ПОПИСЫВАЕТ — ЧИТАТЕЛЬ ПОЧИТЫВАЕТ,

или

Некоторые психологические особенности восприятия художественного текста

А. Н. Толстой говорил, что писатель заряжен «однополюй силой»¹⁶. Художественный текст «не работает», пока не замкнулась цепь, не пробежал по ней живительный ток к другому полюсу творчества — читателю. Начинается ли этот процесс именно в тот момент, когда читатель раскрыл книгу?

Здесь уместно вернуться к аналогии между наукой и искусством, распространив ее на некоторые особенности восприятия литературного произведения. Выше отмечалось принципиальное сходство между структурными элементами (понятийно-терминологическим аппаратом и более сложными конструкциями) некоторых видов научного и художественного текста. В этом смысле вполне сопоставимы, скажем, подлинный исторический документ (летопись, мемуары) и художественный эпос. И хотя первый в принципе ориентирован на непосредственное отображение реальности, знакомясь с текстом, исследователь (историк) вовсе не отождествляет его содержание с объективной истиной, не воспринимает информацию как априорно достоверную. Представление о достоверности информации, возникающее в сознании исследователя, детерминруется различными обстоятельствами, среди которых не последнюю роль играет надежность источника. Если документ достаточно велик (или если это не первое сообщение того же автора), то, продвигаясь по тексту (или переходя от одного документа к другому), исследователь рано или поздно создает представление о субъекте информации, о его способности или склонности достоверно воспроизводить события или, напротив, искажать их. Восприятие текста оказывается опосредованным психологическим чувством доверия (недоверия) к его создателю — фактором субъективным, но опирающимся на объективные рациональные мотивы.

Но разве нет сходных механизмов в восприятии художественного текста? Понятно, что в этом случае читатель заранее ориентирован на фиктивную модель. Однако это не гарантирует априорного некритического восприятия всех элементов сообщения. Процесс усвоения информации и здесь диалектичен, обусловлен взаимодействием авторского и читательского сознания. И здесь по мере углубления в текст складывается специфическое представление о достоверности предлагаемой информации, о надежности ее источника. Следовательно, и здесь возникает чувство доверия (или недоверия) к информатору, действующее на

¹⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 13, с. 275.

протяжении всего процесса чтения или при переходе от одного произведения данного автора к другому.

Конечно же, подчеркнем еще раз, восприятие художественного произведения в известном смысле неизмеримо сложнее усвоения научной информации. Оно невозможно без предварительной включенности читателя в сложную динамику искусства и, в частности, без соответствующей эстетической подготовки. Последняя дается не столько знакомством с искусствоведческими понятиями, сколько длительным воспитанием привычки к специфическим приемам искусства с его неизбежной условностью¹⁷. Искушенный читатель, а будем говорить лишь о нем, отличая намеренную деформацию действительности (скажем, идеализированное или гротескное ее изображение) от «подлинного» воспроизведения, разумеется, и в последнем видит не истину, а лишь иллюзию ее. Но с его читательских позиций это должна быть, так сказать, качественная иллюзия. Заранее зная, что имеет дело с вымыслом, он в принципе согласен эмоционально переживать художественное повествование как подлинное. Но только в принципе. Добровольно идя на «самообман», он как бы принимает определенные правила игры, но полагает эти правила обязательными для обеих сторон и потому способен остро реагировать на их нарушение писателем. К числу таких нарушений, наверное, надо отнести и ошибки разного рода.

Зависимость психологического чувства доверия к автору от доброкачественности предварительно воспринятой информации в области науки бесспорно. Предпринимаемые в последнее время попытки определить понятие достоверности информатора применительно к некоторым (преимущественно историческим) источникам, естественно, опираются на представление о его компетентности, добросовестности, возможностях получения и передачи нужных данных. Все эти факторы так или иначе влияют на частоту допускаемых автором текста ошибок. В одном из исследований по методологии науки¹⁸ достоверность информатора связывается с длительной «линией поведения», на протяжении которой учитывается количественное соотношение истинных и ложных суждений, входящих в его сообщения, а также случаи «замалчивания» каких-то фактов. Информатор признается достоверным, если, во-первых, количество ложных суждений (ошибок) не превышает некоторой минимальной величины и, во-вторых, ошибки и «замалчивания» оказываются случайными.

Специфика художественного текста, разумеется, не может не сказываться на «заблужденческом аспекте», и потому понятие ошибки здесь, наверное, ассоциируется прежде всего с просчетами собственно эстетического характера. Тем не менее, как мы уже видели, нельзя не считаться и с самыми простыми ошибками фактического свойства. Соотношение «высшего» и «элементарного» в искусстве настолько сложно, что второе не может быть совершенно сброшено со счетов — особенно в век, когда литература охватывает практически все области знания и практики, а ее потребителями являются люди всех профессий, хорошо знакомые с миром реалий, который автор делает своим строи-

---

¹⁷ Даже такой относительно простой феномен, как восприятие трехмерности (способность к пониманию объемности и перспективы) в произведениях изобразительного искусства предполагает соответствующую подготовку. Психологи до сих пор фиксируют двумерное восприятие картин или фотографий представителями так называемых неиндустриальных культур. См.: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977, с. 84—92.

¹⁸ Giedymin J. Authorship Hypotheses and Reliability of Informants. — *Studia Logica*, 1961, 12, s. 171—194.

тельным материалом. Не следует забывать, что посрамлению невежды в пушкинской притче («Суди, дружок, не свыше сапога!») предшествовал недвусмысленный эпизод:

Картину раз высматривал сапожник
и в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник...

Конечно, разный бывает читатель. Вот определенно выраженная позиция одного. В. Ф. Лазурский вспоминает, что неправдоподобный эпизод в художественном произведении (побег из острога через стену в ясную лунную ночь) вызвал следующее замечание Л. Н. Толстого: «Когда я открую такую штуку у писателя, я закрываю книгу и больше не хочу читать»¹⁹. В письме Ф. Ф. Тищенко, отмечая ряд неправдоподобных деталей его повести «Колонтаевцы», Толстой говорит: «Хороши только описания заседания у судьи и, в особенности, мирового съезда. Эта картина очень хороша, но пока до нее дойдет читатель, он потеряет уже все доверие к описываемому»²⁰.

Понятно, Толстой — читатель не совсем обычный. Но не характерно ли, что он обращает внимание на живой процесс чтения, в котором и мелкая ошибка может повлиять на динамику восприятия, породить скептическое отношение к изображаемым событиям, а то и заставить отложить книгу, как не заслуживающую доверия.

Обратимся к свидетельствам современного рядового читателя. Вот несколько свежих фактов из материалов, опубликованных «Литературной газетой» под красноречивыми заголовками: «Точность — вежливость писателя» и «Ложка дегтя в бочке меда». Сначала о «мелочах», подмеченных внимательным читательским глазом. Здесь и «негнущееся тело с выпирающей диафрагмой», что по замыслу автора должно было показать могучее здоровье героя (диафрагма может «выпирать» лишь во внутреннюю полость при заболевании); и «стоящие кингстоны» (клапаны в подводной части судна, которые «стоять» никак не могут); и «широкие рукава сутаны», надетой автором на православного священнослужителя (эта одежда католического духовенства имеет как раз узкие рукава). Целый набор «оружейных» ошибок («барабан браунинга», «затвор револьвера», «предохранитель пистолета ТТ»), из которых лишь последняя нуждается в разъяснении: в пистолетах этой системы нет предохранителей. И т. д., и т. п. Теперь несколько замечаний читателей в адрес редакционно-издательских работников. Ошибки объясняются «небрежностью автора и нетребовательностью редактора». «Говоря о недопустимости ошибок и искажений, необходимо подчеркнуть ответственность не только самих авторов, но и редакторов, «внутренних» рецензентов, консультантов — словом, всех тех, кто имеет отношение к выпуску книги». И, наконец, выводы, прямо соотносящиеся с рассмотренной выше проблемой психологии чтения и достоверности информатора: «Кому неизвестно, например, что летчики страшатся читать книги о летчиках, шахтеры — о шахтерах, журналисты — о журналистах... Страшатся искажений, которые мигом разрушат эстетическое впечатление». «Достаточно допустить мелкую оплошность, и дотошный читатель тут же поймает ее, подчеркнет в своей памяти и ко всему, что написано дальше, будет относиться с повышенной и, пожалуй, недоброй пристальностью»²¹.

¹⁹ Лазурский В. Ф. Дневник. — В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2, с. 35. (Курсив мой. — В. С.).

²⁰ Толстой Л. Н. О литературе. М., 1955, с. 301—302. (Курсив мой. — В. С.).

²¹ Лит. газ., 1977, 22 февр., 17 авг. (Курсив мой. — В. С.).

Итак, диалектика художественной правды и истины заставляет считаться с элементарными фактическими ошибками, то есть с тем, что может быть квалифицировано как ложь не в специфически художественном, а в прямом смысле слова. И здесь самое время сопоставить фактические ошибки с логическими. Дело в том, что с логико-методологической точки зрения истина и ложь модально градуируются. Есть просто ложные конструкции, но есть и *необходимо* ложные. Они именуются в логике всегда ложными (*тождественно* ложными, *логически* ложными) суждениями и никогда, ни при каких условиях не могут выражать истину. К ним принадлежит и ошибка, связанная с нарушением принципа непротиворечивости мышления. Покажем это хотя бы на примере следующих высказываний: «Максимов и командир корабля шли *молча*, о чем-то *переговариваясь* друг с другом», «Вдоль строя шел генерал. *Под фуражкой* блестела на висках проседь, но держался он молодцевато, да и форма — высокая *курчавая папаха*, облегающая шинель, лампасы — красила, молодила генерала»²². Это очень простые противоречия, и мы привели их только для того, чтобы показать особую гносеологическую «силу» подобных ошибок, их необходимую связь с ложью. Литературные персонажи могут говорить или молчать, но никакая художественная фантазия не заставит их делать это одновременно. Автор может снабдить героя фуражкой или папашой, однако совместить эти уборы на одной голове в пределах действующих обычаев, да и просто физически невозможно. Возникают ситуации, которых не просто не было, но *не могло* быть.

Как ни забавны такие примеры, наверное, не стоит над ними особенно потешаться. Диалектика истины и заблуждения, верных решений и ошибок сопровождает творчество во всех формах его проявления. Создание художественного, как и научного, текста — вполне земной процесс, обусловленный не только талантом автора, но и множеством постоянно действующих и привходящих обстоятельств. К ним относятся оперативные свойства мышления и памяти, способность концентрировать внимание на определенных участках текста, сложность изображаемого объекта, наконец, внешние условия — такие, например, как необходимость уложиться в установленный срок²³.

Логические ошибки в художественном произведении по вызывающим их механизмам во многом сходны с соответствующими погрешностями в научном тексте. Не столь редки, скажем, противоречия, которые могут быть названы дистантными. Они отличаются от приведенных только что простых достаточно большим текстовым интервалом, разделяющим несовместимые высказывания, что, безусловно, затрудняет фиксацию ошибки. Вот замечания Л. Соболева, редактировавшего русский перевод романа М. Ауэзова «Путь Абая», высказанные им в письме к автору и безоговорочно принятые последним: «Они (речь идет о героях романа — В. С.) выехали на тройке, а едут на паре, предположим, один конь подох. Но тогда Абай, отдав жатакам одного коня (с. 427), должен уехать домой на одном коне. Уезжает он все же на паре. Конь чудесным образом воскрес. Но, видимо, эти переживания бедного коня не прошли ему даром: подох он саврасым, воскрес рыжим (с. 484).

²² Эти и приводимые далее примеры по преимуществу заимствованы из литературных рецензий и читательских реплик, опубликованных в газетах.

²³ Вот один из многочисленных примеров на эту тему. Закончив и послав в редакцию «Русской мысли» повесть «Рассказ неизвестного человека», А. П. Чехов писал А. С. Суворину: «Спешил очень, вот что скверно. Наверно, в спешке проскочила какая-нибудь подлость, которую заметишь уж потом, когда не вырубешь топором» (Чехов А. П. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1957, т. 12, с. 20).

Будучи человеком не мистического нрава, я эту историю с временной смертью коня из романа выпустил, предоставив Абаю путешествовать на тройке без особых приключений. В казахском издании можешь, конечно, это оставить, но советую тебе сделать отступление, объясняющее это чудо»²⁴.

Сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы показать отрицательную роль логических просчетов в художественном тексте. Если фактической ошибки (даже в столь простой области, как детализация окружающей человека материальной среды) могут ставить под сомнение иллюзию истины, то их логические аналоги, вследствие своей необходимой связи с ложью, в принципе способны эту иллюзию полностью разрушать.

Пишущий эти строки сознает, что избранный им способ аргументации и в особенности привлекаемый для иллюстраций материал покажутся иному читателю весьма далекими от заветных глубин искусства, а потому готов ответить на возможные упреки в скольжении по поверхности, мелочной придирчивости, констатации очевидных «ляпов» — словом, в том, что иногда уничтожительно именуется ловлей блох.

Художественный текст многослоен. Различные исследователи выделяют в нем, помимо слоя языковой структуры (свойственного всем текстам), предметный слой (изображаемый в произведении мир реальных), сюжетно-фабульный слой, слой характеров (образов), и, наконец, слой закодированных идей²⁵. Размеры статьи не позволяют хотя бы удовлетворительно наметить подходы к решению проблем смысловой организации глубинных слоев (логики образов, логики идей) — проблем, безусловно, наиболее существенных для оценки художественного произведения в целом. К тому же «поверхность» текста (и в частности, именно предметный слой) представляет собой удобный материал для задач работы, ориентированной не столько на теорию художественного текста, сколько на потребности редактирования. Однако дело не только в этом.

Конечно, читатель раскрывает книгу не для того лишь, чтобы узнать, съест ли наконец волк беззащитного ягненка, как был одет Базаров и что он делал, отомстит ли и каким способом Гамлет убийце своего отца и «чем там у них закончится дело с Офелией». Сквозь эти внешние слои он пробирается к внутреннему смыслу (или множеству смыслов) произведения, руководствуясь формирующимся с детства герменевтическим (истолковательным) навыком²⁶. Но заложенные писателем в текст идеи не станут художественными, если не будут облечены плотью и кровью персонажей, событий, реалий. Возможны и даже достаточно типичны ситуации, когда не заслуживающие художественного воплощения (вредные, ложные, банальные и т. д.) идеи получают более или менее удачное эстетическое оформление, сопровождаются определенной образной аргументацией, тонкими наблюдениями, точной детализацией. Но, к сожалению, не столь редко встречается и обратное: неспособность художника создать на поверхности иллюзию истины, чему в немалой степени способствуют фактические и логические ошибки, убивает глубинный смысл произведения. Путь к глубине у читателя один — через поверхность, другого не дано.

²⁴ Широкий путь Абая. Страницы из переписки М. Ауэзова и Л. Соболева/Публикация Л. Ауэзовой. — Лит. газ., 1972, 19 апр.

²⁵ См.: Ж а б и ц к а я Л. Г. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы. — В кн.: Проблемы социологии и психологии чтения. М., 1975, с. 135—136.

²⁶ См.: Б р у д н ы й А. А. Понимание как компонент психологии чтения. — В кн.: Проблемы социологии и психологии чтения. М., 1975, с. 162—172.

Что касается логических ошибок, относящихся к предметному слою, то их может быть много или мало, они могут быть существенными или несущественными, связанными с главными идеями произведения или лежащими в стороне от них. В любом случае их устранение следует признать желательным.

Особая роль редактора в этом плане обусловлена его ключевой позицией в процессе производства печатного слова. Феномен «необратимости слова» и связанные с ним последствия давно известны. Интересно, что народная мудрость не только метко выражает это явление, но и афористически точно дифференцирует его применительно к устной и письменной речи: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь», «Что написано пером, того не вырубить топором». Но если последствия ошибок в письменном (печатном) тексте особенно опасны, то, с другой стороны, технология письменной речи, как более организованной, произвольной, создает и больше возможностей для их предупреждения. Эти возможности возрастают в производстве печатного текста, поскольку он контролируется не только автором, но и множеством специалистов издательского дела, первым из которых, безусловно, является редактор.

3. КТО ЧТО СКАЗАЛ,

или

Логика и система субъективных отношений в художественном тексте

Если редактор, знакомясь с рукописью научного исследования, натолкнется на обороты «играл существенное значение» или «имел большую роль» (что, к сожалению, иногда бывает), он исправит их как не соответствующие литературным нормам. Автор монографии или учебника не напишет «Мне блазнится (кажется)» или «Питание должно быть сытным (обильным)», поскольку диалектные выражения в таких ситуациях неуместны. Однако подобные «ошибки» сплошь и рядом встречаются в художественном тексте и даже расцениваются как его достоинства, если они необходимы для характеристики литературного героя или повествователя, от лица которого ведется речь. Но только ли к «словам» относится это, не нуждающееся в дальнейших пояснениях противопоставление художественного текста научному?

Художественный текст в принципе многосубъектен. Созданный фантазией писателя, пространственно-временной «континуум» населен, как правило, множеством персонажей, каждый из которых по-своему говорит и *думает*. Естественно, это должно как-то проявляться в свойственных им операциональных навыках мышления. Поведение литературного героя есть выражение его разнообразных потенций, включая и логические, а индивидуальные логики людей, во многом совпадая, никогда не бывают абсолютно идентичными. Поэтому прямые, «лобовые» оценки отдельных участков текста с логико-нормативной точки зрения здесь невозможны. Отступления от принципов логики в мышлении героя могут быть такими же естественными для него и художественно оправданными, как и речевые погрешности. И напротив, если его мышление в каких-то эпизодах начинает превышать заданный автором интеллектуальный потенциал, это может привести к существенному художественному просчету.

Многосубъектность художественного текста затрудняет логико-нормативные оценки, однако не делает их принципиально невозможными. Дело в том, что система междусубъектных отношений содержит не толь-

ко координационные, но и субординационные линии, а это позволяет ранжировать носителей речи и сознания, переходя от низшего ранга к высшему. За литературными героями стоит тот, кто говорит о них и по отношению к кому они становятся объектом описания. В обыденных представлениях эта роль отводится автору в буквальном смысле слова, то есть писателю, создавшему текст. Так оно в конечном счете и есть, но лишь в конечном счете. В действительности между писателем и его героями расположены посредствующие звенья, своего рода персонажи, подчас отчетливо не выраженные. В эпическом произведении это может быть некий «обезличенный» или слабо обозначенный субъект, называемый в литературоведении *повествователем*. Это может быть подчеркнуто выраженная характерными речевыми средствами личность, так называемый *рассказчик*. Наконец, за повествователем или рассказчиком стоит *образ автора*, в котором, как в фокусе, сходятся субординационные линии субъектных отношений. Образ автора — сложное явление художественной литературы (и соответствующая этому феномену литературоведческая категория). Он не совпадает с обыденными представлениями о писателе как физическом творце произведения, хотя, разумеется, может включать в себя элементы художественно преобразованной его биографии²⁷.

Автор непосредственно не «входит» в текст. Он опосредован прежде всего субъектными формами выражения авторского сознания²⁸. *Кто что сказал?* — этот вопрос, не возникающий при восприятии научного текста, приобретает существенное значение для анализа художественного произведения. В «Вишневом саде» знаменитое «Человека забыли», сказанное Фирсом, настолько явственно передает переход из одного ранга субъектной организации в другой, что И. А. Бунин критиковал этот эпизод за прямолинейность, рассчитанность на эффект «под занавес»²⁹.

Следовательно, и логический подход к художественному тексту должен быть прежде всего основан на выявлении авторской позиции применительно к любому персонажу или эпизоду. Джим Блейн, герой произведения Твена «Налегке», прославился рассказом о старом баране своего деда. После первых фраз, действительно посвященных барану, мысль Блейна начинает беспорядочно переходить с одного предмета на другой, и читатель узнает массу любопытных сведений о большом круге лиц и множестве событий, не имеющих никакого отношения к «бараньей теме». Взятый вне авторских рамок, текст является образцом неупорядоченного, алогичного мышления. Но ведь именно это и составляет прелесть эпизода. За образом героя угадывается автор — лукавый и добродушный, приглашающий нас посмеяться над своим забавным персонажем. Автор последовательно, логично выполняет свой замысел через непоследовательное мышление героя. «Минусовая» логико-нормативная оценка текста сменяется «плюсовой».

Рассмотрим еще один пример, особенно показательный, поскольку он позволяет достаточно четко обозначить переходы от одного субъектного ранга к другому. Дневник Поприщина из «Записок сумасшедшего» не представляет собой образец упорядоченного мышления, но, конечно же, никому и не придет в голову назвать повесть Гоголя алогичной. Интересно другое: как и где снимается алогизм текста, а логико-нормативный минус превращается в плюс. Уже заголовок повести ассоцииру-

²⁷ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971, с. 113.

²⁸ См.: Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978, с. 8.

²⁹ Бунин И. А. Собр. соч. В 5-ти т. М., 1956, т. 5, с. 273.

ется с представлением о субъекте высшего ранга, ибо ясно, что сам Поприщин не мог так назвать свой дневник. Функция названия очевидна: это взгляд на текст со стороны, это точка зрения, отстраненная от переживаний героя³⁰. Возникает представление о ком-то, кто мог найти дневник героя и бесстрастно квалифицировать особенности его мышления в заголовке. Уже на этом уровне алогизм снимается, но только снимается. Логический минус нейтрализован, но не более. В этом своем качестве дневник Поприщина представляет интерес разве что для медицины, но не для литературы: мало ли есть дневников сумасшедших. Однако за позицией бесстрастного повествователя угадывается образ автора, для которого записки Поприщина — нечто большее, чем эпизоды поведения и мышления психически неполноценного индивида. Автор лишь «притворяется» повествователем, предоставляя читателю самому судить, *только ли это дневник сумасшедшего*. Перед нами предстает опосредованная мировоззрением автора трагикомическая история безнадежно одинокого и униженного человека, ограниченного, задавленного нуждой и зараженного предрассудками своей среды, человека, в отчаянных попытках подняться до уровня чиновной элиты вообразившего себя испанским королем. Авторское сознание выражается в смешанном отношении к герою — отношении, где по словам Белинского «... смех растворен горечью, это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит и возбуждает сострадание»³¹. На этом уровне алогизм текста не просто снимается, но становится важнейшим звеном художественной аргументации. «Минусовая» оценка текста трансформируется в «плюсовую». Взятый вне субъектных отношений, текст дневника грешит непоследовательностью, противоречиями, абсурдными умозаключениями и т. п. Но этот же текст, рассмотренный сквозь призму авторского сознания, заслуживает самых высоких оценок не только с эстетической, но и с логической точки зрения.

Разумеется, это лишь теоретический анализ: художественный текст был бы очень плох, если бы нуждался в подобных комментариях. Приведенные в предыдущих разделах примеры логических и фактических ошибок легко квалифицируются именно как авторские погрешности, улавливаемые опытным читателем и влияющие на восприятие текста. Здесь же мы хотели только подчеркнуть, что структурная сложность художественного текста не мешает усматривать определенную связь между его логическим строем и авторским сознанием. Логические оценки через субъектные отношения переносятся на образ автора, а через него и на автора в буквальном смысле слова. Писатель предстает перед читателем не просто как художник, отображающий действительность средствами искусства, но и как мыслитель с определенным уровнем интеллектуальной культуры, включая логический ее компонент.

4. ДОЛЖНА ЛИ ПОЭЗИЯ БЫТЬ ГЛУПОВОЙ,

или

*О приложимости логических оценок
к художественным текстам разных жанров*

Представленный выше взгляд на вопросы логического нормирования художественного текста нуждается в существенных коррективах,

---

³⁰ Интересно замечание о метатекстовой функции большинства названий художественных произведений в работе: Майенова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики. — Новое в зарубеж. лингвистике, 1978, вып. 8, с. 440.

³¹ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1976, т. 1, с. 174.

связанных со следующим обстоятельством. Само понятие художественного текста есть научно оправданная, но неизбежно односторонняя абстракция, ибо всякий раз мы имеем дело не с *произведением вообще*, а с поэзией или прозой, романом или новеллой, трагедией или водевилем. На это родовое, видовое и жанровое многообразие накладывается сложная диахрония искусства с исторически сменяющимися друг друга или сосуществующими направлениями, методами, стилями. На пестрой карте художественной литературы отдельным пунктам соответствуют такие массивы, как, скажем, реалистическая повесть, романтическая поэма, лирическая комедия и т. д. Мы видим на этой карте исторический или сатирический роман, приключенческую прозу, различные жанры научной фантастики и другие регионы.

Хотя существующие градации (и в частности, традиционное деление на роды, виды и жанры) относительно, каждому из «подразделений» свойственны особые отражательные механизмы, без учета которых продуктивный логический анализ текста невозможен, ибо эти механизмы входят в «правила игры», усвоенные опытным читателем. С детства он привыкает к тому, что в баснях животные говорят друг с другом и с людьми, но введение подобных эпизодов в ткань современной (скажем, так называемой деревенской) прозы оказалось бы слишком рискованным приемом. Противоречивость предикатов «живой» и «мертвый», легко преодолимая в волшебном мире сказки, для другого жанра становится логическим камнем преткновения: воскресить умершего героя при помощи живой воды здесь нельзя. Как известно, первый роман И. Ильфа и Е. Петрова заканчивался гибелью главного героя. Воспоминания одного из авторов показывают механизм «свободного» выбора подобных сюжетных элементов: «Это верно, что мы поспорили о том, убивать Остапа или нет. Действительно, были приготовлены две бумажки. На одной из них мы изобразили череп и две косточки. И судьба великого комбинатора была решена при помощи маленькой лотереи. Впоследствии мы очень досадовали на это легкомыслие, которое можно было объяснить лишь молодостью и слишком большим запасом веселья»³². Этот эпизод описан и в предисловии к «Золотому теленку». Однако, по-видимому, именно реалистическая манера повествования не позволила авторам ограничиться только «затекстовым» воскрешением Бендера, необходимы были вещественные доказательства, позволяющие преодолеть возникшее было противоречие. И потому во втором романе герой снабжен такой существенной деталью, как шрам на горле, — свидетельством несостоявшегося убийства. А в главе «Александр-ибн-Иванович» он напоминает (читателю) о неудачном покушении Воробьянинова и даже благодарит спасших его хирургов.

Таким образом, проблема общезначимости нормативных принципов логики оказывается актуальной и «внутри» самого художественного текста. И здесь неизбежна определенная иерархия, основанная на роли логики в общей организации произведения, а следовательно, и на ответственности логических критериев для оценки его коммуникативного эффекта. Остерегаясь детализации, попробуем приблизительно обозначить хотя бы крайние точки этой иерархии.

Само собой напрашивается мысль, что на верхнем уровне должна располагаться вся реалистическая проза с ее тенденцией к максимальному точному воспроизведению действительности. Так оно, видимо, и есть, однако и здесь должны быть выделены произведения, в которых прав-

---

³² Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе. — В кн.: Ильф И. Записные книжки. М., 1957, с. 26.

да художественного вымысла сопряжена с научно документированной истиной. Это роднит историческую и биографическую прозу с работами научно-художественного характера, а также с некоторыми видами публицистики. Речь идет о произведениях, где фантазия подчинена описанию реальных событий, а целевые установки нередко побуждают автора использовать приемы, очень близкие научным, — например, аргументацию. Логические просчеты в таких ситуациях могут вызвать нежелательные последствия в виде серьезных информационных помех.

Идея универсальности логического подхода к художественному тексту, вероятно, наиболее уязвима в том пункте упомянутой выше иерархии, где расположено поэтическое творчество. «Надстроечный» язык, которым говорит поэзия, — самый сложный из всех языков словесного искусства. Не столько из-за ритмической организации стихотворной речи, сколько благодаря ее особой семантике³³. Однако механизмы создания поэтического произведения, как и вызываемого им эффекта, коренятся в обычных формах интеллектуально-речевой коммуникации. Поэзия в принципе «переводима» на обычный язык. Конечно, такой «перевод» разрушает стих как феномен искусства. Однако обнажение логических механизмов совершенно необходимо, когда «гармония поверяется алгеброй». Это не только облегчает теоретический анализ поэзии, но и делает ее объектом практических оценок, в том числе и тех, которые возможны на уровне редактирования.

Что касается общеизвестного набора собственно поэтических «приемов», начиная от ритмики и кончая разными видами тропа, то ведь и они подвержены смысловому анализу, способному выносить оправдательные или обвинительные вердикты. При этом нередко в фокусе внимания оказывается не эстетические достоинства или недостатки, а элементарный смысл, информативность и другие параметры, присущие тексту как таковому.

По названию этого раздела читатель, конечно, понял, что рано или поздно речь в нем пойдет о знаменитом отрывке из письма Пушкина П. А. Вяземскому: «Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глуповата»³⁴. Строго говоря, противопоставление умного глупому не идентично интересующей нас контроверзе «логичное — нелогичное», и можно было бы обойти молчанием эти сакраментальные строки как не имеющие прямого отношения к проблеме. Или отговориться словами С. Маршака:

«Поэзия глупа». В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом.
Он может быть и просто дураком.

Однако расхожее мнение нередко отождествляет антитезы уму и логике, приравнивая глупое («глуповатое», если быть точным) к нелогичному. Общеизвестная сложность оценок поэтического текста в сочетании с буквальным истолкованием фразы Пушкина способна вызывать нежелательные практические затруднения. Мы имеем в виду практику редактирования и прежде всего взаимоотношения редактора с тем автором, который склонен рассматривать слова поэта как девиз, ставящий поэзию вне законов передачи смысла, а следовательно вне критики с позиций разума и логики. А потому стоит посвятить «проблеме глупости» несколько слов.

³³ См.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 52.

³⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.; Л., 1949, т. 10, с. 207.

Единственную фразу, взятую к тому же из личного письма, нельзя рассматривать ни как общую концепцию поэзии, ни даже как практическую рекомендацию. Хотя бы потому, что она может оказаться случайной, связанной с конкретными обстоятельствами и рассчитанной на сиюминутный эффект, а потому опровергаемой другими фактами. Ведь назвал же Пушкин в письме брату поэзию «доброй, умной старушкой»³⁵. А «жалю змеи» в устах пророка? А «свободный ум», которым наделен поэт? А содружество муз и разума в программном (и, кстати), написанном в том же, 1826-м, году, что и письмо Вяземскому стихотворении «Вакхическая песнь»?

(В скобках стоит заметить, что «взаимоотношения» этих начал в жизни и искусстве вообще достаточно сложны и не совпадают с грубым, оголенным, «лобовым» их противопоставлением. Так называемая глупость — нередко лишь внешняя художественная оболочка, скрывающая за собой простосердечие и доверчивость, тогда как ум ассоциируется не только с умением, но и с умыслом. Можно вспомнить простодушных и справедливых, но ни в коем случае не буквально глупых дурачков из русских сказок).

Приемлемое толкование эта фраза получает лишь в конкретном историческом и эстетическом контексте. Еще в XVIII в. из Франции в русскую поэзию проник жанр *медитации* — облеченных в стихотворную форму философических размышлений на вечные темы жизни и смерти, любви и т. д., который не без успеха разрабатывал и Вяземский³⁶. В поэтических построениях такого рода холодные «идеи» нередко брали верх над собственно поэтическими особенностями произведения. По этому содержанию в пушкинском замечании «резон» относится, конечно, не к буквальному противопоставлению умного глупому, а скорее рассудочного, отчасти даже практичного³⁷ бесхитроственному, искреннему, идущему от сердца.

Здесь, кстати, будет напомнить, что письма Пушкина содержат множество замечаний по поводу фактических ошибок и смысловых просчетов. Это и неоднократно упоминаемый российский герб на вратах византийских, и денница (утренняя звезда) в полдень, и солнце в полночь, и плеоназмы, и семантически неточные метафоры, и даже противоречия.

Любопытные замечания по поводу нежелательной противоречивости стихотворного текста можно обнаружить в письмах Л. Н. Толстого А. А. Фету. Вот одно из них, сделанное в связи со следующими строками стихотворения «В дымке-невидимке»:

Истерзался песней
Соловей у розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.

Толстой пишет Фету: «... не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слезы. Это первая весна — апрель, а то — май, конец. Впрочем, это, может быть, придира»³⁸. Тот «мгновенный снимок» весны, который запечатлен в стихах

³⁵ Там же, с. 19. (Курсив мой — В. С.)

³⁶ См.: Гинзбург Л. Вступительная статья. — В кн.: Вяземский П. Стихотворения. М., 1936, с. 26.

³⁷ Этот оттенок слова «ум», видимо, утерян в современном языке и не фиксируется словарями. Между тем еще в конце прошлого века умом чаще называли именно практический разум, «прикладную, обиходную часть» познавательных способностей. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 4, с. 494.

³⁸ Толстой Л. Н. О литературе. М., 1955, с. 144—145.

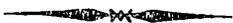
Фета, с точки зрения Толстого, видимо, синхронически противоречив: плач камня — это начало весны, время таяния снега, а песнь соловья у розы — канун лета. Это замечание было учтено поэтом: вместо «соловей у розы» стало «соловей без розы». Но дело, разумеется, не в том, а в *принципиальной допустимости* подобных оценок стихотворного текста.

Вопрос о противоречиях как нежелательных смысловых погрешностях применительно к анализу поэтических произведений достаточно сложен и заслуживает еще нескольких слов. В поэзии, как и вообще в художественном творчестве, часто встречаются парадоксальные (по форме, противоречивые) конструкции. Притягательная сила парадоксов состоит, по-видимому, в том, что, как уже говорилось, с логической точки зрения противоречие есть не просто ложь, но ложь необходимая. Возможность выразить какую-либо истинную мысль в форме противоречия и тем самым как бы бросить вызов логике всегда привлекала мыслителей и художников, ибо такие конструкции, безусловно, оригинальны и способны вызывать сильный коммуникативный эффект. Однако парадокс нельзя смешивать с противоречием в собственном смысле слова: в отличие от последнего, он, действительно, может содержать в себе истину, что обнаруживается либо подключением новых методов исследования (в науке), либо «переводом» на другой язык (для художественного творчества это означает выявление скрытого «прозаического» значения). В одной из своих работ, говоря об особой диалектике языка (кода) и речи (текста) в поэзии, Ю. М. Лотман обращает внимание на тот факт, что в поэзии слово может выступать как антоним по отношению к самому себе. В подтверждение приводятся строки М. Цветаевой: «Жизнь — это место, где жить нельзя»³⁹. Легко убедиться, что перед нами именно парадокс, поддающийся переводу, который и обнаруживает действительную непротиворечивость данной конструкции. Если это и антонимия, то контекстуальная⁴⁰, обусловленная смысловым богатством слова и, кстати сказать, отнюдь не являющаяся атрибутом исключительно поэтической речи. Такова, например, знаменитая фраза Чехова «В детстве у меня не было детства», трагическая парадоксальность которой основана на возможности использовать слово «детство» в двух значениях — буквальном (возрастной период) и переносном (счастливая, беззаботная пора жизни). Ее горькая семантика покоится на самой жизни: детство в первом смысле есть у всех, во втором оно многим не дано. Сходные мотивы часто встречаются в публицистике (заголовки газетных статей: «Знакомые незнакомцы», «Древняя новизна» и т. п.), а иногда в научных публикациях и даже обыденной разговорной речи.

Размытость границ между всеми видами художественного текста и связанная с этим принципиальная невозможность их «рубрикации» по степени логической строгости позволили провести лишь пунктирную линию от документальной прозы до поэзии, которая к тому же упрощенно рассматривалась как единое целое. Но думается, что и в таком общем виде идея универсальности логического подхода к художественному тексту с учетом возможного усиления или ослабления контроля в зависимости от конкретных особенностей произведения представляет интерес для теории и практики редактирования.

³⁹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.

⁴⁰ См.: Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973, с. 74.

Д. А. ФУРМАНОВ — РЕДАКТОР ГОСИЗДАТА

Дмитрий Андреевич Фурманов известен в истории советской литературы не только как писатель, чей роман «Чапаев» завоевал всемирную известность и заложил основы эпической советской прозы, но и как неустанный борец за формирование литературы социалистического реализма. До конца жизни он активно участвовал в литературных полемиках 20-х годов, отстаивая партийные позиции в литературе. Немалая заслуга принадлежит ему и в становлении социалистического книгоиздательства. Тема «Фурманов и книга» нашла свое отражение во многих работах, посвященных писателю¹. Но, как правило, она раскрывается лишь с позиции истории литературы. Существуют и специальные исследования, посвященные теме «Фурманов — журналист»². Гораздо в меньшей степени исследована деятельность Д. А. Фурманова-редактора, в первую очередь связанная с его многолетней службой в Госиздате. Не получили должного освещения и основные книговедческие позиции, определявшие его требования к содержанию и форме книги, к вопросам формирования издательской политики, принципы взаимоотношений автора и редактора, автора и издательства, проблемы подготовки литературных кадров.

Не претендуя на всестороннее освещение этой темы, настоящая статья ставит своей задачей показать деятельность Д. А. Фурманова в Госиздате, его роль в становлении издания советской художественной литературы.

¹ См., напр.: Лелевич Г. Клинок и книга. Памяти Дмитрия Фурманова. М.; Л., 1927; Дм. Фурманов — писатель-большевик. (Статьи и материалы). Иваново, 1951; Озеров В. М., Д. А. Фурманов. Критико-биограф. очерк. М., 1953; Писатель-патриот. Сб. статей и материалов о творчестве Д. А. Фурманова. Иваново, 1956; Фурманов в воспоминаниях современников. М., 1959; Д. А. Фурманов. Летопись жизни и деятельности. Библиография. Материалы. Иваново, 1963 (Учен. зап./Иванов. пед. ин-т им. Д. А. Фурманова; Т. 32); Куприяновский П. В. Художник революции. О Дмитрии Фурманове. М., 1967; Исбах А. А. Фурманов. М., 1968; Куприяновский П. В. Искания. Борьба. Творчество. (Путь Д. А. Фурманова). Ярославль, 1968; Фурмановский сборник. Иваново, 1973, (кн. 1). (Учен. зап./Иванов. пед. ин-т им. Д. А. Фурманова; Т. 87).

² Бережной А. Ф. Фурманов-журналист. Л., 1955; Сатин Э. А. Оружием журналиста.— В кн.: Писатель-патриот. Иваново, 1956, с. 177—192.

Д. А. Фурманов

Достижения советской литературы в 20-е годы в значительной мере явились результатом организаторской деятельности редакций журналов и издательств. Очень большую роль сыграл в этом отношении Госиздат. Н. Л. Мещеряков вспоминал, что в беседе с представителями Союза журналистов летом 1919 г. В. И. Ленин говорил о том, что «литература — могучее орудие пропаганды и руководство ею в настоящий период должно находиться в руках государства. Не соглашаясь с предложением Союза журналистов поручить последнему руководство литературой, Владимир Ильич добавил: то руководство, о котором Вы говорите, необходимо, но оно должно находиться в руках государственного издательства. Это — одна из его задач»³.

В целом издательство успешно справлялось с указанной задачей. Деятельность Госиздата в данной области, помимо чисто издательской, шла по трем основным направлениям: рецензирование рукописей,

организация литературного процесса, работа с начинающими авторами.

Вопрос о связи авторского коллектива с издательством являлся для Госиздата основным с первых же дней⁴. В издательстве работа по выпуску любого вида литературы осуществлялась при участии специалистов в данной области. Так, в 1919—1920 гг., организуя первую редакционную коллегию Литературно-художественного отдела, В. В. Воронский приглашает В. Я. Брюсова, А. С. Серафимовича, И. М. Касаткина, Ал. Алтаева (М. В. Ямщикова), Ю. К. Балтрушайтиса, В. М. Фриче, П. И. Лебедева-Полянского. Принимали непосредственное участие в издании русской классики государственные и общественные деятели: А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, М. С. Ольминский. На протяжении всей деятельности издательства в нем работали крупные текстологи — Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, С. М. Бонди, А. П. Скафтымов и др. Столь же активно сотрудничали в Госиздате и советские писатели: Н. Венгров заведовал Отделом детской и юношеской литературы, А. А. Берзинь работала Редактором Отдела крестьянской литературы, И. В. Евдокимов — бессменный технический редактор Литературно-художественного отдела, постоянными рецензентами издательства были К. А. Федин, И. М. Касаткин, В. Я. Брюсов, А. С. Серафимович, Н. Н. Асеев, А. Я. Дорогойченко и другие. Писатели, журналисты, критики — люди, профессионально связанные с литературой, обладавшие определенной подготовкой и обширной эрудицией, — они, естественно, оказывали значительное влияние на издательскую политику Госиздата⁵.

³ Государственное издательство за пять лет. М., 1924, с. 7.

⁴ Архив М. Горького КГ-изд. 7—19—1.

⁵ Так, например, А. Я. Дорогойченко «открыл» Шолохова, «горячо рекомендуя к

Значительная роль в развитии издания советской литературы в целом и в Госиздате, в частности, в определении издательской политики, в формировании эдиционных принципов принадлежит Д. А. Фурманову.

Связи его с издательским делом прослеживаются еще в годы гражданской войны, когда в 11-й армии Д. А. Фурманов был членом редакции журнала «Красный воин».

Приехав в Москву после демобилизации, Д. А. Фурманов, по его словам, искал литературную работу: «...с Вячеславом Павлычем Полонским в Отделе военной литературы при РВС [республики] или с «... Александром Константиновичем Воронским, которому поручено теперь редактирование нового журнала — «Красная новь»⁶. 27 мая 1921 г. он был принят в Отдел военной литературы⁷, где В. П. Полонский назначил его «начальником части периодической литературы и не скрыл того, что, введя в курс работы всего отдела, думает передать его мне, а сам подумывает уйти в Госиздат» (4, 252).

В. П. Полонский сдержал слово, и с 21 октября 1921 г.⁸ Фурманов становится редактором Отдела военной литературы РВС Республики и заведующим редакцией журнала «Военная наука и революция». В это же время или чуть позже он становится внештатным рецензентом Истпарта⁹.

Молодой редактор, начинающий писатель, быстро вошел в сложную обстановку литературной борьбы, сразу определил свои позиции. Уже в декабре на Всероссийском совещании представителей армейской печати он делает доклад «Организационные вопросы литературно-издательского дела Красной Армии»¹⁰.

Предложения Фурманова конкретны, деловиты, практичны, — во-первых, четкое планирование: «представители с мест должны явиться с производственным планом, где на длительный период была бы предусмотрена планомерная работа, потребность финансовая и материальная», — во-вторых, важность материала: «включать лишь то, что имеет актуальный характер, что безусловно должно и может быть выполнено». Фурманов считал необходимым централизацию руководства всеми периодическими изданиями Красной Армии, оказание практической помощи на местах. Он предлагал ввести должность «инспектора-инструктора», опытного газетчика или журналиста, который мог бы не только контролировать, но и учить начинающих редакторов. Вопрос о подготовке кадров — основной в докладе. И здесь решение предлагается конкретное: организация обмена опытом (отчеты, сводки, доклады о проделанной работе — сумма наличного опыта — фундамент дальнейшей работы); обучение в процессе издательской работы: «перемещать работников литературно-издательского дела с одной работы на другую, дабы ознакомить их со всеми ее сторонами и со всеми деталями».

изданию его сборник «Лазоревая степь». Они «долго долго, до поздней ночи беседовали. Шолохов рассказал о замысле своего «Тихого Дона», и А. Я. Дорогойченко горячо поддержал его мысль уехать на постоянное место жительства в казачий край, чтобы глубже изучить жизнь своих новых героев» (Васильев Л. Алексей Дорогойченко. Саранск, 1961, с. 23).

⁶ Фурманов Д. А. Собр. соч. М., 1961, т. 4, с. 251—252. Далее ссылки на источник цитат приводятся в тексте по этому изданию. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

⁷ Летопись жизни и деятельности Д. А. Фурманова. — Учен. зап./Иванов. гос. пед. ин-т, 1963, т. 32, с. 181.

⁸ Там же, с. 186.

⁹ ИМЛИ, ф. 30, оп. 2, 11—62—1579.

¹⁰ Летопись жизни и деятельности Д. А. Фурманова, с. 187. Опубликован в журнале «Красноармейская печать» (1921, № 1—2, с. 5—6). Дальнейшие цитаты даны по этому изданию.

Одним из первых Фурманов высказал идею «совместной, единой работы» всех звеньев издательского процесса. Выпуск периодических изданий в Красной Армии должен осуществляться в координации с «Гизом, Роста, Центропечатью, Полиграфотделом».

Фурманов выступал за точную и строгую организацию издательского дела. И в данном случае поразительно, как молодой и, в сущности, начинающий редактор сумел проникнуть в самую суть организационных проблем издательского дела, о которых в полный голос специалисты начнут говорить позже. У Фурманова — несомненный талант издателя.

Постепенно приобретались профессиональные знания и навыки редакторской, организационно-издательской работы. Фурманову-редактору с первых же дней были свойственны объективность в сочетании с активной марксистско-ленинской партийностью, четкость и оперативность, умение видеть главное, неизменная доброжелательность и внимательное отношение к авторам.

Несмотря на организационную текучку, Дмитрий Андреевич ценил свою редакторскую службу. Она давала выход его заветному желанию работать в литературе и для литературы: «Работать даже и на организационной работе в литературной области — мне любо и мило. Рад я без ума, что прикоснусь теперь к литературному труду», — записывает он в дневнике сразу же после разговора с В. П. Полонским (4, 252).

Таким образом, к началу сотрудничества в Госиздате у Фурманова был уже немалый редакторский и рецензентский опыт.

Дмитрий Андреевич начал работать в Государственном издательстве в сентябре 1928 г. в только что организованном Политотделе, временно заменив его секретаря А. Волкова. О своем поступлении на службу в Госиздат он вспоминал: «Когда я пришел, Мещерякамба (Н. Л. Мещеряков. — *И. Ш.*) у себя в кабинете сидел с начальником Политотдела. Встретили дружно: а мы как раз про Вас говорили! Прекрасно, думаю, эта встреча предвещает добрый исход всему делу. — Мы Вас хотим в Политотдел, а? — Что же, очень хорошо... — Сначала этак недельку попытаться: вы нас, а мы вас... Там видно будет — там уж и постоянную, настоящую работу, хотите? — Отчего же нет, — говорю, — охотно берусь. На том и решили — сошлись» (4, 325). Приведенная дневниковая запись относится к 24 сентября 1923 г. Этот день можно считать началом постоянного сотрудничества Фурманова в Госиздате. Но Дмитрий Андреевич пришел сюда как человек, хорошо знакомый издательству: и как автор, и как рецензент.

Первый раз он обращался в Госиздат в октябре 1922 г. с рекомендацией П. Н. Лепешинского, предложившего Редакционной коллегии заключить с автором договор на книгу о Чапаеве (4, 286).

Первое (как и все последующие) издание романа выпущено не Истпартом (такое мнение прочно укоренилось в советском литературоведении), не имевшим своего издательства, а Госиздатом 18 марта 1923 г.¹¹ Кстати, и посоветовал Д. А. Фурманову обратиться с рукописью романа в Истпарт к П. Н. Лепешинскому не кто иной, как один из руководителей Госиздата Н. Л. Мещеряков. В журнале Госиздата «Пролетарская революция» в № 9 за 1922 г. был опубликован первый рассказ писателя «Красный десант». Фурманов сотрудничал и в критико-библиографическом журнале Госиздата, руководимом В. П. Полонским, «Печать и революция» в качестве внештатного рецензента.

¹¹ Летопись жизни и деятельности. Д. А. Фурманова, с. 194.

С сентября 1923 г. по декабрь 1924 г. — Д. А. Фурманов работает в Политотделе Госиздата¹².

В это же время Фурманов становится членом литературной группы «Октябрь», а в марте 1924 г. — секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП), а с января 1926 г. — членом редакционной коллегии журнала «Октябрь», издававшегося Госиздатом¹³.

Идеологической и политической направленности изданий в Госиздате придавалось первостепенное значение. Как издательский орган Советского государства и партии большевиков Госиздат был освобожден от обязательного контроля Главлита. Контролирующие функции выполняло само издательство. С этой целью и был создан 24 июня 1923 г. специальный Политический отдел, в обязанности которого входило: просмотр рукописей, предназначенных к изданию, и готовой продукции на складах Торгсектора. Наибольшее внимание обращалось на детскую и художественную литературу, массовые и учебные типы изданий. Отделом не контролировался выпуск сочинений классиков марксизма-ленинизма, текстологическую и редакционную подготовку которых осуществляли институты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Перед Политотделом стояла не только задача политической цензуры в узком смысле слова, но, и главное, — необходимость разработки определенных и устойчивых оценочных критериев, требований, предъявляемых к идеологическому направлению изданий.

В штате Политотдела состояли три человека: заведующий (бессменно эту должность занимал Л. И. Рuzер), секретарь и машинистка. Первоначально секретарем работал М. А. Волков. О нем Фурманов вспоминал: «Михаил Абрамович Волков, видимо, человек удивительной чистоты. В нем — непорочность, граничащая с наивностью; бросается в глаза бессеребряные, абсолютное отсутствие высокомерия и заносчивости, но, в то же время — как бы и недостаточная внимательность в отношениях с людьми... Это выходит необходимо — окупается чистотой, бескорыстием, искренностью» (4, 327).

Дмитрий Андреевич заменил ушедшего в отпуск М. А. Волкова, а затем стал постоянным секретарем отдела¹⁴. В его функции входили политическая (идеологическая) оценка рукописей и распределение их среди рецензентов. Обязанности политредактора были очень трудоемки и сложны. Достаточно сказать, что с сентября по декабрь 1923 г. через Отдел прошло 4119,8 печ. л. только рукописей¹⁵. Дмитрий Андреевич называл эту свою работу в Госиздате «головоломной»¹⁶.

Не обошлось в первые дни и без курьезов. Об одном из них Фурманов оставил дневниковую запись, вспоминая, какой «разнос» учинил ему А. Воронский по поводу отрицательной рецензии на сборник стихотворений Ф. И. Тютчева (41, 329—331). С работой Фурманов освоился быстро¹⁷, и довольно скоро почти безошибочно определял, кого из специа-

¹² Заявление Д. А. Фурманова о зачислении в штат Госиздата датировано 24 сентября 1923 г.; резолюция о зачислении — 23 октября 1923 г. — Там же, с. 198.

¹³ См.: Куприяновский П. В. Художник революции, с. 273.

¹⁴ Три сохранившихся в Архиве издательства Отчета Политотдела с сентября 1923 г. по декабрь 1923 г.; с сентября 1923 г. по февраль 1924 г.; с июня 1923 г. по август 1924 г. подписаны секретарем Д. А. Фурмановым. — См.: ЦГАОР, ф. 395, оп. 7, ед. 339; ИМЛИ, ф. 30, оп. 3, 11-62—1250, 11-62-1253.

¹⁵ ИМЛИ, там же.

¹⁶ Аналогична запись в дневнике 5 ноября 1923 г.: «...Только устаю в Госиздате. Иной раз 10,5 <часов> сидишь так до 8 вечера, и все ведь над книгой, все ломаешь голову, да ломаешь. — Там же, оп. 2, 11—62—1579.

¹⁷ В дневнике за 1923 г. между 24 сентября и 15 октября есть большая запись, озаглавленная — «ГИЗ». Фурманов здесь пишет: «Первые дни чувствовал себя неуверенно. Как водится. На новой работе первые дни вообще больше удручают, нежели

листов следует привлечь к оценке данной рукописи¹⁸. Последнее имеет едва ли не первостепенное значение для дальнейшей судьбы произведения.

Фурманову приходилось «очищать потоки рукописей от политически вредного, неприемлемого для советского рабоче-крестьянского государства. На этом пути,— вспоминал Н. Н. Накоряков,— легко поскользнуться и шлепнуться в болото попустительства классовым врагам, отдав им в руки книгу,— действительное оружие укрепления пролетарской диктатуры. Возможна была и другая опасность — удариться в разгул красного карандаша и чернил, превратив идею политического руководства в мелкую придирчивую цензуру. Можно было пойти по пути исправления «птички божьей» на «птичку милую», в то время как нужен был путь вовлечения творческой энергии писателя в создание новых песен о птицах — буревестниках революции. Дмитрий Андреевич сразу же пошел по последнему пути»¹⁹.

Д. А. Фурманов широко трактовал задачи Политотдела: «Ощупывая рукопись всесторонне П<о>литический> о<т>дел до сих пор не отказывается и не считает полезным отказываться от выявления своего общего суммарного мнения, в котором сочеталась бы оценка произведения не только с точки зрения политической, но и общеидеологической, а равным образом учтены были элементы и специальной ценности (общередакционные, литературные, характер перевода и т. п.)»²⁰. В этом положении отчетливо прослеживается основная позиция Фурманова — обязательное сочетание художественных (или научных) достоинств и идеологической тенденции, — в известной степени противоречащая и протекткультовским оценочным критериям и вульгарно-социологической критике тех лет. Для работника Государственного издательства, призванного способствовать развитию различных направлений в книжном деле, такая принципиальная позиция может быть признана единственно правильной.

Обязанности политического рецензента Дмитрий Андреевич исполнял далеко не формально. В его отзывах, как правило, содержится не только мотивировка разрешения или запрещения, но и конкретные предложения к устранению тех или иных погрешностей, неточностей, идеологических просчетов рукописи. Так, в рецензии на повесть В. Азова «Восстание черных рабов» (переработка романа В. Гюго «Бюг Жаргаль») Фурманов предлагает издательству дать «предисловие, излагающее сущность и формы колониальной политики великих держав»²¹. «Не поправлять, а направлять» — этого принципа Дмитрий Андреевич начал придерживаться с первых же дней работы в Госиздате. В отчете о работе Политотдела, составленном 21 февраля 1924 г., т. е. через четыре месяца с начала работы в нем, он формулирует основное положение редакторской деятельности, которому будет следовать постоянно: «...во что бы то ни стало настойчиво возвращать на переделку рукопись и раз, и два, и три, добиваться того, что ...ставишь своим непременным требованием»²².

обучают. Но *быстро вошел в дело* (курсив мой — И. Ш.). Очень быстро. Не ждал, что так (4, с. 326).

¹⁸ В дневнике указывается: «Поступает рукопись. Перелистаешь. Общее схватил. Уж сразу видишь, которому из рецензентов ее отослать. В каждом рецензенте есть такие, чуть уловимые особенности, что именно благодаря им — одну книжку давать на просмотр этому можно, другую *этому же* нельзя...» (4, с. 327).

¹⁹ Накоряков Н. Н. Д. А. Фурманов в Госиздате. — Лит. газ., 1929. 27 мая, с. 2. См. также: Куприяновский П. В. Художник революции, с. 278.

²⁰ Отчет Политотдела ГИЗ. 21 февраля 1924 г. — ИМЛИ, ф. 30, оп. 3, 11-62-1250, П-62-1253, л. 2.

²¹ Там же, 11-62-2914.

²² Там же, 11-62-1250, 11-62-1253, л. 1.

Фурманов настойчиво проводил в жизнь и практику редакционной работы издательства принцип единой подготовки рукописи: «признаю целесообразным, — указывается в уже названном отчете, — политическое редактирование материала сосредоточить в отделах наряду с общим редактированием»²³. Достаточно быстро удалось и реализовать данное положение. «Два-три последние месяцы (т. е. через полгода после создания Политотдела. — И. Ш.) ответственное политредактирование полностью передано по отделу учебников, детской литературы и, частично, по отделу художественной литературы...»²⁴. Когда же сформировалось основное ядро марксистских авторских кадров в Госиздате и уровень редактирования в целом стал достаточно высоким, надобность в специальном идеологическом, контролирующем органе, по-видимому, отпала. В документах Госиздата за 1925—1929 гг. упоминаний о Политотделе не встречается. Вместе с тем, изменившиеся функции издательства, реорганизация его структуры и общее требование к усилению идеологического контроля за содержанием издаваемой литературы привели к тому, что продукция Госиздата, как и остальных издательств, стала контролироваться Главлитом.

С 15 октября 1924 г.²⁵ Фурманов становится редактором и вскоре фактическим руководителем сектора советской литературы в Литературно-художественном отделе Госиздата.

12 августа 1925 г. он был временно назначен редактором «универсальной библиотеки»²⁶.

С первых же дней работы Фурманов столкнулся с проблемой формирования издательского портфеля, определения своего, *госиздатовского* направления в выпуске современной художественной литературы. Рукописи поступали в Отдел тремя путями: «1) из «Современного художественного слова» от Воронского; 2) от авторов самотеком и по заказу; 3) из архива Литературно-художественного отдела. За 3 месяца через отдел прошло 241 название общим объемом в 1102 печ. л.»²⁷. Тем не менее большое число рукописей еще не обеспечивало сектор необходимым для издания материалом. Фурманова, принявшего дела по сектору современной литературы, тревожили, в первую очередь, известная перегруженность редакционного портфеля и низкое качество предлагавшегося материала. В первом же отчете Литературно-художественного отдела новый редактор указывал: «Вообще говоря материала поступает масса, но ценного ничтожно мало. Большинство рукописей мелких, даже мельчайших, размером 1/2 — 1—2 печ. л. Материал, по преимуществу, сырой, вовсе необработанный, художественно совершенно непригодный ...по качеству портфель может быть реализован на 30—40%»²⁸.

Но и этот вывод оказался чересчур оптимистичным: в результате отбора из 241 названия было принято к печати 5, 140 названий отклонено, а остальное — «в запасе»²⁹. Таким образом, оказалось возможным издать лишь 2% из имеющихся в секторе рукописей.

Фурманов видел единственный (и единственно правильный) выход не в расширении издательского плана литературно-художественного сектора, а в «обновлении портфеля»³⁰.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 2.

²⁵ Дата устанавливается на основании отчета Редакции современной художественной литературы с 15 октября по 20 декабря 1924 г., составленного Д. А. Фурмановым. — ИМЛИ, там же, оп. 4, 11-62-440; 11-62-1241.

²⁶ Летопись жизни и деятельности Д. А. Фурманова, с. 222.

²⁷ ИМЛИ, там же, 11-62-441; 11-62-134; 11-62-139.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Но недостаток средств лишал сектор возможности немедленного и кардинального изменения сложившегося положения и вынуждал использовать уже имеющийся материал. Поэтому, не отказываясь от поиска новых авторов и начав работу по целенаправленному и систематическому формированию редакционного портфеля, сектор тщательно изучал все, что поступало самотеком. Основная задача заключалась в оценке и отборе из массы материала произведений наиболее интересных и ценных как в идейном, так и в художественном отношении.

Рецензирование рукописей — обычный для издательства процесс — основная форма оценки и отбора. Невозможно полностью определить весь объем этой работы даже по одному сектору, т. к. архив издательства сохранился в крайне неполном состоянии. Во всяком случае несомненно то, что прорецензировано рукописей было в десятки раз больше, нежели издано книг. К. А. Федин, постоянный рецензент Госиздата, жаловался М. Горькому в 1925 г.: «Я буквально завален негодными рукописями, число которых... возросло в России до астрономических величин»³¹. Аналогичную запись делает в дневнике и Д. А. Фурманов: «Авантюрных романов бездна. Конца им нет. Сокращаю, не принимаю, отказываю, возвращаю, стихийный поток»; об этом же говорится и в Отчете литературно-художественного сектора: «первое время, месяца два назад, буквально захлестывала нас волна авантюрных романов»³². Редакционная коллегия и правление издательства специально рассматривали в 1924 г. вопрос о возможности издания авантюрно-приключенческих книг.

Д. А. Фурманов отрицательно относился к этому жанру литературы, считая ошибкой обращение к нему таких крупных писателей, как А. Н. Толстой и М. С. Шагинян, он был не до конца согласен с Н. Л. Мещеряковым, рекомендовавшим к изданию роман М. Шагинян «Месс Менд, или Янки в Петрограде». Тем не менее именно Д. А. Фурманов и Н. Л. Мещеряков убедили руководство Госиздата в необходимости издания и развлекательной литературы. «Если мы, — говорил Н. Л. Мещеряков, — станем игнорировать эту потребность, то за ее удовлетворение возьмутся другие... Мы даем лучшее из этой области, чтобы таким образом предупредить появление литературного хлама. Мы боремся с плохой литературой, издавая хорошую»³³. Аналогичной точки зрения придерживался и Фурманов. Нельзя было отказаться от монополии в области издания классики, но нельзя было и отталкивать новых писателей в лагерь частных издательств³⁴. Формулируя свою позицию в отношении издательской политики, Фурманов в первом же плане работы своего сектора указывал на первоочередную необходимость «пересмотреть качество издательских планов в направлении регулярного выпуска классиков и усиления издания современной художественной литературы в доступном для более широких кругов населения виде»³⁵. Однако, будучи издательством универсальным, Госиздат не мог (и не должен был) сосредоточивать основное внимание на выпуске художественной литературы. По отпускаемым ему средствам литературно-художественный сектор мог в месяц «издавать 30 книг размером в 7 листов, при тираже — 5 тыс. экз.»³⁶. Следовательно, при увеличении объема или тиража

³¹ Федин К. А. М. Горькому. 19 февраля 1925 г. — Собр. соч. М., 1973, т. 10, с. 346.

³² ИМЛИ, там же, 11-62-440; 11-62-1241.

³³ Динерштейн Е. А. Положившие первый камень. М., 1972, с. 81—82.

³⁴ ИМЛИ, там же, оп. 4, 11-62-441, 134, 139.

³⁵ Там же, оп. 3, 11-62-438.

³⁶ Там же.

число названий неминуемо сокращалось. Была установлена и процентная норма для различных видов литературы: «20% — классика, 15% — иностранная, 20% — современная русская, 15% — рабочая библиотека (также включавшая и классику, и современную русскую, и иностранную литературу.— *И. Ш.*), 10% — критика, 5% — мемуары, 10% — биографические серии, 5% — искусство»³⁷. В 1924—1925 гг. изменить или расширить данные нормы не удавалось. Нельзя было отпугнуть новых писателей от Госиздата, не пропустить, не просмотреть в потоке сырья произведение талантливое.

Сам Д. А. Фурманов прорецензировал огромное число рукописей; его решение, его отзыв зачастую определяли судьбу произведения, будущее автора. Постепенно в секторе, им возглавляемом, сложились определенные правила, намеченные Фурмановым уже в первом отчете, в самом начале работы: так как «большинство авторов начинающие, вовсе новички — им придется отвечать и указывать основные промахи и недостатки. Если вещь того заслуживает — ответ дается по существу содержания, если же данную вещь анализировать бесполезно — дается общий ответ»³⁸. Редакция, таким образом, выполняла и функцию своего рода литературной консультации. При таком положении особенно большое значение приобретали оценочные критерии, их четкость и единообразие. Основные требования Госиздата: идеологическое соответствие произведения задачам социалистического строительства и определенный уровень художественного мастерства. Если рукопись отвечала лишь одному из этих требований, она, как правило, отклонялась.

В отзывах Д. А. Фурманова непредвзятость и жесткость оценок сочетается с постоянным стремлением объяснить автору его просчеты. Рецензируя драму С. Синельщикова «Во имя клятвы», причину отказа в издании он видел в том, что «основная идея вещи — религиозная доверчивость к попам приводила в старое время к политическим гонениям на крестьянство — сама по себе верна, но малоинтересна сегодняшнему крестьянину, волнующемуся вопросами наших дней»³⁹. Д. А. Фурманов не разделял позиций вульгарных социологов, и требование художественной правды, мастерства, творческой оригинальности для его редакторской позиции было обязательным. Даже идеологически выдержанные произведения им решительно отклонялись, если они не удовлетворяли критериям художественности. В рецензии на сборник стихов некоего Гаврилова «Энтузиазм» подчеркивается именно последнее: «Стихи т. Гаврилова по содержанию своему вполне приемлемы — они о свободе, о борьбе, они проникнуты любовью и сочувствием к трудящимся и обездоленным, к героям освободительной борьбы. Но написаны они *совершенно примитивно* (курсив мой.— *И. Ш.*). Для печатания книжкой, разумеется, совершенно не пригодны: это слабенькие вещи из провинциальной газеты и только»⁴⁰.

Отзывы кратки, если произведение не годилось, как, например, пьеса Анищенко «Фабричные», о которой Фурманов отзывался как о «достаточно посредственной, малооригинальной «драме» из числа тех, где очень много и не к делу разговаривают, где мало подлинно драматического действия. Ни в чтении, ни в постановке в таком виде она не интересна»⁴¹. Как мы видим, для Д. А. Фурманова важно в драматургии

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, оп. 4, 11-62-440.

³⁹ Там же, оп. 3, 11-62-1496.

⁴⁰ Там же, 1-62-1539.

⁴¹ Там же, 11-62-1526.

сценическое действие; он был сторонником фабульной драматургии, ибо считал ее более доступной массовому зрителю того времени.

Еще более отчетливо это сформулировано в рецензии на рукопись драмы С. Синельщикова «Во имя клятвы»: «Вообще же драма требует показа, действия, а не газетных разговоров, в действительности не бывающих»⁴².

Однако даже откровенно неудавшиеся произведения получали поддержку, если автор был несомненно талантлив. Эта принципиальная позиция издательства прослеживается у всех рецензентов и редакторов на протяжении всей деятельности Госиздата. Еще в 1919 г. рецензируя один из первых сборников Б. А. Пильняка, В. Я. Брюсов (один из постоянных и наиболее авторитетных рецензентов издательства) отмечал: «Рассказы т. Пильняка, включенные в эту книгу, гораздо менее значительны, нежели рассказы того же автора, ранее принятые Государственным издательством. Действующие лица, выведенные в новых рассказах, менее характерны для современных переживаний. Автор ставит себе более общие (хотя и не широкие) задачи. Многие фигуры напоминают образы Чехова. Действенной пружиной большинства рассказов является любовь, отношения между мужчиной и женщиной — вопрос, о котором нелегко сказать что-нибудь новое. Но рассказы т. Пильняка *несомненно талантливы. Книга заслуживает внимания уже как книга автора, который обещает быть выдающимся писателем*»⁴³. В 1920 г. Госиздат выпустил книгу Пильняка «Погост. Белые камни», которую как раз и рецензировал Брюсов.

Будучи главным редактором советского сектора литературно-художественного отдела, Д. А. Фурманов в целях большей объективности нередко прибегал к повторному рецензированию, даже в тех случаях, когда произведения были явно бездарны. Так обстояло дело, например, со сборником пьес В. Зыченкова, который рецензировал Д. А. Фурманов и В. И. Нарбут. Стоявшие в сущности на разных литературно-эстетических позициях, рецензенты были единодушны в оценке. Фурманов: «Возразить против этих мелких вещичек нечего ни с идеологической, ни с художественной стороны, они вполне могут быть использованы для небольшой сцены. Для Госиздата не подойдут по легковесности, незначительности, общему своему удельному весу». Нарбут: «Пьесы — литературно грамотны, легки. При нашем «безрыбьи» — могут быть использованы для «неприхотливого репертуара»⁴⁴. Принципиальная позиция Фурманова в отношении деятельности Госиздата совпадала со взглядами А. М. Горького и А. В. Луначарского на основную задачу издательства — социально-воспитательную. Именно поэтому, по мнению Д. А. Фурманова, Госиздат не имел права издавать произведения не только идеологически чуждые, художественно несовершенные, но и просто «легковесные». Однако Фурманову был чужд и «узкий» подход, пролеткультовская позиция отрицателей «наследия прошлого». Порой приходилось отклонять произведения только потому, что у сектора были ограничены средства и возможности, и отбирать только насущно необходимое с позиций сегодняшнего дня, исходя из потребностей основных читательских групп, для которых, в основном, и работал Госиздат. Так, в отзыве на поэму Э. Парни «Война богов» в переводе А. Панова Д. А. Фурманов писал переводчику: «Редакция с удовольствием ознакомилась с Вашей интересной работой. Несмотря на подлинную художественность Вашего

⁴² Там же, 11-62-1496.

⁴³ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. 277, л. 46.

⁴⁴ ИМЛИ, там же, оп. 3, 11-62-559.

перевода и красивую, остроумную увлекательность самой поэмы, мы должны пока отказаться от возможности приобрести Ваш труд. Наша общая линия сейчас в издании переводной литературы направлена на издание вещей, в которых имеется широкая потребность. Предлагаемый же Вами труд, по Вашему справедливому замечанию, рассчитан на «утонченно-литературного читателя» — любителя. Если бы Вы прислали предлагаемую Вами поэму через несколько лет, мы полагаем, что у нас будет больше возможностей взять ее»⁴⁵.

Д. А. Фурманов известен не только как рецензент, но и редактор. О принципах и стиле Фурманова-редактора можно судить по сохранившейся в архиве писателя правке рукописи Н. Славской «Мои воспоминания». Рукопись поступила в Госиздат 28 апреля 1925 г. с сопроводительным письмом Отдела работниц ЦК ВКП(б), в котором Фурманова просили «изучать прилагаемую при сем рукопись Славской и сообщить свое мнение 1) о достоверности приводимых фактов гражданской войны, 2) согласитесь ли Вы переделать для печати»⁴⁶. Уже 15 мая Фурманов отсылает ее обратно, с отзывом «Рукопись проредактировал. Наиболее серьезные промахи устранил. Стиль, по возможности, выправил...»⁴⁷.

Работа над рукописью шла в нескольких планах: это была и чисто грамматическая и стилистическая правка, переписывались целые фразы. Вот несколько примеров:

авторский текст

На всех лицах радость и торжество.
Вдоль улиц проезжали сотня за сотней...
Один из них выступал и говорил, что
десять лет он страдал на каторге за
свободу, но это еще не все; дождался
революции, но это еще не все. Еще нас
могут связать, еще будет борьба.

вариант редактора

У всех на лицах радость и торжество.
По улицам проезжали сотня за сотней...
Один из них выступал и говорил о ка-
торжной тяжелой жизни, об этом вот
первом революционном шаге, о том, что
революция на этом не остановится, что
впереди нас ждет борьба.

Из рукописи убиралось все лишнее, сентиментальное, не свойственное общему тону повествования и стилю автора. Например, такие фразы: «Хотелось пожертвовать собой, лишь бы вернуть их к жизни. Но увы. Их уже не вернешь! Погибли и никто не вспомнит о них».

На полях рукописи Фурманов писал замечания, касающиеся неточных фактов, искажений. Так, по поводу слов автора о Таманской армии Фурманов замечает: «Никакой Таманской армии не было вплоть до отступления таманцев по Черноморскому побережью в августе-сентябре 1918 г.». Автор утверждал, что 11-й Армией командовал Ковтюх, Фурманов констатирует: «Ковтюх никогда не командовал 11-й Армией». Таких примеров можно привести много. Рукопись испещрена пометами, исправлениями, на ней буквально «нет живого места». И все-таки Д. А. Фурманову не удалось довести «Мои воспоминания» Ю. Славской «до кондиции». В уже цитированном письме в Отдел работниц ЦК ВКП(б) он особенно подчеркивает, что «Все-таки осталось... несколько мест, которые только отчеркнул сбоку и не взялся переправить: так трудно отличить правду от выдумки. Вообще говоря — фантастики тут немало, хотя в корне и бесспорные исторические события»⁴⁸. Анализ редакторской правки еще раз подтверждает основные позиции Фурманова-редактора: абсолютная верность «правде жизни» и художественность ее воплощения.

⁴⁵ Там же, 11-62-1539.

⁴⁶ Там же, 11-62-2922.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Обращает на себя внимание оперативность редактора. Фурманов пишет, что редактирование рукописи Ю. Славской он закончил 15 мая. Следовательно, эта сложная работа продолжалась не более двух недель. Следует отметить также и свойственное Фурманову стремление к объективности: не считая, видимо, проделанную им работу достаточной, он привлекает к работе Артема Веселого и А. Зонина⁴⁹.

Для Фурманова-редактора характерно уважительное отношение к замыслу, строю мысли, концепции и стилю автора. Даже из краткого анализа правки рукописи Ю. Славской очевидно стремление редактора «не переписать», а лишь «выправить», не нарушая типичности стиля автора⁵⁰.

«Искусство редактирования состоит в том, чтобы не редактировать: удержаться и не править, не причесывать автора под свой вкус... Править надо только то, что абсолютно неправильно. И править притом не самому, а убедить автора в необходимости правки, став на его позиции и взглянув на рукопись его глазами»,⁵¹ — так сформулировал Дмитрий Андреевич свое редакторское кредо.

Подобная позиция редактора-помощника характерна для многих крупных советских писателей, занимавшихся редакторской работой.

Дмитрий Андреевич был принципиальным и внимательным рецензентом и редактором. И. Э. Бабель говорил о его «строгости и страсти к литературе». Он читал рукописи терпеливо и дотошно. Большинство рецензий — большие письма авторам, содержащие не только точную и беспристрастную, подтвержденную фактами оценку, но и практические советы для дальнейшей работы. При анализе многочисленных рецензий выявляются художественные позиции Фурманова-критика, Фурманова-издательского редактора, Фурманова-писателя.

Основным было требование четкой идейной позиции, ибо, по мнению Фурманова, «каждый порядочный художник — непременно причастен к общегосударственной жизни, понимает ее, ею интересуется, следит за нею, даже часто активно в ней участвует своими собственными силами, знаниями, опытом» (4, 385). Художник должен «жить жизнью современности, помогать своим творчеством мучительному революционному процессу, участвовать активно в создании нового общества»⁵². В данном случае позиция Фурманова-редактора полностью совпадает с требованиями, которые предъявлял писателям А. М. Горький, считавший не переменным законом активное сближение искусства с действительностью, активного вторжения литературы в жизнь⁵³.

Огромное значение придавал Дмитрий Андреевич форме произведения, мастерству писателя. Он требовал от автора обязательной четкости сюжетных линий, композиционной соразмерности: «Главным недостатком произведения, — пишет он Герасимову по поводу повести «Крестьяне» 27 ноября 1924 г., — является его сюжетная расплывчатость, несообразность частей. В этом сказывается авторская неопытность. Например, Вы очень много отвели места показу физической силы Сергея, его борьбе и дракам с работниками, а уходу его из дома, женитьбе, разводу — Вы уделите 2—3 странички...»⁵⁴.

---

⁴⁹ На договоре, заключенном с Ю. Славской, есть помета Фурманова: «Можно сдавать в печать после правки Артемом Веселым и Зониным. — Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Куприяновский П. В. Художник революции, с. 271.

⁵² Фурманов Д. А. Из дневника писателя. М., 1934, с. 69.

⁵³ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 26, с. 46.

⁵⁴ ИМЛИ, там же, 11-62-2922.

Индивидуальность речевой характеристики как одно из основных средств создания точного и живого образа — второе неперемное условие подлинно художественного произведения. Рецензируя драму С. М. Мясникова «Оскорбленные», Фурманов особенно подчеркивает «не вполне естественный и недостаточно литературный язык. Все действующие лица говорят почти одинаково, что никогда не бывает в жизни. Все они с большим пафосом произносят длинные монологи,— это неправдиво, скучно и нехудожественно»⁵⁵.

Ходульное, «лобовое» решение даже очень актуальной проблемы также не удовлетворяло Фурманова: обязательным было художественное, образное ее воплощение. Одним из основных недостатков пьесы С. М. Мясникова Д. А. Фурманов считал, что «финал драмы... является как бы пристегнутым, не вытекающим из существа драмы. По замыслу автор хотел, очевидно, показать, что вот, мол, жили люди очень скверно, страдали, мучились, но пришла революция и спасла их, дала счастливую лучшую жизнь. Это нужно было художественно доказать, чего не удалось автору»⁵⁶.

Его рецензии, письма, отзывы, беседы помогали становлению таланта, воспитывали писателя-гражданина. «Много начинавших в то время писателей,— вспомнил А. Зонин,— помнят внимательного редактора Фурманова»⁵⁷.

Д. А. Фурманов-редактор безошибочно «угадывал» талантливых писателей, добиваясь публикации их произведений в первую очередь. Он настойчиво и последовательно боролся за расширение издания именно произведений молодых советских авторов наряду с выпуском классической литературы. Основным он считал массовый тип издания.

В первые два месяца из огромного потока рукописей Фурманов отбирает для первоочередного издания романы и повести тех писателей, кто впоследствии войдет в число классиков советской литературы: М. Шагинян, В. Катаев, Вс. Иванов. По его инициативе и при непосредственном участии Госиздат ведет переговоры с Г. Никифоровым, Ю. Либединским, заключает договоры с Н. Асеевым, А. Глобой, В. Маяковским, Б. Пастернаком, И. Эренбургом⁵⁸.

По словам Н. Н. Накорякова, Д. А. Фурманов был одним из наиболее активных сторонников издания собрания сочинений Сергея Есенина и участвовал в его редактировании. Накоряков вспоминал, с каким «большим тактом, любовно и бережно подходил Фурманов к каждой строке, написанной рукой Есенина»⁵⁹. Ему принадлежит идея создания автобиографии поэта: «Сережа поместит свой материал, автобиографический, все, что вспомнит,— я ему подробно указал, что нам надо: по линии его человеческого житья, литературного роста, политических влияний и политического состояния»⁶⁰. Вопреки «напостовской» критике он боролся за издание и переиздание произведений А. Серафимовича, Д. Бедного, А. Безыменского, М. Герасимова, А. Жарова, за привлечение к издательству писателей-«полутчиков»⁶¹.

Фурманов был редактором «Конармии» И. Бабеля и добился ее отдельного издания. Он решительно поддержал сборник М. Шолохова

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ИМЛИ, там же, оп. 3, 11-62-440.

⁵⁷ Зонин А. Черты большевика. — В кн.: Фурманов в воспоминаниях современников, с. 152.

⁵⁸ ИМЛИ, там же.

⁵⁹ Лесс А. Первое прижизненное. — Смена, 1963, № 5, с. 16.

⁶⁰ Куприяновский П. В. Художник революции, с. 280.

⁶¹ См.: Наумов Е. И. Д. А. Фурманов. 2-е изд., испр. М., 1963, с. 159.

«Лазоревая степь» и при его активном содействии вышли все первые рассказы писателя: «Красногвардеец», «Двумужняя», «Алешкино сердце», «Нахаленок», «Против черного знамени».

Особенно охотно он работал с произведениями о гражданской войне и революции. «Рвотный фронт» Н. Никитина, «Голой год» Б. Пильняка, «Города и годы» К. Федина — были изданы Госиздатом по его инициативе. При непосредственном участии и поддержке Фурманова был опубликован и «Цемент» Ф. Gladкова. В рецензии для Редсовета Фурманов подчеркивал: «Роман сделан превосходно. Типы Даши и Глеба незабываемы. Надо печатать»⁶². Здесь уместно подчеркнуть, что рекомендации Фурманова-редактора в отношении произведений. Ф. Gladкова, И. Бабеля, Вс. Иванова, К. Федина полностью совпадали с оценками А. М. Горького⁶³.

Фурманов считал, что одна из основных причин недостаточно быстрой расходимости изданий Госиздата заключается как раз в известной недооценке произведений молодых авторов: «не отдаются в работу принятые книжки стихов даже отнюдь не третьестепенных поэтов, как например Полетаева, Жарова, Санникова»⁶⁴.

Фурманов считал, что задача Госиздата — способствовать развитию советской литературы и, следовательно, решительно поддерживать начинающих. «Всеволод Иванов, Леонов, Сейфуллина и многие другие писатели, тогда только еще начинавшие свой путь в литературе, — вспоминал Ю. Либединский, — никто не уходил от его глаза, заботливого и хозяйского. Именно — *«хозяйского»*»⁶⁵.

Он буквально «выуживал» подающих надежды авторов из моря поступающих в сектор рукописей и заявок: «Нового писателя нехватка, т. к. новичок по преимуществу все еще пишет недостаточно мастерски... но уже и в слабых вещах нет-нет да и блеснут признаки мастерства и дарования. В грудах сырья удается порой различить ценнейшее, что при тщательной обработке может иметь бесспорный и значительный интерес»⁶⁶. Это принципиальное положение было определено Дмитрием Андреевичем в первой докладной записке о деятельности литературно-художественного отдела в декабре 1924 г. Его он придерживался все время работы в Госиздате.

Фурманов очень бережно относился к каждому новому дарованию, открытому им. «Ты прочти эту прелесть, — писал он Г. Лелевичу о стихотворениях молодого и никому не известного поэта Соколова, у меня <...> слезы кинулись к горлу от восторга; пишет новый, бесспорно большой поэт, ты это легко почувешь: свежая, сочная, колоритная кисть. А пока что — это маленький, неприметный человечек из Вытегры, с которым у меня случайная связь. Помести в «Октябре» и напиши ему ответ, ободрь, а кстати пошли гонорар — он нищенствует»⁶⁷. В этом письме — весь Фурманов, с его темпераментом, заботой о человеке, о новом писателе.

Издательство настойчиво искало наиболее эффективные формы работы с начинающими; совместно с Обществом крестьянских писателей создало консультацию для крестьянских авторов и рецензирования их произведений, организовало литературные курсы для начинающих авто-

⁶² Черников В. Новое о Фурманове. Саратов, 1965, с. 114.

⁶³ Куприяновский П. По пути Горького. (К истории лит. отношений Д. А. Фурманова и А. М. Горького). — В кн.: Писатель-патриот, с. 83—132.

⁶⁴ ИМЛИ, там же, оп. 3, 11-62-440, л. 2.

⁶⁵ Либединский Ю. Большевик, воин, писатель. — В кн.: Фурманов в воспоминаниях современников, с. 175.

⁶⁶ ИМЛИ, там же, л. 3.

⁶⁷ Лелевич Г. Клинок и книга, с. 45.

ров из провинции и бронировало в издательском плане для них листаж. Одновременно издательство начало и организационную работу по целенаправленному формированию издательского портфеля. Уже в 1922 г. было проведено четыре специальных совещания с пролетарскими и крестьянскими писателями по вопросу о создании художественной книги для деревни⁶⁸. Аналогичные совещания проводились и в дальнейшем.

У Фурманова была своя система работы с начинающими авторами. Основные ее положения изложены в докладе «О привлечении к издательству писательского молодняка» и в «Советах начинающему». Указывая на важность этой работы, подчеркивая необходимость «заранее примириться с бесприбыльностью этого предприятия... из соображений огромного социально-политического и культурного характера», Фурманов формулирует основные принципы «воспитания молодого автора» — внимательность и требовательность, «участливость к удачам и промахам» и обучение — «исправление». Большое значение он придавал идейному воспитанию и обучению профессиональному мастерству: нужно «сочетать простую и мудрую ленинскую науку о жизни с простой и тоже по-своему мудрой наукой и художественным мастерстве» (4,472).

Стремясь как можно полнее реализовать эти положения в практике своей работы, он внимательно читал почту, отчеркивая в письмах особенно важные или примечательные строчки, на которые следовало обратить внимание. Ни одно письмо, ни одна поступившая рукопись не оставались прочитанными или без ответа. Почти во всех письмах содержится не только подробный разбор произведения, не только конкретные предложения по исправлению данной рукописи, но советы (часто развернутые в подробную программу), как работать дальше, как учиться: «Если Вы хотите продолжать писать еще, наш совет перед этим много и внимательно читать лучших писателей»,⁶⁹ — пишет Фурманов Д. И. Старостину; «надо больше работать над своим творчеством и попытаться начинать не с драм, а с рассказов — это значительно легче»⁷⁰, — советует он С. Синельщикову; «.. мы ограничимся общим указанием на необходимость внимательной и упорной работы над языком, над овладением живой литературной речью. Остальное приобретается постепенно, по мере накопления опыта»⁷¹, — так заканчивается рецензия на драму С. М. Мясникова «Оскорбленная». В письме начинающему автору С. П. Герасимову по поводу его повести «Крестьяне» Фурманов пишет: «Мы только можем Вам предложить прежде, чем приступить к переделке (повести. — *И. Ш.*) попробовать написать несколько мелких вещей. Это даст Вам нужный опыт, и тогда легче будет перейти к созданию крупных вещей, требующих всегда опыта и уже выработанной стилистической установки. Вообще придется Вам (как и всем пишущим) сначала много писать не печатая и лишь потом, когда писать будете содержательно, серьезно, умело — лишь тогда печатать написанное»⁷².

Те же требования сформулированы и в своего рода программной статье Фурманова-редактора — «Советы начинающему»: тщательное изучение материала, кропотливая, взыскательная работа над формой («десять корректур, обработай каждое слово»), постоянное повышение идейного, образовательного, культурного уровня, самокритика (4,392).

Неизменная доброжелательность Дмитрия Андреевича, взыскатель-

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. 310, л. 23.

⁶⁹ ИМЛИ, там же, 11-62-1449.

⁷⁰ Там же, 11-62-1496, л. 2.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

ность и абсолютное уважение к автору не только способствовали развитию талантов и привлечению молодых писателей в Госиздат, но и вызывали ответный поток благодарственных писем: «Я несказанно Вам благодарен за оказанное внимание и за те ценные указания, которые Вы дали в письме. Новую пьесу я буду писать, следуя всем Вашим указаниям и своему намеченному плану, не торопясь, переделывая каждое слово», — писал красноармеец В. Д. Зубарев, получив отзыв на свою драму «Из паутины»; «Я уверен, — признавался М. Авербах из Минска, — что с получением некоторых ценных указаний мне возможно будет в дальнейшем исправить те глубокие и важные ошибки, о которых я до настоящего времени не имел понятия»; «Отзыв Госиздата воодушевил меня словами: «попробуйте Ваш роман «Наши дни» написать прозой»⁷³, — уверял Фурманова П. Федоров из Вятки.

Подобных писем много. Особенно необходима была помощь авторам из провинции, где отсутствовала необходимая интеллектуальная среда, а жажда творчества была велика: «Давайте нам в провинцию, — писали в Госиздат, — побольше советов. Я говорю нам — потому что они будут использоваться не только мною»⁷⁴. Фурманов охотно откликнулся на такие просьбы.

Искренность служения советской литературе привлекали к Фурманову писателей. Познакомившись с ним — редактором или рецензентом — многие становились его друзьями. Так, уже после второй встречи с И. Бабелем в Госиздате Фурманов записывает в дневнике: «Простились с Бабелем радушно. Видимо, установятся хорошие отношения. Он пока что очень мне по сердцу» (4,343). Служебные отношения переросли в дружбу. И. Бабель писал Фурманову: «... посылаю Конармию в исправленном виде. Я перенумеровал главы и изменил название несколько рассказов. Все твои указания принял к руководству и исполнению. Изменения не коснулись только Павличенки и Истории одной лошади. Мне не приходит в голову, что можно изменить «обвиняемые» фразы. Хорошо бы оставить их в «первобытном состоянии». Уверяю тебя, Дмитрий Андреевич, никто за это к нам не придерется. Опасные места я выбросил даже сверх нормы. Например, в Чесниках и проч. Затем, если это тебя не затруднит, передай Ивану Васильевичу мои пожелания касательно внешности книги. Мне очень нравится, как издан «Сиверко». Был бы очень рад, если бы Конармию удалось издать в небольшом формате, обязательно небольшом, шрифт пореже, поля побольше и каждый рассказ с новой страницы»⁷⁵. Какие-то изменения Бабель собирался внести и в корректуру⁷⁶. Не сохранились рукописи с пометами Фурманова и трудно сказать, что именно он советовал автору. Текстологи, сличая тексты первой журнальной публикации и отдельного издания, говорят о стилистической правке, уточнении психологических и идейных мотивировок поступков героев. Возможно, именно это и было связано с редакторскими советами Фурманова.

С первым рассказом «Ходя» пришел к Д. А. Фурманову Мате Залка, и эта встреча определила его писательскую судьбу⁷⁷. Общеизвестно, что именно Фурманов подсказал Ф. Панферову идею создания романа «Бруски»⁷⁸. Первая книга Б. Иллеша в Госиздате вышла по инициативе

⁷³ Там же, 11-62-494, 11-62-480.

⁷⁴ Там же, оп. 1, 11-62-504.

⁷⁵ Куванова Л. К. Фурманов и Бабель. — Лит. наследство, 1965, т. 74, с. 500—512.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Куприяновский П. В. Художник революции, с. 281—282.

⁷⁸ Там же, с. 283.

и под редакцией Д. А. Фурманова, с которым писателя связали творческие, дружеские отношения⁷⁹.

«Это был бесценный, надежный и любящий друг,— напишет через год после смерти Фурманова Г. Лелевич.— Он умел чутко, внимательно заботиться о товарищах, согреть их тем душевным теплом, от которого легче становится жить»⁸⁰. Дружеские отношения сложились у Фурманова и с сотрудниками издательства, относившимися к Дмитрию Андреевичу с неизменной симпатией и большим уважением: «Живем мы без Вас «тихо и весело», но довольно сильно ощущаем Ваше отсутствие. Мы с Настей и все же надеемся, что с течением времени, ну, примерно, к июлю месяцу — немножко успокоимся и постараемся Вас забыть — как приятного собеседника, конечно»⁸¹,— такие письма получал Д. А. Фурманов в Крыму от своих коллег.

Писательница Галина Серебрякова, работавшая в те годы в одном из отделов Госиздата, вспоминала, что Дмитрий Андреевич интересовался не только работой своего отдела и выпуском художественной литературы. Так, он предлагал «издать календарь «Ленин» с хронологическими датами и пояснениями истории пролетарской революции, партии и ее великого учителя. Фурманов же посоветовал издавать календари бичующей советской сатиры. В них наши лучшие сатирики и юмористы изображали безжалостно бюрократов и нэпманов»⁸².

Несмотря на небольшой срок работы в издательстве, Фурманов был одним из наиболее талантливых и опытных работников: «В Госиздате к нему постоянно приходили со всеми сомнениями, за советом сотрудники и товарищи»⁸³.

В 1924 г., когда торжественно отмечался пятилетний юбилей Госиздата — первый советский праздник книжного дела,— Д. А. Фурманов был секретарем юбилейной комиссии, одним из основных составителей программы юбилейных торжеств. Под его руководством создавалась первая отчетная выставка издательства, свидетельствующая о значительных достижениях советского книжного дела.

Работа в Госиздате безусловно отнимала много сил и времени, но помимо сознания приносимой пользы советской литературе, она давала и материал для творчества. Последний год своей жизни Дмитрий Андреевич посвятил работе над романом «Писатели». Несомненно, замысел его явился следствием не только непосредственного участия в литературной жизни 20-х годов, но и сотрудничества в Госиздате⁸⁴. Именно в издательстве, встречаясь с самыми различными авторами, писатель узнал литературную жизнь, судьбы людей и произведений, взаимоотношения авторов с издательством. В плановом наброске «Писателей» записано: «Дать издательство, характер работы в нем, как кланяются писатели второстепенные, как возносятся — первостепенные, как за ними ухаживают, как режут материал без жалости, как ведут переписку с местами»⁸⁵. Можно с уверенностью сказать, что для Фурманова-писателя годы работы в Госиздате в творческом отношении были плодотворными.

Что же касается его роли в деятельности самого издательства, в становлении издательских принципов выпуска художественной литературы,

⁷⁹ Там же, с. 282.

⁸⁰ Лелевич Г. Указ. соч., с. 54.

⁸¹ ИМЛИ, там же, 11-62-2611.

⁸² Серебрякова Г. Несколько слов о Дмитрии Фурманове. — В кн.: Фурманов в воспоминаниях современников, с. 118.

⁸³ Там же, с. 118.

⁸⁴ Черников В. Указ. соч., с. 46.

⁸⁵ Материалы к неоконченному роману Д. Фурманова «Писатели». — «На лит. посту», 1928, № 18, с. 19. См. так же: Черников В. Указ. соч., с. 54—55.

то ее трудно переоценить. Благодаря своей большевистской непримиримости Фурманов-редактор в выпуске художественной литературы «противодействовал проникновению в печать идеологически вредных произведений и всемерно старался способствовать изданию лучших произведений советской литературы»⁸⁶. Именно Фурманов вопреки «напостовской» критике и МАПП привлек и объединил в Госиздате писателей-путчиков. Разумеется, не обошлось без ошибок, и при Фурманове выпускались книги, издание которых не делало чести Госиздату, но речь идет не о частностях, а о тенденции, основном, кардинальном направлении, принципиальной позиции. И здесь заслуга Фурманова-редактора в том, что активно поддерживая руководителей Госиздата, он на практике осуществлял те принципы партийного подхода к литературе, которые нашли отражение в известном постановлении ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». Но, может быть, основная заслуга Фурманова — в привлечении к издательству молодых, начинающих авторов. Он мечтал о том времени, когда «выйдут из недр народных великие мастера художественного слова, и они дадут сцене, дадут искусству вообще то желанное, которого теперь так остро не хватает» (3,323).

Приближению этого желанного времени и была посвящена вся работа Д. А. Фурманова в Госиздате.

---

⁸⁶ Черников В. Указ. соч., с. 46.

К. М. БУРОВ

МАСТЕР КНИЖНОГО ИСКУССТВА

(Н. В. Ильин)

Обязательную практику всех наших крупных издательств художественное редактирование ввели только с середины 40-х годов, по окончании Великой Отечественной войны. До этого времени художественное редактирование практиковалось лишь в нескольких издательствах, да и то при создании, главным образом, особо ответственных или сложных книг. Единственным исключением было издательство «Academia», где художественное редактирование с начала 30-х годов впервые стало обязательным для каждой издаваемой книги.

Художественная ценность книги определяется не только элементами, созданными художником книги, но и полиграфическими процессами, осуществляющими художественные замыслы художников и полиграфистов в типографии. Поскольку в процессе создания книги существует неразрывная взаимосвязанность издательства и типографии, то современный художественный редактор определяет не только художественную направленность оформления книг издательства, но и основные производственные технологические процессы создания этих книг.

Система требований художественных редакторов в работе с художниками книги и полиграфическими предприятиями построена на основе принципов искусства современной книги.

Едва ли не самой ответственной и главной для художественной редакции издательства является правильный выбор и назначение художника книги. Именно поэтому у главного художника, творчески относящегося к своему делу, всегда образуется своя система подбора мастеров, связанная с конкретными особенностями книжных изданий.

Много нового в практику труда художников книги и художественных редакторов ввел главный художник Гослитиздата Николай Васильевич Ильин (1894—1954).

Начало его художественной, а вскоре и издательской деятельности относится к первым годам Советской власти. Ильин работал в Нижнем Новгороде, городе по тем временам далеком от центра издательской и полиграфической культуры, в Нижполиграфтресте в должности художника-конструктора книги. Там он, архитектор по образованию, доско-

Н. В. Ильин

нально изучил и практически освоил главные полиграфические процессы: набор, печать, переплетно-отделочные работы и как художник направил свои познания на совершенствование искусства книги.

Уже с середины 20-х годов его деятельность как издателя, художника и полиграфиста становится известной не только у нас в стране, но и за рубежом — он активный участник советских и зарубежных книжных выставок. С этого же времени резко возрастает и роль нижегородской полиграфии.

Ильин первым из советских художников объединил художественные возможности творца и полиграфические средства, включив в единый цикл композицию, рисунок, цвет, набор, печать и переплетно-отделочные процессы. Он как бы соединил мастерскую художника и типографские цеха для создания единой художественной формы книги.

Ильин первым разрушил представление о художнике-графике

только как о создателе изобразительного оригинала, который затем должен строго воспроизводиться и печататься типографскими мастерами. Исполнение оригинала или архитектурного макета служило для художника как бы эскизом будущей книги, а окончательное завершение проходило в типографии под его руководством и наблюдением. Только готовая тиражная книга позволяла говорить о завершении труда художника.

Руководствуясь художественными соображениями и владея в совершенстве полиграфическими процессами, Ильин устанавливал только ту технологическую схему, которая была необходима в каждом конкретном случае для каждого художественного или особо сложного издания. При этом никому не передоверял контроль за полиграфической работой, считая, что она — органически целое в цепочке создания книги.

В начальный период своей издательской деятельности Николай Васильевич именовал себя в выходных сведениях конструктором книги, но в дальнейшем от этого определения отказался, называя себя только художником книги. Изменение произошло сознательно. Опыт и практика подсказали, что как бы ни была велика доля конструкторской мысли при построении книги, главным и определяющим при создании ее облика в целом являются образная и ассоциативная системы, подчиняющиеся общим и обязательным художественным законам. Следовательно, и создание архитектурной (конструктивной) постройки является только частью художественного организма книги.

Н. В. Ильин владел тайнами типографского искусства.

Достаточно напомнить только об его акцидентных обложках к книгам М. Светлова «Ночные встречи. Стихи» (1927 г.) и М. Базыкина

«Книжные знаки И. Н. Павлова» (1928 г.), чтобы убедиться в высочайшем классе его как художника книги, что не могло быть достигнуто без практических навыков художника-полиграфиста. Эти работы были созданы в типографии Н.-Новгорода совсем молодым, даже начинающим художником. Впрочем в те годы не было принято называть кого-то молодым или начинающим. Были просто умеющие и неумеющие.

Столь же замечательным художником-полиграфистом, как и Н. В. Ильин, был С. Б. Телингатер. Оба мастера почти одновременно начали искать свои пути в области книжного оформления. Н. В. Ильин «опередил» С. Б. Телингатера только на два-три года. Сначала они не знали друг о друге, так как один работал в Н.-Новгороде, а другой — в Баку.

Их творческий почерк и привязанности в искусстве были различными, но метод создания книги был один: ими не мыслилось завершение художественного оформления книги без творческого участия типографии. Оба в совершенстве владели искусством набора и были блестящими мастерами сложных образных акцидентных работ: знание принципов построения шрифта привело каждого к свободному его рисованию и созданию нескольких ярких шрифтов — ильинских и телингатеровских, которые опытные знатоки безошибочно отличают по своеобразным графемам. Работа с набором и рисованными шрифтами в их изданиях резко выделялась стилевой законченностью и яркой индивидуальностью.

Именно Н. В. Ильин доказал руководству ОГИЗа необходимость создания во всех издательствах страны художественных редакций, а в ведущих и сложных — обязательного введения должности главного художника. Он же первый в 1944 г. был официально утвержден в должности главного художника Гослитиздата.

Постепенно уточнялись функции, права и обязанности художественных редакций.

В 1944 г. по предложению Ильина был введен разработанный им первый ценник на творческие книжно-графические работы. Правда, первый вариант его не был совершенным и в дальнейшем подвергся большим изменениям. С введением ценника удалось ликвидировать произвол и субъективность в оценке творческого труда книжных мастеров.

В конце 40-х годов, с усовершенствованием и детальным планированием издательских процессов, назрела необходимость введения предварительного планирования художественного оформления книг. Художественная редакция Гослитиздата под руководством Ильина первой начала вводить годовые планы художественного оформления. В них заранее определялись все художественные элементы книг, которые предполагались к выпуску в следующем году. Такой план ликвидировал бессистемность и случайность в назначении иллюстративных и оформительских элементов, помогал заранее определять направленность художественного замысла той или иной книги.

Поначалу план создавался трудно, ошупью отыскивались его формы, а затем он становился все более и более совершенным, пока не была выработана твердая система. Сейчас годовые планы художественного оформления стали нормой в издательской практике страны.

Интересен и поучителен был стиль и распорядок работы Н. В. Ильина в роли главного художника издательства.

Из шести рабочих дней недели он бывал в издательстве пять, сохранив за собой один творческий день. Как правило, работу он начинал в

8 часов утра с посещения типографии. В 10—11 часов приходил в издательство, где и оставался до 5—6 часов вечера.

Главным в своей деятельности он считал строгое соблюдение творческой направленности и организации в работе художественных редакторов и повседневную работу с внештатными художниками книги.

Художник, приглашенный в издательство, неизменно должен был обладать двумя качествами: быть одаренным и профессионально образованным. И к молодым художникам, и к опытным мастерам предъявлялись примерно одни и те же требования, если не считать того, что к молодым он и художественные редакторы были по-особенному внимательны. Работа принималась от художника только в приемлемой форме исполнения, все несовершенное или нерешенное отвергалось.

Некоторые молодые художники считали эти требования чрезмерными, не выдерживали строгой линии Ильина и отказывались от дальнейшего сотрудничества. Н. В. Ильин никогда не жалел об ушедших — был строг к своей работе и требовал этого же от своих коллег. Он любил художников стойких и сильных духом.

Его рабочие замечания никогда не носили характера мелочной опеки — он указывал только на то, что требовало принципиального исправления, на шероховатости обращал внимание вскользь, считая, что они будут исправлены самим художником.

Он любил, когда молодой мастер был способен доказать свою творческую правоту в споре или работе. Зная, что Ильина переубедить трудно, художники всегда откровенно радовались, когда он принимал их предложения. Ильин редко хвалил в глаза «победителя», но после его ухода неоднократно возвращался к его работе. В «проигранном» споре он видел не поражение, а приобретение чего-то нового и поучительного для себя.

Довольно частым победителем в их творческих спорах бывал молодой тогда художник Федор Константинов. Их споры были жаркими, страстными и заканчивались только тогда, когда были исчерпаны все логические доказательства.

Диспуты возникали, как это часто бывает, из малого и, на первый взгляд, незначительного. В начале работы они зарождались при утверждении тем иллюстраций — в те времена существовала обязательная практика предварительного письменного представления тем будущих иллюстраций для сложных художественных изданий. Забота о правильном изобразительном толковании содержания текста, естественно, была и сейчас остается главнейшей в работе художника и художественного редактора над книгой.

Обсуждалось при этом многое: выражают ли иллюстрации смысл произведения, много или мало их предлагает художник, образуется ли ритмический строй и т. д.

При утверждении проекта оформления книги обязательно обговаривалось главное — отвечает ли предлагаемый проект идее книги, красив ли он, не будет ли искажен при полиграфическом исполнении.

Споры и диспуты возникали ежедневно при просмотре и утверждении каждой работы.

При рассмотрении любого предложения часто даже детали вызывали различные творческие толкования.

Любая благоприятная ситуация давала повод Ильину для гласного обсуждения затронутой проблемы в присутствии художника и художественных редакторов.

Так в художественной редакции Гослитиздата создавалась система единой художественной направленности.

Многие художники старшего поколения нередко усматривали в строгих указаниях и замечаниях Ильина в адрес молодых художников излишнюю придирчивость и спрашивали его:

— Что-то вы, Николай Васильевич, больно строги к молодым художникам?

Ответ всегда был один:

— Талант, как хороший хрусталь, требует идеальной шлифовки. И он, действительно, был шлифовщиком молодых дарований. Так, в начале сотрудничества Ильин делал очень много замечаний одному из самых любимых им молодых художников — Давиду Дубинскому.

По манере исполнения иллюстраций Дубинский несколько подражал Доре. Понимая это как серьезный недостаток, Ильин часто указывал ему на него, убеждая в том, что вторичное в искусстве только мешает развитию.

Выходя взволнованным и разгоряченным из кабинета «старика», Дубинский долго втихомолку ругал его, продолжая в разговоре с другими еще спорить и возражать. Следующая их встреча чаще всего заканчивалась похвалой в адрес одного и благодарностью от другого.

Многие прославленные мастера и сейчас с признательностью вспоминают пройденную ими в молодости нелегкую ильинскую школу.

Отношение к признанным художникам, уже нашедшим свой путь и утвердившимся на нем, у Ильина было иным. Наряду со строгой избирательностью при привлечении опытных мастеров, вокруг них создавалась атмосфера большой доверительности и доброжелательности. Только неудачно решенные ими работы отвергались или перedelывались (явление чрезвычайно редкое). Замечания к незначительным просчетам в работе мастера не делались. И только когда их накапливалось более допустимого, Николай Васильевич разговаривал с художником один на один, щадя его самолюбие.

Если он слышал, что художественный редактор делает замечания опытному художнику по поводу пустяковой недоработки, то делал ему внушение:

— А вы, дорогой, не докучайте ему — у него есть имя и пусть за ошибки этим именем и отвечает.

В 40-х и 50-х годах знакомство с новыми работами художников было затруднено. Тогда персональные и даже коллективные выставки художникам книги устраивались чрезвычайно редко. К этой неизбежности привыкли и легко мирились с ней. Зато каждая выставка превращалась в торжество и радость для книжного искусства. Далеко не каждый мастер показывал свои работы в издательстве. Чаще всего это делали молодые.

Если художники впервые приносили работы в издательство, то их просматривал у себя в кабинете Н. В. Ильин с кем-нибудь из своих помощников. Просмотр был внимательным и неторопливым. Ильин редко при этом задавал какие-либо вопросы: все внимание уделялось представленным работам.

Когда художник пытался разложить свои графические листы на полу, сейчас же следовало замечание Ильина:

— Книжная графика «читается» с рук. Будьте любезны, покажите работы на столе.

Стол был большой, хорошо освещенный и всегда свободный от посторонних предметов. Если показываемая работа не удовлетворяла Ильина или он находил ее далекой от задач издательства, то он изыс-

канно вежливо благодарил художника за показ, просил извинения за то, что он не может предложить книгу для работы. Становилось ясно: художнику было отказано от сотрудничества в издательстве.

Совершенно по-иному Ильин вел себя, если работа казалась интересной или талантливой. Его внимательность удваивалась. Графические листы не однажды просматривались заново и по одному известному лишь Ильину принципу раскладывались по разным кучкам.

И, вдруг, начиналась «атака» на художника.

— Почему вы плохо нарисовали руку?

Или:

— Ну, что это за композиционная суетливость? Невнимательно, ба-
тенька, работаете.

— Цвет, цвет-то почему рассыпается?

Рабочие замечания Николая Васильевича были конкретны, выражали сущность и сообщались в краткой, простой форме.

Подобных замечаний на растерявшегося художника сыпалось множество. Каждое из них в известной мере было справедливым. Хороший художник их чувствовал и с болью принимал за серьезный упрек.

Но в этом-то и состоял смысл «секрета» Ильина.

Педалирование увиденных ошибок или слабостей только прикрывало смысл истинной оценки. На самом деле это означало, что работа понравилась и художник непременно будет сотрудничать в издательстве.

Для многих подобный прием и был началом ильинской шлифовки нового дарования.

Кое-кому его замечания казались «жесткими» и на короткий период наносили некоторую обиду. Сглаживали все только время и справедливость замечаний.

Николая Васильевича побаивались и уважали. Тем более, что подобные замечания в равной мере делались как мастерам, так и молодым художникам, если они того заслуживали.

Способность увидеть молодое дарование, определить его творческие возможности, вовремя привлечь к работе и с неослабеваемой заботливостью доводить до творческой зрелости была редким даром Ильина.

Что касается его высоких требований ко всем работающим в издательстве художникам, то они принимались всеми как должное, как эталон издательской требовательности.

Забота о привлечении, приобщении и сохранении кадров художников была важнейшим правилом в работе главного художника издательства, которое строго им соблюдалось.

В поисках новых имен Николай Васильевич постоянно требовал от художественных редакторов обязательного и неоднократного посещения всех художественных выставок Москвы. Всемерно поддерживал стремления художественных редакторов посещать мастерские художников. На каждой защите дипломных проектов в Суриковском или Полиграфическом институтах обязательно присутствовали представители художественной редакции издательства. Любой случай знакомства с работами художников, если они представляли интерес, рассказывался Ильину. Нередко это заканчивалось приглашением нового мастера в издательство.

На еженедельных редакционных летучках (заседаниях дирекции издательства) Ильин давал короткие и в то же время исчерпывающие

заклучения о качестве художественного и полиграфического исполнения вышедших сигнальных экземпляров.

Квалифицированность этих оценок создали ему непререкаемый авторитет в среде редакционных работников. Спорить с Ильиным было трудно — так значительны были его познания предмета. Нередко оппонент получал отпор такой внушительности и убедительности, что в следующий раз он ни за что не смел выступить со слабыми аргументациями.

У Николая Васильевича иногда было трудно добиться признания работы, но если он как главный художник ее утвердил, то защищал ее, как свою собственную. А защищать он умел, как, пожалуй, никто другой.

При Ильине художественные советы в издательстве проводились своеобразно. Их вполне можно было назвать советами-представлениями.

Заседания проводились не чаще двух-трех раз в год. На них, помимо небольших организационных вопросов, которые решались быстро, предлагались для просмотра две-три большие и ответственные работы художников-иллюстраторов.

Членами художественного совета издательства были прославленные мастера книжной графики, ведущие искусствоведы и писатели. Помимо постоянных членов совета (в его состав входили до 25 человек) на заседания персонально приглашались авторитетные художники и писатели, в зависимости от темы рассматриваемых работ. На художественных советах всегда присутствовали представители центральной печати и радио.

К началу заседания зал был переполнен, как в дни вернисажей или театральной премьеры.

Ильин никогда не предлагал совету малоинтересных работ. Показывалось самое сильное и событийное для того времени. Все это знали и с нетерпением и любопытством ожидали начала заседания.

Ильин коротко представлял каждого мастера и его работу и сразу же предлагал выступить кому-либо из художников, писателей или критиков. Тщательно отобранные работы никогда не вызывали сложных разногласий или споров. Как правило, художники и издательство выслушивали лишь похвалу и благодарность. И работа мастера после заседания художественного совета обретала не только признание, но и широкую известность.

Художники любили приходить в издательство. Посещения нужны были им не только для того, чтобы решить возникшие вопросы или договориться о новой работе. Тянула их в художественную редакцию возможностью получить широкую информацию о всех делах, связанных с развитием современной книжной графики.

В те годы в Москве еще не существовало Дома художника, а помещение МОССХа в Ермолаевском переулке было чисто служебным (не считая проведения здесь камерных периодических выставок) и обслуживало художников всех жанров. А Госнолитиздат был «своим» только для книжных графиков и соединял в себе нечто вроде клуба и некоего графического центра, где мастера книги могли просмотреть конкретные работы, обменяться мнениями, поделиться впечатлениями от увиденного и услышанного.

Любили заходить на издательский огонек и писатели. Частыми гостями художественной редакции были А. А. Фадеев, К. А. Федин, С. Я. Маршак, Б. Н. Полевой, С. М. Городецкий, В. Г. Лидин, А. А. Иг-

натьев, К. И. Чуковский и многие другие. Иногда встречи собирали много народу, и тогда разговорам о книгах, казалось, не было конца...

В среде художников всегда встречаются интересные, талантливые и оригинальные личности.

Особенно интересным рассказчиком был Владимир Алексеевич Милашевский, громогласный, прямой и откровенный, несколько резковатый судия очередных работ издательства.

Златоуст Андрей Дмитриевич Гончаров сообщал что-либо новое или своеобразно раскрывал то, что многими до него не замечалось.

Частно заносил приобретенные им графические листы искусствовед и коллекционер Павел Давидович Эттингер, который как истый собиратель всегда пытался показать свои приобретения и находил в издательстве соответствующую аудиторию.

Около Владимира Андреевича Фаворского можно было видеть обожающих его учеников (немолодых уже), с которыми он доверительно и тихо разговаривал или давал советы.

Николай Васильевич Кузьмин любил молча присутствовать на этих сборах, а если и молвил что-нибудь, то это скорее напоминало комментарий к сказанному: всегда содержательный, глубокий, умный и интересный.

Острый, не без доли сарказма Григорий Григорьевич Филипповский «вкрапывал» словцо, заставлявшее или менять точку зрения на обсуждаемое или усилить спор — подбавлял масла в огонь.

Молчаливая и слушающая молодежь начинала «свои речи» после окончания официальных рабочих часов.

«Знатные гости» уходили из редакции вместе с Ильиным после пяти-шести часов вечера, и тогда перед молодыми открывался знаменитый «заветный сундучок» — большой стальной издательский сейф, где хранились все последние работы художников.

Отсутствие «знаменитых» расковывало молодых художников, и они давали свободу своим оценкам, которые, как у каждого молодого, имели характер абсолютной прямолинейности, а иногда беспощадности суждений. Такие обсуждения творчески обогащали их.

Следует сказать, что в 40—50-е годы за книжной графикой признавалось первенство среди других форм изобразительного искусства. Книжную графику считали содержательнее и притягательнее живописи. Роль художника книги стала оцениваться высоко.

Несомненно, этому успеху книжной графики способствовала и интересная работа художников Гослитиздата под руководством Н. В. Ильина. Авторитетность его в ту пору была громадной. С этим же временем связана и его плодотворная собственная творческая работа.

Более всего им было оформлено книг для Гослитиздата. Как художник он активно проявлял себя в решениях архитектурного строя книги, достигнув в этом предельного мастерства, став по праву ведущим книжным оформителем страны.

Им были оформлены многие издания произведений Пушкина, Лермонтова и Крылова. Как иллюстратор, он не занимал первых мест в книжной графике. Вместе с тем иллюстрации, созданные этим истинно талантливым художником, отличались большой индивидуальной выразительностью.

В графике Ильин любил лапидарность мысли и исполнительских средств. Он мастерски владел красивой изящной линией и декоративно-

стью, что в свою очередь способствовало легкому восприятию его работ. Все оригиналы исполнялись им с постоянным артистизмом.

Простота и изящество его работ связаны с отточенностью мастерства, на достижение которого было потрачено много сил и неустанного трудолюбия. Не даром он любил и ценил выражение, которое часто употребляли П. А. Федотов и П. П. Чистяков:

— Сделаешь раз со сто, вот и выйдет просто.

Нет сомнения, что именно так он и достигал совершенства своих работ.

Многие художники удивлялись тому, как он мог, при ежедневной занятости в издательстве, находить время и силы для непрерывной творческой работы в качестве художника книги. Ведь им было создано около трех тысяч книг, отличающихся яркой индивидуальностью и мастерством. По умению сочетать работу в издательстве с личным творчеством Ильина можно было сравнить только с С. Б. Телингатером, который также не знал творческого застоя при любых больших служебных обязанностях в издательстве.

Нередко свои иллюстрации Николай Васильевич давал переводить в гравюру, привлекая для этого замечательных художников репродукционной гравюры Александра Николаевича Павлова и Федора Семеновича Быкова.

Творчеству Ильина посвящены обстоятельная монография Ксении Степановны Кравченко и много других искусствоведческих работ, к которым мы и отсылаем читателей.

Хочется лишь отметить одну существенную черту в творчестве художника — его любовь к природе, лирическое отношение к ней. Чаще всего пейзаж присутствовал в качестве фона в его сюжетных изображениях, и, может быть, поэтому эта особенность и не была усмотрена нашими критиками и искусствоведами.

Что касается его оформительского мастерства, то к нему еще не раз будут возвращаться историки и исследователи искусства — настолько оно высоко, своеобразно и примечательно.

Н. В. Ильин был создателем многих гарнитур рисованного шрифта и умело сочетал его с наборными формами. Он мастерски владел чувством нормы декора в книге.

Важным было его умение приобщать полиграфические средства для выражения конкретного оформительского «духа» каждого книжного издания. Скажем, задуманная масштабность книги исчерпывающе и художнически точно согласуется с размером и начертанием наборного шрифта, величиной и загрузкой спусковой полосы, установлением раскладки полей и даже выбором интенсивности краски при печати текста. (Несведущим людям, наверно, трудно представить, что вариации интенсивности черной краски могут быть множественными.) Ильин определял тональность красочного регистра и требовал неукоснительного соблюдения его во всех печатных листах.

Работы Ильина легко узнавались даже в тех случаях, когда в книге ничего не рисовалось, а оформление осуществлялось путем использования лишь полиграфических средств.

Несмотря на умение трансформировать и образовывать разные масштабы для каждой книги, в творчестве Николай Васильевич тяготел к монументальности. Любил большие книжные форматы, тянулся к простору полей, нередко применял более крупный текстовый наборный шрифт — по сравнению с обыденными и привычными.

В конце 40-х годов Гослитиздат выпустил в художественном исполнении роман А. Н. Толстого «Петр Первый» (с иллюстрациями художника Д. А. Шмаринова). Чрезмерные размеры книги (84×108¹/₈) и ее необычный вес (около пяти килограммов) насторожили читателей. Этот случай был осужден, а издательство строго предупредило о недопустимости повтора подобных ошибок. Автором оформления этой книги был сам Ильин, который, осознав свою ошибку, еще долго переживал неудачу.

Ильин любил применять крупный рисованный шрифт на переплетах. Если переплет был красивый по материалу, то он использовал шрифт только для написания фамилии автора. Менее выразительный переплет украшался «слепым» тиснением по его рисункам — блинтом или конгревом.

Чаще всего он применял при наборе текста шрифты контрастных начертаний: в светлых — обыкновенная гарнитура, у которой все нажимные части шрифта были сильно утолщены по сравнению с тонкими. Поэтому он тяготел к использованию английской заголовочной гарнитуры (Ревильона).

Большинство рисованных шрифтов Н. В. Ильина выражали характер контрастности. Используя шрифт подобной системы, необходимо во всех случаях одинаково рисовать тонкие и жирные части шрифта — иначе он потеряет стройность и стильность.

Ильин манипулировал большим количеством начертаний рисованного шрифта, разработанных на этой основе. Создание каждого нового шрифта заканчивалось сочетанием декоративных линеек и иных украшений для спусков и концовок книги. При этом строго соблюдалась их стилизация с основной гарнитурой.

Николай Васильевич отлично знал орнамент народов мира и умел его применять в книжном оформлении. Его рисованные орнаменты были далеки от банальных поворотов, ранее созданных и широко известных. Кроме того, он строго соблюдал чувство меры в его использовании. Из множества книг, где применен его рисованный орнамент, особое место занимают два книжных издания: «Задонщина» (1947 г.) и «Снегурочка» А. Н. Островского (1953 г.). Обе книги изданы в Гослитиздате.

Если в первой применялся орнамент, схожий с рисунками древнерусских рукописных и первых печатных изданий, то в «Снегурочке» орнамент представлял скорее затейливый узор, который мягко и лирично выражал поэтический настрой весны, любви к жизни.

Строгость соблюдения стиля русского национального орнамента в этих двух книгах несомненна.

Ильину принадлежит также оформление множества сборников и антологий поэзии и прозы авторов из национальных республик. Наиболее яркое впечатление производит книга Джамбула «Путешествие на Кавказ», выпущенная в издательстве «Советский писатель» (1938 г.), на переплете которой необыкновенно смело и интересно применен национальный орнамент, составленный аппликационно из различных по цвету лединовых материалов.

Н. В. Ильин требовал от художников соблюдения реалистической направленности в оформлении книг. При этом он не ограничивал их в выборе художественных средств и приемов.

Работая с художественными редакторами, Ильин постоянно учил их, что при оценке работ художников не надо поддаваться личным симпатиям и вкусам, а руководствоваться точными определениями и исчерпывающими характеристиками достоинств и недостатков работы.

Н. В. Ильин часто любил напоминать художественным редакторам: — Вы свое «нравится-не нравится» и «люблю-не люблю» или прячьте себе под каблук или лучше совсем о них забудьте. Оценивайте работу по тому, как она получилась.

Верный этому завету, он глубоко уважал и ценил различные проявления мастерства у художников книги старшего поколения и присматривался к способным молодым художникам, надеясь в их творчестве найти ростки нового и нужного для книги.

Ильин нарушил старую издательскую традицию использования малого, но проверенного контингента работающих художников — он широко открыл двери издательства для участия в работе множеству мастеров. И Николай Васильевич был несказанно рад, когда число художников издательства достигло двухсот человек, при плане выпуска книг года около 500 названий.

На самом видном месте в издательстве был вывешен список художников, участвовавших в создании книг.

Ильин дорожил каждым мастером, помогал и защищал в сложных случаях. Художники редко не оправдывали его доверия. Большинство из них почитали за честь называть себя сотрудниками Гослитиздата.

В Гослитиздате роль главного художника Н. В. Ильина не ограничивалась только художественными функциями. Опытный издатель, он всегда был вовлечен в круг всех дел, помогал советом решать многие сложные вопросы книгоиздания. Постоянно назначался членом редакционного совета издательства.

Собиратель древней рукописной и старопечатной русской книги, Ильин был отличным знатоком и современной литературы. И участвовал в решении вопросов, относящихся буквально ко всем сферам деятельности Гослитиздата.

В нем было заложено большое чувство гражданской ответственности за все дела издательства.

Война опустошила громадные библиотечные и личные книжные фонды страны. Нужны были экстренные меры для ликвидации книжного голода. Николай Васильевич разработал и предложил форму издания однотомников классической и современной литературы большими тиражами и объемами. Осуществленное издание имело большой успех не только благодаря содержательности текста, но и достойному оформлению с использованием иллюстраций классической и современной графики.

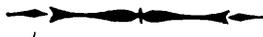
Выпуск однотомников в известной мере помог ликвидировать острую нехватку художественной литературы в стране.

Ильину принадлежала и инициатива выпуска иллюстрированных сборников, в каждом из которых участвовало много художников. Понимая, что в этих сборниках неизбежно будет утрачено стилевое единство оформления, Ильин тем не менее был сторонником подобных изданий, так как они способствовали концентрации и единению художников различных манер, но близких по методу. А в то время необходима была забота о единении художников.

Образцом такого издания, возможно, еще долго будет служить книга И. А. Крылова «Басни» (Гослитиздат 1948 г.). В ее оформлении принимали участие Д. Митрохин, В. Фаворский, С. Пожарский, Ф. Константинов, В. Домогацкий, М. Горшман, Д. Моор, В. Милашевский, С. Герасимов, Б. Дехтерев, Н. Ильин, А. Гончаров, В. Баюскин, М. Таран, П. Алякринский. Представляет интерес архитектурное решение

оформления сборника, которое помогло объединить иллюстрации разных мастеров в единое целое.

Значителен вклад Н. В. Ильина в развитие художественной культуры оформления и иллюстрирования отечественной книги. Им выдвинут целый ряд принципов, которые вошли в основу современных методов оформления и художественного редактирования печатной продукции. В результате его деятельности существенно изменились функции художественных редакторов и главных художников издательств всей страны.

Т. И. КОНДАКОВА

ТИПОГРАФСКИЕ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ МАРКИ В РУССКИХ КНИГАХ XVIII ВЕКА

од издательской или типографской маркой следует понимать знак, свидетельствующий о принадлежности книги к продукции определенного издательства или типографии; графически он изображается с помощью следующих элементов в их различных сочетаниях: эмблема, девиз, инициалы имени издателя или типографа, аббревиатура названия издательского или типографского учреждения (два последних элемента чаще всего — в форме монограммы).

Книжные марки возникли в Германии во второй половине XV в., сразу же после изобретения книгопечатания. По своему происхождению они восходили, с одной стороны, к символическим «адресам» ремесленников в средневековых городах¹, с другой, — к личным печатям королей и особым знакам нотариусов, которые существовали с XIII в. Связь с последними подтверждается сходством в местоположении книжных знаков и формул нотариусов: и те и другие ставились в конце книги или документа.

В эпоху, когда функции типографа и издателя выполнял один человек, и марка, естественно, была единой. Однако уже в конце XV — начале XVI в., когда в Западной Европе произошло разделение функций издателей и типографов, возникло два типа марок — издательские и типографские.

Первоначально книжные марки имели чисто информационное назначение. Они позволяли легко узнавать о месте издания книги. Известно, что в 1541 г. король Франции издал даже специальный указ, обязывавший типографов и книгопродавцев-издателей иметь индивидуальные отличные друг от друга марки. Вскоре уже каждый печатник и издатель-книгопродавец имел свою персональную марку, и часто — не одну.

С конца XVI в. марки начинают рассматриваться типографами и издателями как элемент не только информационного, но и декоративного характера. В книжных знаках отражаются художественные вкусы соот-

---

¹ Ср. марку известного французского печатника XVII в. Себастьяна Крамуазин с изображением аистов над селением и выходные данные напечатанной им в 1627 г. книги «Discours sur les medalles antiques»: «A Paris, chez Sebastien Cramoisy, rue Saint Jacques, aux Cigognes» (т. е. «у аистов»).

ветствующих эпох. Так, поздний ренессанс (XVI в.) и барокко (конец XVI — середина XVIII в.) находят выражение в перегруженности марок украшениями и символами; рококо (первая половина — середина XVIII в.) — превращает марку в вычурную тонкую виньетку, выполненную в технике гравюры на меди².

Временем появления отечественных книжных марок следует считать вторую половину XVIII в.³ До этого в типографском и издательском деле России существовала монополия государства, профессиональных издателей и типографов не было. Издательская деятельность первопечатника Ивана Федорова во Львове в XVI в. и амстердамского купца Яна Тессинга, владевшего дарованной Петром I привилегией на печатание и продажу русских книг, в конце XVII — начале XVIII в. протекала за пределами русского государства. И хотя их издания были рассчитаны на русского читателя, значительного влияния на практику русского книгоиздательства в тех исторических условиях они оказать не могли. Поэтому книжные знаки этих издателей могут быть квалифицированы только как предыстория русской книгоиздательской марки⁴.

Книжные марки появляются в русских изданиях в 60—70-е годы XVIII в. Это было время подъема в книжном деле России. Несмотря на действие государственной монополии в типографском и издательском деле, уже возникло и развилось ведомственное книгоиздательство, намечались первые ростки частного предпринимательства на этом поприще.

Отечественных издательских и типографских знаков с момента их возникновения до конца XVIII столетия, по нашим сведениям, можно насчитать более сорока. Первые установленные нами факты зарождения книжных марок в России — это единичные случаи употребления в книгах марок Сухопутного⁵ и Артиллерийского кадетских корпусов (№ 1, 4)⁶

---

² См.: *Lexikon des gesamten Buchwesens*, Leipzig, 1937, Т. 3, S. 284—285; Laurent-Vibert R., *Andin M. Les marques de libraires et d'imprimeurs en France aux dix-septième et dix-huitième siècles*. Paris, 1925, p. /3—6/; Молдавская М. А. 1) Развитие книготорговли во Франции в первой половине XVI в. — Сред. века, 1957, вып. 10, с. 133; 2) Развитие капиталистических отношений в книгопечатном производстве Франции в условиях гражданских войн второй половины XVI века. — Там же, 1971, вып. 33, с. 187.

³ В литературе вопрос о марках в русских книгах XVIII в. почти не поднимался. Мы можем указать лишь на статьи С. П. Фортинского «Издательские марки» (Сов. книж. торговля, 1960, № 7, с. 32—34) и «Издательские знаки». («Книга. Исслед. и материалы», 1967, сб. 14, с. 194—205).

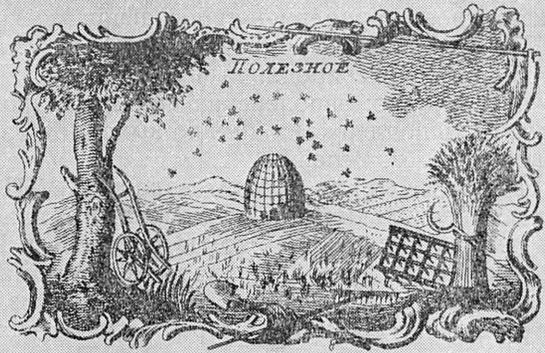
⁴ Знак Ивана Федорова был издательской маркой лишь в его львовских книгах, так как именно во Львове он выступал не только в качестве печатника, но и в качестве владельца типографии и издателя ее продукции (Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 346). Марка Ивана Федорова в острожских изданиях — это только знак мастера-печатника, «делателя» книг. Работая в Острожской типографии, первопечатник не являлся ни ее владельцем, ни издателем ее печатного материала (и в первой и во второй роли, как и известно, здесь выступал князь К. К. Острожский. (Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974, с. 83, 98 и др.). Правда, по мнению Я. Д. Исаевича, можно спорить об издателе острожской Азбуки 1578 г. (Исаевич Я. Д. Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине. — В кн.: Федоровские чтения 1973. М., 1976, с. 21).

⁵ Типографская марка Сухопутного кадетского корпуса встречается всего один раз. Однако в этом учреждении была попытка другого рода маркировать свою печатную продукцию: начиная с 1768 г. все книги, официально предназначенные к продаже и раздаче в качестве гонорара, помечались штампом с эмблемой Сухопутного кадетского корпуса и определенным порядковым номером. Делалось это для борьбы на книготорговом рынке со сбытом по пониженным ценам похищенных из корпуса книг (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 2, № 3380, л. 5а, 5б, 6, 7). Подобная практика существовала также в типографии Академии наук, помечавшей свою книготорговую продукцию штампом с изображением совы (см. объявление на с. 4 в № 80 «Спб. ведомостей» от 5 окт. 1767 г.).

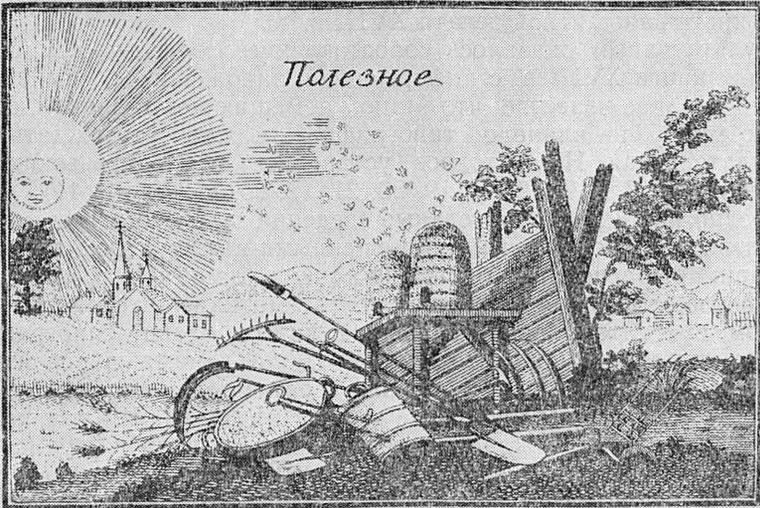
⁶ Номера в скобках здесь и в дальнейшем изложении соответствуют воспроизведениям марок.

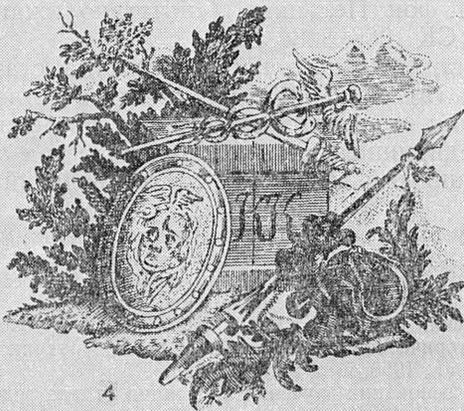
1

2

3

4

5

6

в 1765—1768 гг. Прочная же традиция в употреблении марок в русских изданиях создалась и получила развитие в одной из крупнейших типографий своего времени — типографии Московского университета. Здесь в 1770 г. появилось одновременно две марки: самого университета (№ 5) и его книгопродавца и издателя Х. Л. Вевера (№ 7). Возможно, это не случайно: европейская традиция употребления книжных знаков могла быть поддержана именно выходцем из Западной Европы, каковым и являлся Х. Л. Вевер⁷.

Книжные марки русских изданий XVIII в. анализируются в данной статье в нескольких аспектах. Первый и наиболее важный аспект изучения профессионализации труда издателя в России в XVIII в. — выяснение профессиональной принадлежности марки; квалификация ее или в качестве типографской, или в качестве издательской. Первых удалось выявить около тридцати, вторых — пятнадцать. Их выделение было связано с определенными трудностями. Прежде всего непосредственно для выявления марок необходим сплошной просмотр de visu всего фонда русских книг гражданской печати XVIII в.⁸

Результативным оказалось сопоставление известных нам сведений о деятелях книги XVIII в. с информацией, заложенной в самих книгах. Так, если заранее известно, что лицо, помещающее в своих изданиях книжную марку, не владело типографией, можно утверждать: марка эта — издательская. Нам удалось установить 14 издательских марок такого типа (№ 7, 8, 9, 12, 14, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 33, 43, 44).

Нередко наши предварительные сведения о деятельности подобного лица подтверждались данными, помещенными на титульном листе книги.

Например, располагая биографическими данными о «партикуляром в Москве благородного юношества математики учителя» Ефиме Войтяховском, бухгалтере Иване Новикове, книгопродавце типографии Сухопутного кадетского корпуса Самуиле Шеле, занимавшихся издательской деятельностью, но не обладавших собственными типографиями, мы квалифицировали их персональные марки (№ 33, 44, 19) как издательские. Этот вывод подтверждается сообщениями, помещенными на титульных листах учебника по фортификации Е. Д. Войтяховского («печатана иждивением сочинителя»), пособия по арифметике Н. Шмита, переведенного и изданного И. Новиковым («иждивением И. Новикова»), романа «Роскошная Саксония...» К. Л. фон Пельница («печатано иждивением книгопродавца С. И. Шеля») (СК 1066, 8284, 5147)⁹.

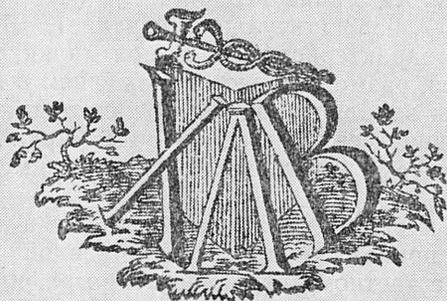
Следует особо сказать о марке новиковского «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12). Квалификация ее в качестве издательской не вызывает сомнений: это подтверждается и сведениями об обществе Н. И. Новикова, предпринимавшем издания книг при отсутствии типографской базы¹⁰, и данными титульных листов изданий Обще-

⁷ На возникновение традиции употребления марок в русских книгах могла повлиять и уже вошедшая в практику бумажного дела России маркировка продукции того или иного предприятия; известно, что даже существовал указ 1744 г., требовавший от бумажных фабрикантов персонализации выпущенной ими бумаги (К у к у ш к и н а М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. (Обзор собрания П. А. Картавова). — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958, вып. 2, с. 288—289).

⁸ Исследование проводилось на основании изучения коллекции отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

⁹ Здесь и в дальнейшем изложении при указании русских книг гражданской печати XVIII в. дается ссылка на номера соответствующих описаний «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1962—1966, т. 1—5; Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975).

¹⁰ Семенов В. П. Раннее издательское общество Н. И. Новикова. Спб., 1912, с. 6, 10.

7

8

9

11

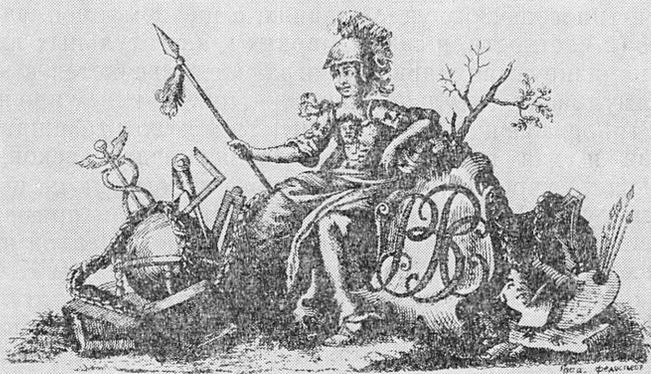
10

12

12а

13

ства, где весьма часто марка сопровождается словами: «Иждивением Общества, старающегося о напечатании книг» (СК 244, 1274, 1538, 3486, 3882, 4234, 5772, 5777, 6333 (титульное издание), 6704, 8090, 8592), и даже формальными характеристиками самой марки, которая своей символическостью, формой, размером, местоположением в книге воссоздавала традиционные черты западноевропейской издательской марки. Это, по всей вероятности, единственная в своем роде марка для русских книг XVIII века: специфически издательское общество имело свою сугубо издательскую марку.

Более сложная методика анализа необходима в том случае, если исследуемая марка принадлежала государственной или ведомственной типографии, а также частному владельцу типографии. Выделить собственно издательскую продукцию того или иного учреждения, а также принадлежавшую владельцу типографии, из общей массы печатного материала, вышедшего из данной типографии в XVIII в., весьма сложно. Установление характера марок, встречающихся в книгах этих типографий, является одним из средств для решения данной проблемы.

В случае одновременного употребления на книге двух марок, можно безошибочно утверждать: марка, принадлежащая непосредственно типографии (вариант — ее частному владельцу) — типографская, а вторая марка — издательская.

Так, на титульном листе «Собрания 4291 древних российских пословиц» А. А. Барсова, напечатанного в 1770 г. в типографии Московского университета (СК 404), помещена марка университетского книгопродавца Х. Л. Вевера (№ 7), а на обороте титульного листа — марка самого университета (№ 5). Это сосуществование марок свидетельствует об издательском характере первой марки и о типографском — второй. Подобный же пример: одновременное употребление на обороте титульного листа повести Шарля Ла Морьера «Ангола», напечатанной в 1785 г. в типографии Пономарева (СК 3436), двух марок — типографской марки Степана Пономарева (№ 23) и издательской — Василия Вороблевского (№ 25).

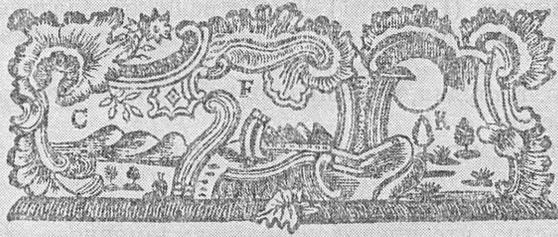
В том случае, если в книгах той или иной государственной, ведомственной или частной типографии встречается только ее собственная марка, необходимо обратиться к уже описанной выше методике сопоставления предварительных сведений о деятелях книги XVIII в., а также издательских и типографских учреждениях, с информацией, заложенной в их изданиях (в частности, в самих марках и на титульных листах книг). Так, если анализируемая марка типографии встречается в книге в сочетании с формулой на титульном листе — «иждивением или на кошт» такого-то (не типографа и не типографии), то можно утверждать: марка — типографская и для выделения собственно издательской продукции соответствующего учреждения или частного типографа не пригодна.

Иллюстрируется данное положение целым рядом примеров. Приводим лишь два из них. На обороте титульного листа первой части «Спутника и собеседника веселых людей...» К. Н. Николаи (СК 4609) стоит марка Московского университета (№ 5), на самом же титульном листе указано: «На иждивение книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера». Таким образом, марка — типографская. Книга Д. Адамса «Электрические опыты...» (СК 65) сопровождается маркой типографа Христофора Клаудия (№ 34); сведения титульного листа — «Иждивением издателя» (Ефима Войтяховского). Следовательно, эта марка Клаудия — типографская.

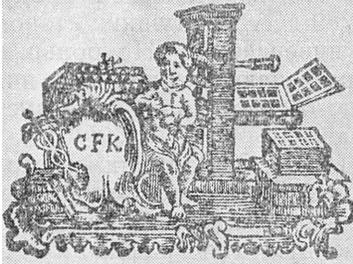
В то же время любой из типографов XVIII в. выступал и как издатель части печатной продукции своего предприятия. Так и Христофор

14

16

15

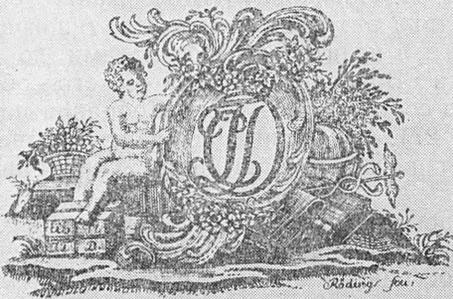
17

18

19

20

21

Клаудий, будучи владельцем московской типографии при Театре, предпринимал первые шаги в издательской деятельности. И один раз даже поставил на своем издании — «Полном географическом лексиконе...» К. Г. Лангера (СК 3451) — собственную издательскую марку (№ 35). На титульном листе книги Лангера значится — «в вольной типографии у Хр. Клаудия и его иждивением» (курсив мой. — Т. К.); следовательно, марка Хр. Клаудия, помещенная на обороте того же титульного листа, — издательская.

Критерием определения характера профессиональной принадлежности марки может служить также сопоставление издательской продукции разных периодов в деятельности того или иного издателя.

Известно, что преподаватель землемерного искусства и публичный нотариус А. Светушкин выступал в качестве издателя в Московской сенатской типографии. При проверке всей его издательской продукции этого периода марок не обнаружено. В 1789 г. А. Светушкин становится арендатором типографии Московского университета. На большинстве книг второго периода его деятельности встречаются три марки с инициалами «АС» (№ 29, 30, 31). Из приведенного сопоставления следует вывод: марки А. Светушкина — типографские.

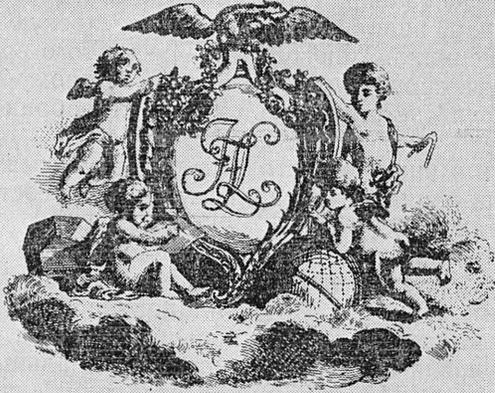
Один из русских просветителей XVIII в. И. Г. Рахманинов первоначально предпринимал ряд изданий, не имея собственной типографии¹¹. Ни одно из этих изданий не помечено его персональной маркой. И лишь когда И. Г. Рахманинов приобрел собственную типографию, он начал помечать свои книги маркой (№ 28). Следовательно марка И. Г. Рахманинова — тоже типографская.

Особый случай представляет собой марка Н. И. Новикова (№ 9). Встречается она уже в тех его изданиях 70-х годов XVIII в., которые вышли в свет до аренды этим издателем типографии Московского университета, — в «Новом расположении истории человеческого разума» Ф. М. Вольтера, «Скифской истории...» А. И. Лызлова, в журнале «Повествователь древностей российских...» (СК 1125, 3825; IV. 201). В дальнейшем марка продолжает употребляться в книгах Н. И. Новикова — уже арендатора университетской типографии, причем, нередко в сочетании с информацией об издателе книге (не Новикове). На титульном листе «Краткой немецкой грамматики» М. И. Агентова (СК 55) значится — «иждивением университетского книгопродавца Христиана Ридигера», на обороте его — марка Н. И. Новикова (№ 9). Таким образом, возникнув как издательская, марка эта превратилась в типографскую.

Не в полной мере совпадают с издательскими марками по своему смысловому наполнению марки Вольного экономического общества (№ 2, 3), Вольного российского собрания (№ 13) и Собрания питомцев Московского университета (№ 27). В данных случаях употребление марки на книге свидетельствует о том, что авторами книги являются члены определенных обществ.

Заканчивая анализ марок, встречающихся в русских книгах XVIII в., с точки зрения характера их профессиональной принадлежности, можно констатировать большую распространенность типографских марок (их — две трети от общего количества) по сравнению с издательскими. Это — отражение того, что в профессиональном отношении типографское дело в России в XVIII в. было более развитым явлением, чем издательское: существовавшим в то время в нашей стране более чем 80 типографиям соответствовало около 30 марок; а 380 лицам, так или иначе обращающимся к издательской деятельности, — 15 марок.

¹¹ Полонская И. М. И. Г. Рахманинов. (Из истории рус. книгоиздательства конца XVIII в.) Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1954, с. 72—86.

22

23

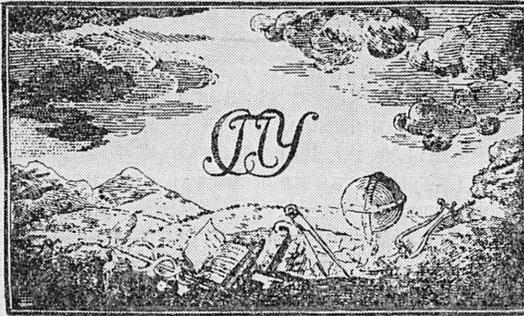
24

25

26

27

28

29

30

31

В деятельности очень немногих издателей России XVIII в. можно отметить черты профессионализма. Те из них, которые сочли необходимым отметить свои издания персональной маркой, закрепили тем самым свое право на них, как на товар, приравнивали свою издательскую практику к деятельности промышленника. Типографы в России того времени в большей степени были профессионалами, да и по известному указу 1783 г. велено было типографии «не различать от прочих фабрик и рукоделей».

Вначале марки вводились в книгу с чисто информационными целями, и лишь с конца XVI в. они начинают восприниматься как составная часть ее орнаментального убранства.

Использование марки в русских книгах XVIII в. шло в русле западноевропейских традиций: марка воспроизводилась в книге и с информационными, и с декоративными целями. Информационное назначение у отечественных марок было выражено даже в большей степени, чем у западноевропейских, так как среди них преобладали инициальные (их более 93% от общего количества). Исключение составляли лишь три марки: марка Вольного экономического общества в 2-х вариантах (№ 2, 3), представляющая собой эмблему земледельческого производства с девизом «Полезное»; марка новиковского «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12), с девизом «Согласием и трудами», где эмблемы добродетели и терпения сопровождаются картиной их реальных плодов, символизирующих процветание науки и книжной торговли; а также марка издателя «Собрания русских песен» (СК 7384) В. Ф. Трутовского (№ 43) с изображением группы музыкальных инструментов и девизом «РП» («Русские песни»). Нередко марка служила единственным источником информации об издателе или типографе. Так, в книгах, выпущенных типографиями И. Г. Рахманинова, никогда не указывалось место их выхода, поэтому именно марка с инициалами «ИР» (№ 28) свидетельствовала об издателе книги. Книгопродавец К. Т. Дальгрэн, печатавший свои книги в типографии И. Г. И. Брейткопфа в Петербурге, выделял свои издания только с помощью персональной марки (в двух вариантах) с латинскими инициалами «СТД» (№ 20, 21). Марка «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12) также в ряде случаев служила единственным указанием на издателей книги (СК 464, 1294, 1539, 1544, 2079, 2384, 3141, 4495, 4983, 6333, 6342, 7964, 8604).

Орнаментальное назначение марки в русских книгах XVIII в. значительно слабее выражено, чем информационное. Отметим лишь наиболее выразительные случаи.

В роскошном издании «Писем Петра Великого, писанных к... графу Борису Петровичу Шереметеву...» (СК 5228), марка Московского университета (№ 5) вплетена в наборную рамку титульного листа и служит одним из элементов убранства книги.

Определенную художественную выразительность имеют и описанные выше символические марки Вольного экономического общества (№ 2, 3) и «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12). Художественный интерес представляет ряд инициальных марок: Вольного российского собрания (№ 13; инициалы «ВРС») с изображением богини мудрости Минервы и атрибутов научного исследования и искусства; К. Т. Дальгрэна (№ 20; инициалы «СТД»), представляющая собой эмблему книжной торговли; И. З. Логана (№ 22; инициалы «JZL»), выполненная в стиле рококо с включением отдельных атрибутов научного исследования; Собрания университетских питомцев (№ 27; инициалы «СПУ»), где монограмма окружена символами наук, ремесел и искусств; Х. Клаудия (№ 34; инициалы «ВСС», видимо, означающие

32

33

35

34

36

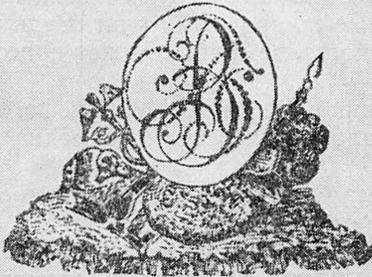
37

38

39

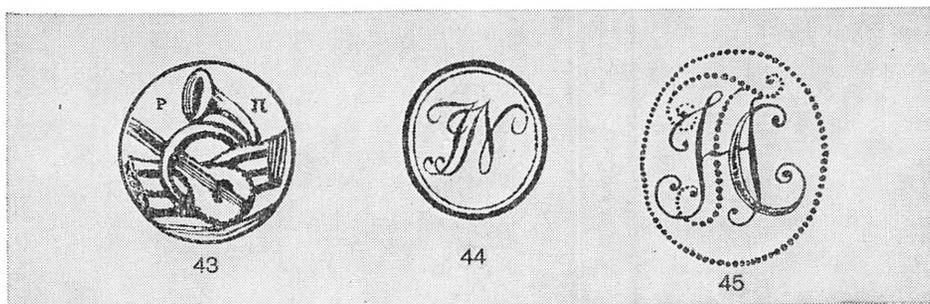
40

41

42

«Buchdrucker Christophor Claudij»), в которой наряду с барочным картушем (с монограммой печатника) изображена фигура бога торговли Меркурия с книгой в руке.

Все четыре марки книгопродавца типографии Артиллерийского кадетского корпуса Х. Ф. Клеэна, несомненно, также, кроме информационного, имеют и декоративное назначение. Одна из них (№ 15) символична: на ней представлена фигурка путти, сидящая у печатного станка; спустя 13 лет в калужской типографии она была использована в качестве виньетки (без инициалов). Другие марки Х. Ф. Клеэна (№ 16, 17, 18) также воспринимаются как элементы убранства книги: нередко в одном издании они выступают в сочетании (№ 15 и 16; № 15 и 18); отвечают всем признакам типичных виньеток (№ 17, 18) или заставок (№ 16), употреблявшихся в русских книгах XVIII в. (порой марка и создавалась путем впечатывания инициалов в готовую виньетку, например, марка № 18).

Стиль марок русских книг XVIII в. отражает художественные вкусы своего времени. Как и маркам западноевропейских книг той эпохи, отечественным книжным знакам свойственна изящная вычурность деталей, характеризующая стиль рококо.

Небезынтересно и определение способов изготовления и воспроизведения марок XVIII в.: это дополняет наши сведения о технологических процессах в русских типографиях XVIII в. В данном случае оказался необходимым просмотр *de visu* не только всех отечественных книг XVIII в., имеющих марки, но и всех экземпляров этих книг. Ведь подчас случайная ошибка печатника в отдельном экземпляре может приоткрыть «кухню» полиграфического процесса.

Орнаментальные элементы для книг в России в XVIII в. изготовлялись различными способами: их «резали» на дереве¹², на меди¹³, отливали из гарта¹⁴.

Марки, поскольку они были весьма близки к виньеткам, не отличались от них, вероятно, и по способам изготовления.

Марки, выполненные в технике гравюры на меди, легко выделяются (в частности, по обжиму доски); это — марки Вольного экономического

¹² Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973, с. 81; ил. № 42.

¹³ Добров М. А. Техника иллюстрированной книги XVIII века. — В кн.: Книга в России. М., 1924, ч. 1, с. 360—367.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 2, № 3005, л. 7: «Для начальных страниц при печатании книг в типографии Шляхетного кадетского корпуса сделано в оную типографию Академии наук пунсонным мастером Федором Краюхиным на гарте (курсив мой. — Т. К.) одна начальная заставка для четверти листовых книг..., одна литера Н с фигурами..., одна окончательная кашка, которая ставится в конце книги...» (1759). «В словолитной палате... отлить вновь литер грузинских, также и цветков» (Материалы для истории имп. Академии наук. Спб., 1886, т. 3, с. 412, № 463 (курсив мой. — Т. К.).

общества (№ 2, 3), Сухопутного кадетского корпуса (№ 4), «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12), Вольного русского собрания (№ 13), одна из марок К. Т. Дальгрена (№ 20), марки И. З. Логана (№ 22), Собрания университетских питомцев (№ 27). Авторы некоторых гравюр на меди известны (благодаря подписям, оставленным граверами). Это — Е. Е. Федосеев, автор марки Вольного русского собрания (№ 13); Н. Я. Саблин, Н. Антипов, Х. М. Рот — создатели шести вариантов марки «Общества, старающегося о напечатании книг» (№ 12); S. G. Röding — автор марки К. Т. Дальгрена (№ 20).

Отличить марки, выполненные в технике гравюры на дереве и отличные из гарта, более сложно. Здесь важно учитывать характер изнашиваемости оригинала. Штемпель, отлитый из гарта, при изнашивании дает размытые контуры¹⁵, а не дефекты типа трещин, характерные для гравюры на дереве. Кроме того, металлический штемпель дает очень глубокий оттиск. Так, марка (№ 5), помещенная на обороте титульного листа «Слова о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь к отечеству...» И. Г. Рейхеля¹⁶, оставила слепой оттиск не только на титульном листе, но и на форзаце (впрочем, оттиск на этом последнем мог появиться позже, в результате длительного соприкосновения с титульным листом). Авторство деревянных и гартовых марок установить не представляется возможным (подписей авторов нигде нет).

Композиции марок — гравюр на меди отличаются большей сложностью, что, видимо, объясняется техническими возможностями этого способа гравирования.

Гравюра на дереве и отливка из гарта, как виды высокой печати, могли быть включены в набор. В качестве наиболее яркого примера здесь следует привести уже упомянутое выше издание писем Петра I Б. П. Шереметеву с маркой Московского университета (№ 5), включенной в наборную рамку титульного листа. Можно вспомнить также и марку А. Решетникова (№ 36), помещенную вместе с текстом внутри наборной рамки на обороте титульного листа книги «Жизнь княжны Изabelлы...» (СК 2257). Доказательством того, что гравюра высокой печати чаще всего вставлялась в форму, с которой производился оттиск, может служить абсолютное тождество расположения текста и марки на странице в разных экземплярах издания¹⁷.

В некоторых случаях та же самая марка могла проставляться в книгу как штемпель вручную. Приведем ряд примеров. В двух экземплярах «Двухсот восьми священных историй Ветхого и Нового завета...» И. Гюбнера и И. Вагнера (СК 1678; инв. № 3402, 3403, 20195) марка Московского университета (№ 5) расположена в левом верхнем углу оборота титульного листа; в третьем экземпляре — в левом нижнем углу. В целом ряде университетских изданий марки (№ 5, 6) проставлены не во все экземпляры: в «Хромом нищем...» Ж. Л. Кастигона, в «Описании двух... триумфальных ворот...», в «Слове о сложении тела человеческо-

¹⁵ Ср. состояние оригинала марки А. Решетникова в 1791 и 1794 гг. по соответствующим оттискам в книгах, напр., в СК 3065 (инв. № 6236), СК 4604 (инв. № 17341).

¹⁶ СК 5925 (инв. № 2218). Можно привести и другие примеры глубоких оттисков металлических штемпелей: на титульном листе речи Я. И. Шнейдера «Oratio solemnis de Praestantia jurisprudentiae, qua... Catharinae II... Universitas caesarea Mosquensis devota...», напечатанной у Н. И. Новикова в 1785 г. (инв. № 14043) — оттиск марки № 10; на титульном листе книги И. Г. Шварца «De Virtutibus et vitiis stili germanici...», напечатанной у Н. И. Новикова в 1780 г. (инв. № 13897) — оттиск марки № 9 и т. д.

¹⁷ Ср. полное совпадение местоположения марки Н. И. Новикова (№ 9) на обороте титульного листа с печатным текстом в двух экземплярах одной и той же книги (СК 3543, инв. № 19508, 4858), также другой марки Н. И. Новикова (№ 11) (СК 710, инв. № 2489, 14801).

го...» С. Г. Зыбелина, в «Новой Виньоле...» Ж. Р. Люкота (СК 2873, 4930, 2393, 3874).

Ряд марок в русских книгах XVIII в. можно квалифицировать как несомненные штампы. Это — издательские марки Ивана Навроцкого (№ 14), Василия Вороблевского (№ 25, 26), Ефима Войтяховского (№ 33), Ивана Новикова (№ 44), Василия Трутовского (№ 43); также одна из типографских марок арендаторов типографии Московского университета Х. Ридигера и Х. Клаудия (№ 42). Их характеризует нечеткость воспроизведения, разное местоположение на странице (ср. совершенно произвольное расположение марки Ридигера и Клаудия (№ 42) в разных экземплярах «Плодов меланхолии...» П. В. Победоносцева (СК 5405); штамп В. Вороблевского (№ 25), проставленных дважды по обе стороны виньетки на последней странице «Сказания о рождении Петра Первого» П. Н. Крекшина (СК 3299), иногда — другой цвет краски (штамп И. Навроцкого (№ 14) — коричнево-красного цвета).

Употребление штампов, очевидно, было весьма популярным в то время. В частности, подобным же образом в XVIII в. в русских книгах воспроизводились экслибрисы (например, экслибрис Федора Каржавина, Тимофея Мальгина, Александра Перепечина и др.). Специальные книготорговые знаки типографий Сухопутного кадетского корпуса и Академии наук также представляли собой несомненные штампы.

XVIII в. для России — время зарождения и бурного развития нового в материальной и духовной жизни страны. Типографское и издательское дело также испытали в этот период колоссальный подъем: возникли новые типографии, был введен гражданский шрифт, решительно изменились тематика и объем издаваемой литературы. Именно в XVIII в., в период отмены государственной монополии в типографском и издательском деле и невиданного дотоле роста читательской аудитории, в русской общественной жизни возникает фигура издателя, неизвестная ранее.

Одним из внешних признаков возникающей профессионализации труда издателей явились отечественные книжные марки XVIII в. Они не получили еще широкого распространения в тот период; это было время возникновения и начального развития данного явления в русском книжном деле (в Москве их было 26, в Петербурге — 15, в провинции — 2). Однако изучение их, наряду с другими признаками указанного процесса (например, такими, как объявление подписки на издаваемую литературу, использование издательской печатной обложки, выплата гонорара авторам, переводчикам и редакторам), помогает исследованию актуальной проблемы формирования профессии издателя в России.

Примеч.: На таблицах воспроизведены следующие книжные марки: 1. Артиллерийского кадетского корпуса; 2—3. Вольного экономического общества; 4. Сухопутного кадетского корпуса; 5—6. Московского университета; 7. Х. Л. Вевера; 8. Х. Г. Ридигера; 9—11. Н. И. Новикова; 12. Общества, старающегося о напечатании книг; 13. Вольного российского собрания; 14. И. А. Навроцкого; 15—18. Х. Ф. Клеэна; 19. С. И. Шеля; 20—21. К. Т. Дальгрена; 22. И. З. Логана; 23. С. Пономарева; 24. М. П. Пономарева; 25—26. В. Г. Вороблевского; 27. Собрания питомцев Московского университета; 28. И. Г. Рахманинова; 29—31. А. А. Светушкина; 32. В. И. Огорокова; 33. Е. Д. Войтяховского; 34—35. Х. А. Клаудия; 36—37. А. Г. Решетникова; 38—39. И. Н. Зедербана; 40. И. Г. Зеленикова; 41—42. Х. Г. Ридигера и Х. А. Клаудия; 43. В. Ф. Трутовского; 44. И. Я. Новикова; 45. Н. Н. Сумарокова.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЛЕКЦИИ В. И. ВЕРНАДСКОГО О КНИГОПЕЧАТАНИИ

Н

а заре XX века, в 1902—1903 гг., в небольшом цикле лекций по истории современного мировоззрения, читанных в Московском университете, В. И. Вернадский посвятил три лекции истории изобретения книгопечатания и его значению в прогрессе науки. Вот их заглавия:

Лекция 4. Прогресс науки. Значение книгопечатания.

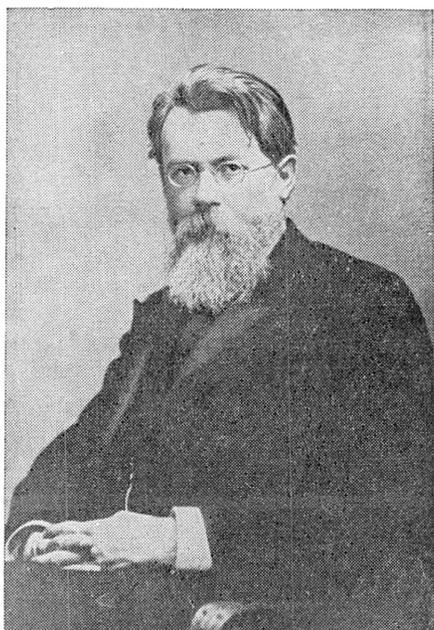
Лекция 5. Открытие книгопечатания. Значение деятельности народных масс. Гутенберг. Подготовка открытия предыдущей исторической жизнью культурных народов. Шеффер.

Лекция 6. Распространение книгопечатания. Впечатление на современников. Значение для роста и победы научного мировоззрения.

Эти лекции, как и последующие шесть, оставались неопубликованными более 75 лет¹.

Владимир Иванович Вернадский — приват-доцент с 1890 г. и профессор с 1898 г. Московского университета, академик с 1912 г., первый президент АН УССР, организатор и руководитель ряда крупнейших научных учреждений, член Парижской и Чехословацкой академий наук, давно и широко известен в научном мире как выдающийся минералог и кристаллограф, основоположник учения о биосфере и таких фундаментальных наук, как геохимия, биогеохимия и радиология. Но только в последнее десятилетие В. И. Вернадский признан одним из величайших натуралистов и мыслителей XX в. Публикация его трудов, их глубокое исследование, работы, посвященные его биографии, творчеству, идеям, открыли в Вернадском гения, стоящего в том ряду ученых и мыслителей, именами которых отмечаются поворотные вехи на пути человеческой цивилизации. Заслуга этого открытия принадлежит, в первую очередь, трудам академиков Б. М. Кедрова, А. Л. Яншина, члена-корреспондента АН СССР С. Р. Микулинского, И. И. Мочалова и других.

¹ Полный текст лекций будет опубликован в томе сочинений В. И. Вернадского «Избранные работы по истории науки», подготовленном к печати Институтом истории естествознания и техники АН СССР.

В. И. Вернадский

Теперь в научный оборот прочно вошло понятие «ноосфера». Не только геологам и биологам, но и ученым других специальностей сейчас известна роль Вернадского в создании учения о ноосфере. Историк науки небезынтересно отметить, что еще в четвертом томе второго издания БСЭ (1971 г.), как и в статье о В. И. Вернадском в первом издании слово «ноосфера» не встречается. Зато в отличие от первого издания, во втором, в томе, вышедшем в 1974 г., появляется статья «ноосфера» (от греческого *ноо* — разум и *сфера*). В ней характеризуется учение В. И. Вернадского о ноосфере как о «новой, высшей стадии биосферы, связанной с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, становится крупнейшей силой, сопоставимой по масштабам с геологическими... В понятии ноосфера подчеркивается необходимость разумной (т. е. отвечающей потребностям разви-

вающегося человечества) организации взаимодействия общества и природы в противоположность стихийному, хищническому отношению к ней, приводящему к ухудшению окружающей среды».

Напомним еще раз: публикуемые сейчас лекции читались в 1902—1903 гг., т. е. до того, как в быт людей нашего столетия вошли автомобиль и самолет, радио и кино, появились электронный микроскоп и электронно-счетные машины, радиолокация и телевидение, ядерные электростанции и атомный ледокол, до того, как были созданы искусственные вещества тверже алмаза и прозрачнее стекла, до того, как были открыты и широко применены антибиотики, разгадан механизм передачи наследственности, до того, как люди распахнули дверь в космос, вышли в скафандрах в межпланетное пространство, высадились на Луне и прислали свои научные лаборатории на другие небесные тела.

Вместе с прекрасными плодами современной научно-технической революции у людей последней четверти нашего века возникла острая потребность в правильном экологическом сознании, в познании законов новой, открытой в ее материалистическом понимании В. И. Вернадским науки «ноосфера».

Ученые подсчитали: из земных недр ежегодно извлекается 100 миллиардов тонн руд, горючих ископаемых, стройматериалов. На полях рассеивается почти 4 миллиона тонн ядохимикатов и свыше 300 миллионов тонн минеральных удобрений. Сжигается более 7 миллиардов тонн топлива, выплавляется примерно 800 миллионов тонн различных металлов. Громы и молнии обрушиваются на рост народонаселения. Один американский демограф назвал 13 июля 2116 г. днем, когда новый, только что родившийся человек не найдет себе места на Земле, если нынешний темп роста населения сохранится до этого времени. Но, по Мальтусу, численность англичан должна была к 1950 г. достигнуть мил-

лиарда душ и вопреки этому пророчеству составила только 50 млн. «Бомба населения» сильно преувеличивается некоторыми буржуазными учеными. Но ясно одно: наши и следующие поколения должны пользоваться всеми благами, которые дает природа нашей прекрасной планеты, и в решении этой общечеловеческой, глобальной задачи важнейшая роль принадлежит науке, ибо она, по выражению Вернадского, «всюдна» и является важнейшим элементом ноосферы.

Необходимо рассмотреть, почему В. И. Вернадский, зорким глазом естествоиспытателя и мыслителя гениально предвидевший главные задачи науки на столетие вперед, первые лекции после вводных «О современном научном мировоззрении» посвящает книгопечатанию, его сущности и распространению.

В этом мы находим плоды глубоких раздумий великого мыслителя. Книгопечатание изобретено в середине XV в. Это — эпоха Возрождения. Эпоха первой научной революции, когда, по выражению Ф. Энгельса, возникло «современное естествознание», когда «... начинается свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии»².

Очень близкие мысли и суждения об эпохе Возрождения мы находим в четвертой лекции Вернадского. Он говорит: «XVI век — век религиозной борьбы, зарождения и развития свободной мысли, окончательной и резкой борьбы со схоластиками — расцвет гуманистов. К концу этого столетия у итальянских натуралистов, Джордано Бруно, Бэкона мы встречаем резко выраженные взгляды о будущем значении науки, как устроительницы жизни, как главном благе человечества». Те же самые элементы научного мирозерцания, говорит В. И. Вернадский, — можно видеть и во второй половине XV века. Тут же он указывает границу, когда приобретает силу рост нового мировоззрения: «Эта граница определяется *открытием и распространением книгопечатания*» (выделено В. И. Вернадским), ибо ранее «в научной мысли это время индивидуальных усилий, чрезвычайно слабой передачи другим поколениям полученного и известного, найденного личным трудом и мыслью».

И. Ньютон говорил: «Если мы видели дальше других, то это потому, что стояли на плечах гигантов». Среди этих гигантов рядом с Леонардо да Винчи, Микеланджело, Шекспиром, Коперником, Галилеем, Колумбом стоит имя Гутенберга.

Изобретение книгопечатания открыло мир духовных богатств широкому кругу людей и тем самым дало новый толчок развитию науки, техники, общественной мысли. Пока книга была рукописной, ее социальная база оставалась крайне узкой, появление первой печатной книги не только совпало по времени, но и сравнимо с великими географическими открытиями.

Более ста лет назад молодой Ф. Энгельс перевел с испанского поэму борца за свободу и независимость Испании поэта Мануэля Хосе Кинтаны «Памяти Гутенберга», посвященную изобретению книгопечатания. В этом восторженном гимне книге, открывшей человеческой мысли дорогу к бессмертию, были такие строки:

И мысль раздвинула границы...
И унеслась, взмахнув крылом, в простор,
Где с Будущим Прошедшее заводит
Торжественный и вещей разговор.

В этой же лекции В. И. Вернадский говорит, что, хотя и до изобретения книгопечатания лучшие умы человечества не давали замирать научному мышлению, но все это было «работой Данаид», ибо не было фикса-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 347.

ции научной мысли и передачи ее будущим поколениям. В следующей лекции ученый утверждает: «Типография явилась могущественным средством для демократизации идей и знаний».

Лекции В. И. Вернадского еще раз убеждают нас в том, что именно общественное развитие приводит к эпохальным изобретениям и открытиям. Интересно, что приоритет Гутенберга как создателя книгопечатания упорно оспаривался до самого последнего времени.

Еще в 1823 г. в Голландии был отпразднован четырехсотлетний юбилей открытия книгопечатания Лоренцом Костером. Во Франции роль европейского первопечатника некоторые ученые приписывают Прокопию Вальдфогелю, серебряных дел мастеру, переселившемуся в древний французский город Авиньон из Праги. В итальянском городке Фельтре стоит памятник первопечатнику Памфилио Кастальди. В Бельгии та же роль первопечатника отводится Иоанну Брито.

Скудные сведения обо всех этих изобретателях доказывают только одно: уже к середине XV столетия необходимость книгопечатания настолько назрела, новая идея настолько упорно носилась в воздухе, что многие мастера начали искать способ печатания текстов с наборной формы. Десятки изобретателей пытались решить эту историческую задачу века, но полную победу удалось одержать лишь Иоганну Гутенбергу.

Победный марш великого изобретения В. И. Вернадский описывает детально, оригинально, с большим и глубоким знанием, доступным специалисту-книговеду, историку книгопечатания. В лекциях Вернадского и современный читатель может почерпнуть много важных исторических сведений. Шестую лекцию он начинает с перечисления следующих фактов.

«Первые типографии были далеки от наших теперешних громоздких и огромных учреждений. Это были в буквальном смысле этого слова кустарные переносные мастерские. Достаточно была очень быстрая выучка, ибо искусство очень скоро выработало простые шаблоны работы, помощь 3—4 человек, известные небольшие знания — способа делания букв, состава сплава, — и ручной типографский пресс. Со своим небольшим scarбом типографы легко переходили с места на место, и в самые же первые годы нам известно много бродячих и летучих типографий. Такие кустарные типографии печатали, главным образом, летучие листки, небольшие сочинения, брошюры; но иногда они предпринимали по заказу печатание того или иного сочинения, переезжая в новое место, если в нем получался новый, выгодный заказ. Они появлялись на ярмарках и благодаря характеру городской жизни Западной Европы быстро проникли всюду.

Понятно поэтому, что типографское дело распространилось чрезвычайно быстро. Достаточно было 50—40 лет для того, чтобы типографское искусство и печатная книга проникли всюду в пределах тогдашнего культурного мира. До конца столетия уже создались, кроме первоначального готического, латинский, старославянские шрифты — глаголица и кириллица, а также еврейский печатные шрифты; оказались возможными в этой области различные мелкие усовершенствования. Если мы будем следить за первым распространением типографского дела, то мы увидим, что всюду его первыми распространителями были немецкие ремесленники, переходившие из города в город и строго хранившие цеховую систему устройства ремесла и обучения. Они принадлежали по занятию к близким к типографскому делу искусствам. Это были вначале каллиграфы, золотых дел мастера, гравировальщики, переплетчики и т. д. Достаточно просмотреть биографии первых типографов. Типо-

графское дело постепенно переходило от центра — Майнца — к периферии. Уже в ближайшее время, может быть, даже одновременно с типографиями Фуста и Гутенберга в Майнце, появились издания в Страсбурге — Ментеля, который выдавал себя и считался некоторыми за первоначального изобретателя книгопечатания, и Пфистерера в Бамберге в Баварии. В обоих этих городах появилось печатное дело еще раньше 1460 г. В 1462 г. случился мелкий факт, которому иногда придают значение важного события для распространения типографского искусства. В этом году во время междоусобной борьбы двух претендентов на Майнцкое курфюршество город был частью разрушен войсками Адольфа Нассауского, и типография Фуста сильно пострадала. В связи с этим выселились из Майнца некоторые из его рабочих, развезшие в разные стороны секрет искусства. Несомненно, среди первых типографов в разных городах нам известны по именам некоторые первые ученики Гутенберга и рабочие типографии Фуста — Шеффера. Но их выселение началось и раньше и было простым следствием цехового устройства нового ремесла: после нескольких лет выучки каждый подмастерье становился мастером и, очевидно, отправлялся искать заработка в новое место, так как, конечно, Майнц не мог дать им всем работу и содержание. В результате этого стремления уже к 1470 г. типографии распространились в разных местах Голландии, Германии и в Италии. Каждая установившаяся типография являлась рассадницей новых, школой мастеров, и в то же время всюду проникали бродячие кустари-типографы.

В 1470-х годах типографии проникли во Францию, Испанию, Англию, Польшу; в 1480-х годах — в Данию, Швецию, Норвегию, Португалию; наконец, в начале 1490-х годов появляются первые печатные еврейские книги в Турции и в 1483 г. в Венеции выходит первая славянская книга (глаголицей) «Миссал», изданная которянином А. Пальташевичем, а в 1491 г. гуссит Святополк Фиоль (или Фейль) в Кракове печатает первые славянские книги кириллицей с обращением к читателям на малорусском языке. Позже всего проникло печатное дело в пределы (восточной части) Европейского материка. Лишь в первой четверти XVI столетия начинается печатание кириллицей книг для румын и сербов, которые в это время гибли под нашествием турок, и к середине века — через 100 лет после открытия — печатное дело проникает в Московскую Русь. Почти в то же время, и даже несколько раньше, типографии начинают свою деятельность в новых приобретениях европейских культурных государств — в Азии и Америке. В 1557 году в Гоа появляется в печати первая книга — катехизис св. Франциска Ксавера.

Таким образом, к началу XVI столетия [книгопечатанием] был охвачен весь тогдашний культурный мир, и затем с каждым годом все сильнее и сильнее распространялось новое искусство, и все сильнее и глубже становилось его влияние на всю умственную жизнь человечества.

Но книги распространялись не только путем открытия местных типографий. Они стали сразу служить предметом торговли, появились на ярмарках, возились далеко. Так, известно, что еще до 1470 г. Париж явился местом, куда сбывались издания Фуста в Майнце. Нюрнберг долгое время был местом, где печатались издания для Польши и т. д. Из писем современников видно, что к началу 1470-х годов Париж, центр тогдашнего образования, был наводнен изданиями разных городов.

До начала XVI столетия было издано до 25—30 тысяч названий книг и брошюр, ныне известных (так называемых инкунабул), т. е. до 15 миллионов экземпляров. При условии, что до нас дошла только часть инкунабул, и также при относительно малой населенности Европы

тогдашнего времени и не очень широкой образованности народных масс, [это] чрезвычайно много. Да еще статистика инкунабул далеко не закончена. Хотя почти везде перерыты и переписаны библиотеки, содержащие старые книги, все еще постоянно, ежегодно открываются все новые и новые пропущенные издания XV века. Наконец, очень многие из этих изданий несомненно не дошли до нас, так многие из них представляли листовки и тонкие брошюры, учебные книжки и летучие издания, которые не хранились, быстро исчезли из обращения — были уничтожены.

Очень скоро сказалось сильное впечатление этого нового открытия. Оставляя в стороне многочисленные легенды и анекдоты, выросшие в истории в течение веков, мы видим уже, что ученые и мыслящие люди XV столетия вполне охватили значение этого изобретения. Это сказалося, во-первых, в их отзывах, суждениях, в стараниях, всюду распространить типографию, и, во-вторых, в характере некоторых типографий, которые превратились в своеобразные ученые или идейные кружки, центры горячей умственной работы — прообраз будущих академий.

В старинных посвящениях и предисловиях нередко типографское дело называется «святым делом» («sancta ars») и его значение встречалось с энтузиазмом³.

Из отзывов современников видно, что больше всего их поражала быстрота работы и количество могущих быть выпущенными изданий...

Заводы типографов того времени были ничтожны по нашим понятиям. Книга или брошюра печатались в 275—150 экземплярах, но известные указания на печатание главным образом листовок, воззваний и т. п. в тысячах экземпляров (несколько заводов), например, некоторые воззвания в Лионе в конце XV столетия [печатались] до 5000 экз.

Другой ученый, епископ Алерийский Иоанн Андреас, в 1468 году пишет в посвящении папе Льву II: «Как раз в твоё время среди прочих милостей Христа пришел и этот счастливый подарок для христианского мира: за малые деньги теперь и бедняк может приобрести библиотеку». И действительно, цена книги уменьшилась в несколько десятков раз — из дорогого предмета, почти роскоши, она стала обычным предметом обихода. Трудно оценить все значение этого факта.

Типографии открывались при участии и содействии передовых людей своего времени. Так, например, в Италию они проникли через уроженца рейнских областей, земляка Гутенберга — кардинала Николая Кузануса или Н. Кребса — одного из величайших гениев и ученых эпохи. Незадолго до своей смерти, при самом возникновении типографского дела, он уловил его значение и его усилиями в Субиако, недалеко от Рима, к 1464 г. открылась в монастыре приглашенными немецкими типографщиками первая типография в Италии. Стремление выдающихся людей воспользоваться новым искусством для своих целей исходило одновременно из совершенно разных областей человеческого интереса. Во-первых, ученые юристы, теологи, гуманисты необыкновенно страдали от порчи переписчиками текстов рукописей.

Работа корректирования каждого отдельного экземпляра представляла колоссальные трудности и в значительной степени пропадали тяжелый и кропотливый труд ученого издателя. В возможности иметь сразу в сотнях точных копий исправленный текст они справедливо уви-

---

³ «Божим делом» называл типографское искусство и И. Федоров (1574), указывая на гонение в Москве. См.: Пташицкий С. Л. Иван Федоров — московский первопечатник (1573—1583 гг.). — Рус. старина, 1884, кн. 11, 3, с. 462. (примеч. В. И. Вернадского).

дели единственный выход из тяжелого положения. Около типографий образовались кружки ученых издателей, шла усиленная филологическая критика текста старинных рукописей, сверка и выправка текста. Работа некоторых типографий в этом отношении, например, типографии Альдов в Венеции в XV—XVI ст. и Этьенна в Париже занимает почетное и высокое место в истории науки. Такая типография являлась в это время центром научной работы, и, сохраняя свой характер в течение десятилетий, являлась своего рода научной школой».

Необычайно важно и очень интересно, насколько глубоко молодой профессор минералогии проник в техническую суть открытия Гутенберга. Нередко можно слышать и читать, что Гутенберг изобрел печатный станок. Но пресс, примененный Гутенбергом для снятия оттисков с печатной формы, в принципе, не отличался от других прессов, применявшихся в мастерских того времени. Еще популярнее мнение, что Гутенберг изобрел способ печатания с подвижных литер. Это ближе к сути, но далеко не все. Подвижные литеры были известны за много веков до Гутенберга. Изготовленные из твердого материала, они служили для выдавливания на кожаном переплете рукописных книг имен авторов или владельцев манускриптов. Сыновья Ярослава Мудрого — великого князя Киевского — обучались чтению с помощью деревянных палочек, на которых были изображены отдельные буквы. За тысячу лет до этого Цицерон говорил о подвижных литерах. Об этом напоминает в своих лекциях В. И. Вернадский. Цицерон применил понятие рассыпных литер, подчеркивая, что только великий поэт может их собрать в «Илиаду» или «Одиссею». Задолго до Европы в Китае и Японии применялась печать с подвижных литер, но каждый иероглиф гравировался в глине или на дереве столько раз, сколько он встречался в произведении. Это, конечно, не было гутенберговским книгопечатанием.

Суть великого открытия, великого подвига Гутенберга состоит в том, что он изобрел способ отливать идентичные литеры из металлического сплава в произвольном числе и из набора этих литер создавать печатные формы, позволяющие получать тысячи идентичных оттисков. Этот гарт, составленный из олова, свинца и сурьмы, продержался в типографском деле 500 лет и, в принципе, продолжает служить книгопечатанию и поныне. (Литеры из гарта, отлитые по рецепту Гутенберга, — первая стандартная деталь в истории европейской техники.)

Стержень из твердого металла, на торце которого выгравирована литера или другой наборный знак, известный сейчас в книгопечатании под термином пуансон, и матрица, в которой штамп-пуансон выбивает изображение наборного знака и затем служит для отливки литер из гарта, существенные, если не главные, элементы принципа наборного книгопечатания. Вернадский уделяет особое внимание состоянию химической науки первой половины XV в., позволившей Гутенбергу и его ученику Шеффелю изобрести гарт и отливку шрифта.

Приведем историю изобретения книгопечатания, изложенную В. И. Вернадским в пятой лекции.

«... Гутенберг работал над усовершенствованием своих идей долгие годы, может быть, десятки лет, обладал огромной энергией, ибо создавал дважды, если не несколько раз, свое дело, всякий раз теряя его и начиная все сначала. В конце он умер в безвестности, вдали от созданного его гением дела, потеряв все практические плоды своих трудов. Год его смерти неизвестен, но приблизительно около 1468 г.

Одна из созданных им типографий в Майнце попала в руки ловкому и хищному дельцу Фусту, снабжавшему Гутенберга деньгами и в конце концов овладевшему всем его искусством. Фуст и ближайшие его потом-

ки некоторое время даже выставляли Фуста наряду с Гутенбергом как изобретателя книгопечатания, и эта легенда одно время имела значительное распространение. Но среди деятелей этой первой типографии был один человек, которому, действительно, типографское дело обязано крупными усовершенствованиями, сильно двинувшими его вперед и давшими ему возможность широкого и быстрого развития. Это был товарищ Фуста по ведению типографии и ученик Гутенберга Петр Шеффер (1430—1503), человек образованный, с университетским образованием и большими техническими способностями.

Благодаря трудам Гутенберга и Шеффера, типографское дело получило облик, который оно сохранило многие столетия. Первые старинные издания XV—XVI ст. считаются до сих пор образцами типографского искусства, и первые крупные изменения и развитие начались в типографском деле лишь в XVIII и, главным образом, с середины XIX века...

Открытие Гутенберга с технической стороны имело длинную и медленную историю. Он применил в своем деле, несколько изменив, те аппараты и приборы, которые были выработаны долгой историей техники и вначале служили совсем для других целей. То же самое мы постоянно наблюдаем в истории техники как чисто прикладной, так и научной. Каждый наш аппарат и каждая его часть имеет длинную, нередко очень разнообразную историю.

В общем открытие Гутенберга заключалось в том, что он, первое — изобрел формы металлических букв, причем каждое слово разбивалось на отдельные, независимые буквы. Эти буквы могли быть собраны в рамы. Каждая буква являлась независимой и легко могла быть заменена другой; второе — эти рамы намазывались особого рода составом — краской, а затем третье — они вставлялись в пресс, который отпечатывал краску на бумаге. Эти три части изобретения, несмотря на всю их простоту, были достигнуты многолетним упорным трудом, и совершенство они получили лишь в ближайшее к Гутенбергу время, главным образом, трудами П. Шеффера и его типографии. При этом первые типографчики воспользовались вековым опытом, достигнутым и передаваемым в традициях разных цехов и мастерских.

Дело в том, что уже издавна в Европе были известны отдельные части типографского искусства и были выработаны относящиеся сюда приемы и инструменты. Недоставало только творческой, синтетической силы ума для того, чтобы соединить их все вместе.

Уже с конца XIII столетия в Европе было известно искусство печатания — с деревянных досок, употреблявшихся для печатания рисунков на тканях, и в то же время для печатания картин. Этот способ печатания на тканях в Египте существовал уже с VI столетия. Временами на этих картинах печатался и *текст*, вырезанный на дереве. Было известно, следовательно, искусство *ксилографии*. В этом искусстве употреблялся для отпечатывания и давления — пресс. Но это не был типографский пресс — это был как бы валик или каток. Набитая тяжелая подушка каталась под давлением над доской, на которой был выработан рисунок; получался отпечаток, позволявший печатать только на одной стороне. Такой пресс совершенно не годился для печатания разборными буквами, и его нельзя непосредственно перенести в типографское дело. Но *краска* была уже здесь выработана традиционной работой поколений...

... Приблизительно одновременно с открытием книгопечатания подвижными буквами в первой половине XV столетия, в мастерских опять-таки Голландии было кем-то сделано другое открытие, которое имеет несомненное значение для развития книгопечатания: был открыт способ

гравирования с металлических досок. Взаимная связь книгопечатания и гравирования с металлических досок несомненна, ибо нередко одни и те же лица занимались обоими искусствами, и во второй половине XV столетия распространялись многочисленные дешевые издания с гравированным текстом и рисунками, которые долгое время признавались за произведения ксилографии, и только более внимательное исследование указало на то, что мы имеем здесь дело с грубыми попытками металлического гравирования. Этим путем издавались даже книги без рисунков, небольшие учебники, например, так называемые «донаты» — элементарные латинские грамматики, служившие для изучения латинского языка и расходившиеся ежегодно в тысячах экземпляров. Эти гравировальные металлические, главным образом, медные, доски были выпуклые: рисунки получались грубые. Только около середины XV столетия, как дальнейшее развитие эмальной техники, по-видимому, одним из золотых дел мастеров Флоренции, были изобретены резные медные доски, положившие начало современному гравировальному искусству. Очень долгое время эти гравировальные работы держались в цехах золотых дел мастеров, к которым, как мы знаем, принадлежал и Гутенберг, и находились в тесной связи с первоначальным распространением типографий.

Долгое время были споры среди исследователей этого дела о том, как было изобретено книгопечатание современного типа. В биографии Костера, написанной в XVI ст., говорится, что он сделал свое изобретение, разрезав ксилографическую доску на отдельные деревянные буквы и затем, перекладывая и складывая их в новые доски, получил возможность печатать разные вещи. Этот способ, однако, по-видимому, является результатом измышления автора, и опровержение его потребовало долгой критической работы исследователей. Были делаются даже опыты, доказавшие невозможность этого способа печатания. В настоящее время можно считать доказанным, что этим путем почти невозможно получить правильно и аккуратно напечатанную страницу; очень вероятно, что попытки такого печатания были, но они могли приводить только к грубым, уродливым произведениям. Однако ко времени Гутенберга в технике были уже известны отдельные металлические буквы, [которые] имели определенную форму, и издавна печатались отдельные фразы и слова. Для этого эти формы складывались в короткие фразы или слова и оказывалась возможность получить отпечатки — первая форма печатного дела — форма чисто рудиментарная. Эти буквы употреблялись: 1) в монетном деле и в штемпелях и 2) в переплетном деле. На корешках рукописей, переплетавшихся в массивные кожаные и пергаментные переплеты, издавна выбивались отдельные фразы, имена авторов или владельцев; эти имена потом золотились — так как это до сих пор сохранилось в нашем переплетном деле. Для этого употреблялись металлические буквы — прообраз нашего теперешнего типографского дела; выбитые буквы были выпуклыми. Переплетчики принадлежали к цехам золотых дел мастеров или каллиграфов, опять-таки к той среде, откуда вышло типографское дело, или этим занимались каллиграфы — монахи некоторых монастырей. Еще более приближалось к открытию Гутенберга печатание штампов — издавна известное еще со времен древних. Мы встречаем еще у древних римлян и греков штемпели на разных предметах обихода, и известны давным-давно сохранившиеся штемпели греческих окулистов, с помощью которых они печатали на глине или на другом мягком веществе — свои имена, свойства и названия своих лекарств, целые рецепты. Есть даже надписи на глине (этруссские), полученные таким способом.

Можно убедиться, что слова и фразы на таких надписях составлялись из разборных отдельных металлических букв; следовательно, были в это время разборные металлические буквы, позволявшие печатать. На это сохранились указания и римских писателей.

Вскоре после открытия книгопечатания гуманисты обратили внимание на некоторые места из Цицерона и Квинтилиана, в которых описывается употребление металлических букв для обучения детей азбуке. Цицерон даже как бы допускает составление из них книг. После прочтения этих мест казалось, что римлянам оставалось сделать один шаг, одно простое соображение для того, чтобы открыть книгопечатание. Ими употреблялись для обучения детей азбуке отдельные формы букв, из которых складывались различные слова. Вырезались таблицы, как и в типографии — буквы вырезаны в обратном порядке и дают отпечатки слов и фраз на мягком веществе, воске или глине. Один шаг был отсюда до печатания. Но этого шага не было сделано, и это показывает, что сами эти места получили для читателя иной смысл только после открытия книгопечатания. Раньше они понимали совсем иначе. Штемпели не дали никакого развития, кроме применения в частных печатях и в монетном деле, где на металле издавна отпечатывались буквы и целые слова...

Таким образом, незаметной работой прошлых поколений уже находились в руках человечества элементы нового дела: подвижные буквы, краска для печатания, пресс. Требовалось только дуновение человеческой мысли, чтобы из этих элементов создать новое дело. Но это была трудная и тяжелая работа. Прошли века, пока она была сделана.

Любопытно, что этот последний шаг был почти одновременно сделан в двух местах: на далеком Востоке — в Корее и Японии — и на далеком Западе — в прирейнской области Европы. В обоих местах были известны в общих чертах одни и те же, только что указанные элементы техники, послужившие для выработки книгопечатания. По-видимому, раньше был сделан необходимый шаг на Востоке.

В китайских источниках грубые глиняные формы знаков для печатания приписываются XII столетию; эта легенда имеет мало отношения к нашему типографскому делу. Но в Японии были найдены китайские или корейские книги, напечатанные передвижными металлическими знаками в начале XIV, и около начала XV столетия (1403—1404) пытались ввести то же искусство в Корею. Однако здесь, на Дальнем Востоке, оно замерло, может быть, среди тяжелых условий государственной жизни этих стран, находившихся в эту эпоху в рабстве. Вновь оно было создано на дальнем Западе. Здесь нам известно имя лица, много сделавшего для этого дела, и ясно, как долго он пробивался при наличии всех данных для его открытия.

Гутенберг потратил на осуществление своей идеи годы упорной работы, всю свою жизнь. Особенно трудно было изготовление формы букв. Сохранились явные следы многих усилий и неудач, потраченных им на это дело. Буквы истирались, изменялись после первого же отпечатка, т. е. терялось сразу преимущество подвижных букв перед неподвижными резными досками. Они не могли давать много отпечатков, не деформируясь. Задача в этом направлении была решена Гутенбергом только отчасти; лишь его помощник П. Шеффер — в 1450-х годах — получил необходимый сплав, так называемый, типографский металл или гарт — Hartblei. Этот металл должен был, с одной стороны, быть легкоплавким, ибо первые типографщики сами лили свои буквы, неизбежно было исправление и выравнивание букв — их легкий ремонт; и в то же время — достаточно твердым, чтобы давать при давлении ясные и точные

изображения мелких предметов. Он не должен был быть очень ковким, ибо при этом быстро бы сглаживались все части предметов при давлении, т. е. употреблении шрифта. А между тем в XV столетии были известны только два легкоплавких металла — свинец и олово. Но оба эти металла были в то же время чрезвычайно ковкие и мягкие. Надо было сделать их твердыми. Это была необыкновенно трудная металлургическая задача для того времени — времени, в котором химия находилась в самом зачаточном состоянии. Но нельзя упускать из виду, что как раз к этому времени, к середине XV столетия, техника и здесь достигла крупных успехов, подготовленных незаметной работой мастерских в предыдущие столетия, создала новые металлы. Именно к этому времени или немного позже была изобретена в мастерских Нюрнберга латунь лучшего качества, впервые позволившая поставить на широкую ногу технику научных и измерительных инструментов, астрономических аппаратов и произведшая целую революцию в предметах домашнего обихода. В то же время в другой области вошел в дело новый сплав, одна из бронз — артиллерийский металл, способ приготовления которого долго держался в секрете в цехах оружейных мастеров и который получил окончательное развитие или известность в следующем XVI веке. Очевидно, среди ремесленного люда шла в это время горячая экспериментальная работа и медленно, ощупью накапливались знания свойств металлических сплавов.

Какой способ употребил Гутенберг для своих литейных работ — неизвестно, ибо изобретение типографского металла приписывается Шефферу. Он употребил для этого совершенно новый сплав и ввел его в технику: для придания твердости свинцу он сплавил его в известной пропорции с сурьмой. Его открытие было столь удачно, и полученный сплав — гарт — оказался до такой степени подходящим для данной цели, что остался почти без изменения в течение 400 лет и, в общем, тот же сплав употребляется и в настоящее время. Тот же Шеффер ввел и другое приспособление: буквы уже с самого начала вырезались небольшие, согласно стремлению типографов приблизиться к рукописям. Но все же шрифт Гутенберга был крупный — мелкий шрифт обычного характера, — сперва готический, — был впервые введен Шеффером. Для этого Шефферу пришлось изменить характер литья форм и в значительной степени изменить всю технику дела. Для литейной формы, почти несомненно, первые печатники, в том числе и Гутенберг, употребляли глиняные или земляные, может быть, гипсовые формы. Но этим путем нельзя было достигнуть тонкой выработки букв, а вырезать каждую букву из металла представлялось невозможным, ибо для печатания надо было иметь десятки тысяч буквенных форм. Шеффер изобрел резную металлическую — медную — форму для литья гарта и этим путем решил задачу легкого массового производства букв и дал возможность иметь тонкие буквы. Для типографии надо было только знать состав и способ употребления гарта и иметь 40—50 медных формочек для того, чтобы во всяком месте и во всякое время воспроизвести весь свой шрифт».

Тщательные исследования советских и зарубежных книговедов позволили нам уже в наши дни писать: изобретение книгопечатания — одно из удивительных творений человеческого ума. Столетия не пощадил многих казавшихся современникам непревзойденными изобретений. Основные принципы книгопечатания остаются неизменными на протяжении веков. Конечно, современные ротационные машины не сравнить с первопечатным станком Иоганна Гутенберга, который напоминал пресс для отжимки винограда. Но основы книгопечатания — пунсон и матрица, подвижные литеры, печатная форма и книжный блок — со-

хранились⁴. Лекции В. И. Вернадского убеждают нас, что еще в самом начале нашего века этот гениальный ученый не только отчетливо видел великую роль книгопечатания в человеческой цивилизации, но и удивительно четко определил техническую суть изобретения.

В своих лекциях В. И. Вернадский предсказывает книгопечатанию вечное существование и расцвет. Эти мысли еще раз перебрасывают мост от начала XX в. к нашим дням. На этом полезно остановиться подробней, ибо последние годы в зарубежной печати можно прочесть мрачные предсказания о близком конце «гутенберговской галактики».

Представляются совершенно беспочвенными рассуждения некоторых зарубежных социологов о том, что книга отживает свой век, что наступает конец книги, конец «эры Гутенберга». Говорят, при этом, что радио, телевидение, электронные средства информации уже вытесняют и вытеснят книгу. Такие утверждения противоречат фактам.

Разумеется, судьбу книги, ее роль в нашей жизни теперь нельзя рассматривать в отрыве от других средств информации. Однако радио и телевидение не заменяют печатное слово, а только дополняют его. Разве появление фотографии могло вытеснить изобразительное искусство? Те, кто это предсказывал, были посрамлены. Изобретение Дагера и Ньепса послужило только новым стимулом развития и распространения изобразительного искусства. Есть и более близкие нашему предмету примеры: появление массовых, ежедневных газет и нынешний стремительный рост массовых и специальных журналов не вытеснили книги, а умножили спрос на нее. Семь-восемь миллиардов экземпляров книг, ежегодно получаемых читателями, — достаточно внушительное опровержение «прогнозов», лучше сказать, мрачных «пророчеств», тех, кто пугает нас смертью книги. Великие изобретения нашего века: кино, транзисторы, магнитофоны, телевидение, и, наконец, микрокопирование и компьютеры получили распространение, а если говорить о радио и телевидении, — массовое распространение в последние 30 лет. Но такова неодолимая логика прогресса — именно в это время, с 1950 число выпускаемых в мире книг удвоилось, а их общий тираж утроился, одновременно удвоилось число грамотных, читающих людей на земле.

Книга принадлежит к тем изобретениям, которые, как и колесо, никогда не уйдут из человеческой цивилизации. Чтение книги — это интимная связь, возникающая между автором и читателем. Читатель имеет время для размышления, для того, чтобы вернуться к прочитанному слову, чтобы вникнуть в него поглубже, рассмотреть его со всех сторон, и, наконец, за читателем остается право выбора, — что читать.

Можно с уверенностью сказать, что любой советский читатель отвергает мысль о достойной счастливой жизни без книги, отвергает гневно, как стремление отнять что-то самое дорогое, интимно-личное и активно-общественное, что-то основополагающее, святое, или отвергает со снисходительной усмешкой, как нелепость.

В конце 1971 г. в журнале «Druck Print» (ФРГ) напечатана статья, которая так и называется «Hat das Buch noch eine Zukunft?» — «Есть ли у книги будущее?» Ее автор, довольно известный на Западе специалист в области информатики, детально рассматривает статистические данные и логические доводы разных авторов относительно места книги в об-

---

⁴ Цит.: Слово о книге. М., 1969, с. 22. В этих заметках использованы материалы статей автора: «Необъятный мир духовных богатств» (Коммунист, 1964, № 3, с. 116—121). «Всемирный праздник книги» (Наука и жизнь, 1972, № 11, с. 20—24), а также сборника «Слово о книге».

щей системе коммуникаций на современном этапе развития средств информации. Автор приходит к выводу, что «культурный климат для книг» улучшается, что книга имеет «неоспоримые преимущества» перед всеми другими известными средствами массовой коммуникации. И наконец, что «книга как таковая останется на своем месте в обществе».

Имеются, однако, глшатаи противоположной точки зрения, которые спешат выступить с сенсационными заявлениями о неминуемой скорой «смерти книги».

Близкий конец «гутенберговской галактики» в связи с наступлением электронной эры провозгласил канадский социолог, профессор Маршалл Маклюэн. Его книги «Механическая невеста, фольклор индустриального человека», «Гутенбергова галактика» наделали много шума. Одни объявили его чуть ли не самым выдающимся мыслителем после Ньютона, Дарвина, Эйнштейна и Павлова, другие считают его «очень творческим человеком», который «забивает очень большие гвозди, не попадая по шляпке».

У специалистов в области книговедения пророчество Маклюэна встретило ироническое отношение. Нередко в научной литературе и публицистике, в статистике и книговедении новые данные о росте книжной продукции сопровождаются рефреном: «вопреки Маклюэну», «несмотря на предсказания Маклюэна»...

Заметим, кстати, что в отрицании роли книги, правда, на других этапах ее истории, Маршаллу Маклюэну вовсе не принадлежит пальма первенства. Маклюэн не отрицает высокой культурной и социальной миссии печатной книги на протяжении 500 лет, он только отказывает ей в будущем, хоронит ее, сочиняет торжественный реквием. Гробовщики книги находились всегда. Иоганн Гутенберг, Иван Федоров и многие другие героические подвижники книги знали черные дни. Недаром из всех инкунабул сохранился только один экземпляр из каждых 250. Изобретение Гутенберга даже объявлялось «варварской подделкой книги», и некоторые «сиятельные» владельцы коллекций рукописных манускриптов не позволяли «осквернять» свою библиотеку манускриптов печатными книгами. Позднее, когда мир завоевали венецианские издания Альда Мануция, французские книги Этьеннов, немецкие издания с гравюрами на дереве гениального Альбрехта Дюрера, антверпенские эльзевиры, первопечатные шедевры Швайпольта Фиоля, Георгия Скорины, Ивана Федорова, само книгопечатание реже встречало осуждение, но жгли «богопротивные» книги, иногда вместе с их авторами.

Судьба книги в век электроники и телевидения, роль книги в эпоху грандиозной научно-технической революции, в обстановке, которая не без основания именуется «информационным взрывом», волнует писателей и ученых, естествоискусников и социологов, авторов и читателей, издателей и книгораспространителей. Появились обширные монографические исследования, посвященные этим проблемам, множество статей, выступлений, проводятся специальные теоретические конференции, организуются международные книжные ярмарки и книжные выставки, на которых встречаются издатели и книгопродавцы, авторы и читатели. Эти высказывания можно суммировать примерно так.

Новые технические средства — не враги книги, а ее верные союзники и помощники. Значение книги будет расти с каждым новым этапом на пути социального, культурного и научного прогресса.

Утратив монопольное положение в информации, книга тем не менее остается душой современной системы коммуникаций.

Развивающиеся страны до сих пор испытывают книжный голод. По мере того, как миллионы неграмотных будут овладевать искусством чте-

ния и письма, они все в большей мере станут обращаться к языку печатного слова, к книге — оптимальному хранилищу информации.

То, что несет с собой научно-техническая революция, благоприятствует распространению книги. Статистика показывает, что книга необходима представителям тех профессий, процентная доля которых бурно возрастает. Люди, получившие специальное образование, читают больше книг.

Книга есть и будет основной духовной пищей жизни народа. Черные оттиски букв на белой бумаге, листы, собранные в книгу, — лучшее универсальное хранилище мысли, вдохновляющий источник новых идей.

Мы привели фрагменты из исследования В. И. Вернадского, посвященного истории книги. Эти выдержки из лекций, читанных более 75 лет назад, дают представление о богатстве их содержания: исторического, технического и гуманитарного, и удивительной их современности. Вместе с тем эти лекции прибавляют еще один штрих к портрету великого русского ученого и мыслителя — Владимира Ивановича Вернадского. Он предстает перед нами незаурядным книговедом. Книговеды и книголюбцы с большим интересом встретят полную публикацию этого замечательного произведения.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КНИГА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

олвека назад, в соответствии с решениями Коммунистической партии, советские люди приступили к выполнению первого пятилетнего плана. «Наши первые пятилетки,— отмечает Л. И. Брежнев,— были настоящими сражениями за социализм»¹.

В постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» указывается, что первая пятилетка открыла самый широкий простор для осуществления культурной революции. За годы пятилетки достигнуты огромные успехи в ликвидации неграмотности, обеспечении всеобщего начального образования, создании развитой сети общеобразовательных школ и школ фабрично-заводского обучения, библиотек, рабфаков, техникумов, вузов, научных и культурно-просветительных учреждений. Без этих свершений был бы невозможен нынешний взлет науки и культуры.

Эти годы были также временем бурного развития советской технической литературы. Выполнение лозунгов Коммунистической партии об овладении техникой и о подготовке кадров было связано с созданием массовой технической книги. Проблемы развития технической книги превратились в важнейшую государственную задачу, которая нашла отражение в материалах съездов Коммунистической партии, постановлениях ЦК и ЦКК ВКП(б), правительственных органов, профессиональных союзов, ВЛКСМ. Она оказалась в центре внимания инженерно-технических работников и самих рабочих масс, ей посвящали многочисленные статьи органы специальной и общей прессы, в которых выдвигались лозунги: «Больше технических книг», «Техническая литература — помощь социалистическому строительству», «Дадим стране учебную и производственную книгу».

Задачи технической книги были определены рядом партийных решений. В постановлении «Об обслуживании книгой массового читателя» (1928 г.) ЦК ВКП(б) счел необходимым «в большей мере, чем до сих пор, добиваться, чтобы массовая литература была орудием мобилизации масс вокруг основных политических и хозяйственных задач (в пер-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 86.

вую очередь индустриализации страны и рационализации промышленности, повышения урожайности сельского хозяйства и его социалистической перестройки)². В качестве одной из важнейших задач ставилось расширение издания массовой производственной литературы, повышающей уровень технических знаний рабочих и крестьян.

XVI съезд ВКП(б) признал необходимым в годичных планах издательства отводить значительное место техническим изданиям, добиваясь улучшения их качества и всемерно форсируя перевод лучших технических книг и статей, выходящих в Европе и Америке³.

В целях консолидации технического книгоиздательства на базе Гостехиздата, Химтехиздата, Нефтяного издательства, Научного отдела Госиздата, Транспечати и других был создан Госнаучтехиздат (ГНТИ), который в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела» (1930 г.) был включен в состав ОГИЗа РСФСР⁴.

В первой половине 1931 г. проводилось обследование качества литературы, выпущенной ГНТИ. Оказалось, что значительная часть изданий не соответствовала потребностям народного хозяйства, свыше 300 технических книг, выпущенных лишь в 1930 г., не удовлетворяли современным требованиям. Задерживался выпуск книг о новых достижениях науки и техники. Допускалась вульгаризация в освещении развития техники⁵.

Были выявлены и недостатки литературы по различным отраслям производства: текстильного, полиграфического, нефтяной промышленности, строительного дела и др. Количественный рост технической литературы также не удовлетворял быстрорастущим потребностям. ОГИЗ не уделял изданию технической литературы достаточного внимания.

В 1931 г. состояние научно-технического издательства проверяла бригада Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО). Был вскрыт ряд существенных недостатков: слабая проработка темпланов, их относительная узость, случайный подбор авторов, количественный недостаток технических книг, наличие ряда недоброкачественных изданий, неудовлетворительная редакционная и полиграфическая обработка и пр.⁶. Совместный документ секции техники ЦК ВЛКСМ и ЦБ ВАРНИТСО констатировал в 1931 г.: «Наша политика в области издания технической литературы, например, не получает должного развития. Темпы этой работы, ее качество, направление, методы — все это не соответствует величине поставленных задач...»⁷.

25 мая 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О постановке производственно-технической пропаганды». В нем указывалось на крайнее отставание производственно-технической пропаганды и, в частности, издания литературы по техническим знаниям от общего размаха индустриализации страны и технической реконструкции промышленности. Президиуму ВСНХ совместно с культпропом ЦК и ОГИЗу предлагалось разработать план развертывания производственно-технической пропаганды, в особенности план издания технической литературы, обес-

² О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972, с. 396.

³ XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. 2-е изд. М.; Л., 1931, с. 727.

⁴ Правда, 1930, 30 июля; Бахутов А. Организация ГНТИ и его очередные задачи. — Новости техн. литературы, 1930, № 9—10, с. 1—2; ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 57, д. 280, л. 330.

⁵ Драудин Т. Очерки издательского дела в СССР. М.; Л., 1931, с. 60—61.

⁶ ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 61, л. 38—43; д. 68, л. 14.

⁷ Там же, д. 64, л. 140.

печивавший выпуск прежде всего новейшей литературы. Обращалось внимание на издание литературы по новым отраслям промышленности. Наряду с изданием книг для высшего командного состава промышленности, ЦК ВКП(б) потребовал обеспечить выпуск литературы для среднего комсостава. Предлагалось издавать в миллионных тиражах дешевую массовую техническую литературу и общедоступные учебники. В частности, имелось в виду выпускать литературу, описывающую с технической стороны новые важнейшие строительства (Магнитка, Кузбасс и др.); специальную серию дешевых популярных брошюр, листовок, плакатов, открыток, посвященных описанию новой техники; литературу по изобретательству и т. д. Большое значение имело увеличение квоты бумаги для издания технической литературы: от 20 до 25% вместо 10,9%, отпускаемой ОГИЗом до этого. При ВСНХ создавался отдел производственно-технической пропаганды.

Постановление ЦК ВКП(б) по вопросам производственно-технической пропаганды имело исключительное значение для подъема всего дела издания технической книги, стало боевой программой ее развития и пропаганды.

Движение за ее реализацию приобрело широкий размах. 28 мая 1931 г. с передовой статьей «Овладевайте техникой!» выступила газета «Правда». Отметив, что борьба за овладение техникой составляет крупный и один из решающих этапов нашей революции и что овладение техникой — это исторической важности политическое дело, газета подвергла критике состояние технической литературы, призвала всю ежедневную печать сделать из решения ЦК ВКП(б) необходимые выводы.

Оперативно приступил к реализации партийных решений ОГИЗ. Уже 26 мая 1931 г. совещание руководителей ОГИЗа приняло решение срочно пересмотреть план ГНТИ, увеличить ему бумажную квоту и укрепить производственную базу, обеспечить «ударные темпы выпуска первоочередных изданий», привлечь к созданию технической книги промакадемии, втузы, научно-исследовательские институты, создать вокруг ГНТИ постоянный актив и пр.⁸ 28 июня 1931 г. правление ОГИЗа приняло специальное решение о широком издании производственно-технической литературы Военгизом, Гострансиздатом и Сельхозгизом⁹.

Вопросы издания технической книги заняли большое место в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. «Об издательской работе». ЦК ВКП(б) потребовал, чтобы характер и содержание книг целиком отвечали задачам социалистической реконструкции: книга должна быть боевой и актуально-политической, вооружать широчайшие массы строителей социализма марксистско-ленинской теорией и технико-производственными знаниями, являться могущественнейшим средством воспитания, мобилизации и организации масс на решение задач хозяйственного и культурного строительства. ЦК ВКП(б) потребовал поставить партийную и техническую литературу в особое положение. При отделе пропаганды ЦК ВКП(б) создавалось издательство партийной литературы — Партиздат; принималось решение о выделении Гостехиздата из состава ОГИЗа и передаче его в ведение ВСНХ. Специальный раздел постановления касался задач Гостехиздата, было определено направление его деятельности, характер и типы издаваемой им литературы. Постановление создавало более благоприятные условия для издания технической литературы в стране.

---

⁸ ЦГАОР, ф. Р—4851, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁹ Там же, л. 14.

Акад. М. А. ПАВЛОВ

МЕТАЛЛУРГИЯ ЧУГУНА

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ДОМЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Издание третье

Допущено ГУУЗ НКТП
в качестве учебника для втузовЛЕНИНГРАД
1935

Потребности социалистического строительства, решения Коммунистической партии поставили перед технической книгой важные задачи. Прежде всего необходимо было, в соответствии с ленинским требованием о коммунистической партийности технической книги, всецело подчинить ее интересам социалистического строительства, полностью преодолеть случаи аполитичности книги, отсутствия в ней марксистско-ленинских установок, отставания от темпов индустриализации, отрыва теории от практики, иногда — проповеди принципов капиталистического хозяйства и т. п.

В ряде статей выдвигались требования поднять политический и научный уровень технической книги, широко использовать труды классиков марксизма-ленинизма, директивы партии, критику классово враждебных, вредительских установок. Обращалось внимание на необходимость борьбы с идеалистическими течениями в науке, за ее актуальность и ориентацию на помощь социалистической реконструкции¹⁰.

Необходимо было выпустить в свет десятки тысяч названий технических книг, узко дифференцировать новую техническую литературу по читательскому назначению, сделав особый упор на массового читателя. Важнейшей задачей было создание литературы, описывающей новую технику и приемы работы над ней, прогрессивную технологию, книг по новым рабочим и инженерным профессиям. Появилась также необходимость в выпуске литературы по новым отраслям техники, в узкой дифференциации ее по отдельным видам оборудования, производственным процессам, операциям и т. п. При этом особое внимание следовало обратить на издание технико-экономической литературы, нацеливающей читателя на повышение производительности труда, снижение себестоимости изданий, научную организацию производственного процесса и т. д. Наконец, возникла потребность в агитационно-технической литературе, призывающей к новым трудовым подвигам и перевыполнению пятилетних планов.

Для решения этих задач необходимо было коренным образом улучшить работу технических издательств.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКИХ
ТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Идея консолидации издания технической книги в стране встала в период реконструкции во весь рост. «Издание технической литературы,—

¹⁰ Рейнберг Л. Какие требования мы должны предъявить к технической книге. — Красный библиотекарь, 1929, № 5—6, с. 72—76; Слутин Ф. На борьбу с политической вредной и безграмотной технической книгой. — За техн. книгу, 1931, № 2—3, с. 13—14 (Диспут в Комакадемии. Какой должна быть марксистско-ленинская техническая книга). — Там же, 1931, № 8, с. 16—19 и др.

читаем мы в документе ВСНХ, — и по кругу трактуемых ею вопросов, по кадрам ее авторских и редакторских сил и по кругу ее читателей, безусловно, требует специализации, выделения в особую группу из общей системы государственного издательского дела в СССР»¹¹.

Эта идея стала осуществляться после указанных выше постановлений ЦК ВКП(б) 1931 г. В конце этого года было создано Объединенные научно-технические издательства — ОНТИ ВСНХ, состоявшее из 15 отраслевых издательств. Организовано было также ОНТИ ВСНХ УССР в составе трех издательств.

ОНТИ принадлежало общее руководство, планирование и регулирование работы отраслевых издательств. Значение этой реорганизации состояло в установлении тесной связи отраслевых издательств с производством, научно-исследовательскими учреждениями и вузами, в объединении их усилий в решении проблемы создания новой технической книги.

5 января 1932 г. ВСНХ был преобразован. На его основе создали три наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности¹². В ведение последних двух наркоматов были переданы соответствующие издательства: Гизлегпром и Гослестехиздат. Остальные издательства ОНТИ ВСНХ согласно постановлению Совета Труда и Оборона от 9 января 1932 г. вошли в состав ОНТИ Наркомтяжпрома. В его систему вошли также Азнефтеиздат (Баку) и ОНТИ УССР (ДВНТУ).

Деятельность ОНТИ велась в трудных условиях. Полиграфическая промышленность была слабой, не хватало бумаги, редакционно-издательские кадры были недостаточно подготовленными, издательства далеко не всегда могли привлекать опытных авторов. Становилось очевидным, что самостоятельно существующие отраслевые издательства мало мощны, плохо справляются со своими обязанностями. В целях укрепления издательской деятельности 8 августа 1934 г. Объединение научно-технических издательств было реорганизовано в Объединенное научно-техническое издательство — ОНТИ. Вместо отраслевых издательств были образованы Главные редакции.

К концу 1936 г. в состав ОНТИ входили главные редакции: геологической и геодезической литературы; горной и нефтяной; машиностроительной и автотракторной; научно-популярной и юношеской; общетехнической; строительной и архитектурной; технической энциклопедии и словарей; теоретической химии; химической литературы; цветной металлургии; черной металлургии; энергетической литературы¹³. Имелись также три сектора: общетехнических изданий, стандартов, периодики и 4 отделения: в Ленинграде, Харькове, Баку, Свердловске, 6 типографий¹⁴. ОНТИ было главным поставщиком технической книги в стране. Доля его в ежегодном выпуске технической книги в СССР составила в 1932—1936 гг. свыше трети по названиям и более 45% по тиражам¹⁵.

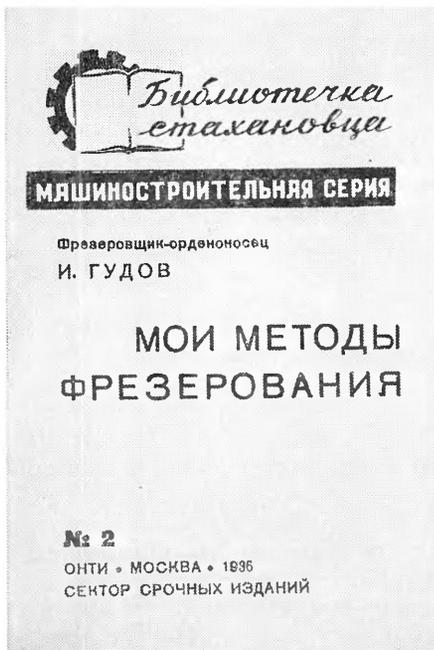
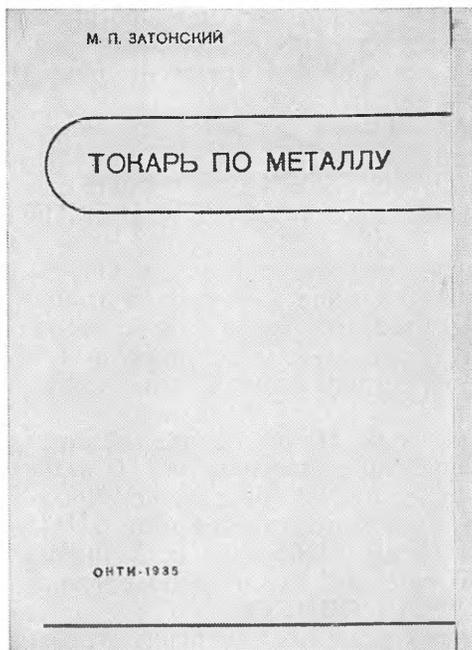
¹¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 69, д. 13, л. 9.

¹² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1932, отд. 1, № 1, ст. 4.

¹³ В конце 1935 г. Главные редакции возглавляли: общетехнической литературы — С. Е. Аршон, юношеской литературы — Н. Л. Мещеряков, энергетической — Г. А. Юденич, горно-топливной — И. П. Федотов, геологоразведочной — А. Н. Блохин, черной металлургии — Элиман, цветной металлургии — Е. Г. Деречей, судостроения — В. Л. Позднюнин, автотракторной — Г. Н. Ханин, химической — И. П. Роцен, теоретической химии — М. А. Блох, наглядных пособий — Я. К. Губерт, ведомственной и заочной — А. Н. Родин (ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 114, л. 18).

¹⁴ Либинсон Ф. Л., Тепленко В. Г. Работа ОНТИ в 1936 г. — В кн.: Печать СССР в 1936 г. М., 1937, с. 106.

¹⁵ Эти подсчеты нуждаются в некоторых коррективах в сторону уменьшения: помимо технической литературы ОНТИ выпускало книги по естественнонаучным основам техники.

В работе ОНТИ имелись значительные трудности: снабжение бумагой было недостаточным, планы не всегда выполнялись¹⁶; руководство часто менялось¹⁷; не хватало квалифицированных работников; трудно решались вопросы капитального строительства и др.¹⁸ Слабо выполнялось директивное указание об обеспечении учебной и справочной литературой хозяйственных кадров; мало выпускалось справочников и научно-популярных изданий и др.¹⁹ Но в основном ОНТИ со своими задачами справлялось.

В 1938 г. ему было присвоено наименование — Государственное научно-техническое издательство (ГОНТИ). В том же году в связи с разукрупнением Наркомтяжпрома из ГОНТИ выделились самостоятельные издательства — Машгиз, Оборонгиз, Стройиздат. Они перешли в ведение соответствующих наркоматов.

15 августа 1939 г. Экономсовет при СНК СССР принял постановление «О ликвидации ГОНТИ Наркомтяжпрома и о создании издательств при вновь организованных наркоматах»²⁰. На базе редакций ГОНТИ создавались отраслевые издательства наркоматов: топливной промышленности — Гостоптехиздат, электростанций и электропромышленности — Энергоиздат, черной металлургии — Металлургиздат, химической промышленности — Химиздат. Издание литературы по строительным материалам возлагалось на Госстройиздат. Содержание работы

¹⁶ ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 114, л. 135.

¹⁷ Нами выявлены управляющие ОНТИ: З. М. Коссаковский, В. Г. Тепленко, В. М. Вернер (ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 114, л. 1, 17, 83, 85, 135).

¹⁸ Там же, л. 85.

¹⁹ Тепленко В. ОНТИ и его кадры. Фабрика технической литературы. — За промышленные кадры, 1935, № 7, с. 41; О работе ОНТИ. — Там же, с. 42—43; А лек с а к о в Н. Учебно-организационная работа ИПКХ. — Там же, № 12, с. 27.

²⁰ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР, 1939, № 48, ст. 392.

наркоматских издательств определялось задачами третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР применительно к соответствующим отраслям промышленности.

На базе технико-теоретической редакции ГОНТИ в системе ОГИЗа создавалось Государственное издательство технико-теоретической литературы — Гостехиздат. На него возлагается выпуск общетеоретической литературы по вопросам техники и естествознания, учебников, научно-популярной литературы, технических энциклопедий и словарей.

Украинское отделение ГОНТИ передавалось наркоматам топливной промышленности и черной металлургии. Азербайджанское — наркомату топливной промышленности, Свердловское — наркомату черной металлургии, а Ленинградское — ОГИЗу.

Постановление Экономсовета определило конкретные задачи научно-технических издательств, направленные на выполнение третьего пятилетнего плана, развитие советской науки, техники, профессионально-технического образования, производства, на дальнейшее повышение культурно-технического уровня рабочего класса. Оно положило начало системе советских отраслевых научно-технических издательств. Дифференциация технических издательств способствовала их приближению к производству, облегчала и упрощала руководство издательским делом. Действуя в рамках отрасли, издательства могли шире привлекать крупных специалистов, улучшить ассортимент книг, поднять их качество. Продукция каждого издательства отражала все типы технической книги, все они издавали также и технико-экономическую литературу.

Позднее были созданы Госгеолитиздат, Судпромгиз. Функционировали также Трансжелдориздат, Связьтехиздат, Гизлегпром, Гослестехиздат, Гидрометеоздат, «Техническая энциклопедия» и др. Таким образом, была создана разветвленная сеть научно-технических издательств, профилированных по отраслям производства. Она обеспечивала более высокий количественный и качественный уровень выпуска технической книги.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства способствовала значительному расширению издания технической книги в союзных республиках. Это сыграло большую роль в подготовке национальных кадров технической интеллигенции, квалифицированных рабочих, в развитии научно-исследовательской работы.

Широко развернулось издание технической книги на Украине. Еще в 1930 г. в Харькове было создано специализированное научно-техническое издательство — ДНТВ (Державне науково-технічне видавництво) Украины. В 1932 г. на его базе возникло объединение научно-технических издательств Украины, куда вошло 9 издательств. В соответствии с народнохозяйственным профилем республики преимущественное внимание уделялось литературе по энергетике, угольной промышленности, металлургии, машиностроению. В 1928—1940 гг. на Украине вышло 12 750 технических книг.

В Белоруссии с 1927 по 1941 г. выпущено 869 названий. В 1931 г. там было создано научно-техническое издательство, но оно было упразднено в мае 1934 г., так как не обладало ни достаточной полиграфической базой, ни квалифицированными редакторскими кадрами.

Сравнительно много литературы издавалось в Азербайджане, а также в Грузии.

В 1939 г. доля союзных республик в выпуске технической литературы в стране составила свыше 12% по названиям и 5% по тиражам. Доля технической книги в общем выпуске книг по республике (по на-

званиям) составила: УССР — 24%, АзССР — почти 15%, ГССР — 7,4%, БССР — 6,5%.

На территории РСФСР техническая книга издавалась также на ряде языков автономных республик.

ОБЩИЙ АНАЛИЗ ВЫПУСКА ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ

На рубеже 20—30-х годов проявился острый недостаток в технической книге²¹. В дальнейшем издательства добились огромных успехов в выпуске технической книги. С 1928 по 1940 г. вышло 123 тыс. названий общим тиражом 650 млн. экз. Это больше, чем за предшествующее десятилетие почти в 8 раз по названиям и в 9 с лишним раз по тиражам.

Представление о росте изданий по рубежным годам дает таблица:

Годы	Число названий, тыс.	Тираж, млн. экз.	Удельный вес, %	
			названий	тиража
1928	4 023	17,6	11,6	6,5
1932	11 088	79,7	21,4	14,4
1937	9 065	41,8	24,1	6,2
1940	12 236	35,3	26,7	7,6

Выпуск технической книги (по названиям) увеличился с 1928 по 1940 г. в 3 раза. Это значительно превосходило темпы роста книжной продукции в целом (она выросла лишь на 130%). В 1928 г. доля технической книги в общей массе книжной продукции составила 11,6%, в 1940 г. — 26,7%. Так возрастала роль технической книги в жизни советского общества. Оценка роста продукции технической книги по пятилеткам дана в печати неточно. «В связи с тем, — читаем мы в официальном издании, — что первая насущная потребность в технической книге была удовлетворена выпуском ее в больших количествах на протяжении первой пятилетки, годы второй пятилетки дают некоторое уменьшение выпуска технической литературы по сравнению с годами первой пятилетки. Но наряду с уменьшением числа печатных единиц повысился средний объем книги и средний тираж»²². Однако уменьшение выпуска технической литературы относится не к названиям, а лишь к тиражам. Среднегодовой выпуск технической книги составил:

Годы	Названия	Тиражи, тыс.
1929—1932	8 024	65 785
1933—1937	10 229	48 175
1938—1940	11 985	42 916

Другое дело, что темпы роста продукции технической книги в годы первой пятилетки были, естественно, выше, чем в последующие годы.

²¹ «Голод на техническую книгу так велик, что за 1929 г. наш потребитель «съел» все старые издания... рабочий, инженер, техник, студент, учащийся в техникуме, «фабрикант» — мучительно ищут книгу, журнал, пособие, учебник и найти не могут» (Бирбраер Н. Дайте, наконец, нужную техническую книгу. — За индустриализацию, 1930, 8 апр.).

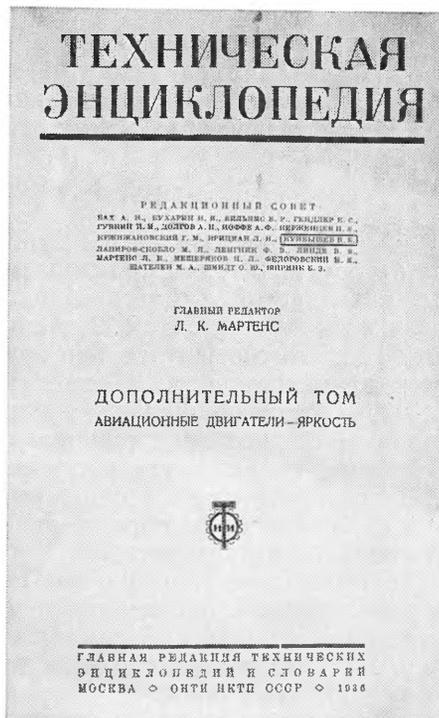
²² Пропина К. И. Печать СССР за 20 лет. — В кн.: Печать СССР в 1937 г. М., 1938, с. XXII.

По выпуску технической книги наша страна далеко обогнала крупнейшие капиталистические государства. В 1937 г. выпуск технической книги в СССР значительно превысил ее издание в США, Англии, Франции, Германии и Италии вместе взятых. В СССР удельный вес технической книги составлял свыше четверти выпуска книжной продукции, в Германии — 8%, в Англии и во Франции — несколько более 6%, в Италии — 4%, в США — 3,7%.

Значительно вырос удельный вес литературы, предназначенной для малоподготовленного читателя — техническая книга проникла в широкие массы народа. Доля выпуска литературы для всех рабочих (не считая учащихся ФЗУ и молодежи) составила 28% по названиям и около 37% по тиражам²³. Это сравнительно высокие показатели.

В 1931 г. в системе ГНТИ был создан особый сектор переводной литературы²⁴. Он должен был обеспечить перевод, критическую переработку в духе требований социалистической индустриализации и издание лучших иностранных технических книг, составление и выпуск сборников материалов по отрасли или по наиболее актуальным темам, перевод наиболее ценных отдельных статей. Появился ряд серий сборников научно-технических материалов («Новости иностранной техники», «Иностранная техника», «Иностранную технику на службу социалистическому строительству», «Иностранная нефтяная техника»). Однако работа по переводу иностранной литературы нуждалась в совершенствовании. Об этом, в частности, писал в 1940 г., обращаясь в Совет Народных Комиссаров, акад. В. Н. Образцов²⁵. Доля переводной литературы не была велика. Так, по изданиям ГНТИ она составляла в 1934 г. — 6,9% всех выпущенных названий, в 1935 г. — 8,5%, в 1936 г. — 5,8%²⁶.

Уже в конце первой и начале второй пятилетки техническая книга, выходящая в СССР, стала значительно более оригинальной, изменилась ее тематическая структура и содержание, возросло международное значение. «Содержание книг в конце первой и в начале второй пятилетки решительно изменилось. Преобладание переводной литературы или оригинальных переводов иностранных источников сменилось преобладанием новой советской книги, создаваемой на основе новейших достижений иностранной и советской техники, на основе исследований

²³ Байтин И., Филиппов Е. Техническая книга в СССР. — Техн. книга, 1937, № 11, с. 9.

²⁴ За техн. книгу, 1931, № 8, с. 14.

²⁵ Архив АН СССР, ф. 656, оп. 3, д. 34, л. 1.

²⁶ Либинсон Ф. Л., Тепленко В. Г. Работа ОНТИ в 1936 г. — В кн.: Печать в СССР в 1936 г. М., 1937, с. 109. Колбановский Л. В., Либинсон Ф. Л. ОНТИ. — В кн.: Печать СССР в 1934 г. М., 1935, с. 125.

многочисленных научных институтов и быстро растущих заводских лабораторий²⁷.

За годы второй и третьей пятилеток значительно повысилось качество советской технической книги²⁸. В технической литературе впервые был освещен опыт новых отраслей науки, техники, производства.

ТЕМАТИКА ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ

Характерным явлением было увеличение доли выпуска литературы по отраслям тяжелой промышленности (то есть энергетики, горного дела, металлургии, химической промышленности, машиностроения и технологии металлов). В 1939 г. она выросла по сравнению с 1928 г. с 30 до 50%. Это соответствовало ведущей тенденции развития социалистического производства. В тяжелую промышленность вкладывались наибольшие капиталовложения; широким потоком шла новая, сложная техника; ее внедрение требовало от рабочих овладения техническими знаниями, высокого удельного веса инженеров и техников; кроме того, намного увеличилось число занятых в тяжелой промышленности. Все это требовало серьезного увеличения издания литературы по отраслям тяжелой промышленности.

Интенсивное транспортное строительство, значительно выросший объем перевозок определили довольно высокий удельный вес транспортной литературы. Следующее место занимает литература по строительству. Это соответствовало большому размаху строительных работ на территории страны.

Рассмотрим теперь показатели выпуска литературы по отраслям тяжелой промышленности в 1928 и 1940 гг.

№ п/п	Отрасли	1928 г.		1940 г.	
		кол-во названий	удельный вес в литературе по тяжелой промышленности	кол-во названий	удельный вес в литературе по тяжелой промышленности
1	Машиностроение и технология металлов	340	29,2	2259	45,8
2	Энергетика	508	43,6	1433	29,0
3	Горное дело	93	8,0	603	12,1
4	Химическая промышленность	163	13,9	397	8,0
5	Металлургия	62	5,3	252	5,0
	Всего	1166	100,0	4944	100,0

На первое место с большим преобладанием вышла литература по машиностроению и обработке металлов. Это было связано с курсом на преимущественное развитие машиностроения. Вырос удельный вес литературы по горному делу — в связи с широко развернувшимися поисковыми работами, разработками новых месторождений полезных ископаемых, увеличением их добычи.

²⁷ Колбановский Л. В., Либинсон Ф. Л. Указ. соч., с. 123.

²⁸ Удинцев Б. Д. Несколько цифр об авторских кадрах и качестве продукции. — В кн.: Печать СССР в 1934 г., с. 38, 40.

Эти отраслевые сдвиги сопровождались изменениями в конкретной тематике книг. Они были настолько значительны, что можно говорить об изменении лица советской технической книги. Вышло большое число изданий по авиации, автомобилестроению, тракторостроению, станкостроению, приборостроению, новым отраслям химической технологии, двигателям внутреннего сгорания, холодильной технике, радиотехнике, механизации и автоматизации производственных процессов. Характерным явлением была узкая дифференциация литературы по тематическому признаку, выпуск книг по отдельным видам оборудования, книг, освещающих особенности технологических процессов и операций и т. д. Об этом свидетельствовало, в частности, появление отраслевых серий для инженерно-технических работников и для рабочих. Дифференциации и обогащению тематики способствовал также выпуск указанных выше серий сборников переводных научно-технических материалов.

Большое значение имели агитационно-техническая книга, книга в помощь изобретательству и рационализаторству.

Таким образом, значительно обогатилась и стала более актуальной тематика технической книги. Однако ее ассортимент все еще не полностью удовлетворял читательский спрос. «Систематически недостает книг по ряду вопросов и дисциплин. Тысячи покупателей ищут учебники по химии, механике, сопротивлению материалов, электротехнике и другим предметам. Стотысячные тиражи книг по автомобильному делу расходятся с исключительной быстротой. Трудно достать книги по машиностроению, по строительному делу. Выходящие книги расхватываются немедленно, так как тиражи их в 15—25 тысяч явно недостаточны»²⁹.

ТИПЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ

В типологической структуре технической книги по выпуску 1939 г. преобладающее место занимала производственная книга, на ее долю падало свыше 70% названий и около 63% тиражей. Далее шла учебная книга — соответственно 18,2% и 11,5%, официально-документальная и справочно-информационная литература — 7,6% и 8,7%. На долю научной книги приходилось 1,8% названий и лишь 0,8% тиражей. Этот ряд замыкали агитационно-техническая книга (1,1% и 11,1%) научно-популярная и детская (0,9% и 2,5%).

Размеры статьи не позволяют подробно осветить развитие всех типов технической книги. Поэтому мы сосредоточили свое внимание на характеристике учебной и производственной книги, совместная доля которых в общем выпуске технической книги составляла около $\frac{9}{10}$ по названиям и почти $\frac{3}{4}$ — по тиражам. Развитие других типов технической книги рассмотрено обзорно.

УЧЕБНАЯ КНИГА

В годы довоенных пятилеток возникла гигантская система профтехобразования, охватившая многие миллионы людей. Были открыты сотни новых вузов и техникумов, промакадемии, резко возросло количество рабфактов, школ, ФЗУ, различных курсов и т. п. Были введены технические экзамены для рабочих, а затем сдача техминимума. Все это потребовало создания новой системы учебной литературы.

К началу первой пятилетки положение с учебной литературой было неудовлетворительным, прежде всего в количественном отношении³⁰. Учебники издавались без всякого общего плана и координации многими организациями, деятельность издательств не отражала нужд высшей школы, по одним дисциплинам имелись учебники, по другим, особенно по новым отраслям техники, почти полностью отсутствовали³¹. Особенно неблагоприятно складывалось дело в области машиностроения, строительства, химической технологии³². Значительны были и недостатки качественного, в том числе и методологического характера. Большинство учебников, применяемых во вузах в первой половине 30-х годов, создавались еще в условиях капиталистического хозяйства и не соответствовали задачам социалистического строительства³³. В ряде случаев учебники создавались как научные трактаты, мало соответствующие методическим требованиям, как в отношении структуры, так и объема. Некоторые из них достигали до тысячи страниц³⁴. В условиях методиче-

²⁹ Техн. книга, 1937, № 11, с. 10.

³⁰ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 14, д. 649, л. 121.

³¹ Там же, ф. 8060, оп. 1, д. 91, л. 72; д. 93, л. 1.

³² ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 114, л. 132.

³³ ЦГАОР, там же, л. 4.

³⁴ Там же, д. 93, л. 1, 4.

ского прожекторства, бригадно-лабораторного метода обучения в вузах выпускались учебники по очень узким отраслевым признакам, с низким теоретическим и методическим уровнем. Не всегда достаточно отражался опыт социалистического строительства, развитие данной отрасли. Многие учебники страдали академичностью, неконкретно описывали технические средства, технологические процессы и т. п. Наконец, некоторые из них были просто недоброкачественными³⁵.

Существовали объективные трудности. Необходимо было создавать учебники по новым отраслям техники. При этом заимствование из иностранной литературы часто исключалось, так как многие данные капиталистические фирмы засекречивали³⁶. Вставала и проблема авторских кадров. В стране имелись высококвалифицированные научные силы, но как правило они были перегружены работой в вузах, учреждениях, на производстве. Подобные вопросы стали предметом широкого обсуждения³⁷.

Перелом в области издания учебной литературы для вузов связан с постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». Оно предусматривало перестройку высшего и среднего специального образования — введение новых специальностей, учебных планов и программ и т. д.³⁸ Важной мерой было учреждение в 1938 г. Всесоюзного Комитета по высшему техническому образованию во главе с Г. М. Кржижановским и видным педагогом А. П. Пинкевичем. Мероприятия по обеспечению вузов учебной литературой стали важнейшим делом Комитета. «Пора знать, — говорил Г. М. Кржижановский, — эта литература — самая важная для нас»³⁹. Комитет принимал участие в совещаниях при ЦК ВКП(б) по вопросу об учебниках для вузов, организовывал конференции по этому вопросу, конкурсы, утверждал планы выпуска учебников, руководил подбором авторов, разрешал выпуск учебников, контролировал работу издательств. Была предложена классификация учебной технической литературы⁴⁰, разработаны методические требования к учебнику: соответствие программе; строгая научность и достоверность; систематичность изложения, наличие практического материала — приме-

³⁵ Там же, д. 108, л. 13; д. 91, л. 12.

³⁶ Там же, д. 93, л. 2.

³⁷ Шифрин А. Какой нам нужен технический учебник. — За техн. книгу, 1931, № 5—6, с. 12—15; Усиевич Д. Какой нам нужен технический учебник. — Там же, № 8, с. 31—33.

³⁸ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1932, отд. 1, № 68, ст. 409.

³⁹ ЦГАОР, там же, д. 103, л. 47.

⁴⁰ Там же, д. 93, л. 26—27; д. 108, л. 1—56; д. 149, л. 6; д. 91, л. 24—25; 38; д. 102, л. 24; д. 103, л. 14—35; ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 96, л. 36.

ров, задач, методик решений; наличие библиографии и т. д.⁴¹ Отстаивался принцип стабильности вузовского учебника⁴².

Эти усилия принесли известные плоды. Введено было плановое начало в издание учебников, оно стало главной задачей крупных технических издательств, и прежде всего ОНТИ, которое выпускало более половины всех учебников. За учебной литературой бронировалось 50—55% всего бумажного фонда ОНТИ⁴³. Если в 1933 г. было выпущено 530 учебников и учебных пособий, то в 1934 г. только ОНТИ издало 560 пособий⁴⁴. Повысилось и качество учебников для втузов, обновилась и расширилась их тематика. Часть лучших учебников была переработана в соответствии с новыми требованиями, например, «Металлургия чугуна» М. А. Павлова, «Рудничный транспорт» А. М. Терпигорева и др. Но наибольшее внимание обращалось на создание новых учебников, таких как «Разработка пластовых месторождений» Л. Д. Шевякова, «Металлография и термическая обработка стали и чугуна» Н. Ф. Болховитинова, «Расчет автомобиля» и «Теория автомобиля» Е. А. Чудакова и др.

Тематика учебника расширяется также и за счет таких отраслей техники, как авиация, химическая технология, радиотехника, некоторые области машиностроения и пр.

Стимулом для поднятия уровня всей технической учебной литературы, в частности, для пересмотра устаревших технологических норм, послужило стахановское движение.

Однако по-прежнему не хватало учебников. В 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывали: «Отсутствуют стабильные учебники для высшей школы и нет совершенно учебников по ряду важнейших дисциплин»⁴⁵.

В предвоенные годы продолжалась борьба за повышение качества учебника для втузов. На первом Всесоюзном совещании работников высшей школы в 1938 г. отмечалось, что главный недостаток высшей школы — это нехватка хороших учебников; отсюда решающая задача — обеспечение вузов хорошими учебниками⁴⁶, без которых не удастся наладить успешную подготовку специалистов⁴⁷. На совещании указывалось, что издательства систематически не выполняют плана выпуска учебников. В 1937 г. ОНТИ выполнило план на 60%, Трансжелдориздат — на 40%, Трансиздат — на 21%⁴⁸. Острая критика состояния технической учебной литературы прозвучала в выступлениях ряда участников совещания: проф. Усова (Томск), Шабанова (Москва)⁴⁹ и др.

Значительно меньший опыт имелся в области создания учебников для техникумов. Раньше специальных учебников для техникумов было мало. Не хватало их и во второй половине 30-х годов⁵⁰. Нередко учебники для техникумов возникали в результате облегчения вузовских пособий. Этот метод, вообще малопримемлемый, теперь пол-

⁴¹ Там же, л. 62.

⁴² Там же, л. 93 и об.

⁴³ ЦГАОР, там же, л. 15—25, 28.

⁴⁴ Обзор работы ОНТИ за 1934 г. М., 1935, с. 20.

⁴⁵ О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). — Бюл. Всесоюз. ком. по делам высшей школы при СНК СССР, 1936, № 1, с. 3.

⁴⁶ Правда, 1938, 20 мая.

⁴⁷ Там же, 15 мая.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 8080, оп. 1, д. 19, л. 45.

⁴⁹ Там же, д. 20, л. 11—12; д. 21, л. 47.

⁵⁰ ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 208, л. 17.

ностью себя изжил. Необходимо было создавать учебники в строгом соответствии с профилем техникумов, с их программами, а главное придать им производственный уклон, оснастить практическими заданиями, контрольными вопросами и т. п.

В результате большой работы удалось несколько выправить положение. Примерами лучших пособий для техникумов служат «Технология металлов» М. Е. Евангулова и И. М. Холмогорова, «Машиноведение» В. С. Наумова, «Паровые турбогенераторы» С. М. Лосева, «Курс аэродинамики» П. М. Ширманова и др. Близкими по характеру к учебникам для техникумов были пособия для рабфаков.

Много усилий было направлено на создание учебников для подготовки и повышения квалификации рабочих профессий. В этой области в конце 20-х начале 30-х годов были перегибы. Раздавались требования отступить от академической формы изложения в учебнике и превратить его в производственное пособие; имели хождение представления о нецелесообразности применения учебников для подготовки рабочих кадров; идея стабильного учебника подвергалась нареканиям и т. д. Недостатком многих учебников являлась их чрезмерная описательность и теоретичность. Однако подобные недостатки были в определенной мере преодолены.

В системе пособий для подготовки рабочих кадров обозначались три звена: учебники для ФЗУ, техминимума и производственно-технических курсов. Масштабы издания учебников для ФЗУ были значительны, с 1932 по 1935 г. ОНТИ выпустило 412 таких пособий⁵¹. Среди них известность приобрели «Машиноведение» Л. Е. Левенсона, «Литейное дело» П. Енишерлова и А. Асонова и др. Но в целом руководства для ФЗУ не всегда имели четкую программу, в большинстве случаев не являлись полноценными учебниками⁵².

Большое значение имели разработка и массовый выпуск пособий по техминимуму. Несмотря на трудности в создании таких пособий были выпущены в свет многие сотни названий⁵³. Пособия освещали примерно следующий круг вопросов: роль данной профессии в социалистическом производстве, сведения о технике безопасности, организации труда, материаловедению, некоторые теоретические вопросы, описание оборудования и приемов работы и т. п. В их создании принимали участие рабочие авторы.

Издавались также пособия для производственно-технических курсов без отрыва от производства для малоквалифицированных рабочих⁵⁴. Остро стоял вопрос о заочном обучении. Госиздат выпустил крупную серию «Рабочий техникум на дому», состоявшую из трех отделов: металлургического, металлообработки, электротехники. Однако эта серия не имела четкого читательского назначения. Гораздо более удачными оказались выпуски Бюро заочного обучения при Московском механическом институте им. М. В. Ломоносова, выходявшие по трем циклам: А — для рабочих, Б — для техников, В — для инженеров.

Таким образом, была проведена большая и плодотворная работа, создана новая система учебной литературы, профилированной по типам учебных заведений.

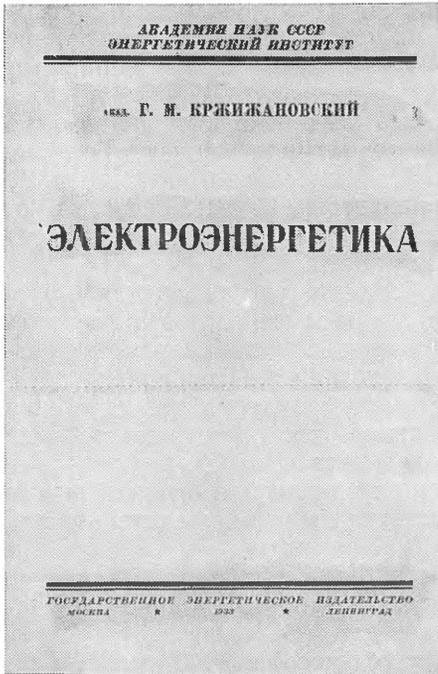
---

⁵¹ Печать в СССР в 1935 г. М., 1936, с. 106; Коссаковский З. Техническая книга во второй пятилетке. — Техника, 1934, 9 февр.

⁵² Комс. правда, 1939, 20 февр.

⁵³ Печать в СССР в 1935 г., с. 106.

⁵⁴ ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 73, л. 32, 108; д. 114, л. 133.

Проблема издания и совершенствования производственной книги как наиболее массовой части технической литературы стояла особенно остро. Это относится в первую очередь к книге для рабочих. Ее состояние к началу I пятилетки было неудовлетворительным. Книг было чрезвычайно мало, большая часть из них предназначалась для высококвалифицированных рабочих⁵⁵. В ряде случаев они не отражали уровня и задач современного производства.

Между тем спрос рабочих на производственную книгу быстро нарастал. «Спрос рабочего читателя на производственную книгу занимает в рабочих библиотеках и киосках ГИЗа на заводах второе место. Предложение такой книги стоит на... последнем месте»⁵⁶. Тревожное положение с производственной литературой стало предметом обсуждения

общественных организаций. Состоявшийся в декабре 1928 г. VIII Всесоюзный съезд профсоюзов принял резолюцию: «Отмечая острый недостаток хорошей массовой технической литературы, съезд признает необходимым усилить работу государственных издательств по изданию популярной производственной книги, доступной по языку, изложению, размеру и цене для массового рабочего читателя. Профорганизации должны оказать содействие в этом деле издательствам путем организации отзывов рабочих о книгах и их комплексного редактирования»⁵⁷.

В 1930 г. совещание заведующих культотделами ЦК профсоюзов отметило полное отсутствие книг для малоквалифицированных рабочих, недостаток книг для рабочих средней квалификации⁵⁸.

Всесоюзное межсекционное бюро инженеров и техников совместно с Гостехиздатом выступили со специальным обращением «Об участии в работе по созданию производственно-технических книжек для рабочих»⁵⁹, адресованным всем инженерно-техническим секциям и всем инженерам и техникам. Они призвали их принять все меры для привлечения производственных работников к выполнению плана издания технической книги для рабочих.

Общество «Техника — массам» провело ряд совещаний, анкетирование среди рабочих⁶⁰ выявило недостатки в издании производствен-

⁵⁵ Ивашкевич П. Производственно-техническая книга для рабочих. (Письма в редакцию). — Книга и революция, 1929, № 19, с. 58—59; ЦГАОР, ф. 5576, оп. 1, д. 30, л. 47 и об.

⁵⁶ Ленингр. правда, 1929, 17 янв.

⁵⁷ Труд, 1929, 12 янв.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 14, д. 570, л. 41.

⁵⁹ Вестн. металлопромышленности, 1929, № 1, с. 252—253.

⁶⁰ По результатам анкетирования был получен ответ: «Книга не та, какая нужна для массового читателя, она недостаточно практически помогает» (ЦГАОР, ф. 5576, оп. 1, д. 30, л. 8).

ной книги: бесплановость, отсутствие координации, недостаточный уровень содержания и оформления и др.⁶¹ Был создан Совет по технической литературе с участием представителей издательств, ведомств, общественных организаций, НИИ, вузов, рабочих⁶².

ВАРНИТСО создало ударные бригады, которые оценивали вышедшие книги, составляли списки ударных тем и т. д.; была разработана программа совершенствования издания массовой книги⁶³.

Вопросы издания производственной книги обсуждались на конференциях, совещаниях, диспутах и т. д. — в стране развернулось широкое движение за создание и развитие книги для рабочих. Были выработаны требования к ней: повышение теоретического уровня, преодоление рецептурности и вульгаризации, включения материалов по экономике и рационализации труда, конкретность и доступность изложения, освещение современной техники и технологии, четкость целевого и читательского назначения⁶⁴.

В борьбе за развитие массовой технической книги издательствам пришлось преодолевать ряд трудностей, в том числе авторский кризис⁶⁵.

18 июня 1929 г. постановлением Совнаркома СССР Гостехиздату было вменено в обязанность «организовать издание популярной технической литературы для рабочих»⁶⁶. Стали выпускаться серии: «Молодой машиностроитель», «Серия агитационно-технической литературы», «Книжка — ударнику», «Библиотека рабочего-изобретателя», «Библиотека ударника-рационализатора». В 1931 г. серия «Рабочая библиотека», выходящая с 1920 г., была преобразована в цикл отраслевых «Рабочих библиотек»: электрика, металлста, строителя, горняка, текстильщика, деревообделочника, кожевника, коммунальщика. В дальнейшем в ОНТИ появился ряд других серий. Крупной серией Госиздата была «Библиотека производственного журнала». Издательство «Молодая гвардия» выпускало серию под характерным названием «Война потерям». Большое количество книг для рабочих выходило и вне серий.

Однако далеко не все из них удовлетворяли возможностям и потребностям читателей. «Чаще всего это происходит от того, — писал рабочий А. И. Морозов, — что сам автор практически не изучил данного дела, перед ним не возникали вопросы и затруднения, неизбежные во всякой повседневной работе. Читатель, ищущий ответ на эти вопросы, не найдя его, отставит книгу с уверенностью, что книга — одно, а живое дело — совсем другое»⁶⁷. Рабочие требовали: «Нам нужна книга, исходящая из низов»⁶⁸. В начале 30-х годов эта мысль получила широкое распространение⁶⁹. Возникло движение рабочего авторства. «Энтузиазм великой стройки, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — всенарод-

⁶¹ Там же, л. 6; д. 56, л. 25 и об.

⁶² Там же, ф. 4394, оп. 1, д. 54, л. 1, 2, 8, 10; д. 37, л. 5, 15-а, д. 60, л. 4—7, 20, 21, 24; д. 96, л. 62.

⁶³ Там же, ф. 5576, оп. 1, д. 30, л. 34.

⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 96, л. 62.

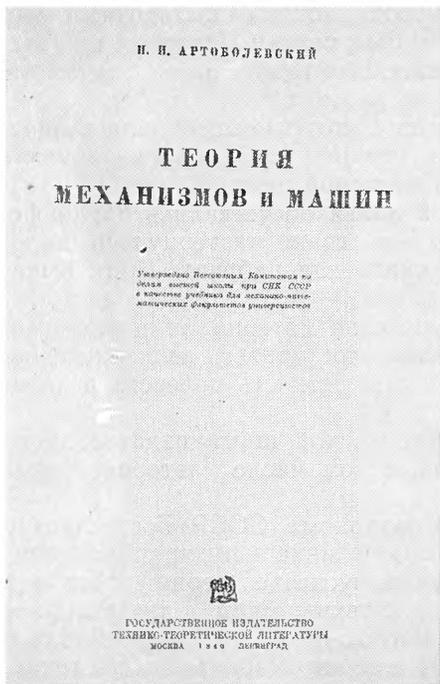
⁶⁵ «У нас нет массовой технической литературы, — заявлял представитель ГИЗа в 1929 г. — главным образом потому, что некому ее писать» (ЦГАОР, там же, д. 30, л. 22).

⁶⁶ Известия, 1929, 26 июля.

⁶⁷ Как рабочему написать техническую книгу. М., 1932, с. 7.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 5576, оп. 1, д. 30, л. 22.

⁶⁹ Ведущий технический журнал писал: «Никакие усилия отдельных лиц, хотя бы и высококвалифицированных, не разрешат вопроса о снабжении многомиллионной армии советского пролетариата технической книгой. Эта проблема может быть разрешена только призывом к авторству передовых рабочих...» (Вестн. инженеров и техников, 1932, № 1, с. 2).

ный размах социалистического соревнования породили тысячи и тысячи передовиков — ударников, стахановцев, лучших представителей рабочего класса, чьи трудовые подвиги послужили как бы мощным мотором, двинувшим вперед все дело строительства индустриальной базы социализма»⁷⁰. Многие из этих людей взяли за перо, чтобы поделиться своими знаниями и опытом с товарищами. Вдохновителем и организатором движения рабочего авторства была Коммунистическая партия. В указанных выше постановлениях ЦК ВКП(б) 1928 и 1931 гг. отмечалась необходимость привлечения рабочих к созданию технической литературы. В специальных постановлениях ЦК ВКП(б) — НКРКИ в 1931 и 1932 гг. были вскрыты крупные недостатки в этой области и намечены мероприятия в помощь широко развитию рабочего авторства⁷¹. В это дело включились партийные и обществен-

ные организации, издательства, рабочие, инженерно-техническая общественность, библиотеки, молодежь и др. Так, в 1931 г. секция техники ЦК ВЛКСМ и Центральное бюро ВАРНИТСО обратились ко всем комсомольским организациям и всем инженерам и техникам страны с призывом широко развернуть рабочее авторство и оказывать ему всяческую помощь⁷².

Большое значение для правильной ориентации рабочих авторов имела разработка специальных темников⁷³. Стали создаваться кружки и кабинеты рабочих авторов, выходили методические пособия и т. п. Дальнейший рост рабочего авторства привел к консолидации организационных форм. В 1931 г. организовалась Московская ассоциация рабочих авторов, объединившая около 60 кружков на предприятиях. Аналогичная ассоциация возникла в Ленинграде. Окрепили авторские группы в Баку, Харькове, Горьком, Иванове и в других городах. В 1933 г. была создана Всесоюзная ассоциация рабочих авторов (ВАРАТ), которая организовала отраслевые и областные ассоциации рабочих авторов, привлекла к авторству лучших ударников, выпустила социальные заказы рабочим авторам, создала при Политехническом музее учебно-методический центр рабочего авторства и т. п.⁷⁴ Действенной формой было обращение ВАРАТ к местным партийным организациям⁷⁵. В 1934 г. в стране насчитывалось 4 тыс. рабочих авторов⁷⁶. Однако в работе ВАРАТ были и существенные недостатки: нечеткость в организацион-

⁷⁰ Брежнев Л. И. Указ. соч., с. 86.

⁷¹ За техн. книгу, 1932, № 1, с. 4—5; № 7, с. 24—26.

⁷² ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 64, л. 140—145

⁷³ Там же, д. 60, л. 4—7; ЦГАОР, ф. 5576, оп. 15, д. 1, л. 1—10, 21—28.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 5576, оп. 10, д. 11, л. 2.

⁷⁵ Там же, л. 5—6.

⁷⁶ Рябинин Л. 4000 рабочих — авторов технической литературы. — Техника.

ном построении, параллелизм, слабая связь с издательствами, неудачная работа методического центра, недостаточное привлечение молодых рабочих и др.⁷⁷ Вследствие этого в августе 1934 г. ВАРАТ была упразднена, а ее функции переданы обществу «За овладение техникой» (ЗОТ), при котором образовано Центральное бюро рабочих авторов технической литературы⁷⁸.

К середине 30-х годов рабочее авторство приняло характер широкого движения. К этому времени было издано около тысячи книг рабочих авторов⁷⁹. Особенно активно развернулось движение на заводах: «Серп и молот», «Динамо», «Трехгорная мануфактура», «Красный путиловец», Сестрорецкий инструментальный завод, Ростсельмаш, Горьковский автозавод, Харьковский паровозный завод и др. Ярким примером служит завод «Серп и молот»⁸⁰. Здесь действовал коллектив в составе около 100 человек под руководством Б. И. Галахова, были изданы десятки книг. Книги рабочих авто-

ров завода оказывали помощь и другим предприятиям. Так, сталевары Кузнецкостроя выразили благодарность за эти работы, которые явились «первой ступенью приобретения более высокой квалификации»⁸¹.

Развернулось движение рабочего авторства и на средних и небольших предприятиях⁸². Вскоре стали известны имена наиболее активных рабочих авторов. Рабочий «Трехгорной мануфактуры» И. С. Зайцев написал пять книг по ситцепечатному делу. Четыре книги по токарному делу создал ленинградский мастер И. Н. Малыгин. Его «Практика нарезания точной резьбы» выдержала два издания. Рабочий завода «Красный путиловец» И. И. Макаревич написал несколько книг по токарному делу. Он опубликовал яркий рассказ о том, как писал свою первую книгу⁸³. Мастер завода «Красный богатырь» М. П. Каменская написала книгу «Работа на галашном конвейере» и стала соавтором фундаментального пособия «Производство резиновой обуви». Трижды переиздавалась книга «Токарь по металлу» М. П. Затонского, снабженная предисловием М. И. Калинина. Замечательным рабочим автором был и В. Н. Сторонкин, токарь-лекальщик Ленинградского машиностроительного завода имени К. Маркса. В 1935 г. вышла его книга «Спутник токаря-резьбовика», переизданная в 1940 г.

⁷⁷ ЦГАОР, там же, л. 2, 2 об.

⁷⁸ Там же, л. 1—3.

⁷⁹ Рабочий автор. Сб. статей. М., 1934, с. 4.

⁸⁰ ЦГАОР, там же, л. 7, 41, 42—51, 78—79.

⁸¹ Там же, л. 44. Рабочая Москва, 1933, 23 апр.

⁸² ЦГАОР, ф. 5576, оп. 15, д. 1, л. 1—10, 21—28; оп. 3, д. 27, л. 2—3.

⁸³ Макаревич И. И. Как я написал свою книгу. — Металлист за книгой, 1930, № 8, 21.

Книги рабочих авторов сыграли большую роль в производственном обучении рабочих, повышении их квалификации, поднятии культурно-технического уровня. Рабочее авторство возникло в обстановке роста социалистического сознания рабочего класса, нового отношения к труду, социалистического соревнования и взаимопомощи и было высоко оценено А. М. Горьким⁸⁴. Современники в целом правильно рассматривали рабочее авторство как одну из форм вовлечения широких рабочих масс в социалистическое строительство, как средство обмена социалистическим производственным опытом⁸⁵. Однако были и неправильные оценки. В ВАРНИТСО на раннем этапе развития рабочего авторства культивировалась идея о том, что происходит орабочивание производственной литературы, «новая авторская поросль вытесняет „профессионалов” и „авторитеты”»⁸⁶. Но такое противопоставление литературы рабочего авторства традиционной производственной литературе не выдержало проверки временем.

Производственная литература для рабочих испытала сильное воздействие стахановского движения: она была переработана в соответствии с достижениями стахановцев.

То же относится и к литературе для инженеров и техников. Она в значительной мере выросла количественно, повысилась ее научный уровень, расширилась тематика. Появился ряд пособий по новым профессиям. Характерным явлением была узкая дифференциация по тематическому признаку, выпуск книг по отдельным видам оборудования, особенностям технологических процессов и операций и т. п.

Дифференцировалось читательское назначение этой литературы. Проектировщики и конструкторы нуждались в литературе о новых типах сооружений и машин, о методах расчета конструирования машин и их деталей, по вопросам материаловедения, содержащей сведения об условиях производства и применения проектируемого оборудования и т. д. Специалисты, работающие на промышленных предприятиях, испытывали потребность в литературе, которая помогала бы им наиболее производительно использовать новую технику, освоить передовую технологию. Такие дифференцированные пособия были созданы.

Многие книги для специалистов издавались в сериях. В начале 30-х годов «Инженерно-промышленная библиотека» была упразднена. Стали выходить в свет отраслевые серии: «Библиотека электротехника», «Библиотека металлурга», «Библиотека инженера-автомобилиста», «Библиотека теплотехника» и др. Это было проявлением процесса дальнейшей дифференциации тематики литературы для специалистов. Книги для хозяйственников ГНТИ выпускал в серии «Библиотека хозяйственника».

Таким образом, в основном была решена проблема создания производственной книги для рабочих; существенно обновилась и дифференцировалась по тематике, целевому и читательскому назначению литература для специалистов.

ДРУГИЕ ТИПЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ

Научная книга

Росту научной книги способствовало создание сети новых научно-исследовательских учреждений, увеличение числа научных работников,

⁸⁴ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953, т. 25, с. 404.

⁸⁵ ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 64, л. 171.

⁸⁶ Шухгальтер Л. Дорогу рабочему авторству. Тезисы доклада в секции техники ЦК ВЛКСМ 28 апр. 1931 г. (ЦГАНХ, ф. 4394, оп. 1, д. 64, л. 171).

возникновение новых направлений исследовательских работ, укрепление связи науки с производством. Расширение масштабов научных исследований привело к усилению роли трудов научных коллективов. Их выпускали научно-исследовательские институты, вузы, а также некоторые промышленные предприятия.

Широко издавались собрания сочинений выдающихся ученых: Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина, Г. М. Кржижановского, А. Е. Фаворского, Н. С. Курнакова, С. В. Лебедева, К. Э. Циолковского. Вместе с тем выходили ценнейшие монографии советских ученых: А. Н. Крылова (механика, теория корабля), И. Г. Александрова (энергетика), А. М. Терпигорева, А. А. Скочинского, М. М. Протодьяконова (горное дело), М. А. Павлова (металлургия), В. Н. Образцова (транспорт), К. Э. Циолковского, С. П. Королева, Ф. А. Цандера (космонавтика) и др. Это был золотой фонд советской науки и техники. Достижения и опыт зарубежной науки и техники отражала многоотраслевая серия ОНТИ «Мировая техника», а также другие издания. В 30-е годы центр издания научно-технической книги переместился из ОГИЗа в ОНТИ.

Справочная книга

Усиление связи науки с производством, рост потребности в точных методах работы, широкое внедрение новой техники и технологии стимулировали развитие справочной книги. Эта проблема неоднократно обсуждалась технической общественностью. Так, конференция «Пути создания технической литературы»⁸⁷, состоявшаяся в Москве в мае 1933 г., признала состояние справочной литературы неудовлетворительным как в количественном, так и в качественном отношении. Конференция уточнила целевое назначение справочников, определила их основные типы, приняла организационные рекомендации.

В технической и книговедческой печати опубликовались статьи об усовершенствовании издания и качества справочников.

Ассортимент справочной книги состоял из трех основных звеньев: пособий энциклопедического типа, производственных справочников и словарных пособий.

В 1936 г. завершилось издание «Технической энциклопедии» в 27 томах и приложения к ней — «Справочника физических, химических и технологических величин» в 11 томах. Это было крупное событие, характеризующее огромный культурно-технический рост страны. Вместе с тем читатели могли использовать энциклопедию «лишь в самой незначительной части (процентов на 10—15)»⁸⁸. Это происходило потому, что в период узкой дифференциации техники и производства специалистов уже не могла удовлетворить универсальная техническая энциклопедия. На смену ей приходило энциклопедическое отраслевое пособие.

Производственные пособия были представлены общетехническими справочниками (в 1934—1939 гг. вышло 15-е издание «Справочника для инженеров, техников и студентов» Хютте в 5-ти томах и в большей мере — отраслевыми. Важным достижением был массовый выпуск справочников для рабочих, в частности, широко распространенных справочников-спутников, например, «Справочник металлиста» А. Н. Знаменского.

Третью группу составляли словарные пособия: толковые словари, иностранно-русские терминологические словари, имевшие большое значение в период реконструкции.

⁸⁷ Сов. библиогр., 1933, № 1—3, с. 285—290.

⁸⁸ ЦГАНХ, ф. 7297, оп. 7, д. 114, л. 8.

В целом была заложена основа системы советских справочных пособий по технике.

Научно-популярная книга

Постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя» (1928), указав, что развитие научно-популярной книги должно быть связано с задачами социалистической реконструкции народного хозяйства, с потребностями самообразования, определило главные задачи научно-популярной книги. Начался новый этап популяризации науки и техники. В 1931 г. по инициативе С. И. Вавилова была организована академическая серия научно-популярной литературы. Серия «Наука — массам» была создана в ОНТИ. По инициативе ЦК ВЛКСМ в ОНТИ стали возникать серии юношеской научно-популярной книги. Однако до середины 30-х годов положение с научно-популярной книгой было неудовлетворительным⁸⁹. Некоторый перелом связан с созданием в ОНТИ в 1934 г. Главной редакции научно-популярной и юношеской литературы. Цикл серий этой редакции «Юношеская научно-техническая библиотека» освещал социалистическое строительство, новую технику, природные богатства страны и т. п. Развернулся выпуск технической книги для детей. Особую роль в развитии детской технической книги сыграли талантливые популяризаторы Я. И. Перельман, Б. С. Житков, М. Я. Ильин.

Сравнительно много издавалось книг в помощь техническому любительству (серии: «Массовая радиобиблиотека», «Для умелых рук», «В помощь школьнику» и др.). Библиографический жанр был представлен выпусками серии «Жизнь замечательных людей», посвященных деятелям науки и техники.

Под воздействием стахановского движения по инициативе Н. К. Крупской возникли новые серии: «Академия наук — стахановцам», «Рассказы о мастерстве» и др.

Подводя итоги, можно сделать следующие основные выводы:

⁸⁹ Архив АН СССР, ф. 596, оп. 3, д. 267, л. 1.

Техническая книга в годы первых пятилеток была поставлена на службу реконструкции народного хозяйства. Она стала важнейшим инструментом приобщения широчайших масс трудящихся к новой технике и прогрессивной технологии, средством осуществления лозунгов Коммунистической партии «Техника решает все», «Кадры решают все».

Выросли количественные показатели выпуска технической книги. За годы довоенных пятилеток число выпущенных названий увеличилось втрое, тиражи — в два раза. Значительно возросла роль технической книги в жизни советского общества. Удельный вес выпуска технической книги по названиям увеличился почти в 2,5 раза. Она заняла первое место среди других отраслей книги. Расширилось издание технической книги в национальных республиках.

Произошла коренная перестройка советского научно-технического книгоиздательства. Она прошла два этапа. Период централизации — образование ОНТИ Наркомтяжпрома, издававшего основную массу советской технической книги, и период дифференциации — возникновение системы отраслевых научно-технических издательств. Оба эти этапа обусловлены изменениями в области управления промышленностью. Этап централизации, позволивший отраслевым редакциям накопить большой опыт, способствовал их успешной деятельности впоследствии в качестве самостоятельных отраслевых научно-технических издательств.

Значительно расширилась и обогатилась тематика технической книги. Появилась масса изданий по новой технике и технологии, обмену передовым производственным опытом. В структуре выпуска преобладала литература по тяжелой промышленности, особенно по машиностроению, что соответствовало важнейшей закономерности социалистической индустриализации. Следует отметить также узкую дифференциацию книги по тематическому признаку, целевому и читательскому назначению.

Резко увеличилось издание производственной книги, особенно для молодых и малоквалифицированных рабочих. Принципиально новым явлением было массовое движение рабочего авторства — незаменимое средство повышения квалификации рабочих, своеобразная форма обмена передовым социалистическим производственным опытом. В области издания учебной книги крупным достижением было создание новых типов пособий — по техминимуму и в помощь заочному обучению.

В целом была создана новая система технической книги. Это явилось результатом реализации указаний Коммунистической партии по вопросам овладения техникой и повышения производительности труда, создания массовых кадров инженеров, техников, квалифицированных рабочих, способных управлять новой техникой, освоить прогрессивную технологию.

Таково историческое значение периода развития технической книги в годы довоенных пятилеток.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В УЗБЕКСКОЙ ССР

(основные этапы и ведущие тенденции)

обеда Великого Октября и образование в конце 1924 г. Узбекской ССР обеспечили проведение коренных преобразований во всех областях жизни узбекского народа, создали необходимые условия для бурного подъема экономики и культуры республики. Первостепенное значение в связи с задачами культурной революции, как составной части ленинского плана построения социализма, приобрела в то время проблема создания и развития книгоиздательского дела, которое рассматривалось партией как могучее орудие в борьбе за новую социалистическую культуру. основополагающими принципами деятельности издательств республики стали принципы партийности, народности и научности. Свое отражение они нашли не только в бурных процессах развития социалистической культуры нации, но и в образовании системы универсальных и специализированных издательств, становлении и развитии организационных форм управления книжным делом.

Первое государственное издательство Узбекской ССР — Узгосиздат — было создано при Наркомпросе республики 25 ноября 1924 г.¹ По своему профилю, структуре отраслевых редакций и тематике выпускаемой литературы, Узгосиздат был издательством универсальным. Основными направлениями его деятельности были издание и распространение на узбекском языке общественно-политической, учебной, технической, сельскохозяйственной, а также художественной литературы. В составе издательства был образован Торговый сектор, призванный заниматься организацией книжной торговли².

В 1928 г. открылось государственное универсальное издательство Каракалпакской АССР — Каракалпакгосиздат.

Годы первых пятилеток, отмеченные крупными достижениями во всех отраслях народного хозяйства и культуры, явились важным этапом в дальнейшем развитии процесса профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела. Только с 1933 по 1939 г. в Узбекской ССР появилось 9 новых специализированных издательств: Партиздат

¹ ЦГА УзССР, ф. 34, оп. 1, ед. 2377, л. 2.

² Там же, л. 7.

(1933 г.)³, издательство АН УзССР (1935 г.)⁴, Учпедгиз (1936 г.)⁵, Сельхозгиз (1936 г.)⁶, Медгиз (1938 г.)⁷, Детюниздат (1938 г.)⁸, Гослитиздат (1939 г.)⁹, Гостехиздат (1939 г.)¹⁰, издательство по выпуску музыкальной литературы, фотографической и изобразительной печатной продукции — Узфимгиз (1939 г.)¹¹. Специализированные издательства были образованы из соответствующих редакций универсального издательства Узгосиздат. Именно так возникли Учпедгиз, Сельхозгиз, Гостехиздат, Гослитиздат, Детюниздат, Узфимгиз. После создания специализированных издательств Узгосиздат в основном стал выпускать массово-политическую, экономическую и научно-популярную литературу.

Таким образом, к 1939 г. в Узбекистане сложилась оптимальная для того времени система универсальных и специализированных издательств. И если в 1924 г., во время образования Узгосиздата, было выпущено 193 издания общим тиражом 571 тыс. экз., то в 1940 г. издательства республики выпустили уже 1219 изданий, а их общий тираж составил 11 млн. 187 тыс. экз.¹²

Протекающий в предвоенные годы процесс профилизации издательства и специализации книгоиздательского дела, сопровождавшийся появлением и развитием новых для национального книгоиздательства видов литературы, видов и типов изданий, с самого начала стал основой, ведущей тенденцией в издательском деле республики. Он явился закономерным результатом тех исторических сдвигов в народнохозяйственной и социально-политической жизни, которые переживала страна. Профилизация издательств и специализация книгоиздательского дела диктовались необходимостью значительного увеличения выпуска книг по самым различным, зачастую вновь возникавшим, отраслям знаний. Вместе с тем это было вызвано необходимостью дифференцированного подхода к разным слоям читательских категорий. Процесс этот сопровождался появлением таких видов и типов изданий, которых узбекская издательская практика в прошлом не знала. Именно в этот период издательства республики впервые предприняли выпуск подлинно научных изданий, появились первые национальные издания словарей, справочников, оригинальных научных книг, произведений научно-популярной литературы, учебников для национальных школ, средних специальных и высших учебных заведений, музыкальной литературы, нот, изобразительной печатной продукции.

Важное место в репертуаре узбекской книги 1924—1940 гг. заняли издания произведений основоположников марксизма-ленинизма. Первым произведением К. Маркса и Ф. Энгельса, изданным на узбекском языке, был «Манифест Коммунистической партии», выпущенный в свет Узгосиздатом в 1925 г. Переводчиком его был известный узбекский журналист Абдулла Авлони.

---

³ Аюпов А. Т. Произведения классиков марксизма-ленинизма на узбекском языке. Ташкент, 1975, с. 44. — На узб. яз.

⁴ Первое в Узбекистане научно-техническое издательство. — Соц. наука и техника (Ташкент), 1935, № 4, с. 105.

⁵ ЦГА УзССР, ф. 94, оп. 5, ед. 3023, л. 1.

⁶ Там же, ф. 2544, оп. 1, ед. 52, л. 36.

⁷ Об организации медицинского издательства. — Сов. здравоохранение Узбекистана, 1938, № 1, с. 80.

⁸ История узбекской советской литературы. Ташкент, 1971, т. 2, с. 79. — На узб. яз.

⁹ ЦГА УзССР, ф. 2544, оп. 1, ед. 52, л. 50.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Печать Узбекской ССР за 1918—1963 гг. Стат. материалы. Ташкент, 1965, с. 11.

Первые издания произведений В. И. Ленина на узбекском языке появились в 1918—1924 гг. Это «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.), «Задачи союзов молодежи» (1921 г.) и «О кооперации» (1924 г.). В течение 1925—1933 гг. на узбекском языке было выпущено более 70 произведений В. И. Ленина общим тиражом свыше 300 тыс. экз.¹³

Издание в Узбекистане произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина приобрело в середине и конце 30-х годов широкие масштабы. Этому в значительной мере способствовало создание в 1933 г. при ЦК КП(б) Узбекистана научно-исследовательского института марксизма-ленинизма (УзНИИМЛ) с сектором перевода произведений основоположников марксизма-ленинизма на узбекский язык, а также создание издательства Узпартиздат. В эти годы на узбекском языке были изданы тематические сборники произведений К. Маркса и Ф. Энгельса «О России», «Об искусстве», работа К. Маркса «Гражданская война во Франции», труды Ф. Энгельса «Диалектика природы», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», произведения В. И. Ленина «Что делать?», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Избранные произведения» в 2-х томах, осуществлены другие издания.

Всего за 1925—1940 гг. в Узбекистане было выпущено 163 издания произведений основоположников марксизма-ленинизма на узбекском языке общим тиражом 2 млн. 70 тыс. экз.¹⁴

В этот период появляются первые издания работ национальных авторов по марксистско-ленинской философии — «Ленинский этап в развитии диалектического материализма» И. М. Муминова, «Марксизм и дарвинизм» А. Умари, «Диалектический материализм» Н. Хакима; по проблемам государства и права — «К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии» Ф. Ходжаева, по истории — «История Узбекистана (XV — вторая половина XIX в.)» П. Салиева, по филологии — «Этимология» Фитрата, по языкознанию «Грамматика узбекского языка» М. Шамса и Шербека, проводится большая работа по созданию терминологических словарей — «Словарь математических терминов» Т. Н. Кары-Ниязова, «Термины хлопководства» С. Ибрагимова, «Русско-узбекский словарь ботанических терминов» С. Сахобиддинова.

В 1926 г. был издан первый узбекский роман «Минувшие дни» — произведение видного писателя Советского Узбекистана Абдуллы Кадыри. В 1927 г. выходит в свет первая национальная повесть «Одина» Садриддина Айни. Узгосиздат из года в год увеличивает выпуск изданий художественной литературы национальных писателей. Если в 1925 г. в издательстве вышло 10 названий тиражом 32 тыс. экз., то в 1934 г. уже 198 названий художественной литературы общим тиражом 879 тыс. экз.

В годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства широкое развитие получает издание литературы по основным вопросам экономического развития Узбекистана, обобщению и пропаганде передового опыта в сельском хозяйстве и промышленности — «Социалистическое соревнование в кишлаке» Х. Багаева, «Об освоении и развитии промышленности Узбекистана» А. Каримова. Большая часть этой литературы затрагивала чисто практические вопросы, связанные с про-

¹³ Аюпов А. Т. Произведения классиков марксизма-ленинизма на узбекском языке. Ташкент, 1975, с. 114.

¹⁴ Там же.

изводством в промышленности и сельском хозяйстве, и носила преимущественно популярный характер — «Плуг, его устройство и преимущества перед омачем» А. Головина, «Хлопкоуборочные машины» Ф. Холжинова и Р. Мухамедова, «Как нужно сеять и выращивать хлопок, чтобы получить хорошие урожаи» М. С. Демидова и Я. Д. Нагибина.

В 1924—1940 гг. в Узбекистане складывалась единая система управления книжным делом республики. В 1929 г. был создан Комитет по делам печати республики¹⁵, преобразованный спустя четыре года в Управление печати при Совете Народных Комиссаров Узбекской ССР¹⁶, задачей которого была координация и руководство полиграфической промышленностью, издательской и книготорговой деятельностью в республике. Положительно оценивая этот первый в стране ценный опыт по созданию единого руководящего органа в области книжного дела, журнал «Полиграфическое производство» отмечал, что «подобное объединение... целиком себя оправдало»¹⁷. Все это позволяет утверждать, что к концу 30-х — началу 40-х годов издательская система республики и система руководства ею получили достаточно завершённую и оптимальную форму.

Дальнейшее развитие системы книгоиздательского дела Узбекской ССР было прервано началом Отечественной войны. В условиях военного времени потребовалась перестройка системы издательства. В конце 1941 г. решением правительства республики была ликвидирована сеть специализированных издательств, а их редакции объединены в единую структуру с отраслевыми редакциями универсального издательства Узгосиздат¹⁸. Начиная с 1942 г. в республике действовало только три издательства: универсальные — Узгосиздат и Каракалпакгосиздат и издательство научной литературы АН УзССР.

Универсализация книгоиздательского дела республики в условиях военного времени, когда не хватало кадров, резко сократилось число типографий, постоянно ощущался острый недостаток полиграфических материалов, была закономерной. Прежде существовавшее многообразие видов изданий по различным отраслям знаний в этих условиях уступило место выпуску наиболее необходимых изданий — массово-политической, художественной и производственно-технической литературы по военно-оборонной тематике, а также учебной.

Как показывает анализ процессов развития книгоиздательского дела в довоенный период, во время Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства, принятое в 1941 г. решение о свертывании издательской деятельности, во-первых, позволило скоординировать и оперативно управлять процессами выпуска необходимой издательской продукции, во-вторых, помогло сохранить накопленный опыт организации издательского дела, основные тенденции его развития. Не случайно процесс развития книгоиздательской системы республики в послевоенный период (1946—1977 гг.) повторил в основном процесс создания системы универсальных и специализированных издательств 30-х годов. Прерванный войной процесс профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела возобновился в конце 40-х — начале 50-х годов. Как и в довоенный период, он шел, в основном, путем создания на базе соответствующих редакций универсального издательства Узгосиздат ряда специализированных издательств, выпускающих литературу по наиболее важным областям политической, научной и куль-

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. 837, оп. 6, ед. 21, л. 275.

¹⁶ Там же, оп. 11, ед. 36, л. 88.

¹⁷ Полигр. производство, 1934, № 1, с. 4.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. 2544, оп. 1, ед. 998, л. 4.

турной жизни республики. Так были вновь образованы издательства Учпедгиз УзССР (1950 г.)¹⁹, Гослитиздат УзССР (1957 г.)²⁰, Медгиз УзССР (1958 г.)²¹, «Еш гвардия» («Молодая гвардия» 1960 г.)²². В 1948 г. в составе Объединенного издательства газет и журналов ЦК КП Узбекистана была создана книжная редакция, специализировавшаяся на выпуске материалов и лекций общества «Знание» УзССР²³, в 1961 г. в Ташкенте было создано Среднеазиатское отделение Всесоюзного объединения «Внешторгиздат»²⁴, в январе 1968 г. организована Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии²⁵, в 1974 г. Ташкентское отделение центрального издательства «Прогресс»²⁶.

Вместе с тем в 50—70-е годы процесс профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела нашел свое отражение в расширении профиля универсальных и специализированных издательств, в возникновении и развитии в их составах новых отраслевых редакций. Создание специализированных редакций в составе издательств способствовало совершенствованию процессов подготовки и выпуска литературы, привело к значительному расширению отраслевых массивов изданий, многообразию видов и типов изданий по различным отраслям знаний.

Концентрация выпуска одного какого-либо вида литературы в одном издательстве или нескольких отраслевых массивов изданий явилась важным шагом в специализации книгоиздательского дела и профилизации издательств. В республике возникли, по сути, новые подсистемы единой системы издательств с ярко выраженной специализацией различных звеньев ее структуры и четким взаимодействием их между собой.

Издательства республики с многоотраслевой редакционной структурой функционируют в настоящее время в качестве развитой системы, состоящей из универсальных издательств «Узбекистан» (быв. Узгосиздат) и «Каракалпакстан» (быв. Каракалпакгосиздат) и специализированных издательств «Укитувчи» («Учитель», бывш. Учпедгиз), «Медицина» (бывш. Медгиз), издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма (бывш. Гослитиздат), издательство АН УзССР «Фан» («Наука»), издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, Ташкентское отделение центрального издательства «Прогресс», Среднеазиатское отделение Всесоюзного объединения «Внешторгиздат».

Существование системы универсальных и специализированных издательств значительно способствует решению проблемы обслуживания книгой различных слоев читателей с учетом их образовательного уровня, профессиональных интересов и возрастных особенностей. Специализированные издательства в своих изданиях как научного, так и учебного, справочного, научно-популярного типов ориентируются, как правило, на подготовленного читателя, а универсальные на более широкую аудиторию. Наряду с этим подобное деление дает возможность издательствам взаимно дополнять друг друга различными видами литературы, ви-

¹⁹ Там же. Предисловие к описи № 2 документальных материалов постоянного хранения за 1960—1967 гг. издательства «Укитувчи» («Учитель»), с. 1.

²⁰ Там же, ф. 2583, оп. 1, ед. 4, л. 4.

²¹ Там же, ф. 2608. Предисловие к описи № 1 документальных материалов постоянного хранения издательства «Медицина», с. 1.

²² Там же, ф. 2544, оп. 1, ед. 1779, л. 78.

²³ Викиянский Д. А., Шагулямов И. Ш. Этапы нашего пути: (О деятельности Объединенного изд-ва газет и журналов ЦК КП Узбекистана). Ташкент, 1968, с. 60.

²⁴ Книги Узбекистана (Проспект). М., 1977, с. 26.

²⁵ Там же, с. 14.

²⁶ Там же, с. 29.

дами и типами изданий. Это обстоятельство свидетельствует о взаимообусловленности тенденций профилизации издательств и дифференциации изданий на виды и типы.

Многие издания, выпущенные в Узбекистане в период построения развитого социализма, были впервые переведены на языки народов СССР и некоторых зарубежных стран. Вместе с тем повышение культурно-технического уровня рабочих и колхозников, рост кадров национальной интеллигенции, многообразие научных, эстетических, народнохозяйственных запросов поставили перед издательствами республики проблему более высокого, чем прежде, уровня и качества подготовки выпускаемых изданий. Не случайно в эти годы возникают и развиваются такие виды изданий, как собрания сочинений, энциклопедические словари, получают более широкое развитие издания научного типа.

В указанный период в переводе на узбекский язык были изданы 1-й, 2-й и 3-й тома «Капитала» К. Маркса, 45-томное собрание Сочинений В. И. Ленина (4-е издание). С 1972 г. начал выпуск Полного собрания сочинений В. И. Ленина на узбекском языке. Издание будет завершено в конце 10-й пятилетки. Всего за годы Советской власти в Узбекской ССР выпущено 632 издания произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина общим тиражом 8 млн. 534 тыс. экз., из них на узбекском языке 438 изданий тиражом 7 млн. 684 тыс. экз.²⁷

В эти годы выпущено такое фундаментальное издание, как 5-томный «Канон врачебной науки» Абу Али Ибн-Сина (Авиценна), начат выпуск многотомной капитальной серии каталогов «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (в 1977 г. вышел 10-й том издания), в 1978 г. подписчики получили 9-й том универсальной 14-томной Узбекской Советской Энциклопедии.

В республике осуществлены издания собраний сочинений Алишера Навои (15 т.), Агахи (6 т.), Садриддина Айни (8 т.), Айбека (5 т.), Гафура Гуляма (5 т.), Абдуллы Каххара (6 т.), Максуда Шейхзаде (4 т.), «Антологии узбекской поэзии» (5 т.), сказок «Тысяча и одна ночь» (8 т.), выпущены 10 томов уникального по своему значению и месту в музыкальной культуре республики издания «Узбекская народная музыка» в нотной записи композитора Юнуса Раджаби.

В эти же годы шел процесс неуклонного накопления полиграфических мощностей республики, высокими темпами росло число ежегодно выпускаемых изданий и их тиражи. В 1975 г., например, издательства Узбекской ССР выпустили рекордное за всю историю узбекского советского книгоиздательства число книг и брошюр — 2366 изданий общим тиражом 36 млн. 137 тыс. экз.²⁸

В послевоенные годы и в период построения развитого социализма дальнейшее развитие получают организационные формы управления книжным делом республики. В этот период протекает процесс дальнейшей интеграции организационных форм управления книгоиздательским делом, полиграфией и книжной торговлей, образования принципиально новых форм руководства ими, создания единой общесоюзной системы управления книжным делом страны. Основными этапами этого процесса явилось образование Главполиграфиздата СССР и преобразование Управления печати республики в Узбекполиграфиздат (1949 г.)²⁹, переход этого главка в состав Министерства культуры Узбекской ССР

²⁷ Есенбаев З. И. Книгоиздательское дело в Советском Узбекистане. Ташкент, 1977, с. 14.

²⁸ Печать СССР в 1975 году. М., 1976, с. 85.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. 2544, оп. 1, ед. 1221, л. 1.

(1953 г.), организация союзно-республиканского Государственного комитета Совета Министров СССР по печати и Госкомитета по печати Совета Министров Узбекской ССР (1963 г.) и преобразование их (1972 г.) соответственно в Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат СССР) и Госкомиздат Узбекской ССР, сосредоточивших руководство издательским делом, полиграфией и книжной торговлей в республиканском и общесоюзном масштабах.

Обобщая результаты исторического обзора, необходимо признать, что ведущей тенденцией развития книгоиздательского дела Узбекистана в 1924—1977 гг. была тенденция интеграции, объединения отдельных областей книжного дела в единую общенациональную систему, являющуюся неотъемлемой составной частью общесоюзной системы «Книга — Книжное дело». Процесс этот проявился во всех областях книгоиздательской, книготорговой деятельности и руководства ими.

Определяя интеграцию как основную, ведущую историческую тенденцию развития книгоиздательского дела республики, следует в то же время отметить, что в отдельные периоды, например, в 1924—1940 гг., а также в 1946—1977 гг. процесс этот внешне имел форму дифференциации, которая была лишь формой проявления процесса интеграции, развития книгоиздательской, книготорговой областей книжного дела. Сущность же исторического процесса не менялась, ибо наряду с возникновением и развитием новых, самостоятельных издательств, дифференциации книгоиздательской, книготорговой деятельности, форм управления ими и другими областями книжного дела, исследуемое явление в целом тяготело к организации самостоятельной и единой по своей сущности («Книга — Книжное дело») области общественной деятельности.

Объективно процесс интеграции предопределен внутренним единством книжного дела, тем обстоятельством, что система «Книга—Книжное дело» является, с одной стороны, составной частью национальной культуры, с другой — областью общественно-практической деятельности, отраслью народного хозяйства. В единстве своем, отмеченные особенности книжного дела как составной части единой социалистической культуры, единого народнохозяйственного комплекса СССР и предопределили сущность основной исторической тенденции развития книгоиздательского дела Узбекской ССР. Последовательно осуществляемый партией и правительством отраслевой принцип управления народным хозяйством и культурой в сочетании с единым общесоюзным многолетним опытом планирования, и вместе с тем с учетом традиций и национальных особенностей каждой союзной республики, относительной самостоятельности отдельных областей народного хозяйства, обусловили существенные признаки рассматриваемого процесса, диалектическое единство конкретных форм его проявления как единства процессов дифференциации и интеграции книжного дела.

Одним из ярких примеров проявления отраслевого принципа управления народным хозяйством и культурой в истории развития книгоиздательского дела Узбекистана является, на наш взгляд, единство процессов универсализации и профилизации издательской деятельности (возникновение и развитие универсальных и отраслевых, специализированных издательств), а также процессов развития отраслевых, специализированных редакций в составе как универсальных, так и специализированных издательств, т. е. единый процесс интеграции издательской деятельности, внешне выраженный в форме ее дифференциации.

Говоря об интеграции, мы имеем в виду, что отдельные области книжного дела объединяются в единую общенациональную систему.

И хотя сам процесс возникновения книжного дела в союзных республиках внешне выглядит как дифференциация книжного дела СССР, в сущности же перед нами единое, организованное книжное дело страны. При этом очевидна тенденция объединения всех отраслей книжного дела (книгоиздательской, книготорговой, библиотечной, библиографической) в единую общесоюзную систему. В то же время каждая из названных отраслей существует и развивается как самостоятельная. Это и позволяет говорить, что формой проявления сущности процесса развития книжного дела, т. е. интеграции всех отраслей его в единую общесоюзную систему, как неотъемлемую составную часть общесоюзной системы «Книга — Книжное дело» являются процессы самостоятельного существования и развития отдельных отраслей книжного дела. Так, в книгоиздательской отрасли ведущая тенденция — интеграция издательской деятельности, координация ее с единых позиций данной отрасли. Между тем формой развития этой отрасли является возникновение различных издательств и редакций в них.

Другим примером может служить профилизация, а также специализация издательств на выпуске определенной литературы. В общепромышленном масштабе это, казалось бы, процесс дифференциации, т. е. возникновения новых издательств, или изменения профиля существующих. Объективно же перед нами развитие процесса интеграции, так как все эти издательства, во-первых, объединены в единую общеиздательскую систему, а во-вторых, дифференцированный процесс выпуска изданий той или иной тематики, того или иного профиля, который осуществлялся различными издательствами республики или страны, оказался интегрированным в одно или двух издательствах. На примере развития книгоиздательского дела Узбекской ССР видно, как выпуск определенной литературы, который прежде осуществлялся несколькими редакциями различных издательств, в результате образования нового специализированного издательства оказался интегрированным в этом издательстве (образование издательства «Еш гвардия» на базе редакций детской и юношеской литературы Гослитиздата и той части редакции массово-политической и научно-популярной литературы Узгосиздата, которые специализировались на выпуске литературы, рассчитанной на подростковую и молодежную аудиторию).

Причем исторический анализ убеждает в том, что подобного рода специализированные издательства целесообразно создавать путем объединения существующих редакций. А это, в свою очередь, значит, что выделение специализированных редакций из состава издательств, т. е. внешне процесс дифференциации, есть, в сущности, интеграция их деятельности в рамках нового издательства.

Рассмотренные в качестве самостоятельных взаимообусловленные процессы профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела, наряду с процессами дифференциации изданий на виды и типы (т. е. специфичные и присущие книгоиздательскому делу Советского Узбекистана процессы возникновения и развития новых видов литературы, видов и типов изданий), на протяжении всех лет существования Узбекской ССР определяли сущность и направление развития книгоиздательского дела республики.

Объективная необходимость в профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела, в создании системы издательств с широкой сетью отраслевых редакций внутри каждого из них возникает в связи с повышением уровня образования народа, его культуры, прогрессом науки, техники, производства, появлением широких кругов высокообразованных, подготовленных читателей. Выражаясь, прежде все-

го, в выпуске литературы по различным отраслям знаний, профилизация издательств, в свою очередь, ведет к появлению новых видов и типов изданий³⁰. Явление это характерно для книжного дела страны в целом, но, к сожалению, оно еще не было предметом специального рассмотрения в книговедческой литературе.

Будучи объективным следствием развития культуры, профилизация издательств и специализация книгоиздательского дела отражают лишь одну сторону явления. Другая заключается в специализации изданий, в выпуске различных видов и типов их, в сближении форм изданий научного и научно-популярного типов, повышении научного уровня последних.

Процесс возникновения и развития новых издательских учреждений и специализации книгоиздательского дела, протекающий в послевоенные годы и на современном этапе коммунистического строительства, внешне, казалось бы, совпадает с процессом, проходившим в довоенное время. Однако суть их различна. На первых этапах культурной революции в Узбекистане, когда решались проблемы ликвидации неграмотности и малограмотности населения, повышения квалификации рабочего класса и крестьянства, общего подъема культуры народных масс, профилизация издательств отражала существовавший в то время разрыв между отдельными социальными группами общества, стоявшими на различных ступенях культуры, различие между уровнем образования широких народных масс и нарождавшейся советской интеллигенции. И потому она предполагала первоочередную необходимость выпуска изданий научно-популярных, массовых по своему характеру, решающих задачу популяризации научных и научно-технических знаний, обучения малоподготовленных слоев народа. Именно эту задачу решали издательства, существовавшие в то время. Например, основной задачей Сельхозгиза был выпуск литературы для колхозников, рабочих совхозов и МТС. И осуществлен он был в типах изданий массовой научно-популярной и производственной литературы, в которых новейшие достижения сельскохозяйственной науки и производства преподносились в популярном изложении и доступной форме, а иногда и в форме инструкций, руководств, практических советов.

В настоящее время, в период развитого социализма, книгоиздательское дело решает качественно иные задачи и на более высоком уровне. Задачи эти определены необходимостью популяризации современных научно-технических знаний во всех полноте и сложности профессионального понимания их широким кругом высококвалифицированных специалистов смежных отраслей народного хозяйства в целях ознакомления с новейшими достижениями науки, техники, производства.

Насущные потребности дальнейшего развития культуры республики с особой остротой ставят перед издательствами проблему выпуска научной и научно-популярной литературы, способной удовлетворить требования современного образованного читателя. Отсюда преобладание в планах издательств научно-популярных изданий, близких по свое-

---

³⁰ Уровень развития книгоиздательского дела в той или иной стране, у того или иного народа находится в прямой зависимости от социально-экономических и общественно-политических условий и является следствием определенного, достаточно высокого уровня развития материальной и духовной культуры общества. В дореволюционном Узбекистане, напр., где чрезвычайно низкой была грамотность населения, доминировали преимущественно гуманитарные — притом, как правило, в теологической оболочке — области знания, и хотя книгопечатание, начавшееся здесь в 1868 г., получило определенное развитие, говорить о четкой профилизации национального книгоиздательства все же не приходится.

му характеру к научным. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в деятельности специализированных издательств.

Издательство Академии наук республики «Фан», например, специализировано на выпуске научной и научно-популярной литературы как по естественным, так и по гуманитарным областям знаний. На его долю приходится подавляющая часть монографических трудов и другой научной литературы, выпускаемой в республике. Такая профилизация позволила сосредоточить квалифицированные кадры издательских работников, наиболее компетентных в специальных вопросах естественных и гуманитарных наук. Особенности выпуска изданий различного типа по таким областям знаний, как медицина и сельское хозяйство, потребовали создания в республике специализированного издательства «Медицина» и двух крупных специализированных редакций по хлопководству и сельскохозяйственной литературе в издательстве «Узбекистан». Необходимость расширения масштабов издания научно-популярной литературы обусловили создание специализированных редакций научно-популярной литературы в издательствах «Узбекистан», «Фан» и «Медицина», а также выпуск научно-популярных книг всеми другими издательствами республики.

Сосредоточение кадров и специализация книгоиздательского дела позволили резко повысить уровень изданий не только научных, но и научно-популярных. Научная популяризация в издательствах республики ведется специалистами на уровне, отражающем последние достижения науки и техники, соответствующем требованиям, предъявляемым современным читателем. Процесс сближения изданий научного и научно-популярного типа получает свое реальное воплощение в повышении уровня популяризации знаний в изданиях научно-популярной литературы. Значение последнего обстоятельства следует подчеркнуть, так как в условиях современной научно-технической революции требуется постоянное повышение уровня популяризации знаний.

Таким образом, профилизация издательств позволяет регулировать процесс дифференциации и интеграции современных научных и научно-популярных изданий, приближая издания научно-популярные к научным по характеру изложения материала, оснащению их научно-справочным аппаратом, проблемам, освещаемым в них. С другой стороны, выпуск научных изданий соответствует требованиям современного уровня развития науки.

Результатом исторического развития тенденций профилизации издательств и специализации книгоиздательского дела является действующая в республике система издательств, состоящая из подсистем — универсальных и специализированных издательств, которые охватывают все виды литературы и наиболее важные, необходимые для народнохозяйственного и культурного развития республики отраслевые массивы изданий. Анализ этой системы позволяет сделать вывод, что указанные тенденции будут иметь значение и в ближайшем будущем. На практике это означает необходимость создания ряда новых специализированных издательств, дальнейшего развития процесса оптимизации книгоиздательской системы.

И. Е. БАРЕНБАУМ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГИ В СССР

История книги — одна из наиболее разработанных научных дисциплин книговедения. Число работ в этой области велико, общий уровень их достаточно высок. Преподается история книги и как учебная дисциплина в высших и средних специальных учебных заведениях, что способствует повышению интереса к ней и развитию исследовательской деятельности в этой области.

Разрабатывается в нашей стране наряду с историей отечественной книги также и история книги зарубежных стран. До сих пор, однако, не предпринималось попыток специально рассмотреть в историографическом плане достижения в этой области советских книговедов-историков, подвести итоги сделанному, наметить задачи и перспективы дальнейшего изучения зарубежной книги. Именно эти цели преследует настоящая статья.

Интерес к истории зарубежной книги возник в России еще в дореволюционный период. Наиболее общий очерк развития книги и книгопечатания за рубежом был дан в книге Ф. И. Булгакова «Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства» (СПб., 1889) и в «Очерке истории книги» А. И. Кирпичникова (СПб., 1888). Однако лишь после 1917 г. история зарубежной книги стала изучаться с достаточной полнотой, на должном научном уровне, видными учеными, специалистами в области истории книгопечатания и книжного дела. В 20-е годы наблюдалось повышенное внимание ко всему, что было связано с книгой и чтением. Книга в руках победившего народа стала могучим, универсальным орудием культурной революции. Приобщение к книге и книжной культуре многомиллионных масс трудового народа, рабочих и крестьян, борьба с неграмотностью и малограмотностью делали важным политически, государственно необходимым вовлечение нового советского пролетарского читателя в большой и прекрасный мир книги. Госиздат, «Красная новь», «Начатки знаний» и другие издательства в десятках тысяч экземпляров выпускают в эти годы и распространяют популярные, элементарные брошюры, вроде «Как люди научились печатать», «Как люди научились писать, читать и печатать книги», «О книге» и другие, знакомившие широкого читателя с «азбукой» книгопеча-

тания, издательского дела, книжной торговли. В этих тонких, красочно изданных брошюрах можно было найти сведения о древних письменах, изобретении книгопечатания в Китае и Европе, о Гутенберге, инкунабулах, о типографском искусстве.

Популярная литература по истории книги и книгопечатания делала свое доброе дело. Вместе с тем нужны были и более серьезные труды, монографии, учебники, статьи исследовательского характера, адресованные подготовленному читателю, учащимся вузов и техникумов, специалистам. Успехи советского книгоиздательского дела, создание отечественной полиграфии, развитие библиотечного дела, библиографии и книжной торговли создавали необходимые предпосылки для научного изучения истории книги, в том числе и книги зарубежной.

В 20-е годы к истории зарубежной книги обратились видные советские книговеды, крупные знатоки искусства книгопечатания, книжного дела — А. И. Малейн, М. И. Щелкунов, Н. П. Киселев, П. Н. Попов.

В 1923 г. в издательстве «Время» появилась небольшая, но очень емкая брошюра профессора (впоследствии академика) В. В. Струве «Происхождение алфавита». Это не было лишь повторением известного. Выдающийся советский историк-востоковед «на основании последних исследований и вновь открытого материала» сказал свое, новое слово о происхождении алфавитного письма, история которого представлялась (да еще и поныне остается во многом), говоря словами ученого, «темной и загадочной» (с. 4).

Популярный характер носила работа И. Г. Франк-Каменецкого «Как научились читать египетские письмена» (М., 1922).

Рукописной книге, ее истории на Западе и в России была посвящена работа О. М. Масловой «Рукописная книга», выполненная в Украинском научном институте книговедения и опубликованная в серии «Наукова-популярна бібліотека книгознавства» (под ред. Ю. А. Меженко). Это одно из немногих советских исследований, в котором достаточно обстоятельно прослеживалась история рукописной книги с античных времен до появления книгопечатания в Европе.

Классическим уже стал труд О. А. Добнаш-Рождественской «История письма в средние века», первое издание которого вышло в 1923 г. Носящий палеографический характер, он содержит много ценных сведений о книжном деле рукописного периода, об орудиях и материале письма, о манускриптах, их оформлении и проч. В дальнейшем эта работа переиздавалась.

Советские ученые уделяли в 20-е годы внимание такой постоянно актуальной проблеме, как изобретение книгопечатания. Этим, в частности, занимались сотрудники Украинского научного института книговедения. В уже упомянутой выше серии «Науково-популярна бібліотека книгознавства» была опубликована книга П. Н. Попова «Друкарство, його початок і поширення в Європі (XV—XVI вв.)».

Крупнейшим исследователем в области старопечатной книги был Н. П. Киселев, обратившийся к изучению инкунабулов еще до революции. «Образцовым» называет А. А. Сидоров и «каталог палеотипов», составленный Н. П. Киселевым и изданный в 1927—1929 гг.¹

В 1922 г. в издательстве «Былое» вышла работа Е. В. Тарле «Печать при Наполеоне I». Известный историк дал широкую, живую картину положения книжного дела в один из самых сложных периодов истории Франции. Построенное на материалах французского национального архива, это исследование, написанное остро политически, блестяще по

¹ Index Palaeotyporum. М., 1927—1929, вып. 1—2.

стилю, явилось, говоря словами самого автора, «изображением повседневного быта печати и отношения власти к печати при Наполеоне»². Вместе с тем на долгие годы эта работа оставалась чуть ли не единственной, посвященной истории книги и книжного дела в Европе нового времени.

Заметной вехой советского книговедения стал появившийся в 1926 г. обобщающий труд М. И. Щелкунова «История. Техника. Искусство книгопечатания» — значительно расширенное, дополненное и переработанное издание вышедшей двумя годами ранее работы того же автора — «Искусство книгопечатания в его историческом развитии». Книга явилась результатом прочитанного М. И. Щелкуновым курса лекций по истории и технике книгопечатания в Государственном институте журналистики.

Общая методическая оценка этого капитального для своего времени труда давалась в нашей литературе неоднократно³. Не касаясь в данном случае теоретических суждений и построений автора, страдавших эклектицизмом, но отразивших вместе с тем богатый фактический опыт видного знатока полиграфической техники, истории книгопечатания, его эрудицию, библиографическую образованность, мы должны дать оценку той части его книги, которая освещает историю книгопечатания за рубежом. Этому посвящена большая часть труда. Широта хронологического охвата велика — от происхождения письменности до книгопечатания на Западе в XX в. Особенно обстоятельно разработаны автором история изобретения книгопечатания, деятельность Гутенберга, книгопечатание в XVII—XVIII вв. М. И. Щелкунов отдает предпочтение иллюстрированной книге, с превосходным знанием дела, «любовно» описывая технику углубленной гравюры на меди, литографию, различные фотомеханические способы иллюстрирования и проч. В книге много тонких наблюдений не только в связи с техникой печати и репродуцирования, но и при оценке отдельных изданий и книжных серий, деятельности типографов, издателей, переплетчиков, художников-иллюстраторов. Известная субъективность вкусов и пристрастий автора компенсируется богатством фактического материала, библиографической добросовестностью, стремлением к социологическим (хотя иногда и вульгарно-социологическим) обобщениям и выводам, учетом классовости печати и книги.

Конечно, М. И. Щелкунов часто зависел от источников, преимущественно исследований западноевропейских историков книгопечатания, но при этом в его работе, говоря его же словами, не было «ни одного вывода другого автора, ни одной цитаты без точного указания, откуда она взята. В то же время — самостоятельная и независимая проработка всего материала под углом исторического материализма»⁴. Примечательно заявление автора о «сотне тысяч томов, прошедших сквозь его библиофильскую оценку». Все эти качества делают труд М. И. Щелкунова настольной книгой всех, изучающих историю зарубежного книгопечатания, особенно иллюстрированных изданий; без него вряд ли могли появиться иные труды обобщающего характера, о которых речь далее.

Истории зарубежной книги касались в 20-е годы и некоторые другие авторы — В. В. Буш, Н. М. Пакуль, однако их книги ни по своим

² Тарле Е. В. Печать при Наполеоне I. Пг., 1922, с. 4.

³ См., напр.: Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972, с. 122—123; Баренбаум И. Е. Состояние историографии истории книги в СССР. — Тр. Ленингр. библ. ин-т им. Крупской, 1964, т. 15, с. 64.

⁴ Щелкунов М. И. История. Техника. Искусство книгопечатания. М., 1926, с. XI.

масштабам, ни по глубине и фактографической оснащенности не могут сравниться с работой М. И. Щелкунова⁵.

Важный вклад в разработку проблем истории книги и книжного дела за рубежом внес крупный теоретик книговедения и знаток книги А. М. Ловягин. В своем труде «Основы книговедения» (Л., 1926) в разделе «Генезис книги» он приводит немало фактов из истории книгопечатания и книжного дела стран Востока и Запада. Его перу принадлежит также глава «История книжной торговли в Западной Европе и Америке» в коллективном сборнике «Книжная торговля», вышедшем в 1925 г. под редакцией М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. Это была одна из первых попыток дать «сквозное», через века, освещение эволюции зарубежной книжной торговли в связи с книгоиздательским делом. Труд компилятивный, очерковый, но как первая систематизация материала подобного рода интересный и поныне.

История книги входила в число обязательных учебных предметов, которым обучались в 20-е годы слушатели различных книговедческих (библиотечных, книготорговых, полиграфических, журналистских) курсов, на соответствующих отделениях высших и средних учебных заведений Москвы, Ленинграда и других городов страны. В учебных программах определенное место отводилось истории книги и книгоиздания за рубежом⁶. Сохранились конспекты лекций по истории книги проф. А. И. Маленина, читанные им на Высших библиотечных курсах в Ленинграде в 1928—1929 гг. В своих лекциях А. И. Маленин обстоятельно излагал историю книги за рубежом, деятельность крупнейших типографов, издателей и книготорговцев. Определенное место в них занимала правительственная регламентация печати, излагалась история не просто редких книг, но примечательных прежде всего по своему назначению, художественному, общественному значению, освещалась роль книги в классовой борьбе, в революционном движении. Конечно, конспекты лекций, даже достаточно полно застенографированные слушателями, не позволяют делать окончательных выводов, но все же представление об отборе материала, фактов, периодизации, структуре, акцентах и даже методологии они дают. Можно с уверенностью говорить, что это были первые читанные на высоком научном уровне лекционные курсы, в которых история зарубежной книги осмыслилась в широком историко-общественном контексте и в меру сил самих лекторов с позиций исторического материализма.

30-е годы внесли много нового в изучение истории зарубежной книги. В это время происходит серьезный поворот советской исторической науки в сторону овладения марксистско-ленинской методологией. Общий подъем исторической науки в СССР сказался и на историко-книговедческих трудах. Они стали глубже, конкретнее. Библиофильские тенденции, присущие трудам предшествующего периода, уступили место подлинно научному, основанному на тщательном изучении источников и фактов, их всестороннем осмыслении, подходу к разработке и исследованию истории книги, в том числе и за рубежом.

Изучению истории зарубежной книги содействовали создание Института книги, документа и письма АН СССР (ИКДП), юбилеи русского и европейского книгопечатания, которые отмечались в рассматриваемый период.

---

⁵ Буш В. В. История книги. Пг., 1923; Пакуль Н. М. Книга. Ист. очерк. Харьков, 1923.

⁶ См., напр.: Курсы книговедения, организованные предприятиями г. Ростова-на-Дону. Положение и программы (январь — июнь 1925 г.). Ростов-на-Дону, 1925.

Особенностью нового этапа следует считать планомерность в разработке книговедческих проблем, что нашло, в частности, отражение в деятельности ИКДП⁷. Возглавляемый акад. А. С. Орловым при участии виднейших советских ученых-историков, палеографов, литературоведов, лингвистов — ИКДП за время своего существования (1930—1936) проделал значительную работу по созданию теоретических основ советского книговедения, истории русской и зарубежной книги. Для сотрудников ИКДП был характерен прежде всего классовый подход к книге и книжному делу. Ставилась задача осветить прогрессивные явления, роль книги в общественной жизни и революционной борьбе, отношение к ней народных масс, преследование передовой книги и иных произведений письменности и печати в эксплуататорских обществах прошлого и современности. Специально изучались книга эпохи Великой французской революции⁸, «социальные утопии»⁹, энциклопедии¹⁰. Наряду с этим сотрудники ИКДП занимались историей западноевропейской книги эпохи разложения феодализма и развития промышленности капитализма (XV—XVIII вв.). Активно работал отдел документа ИКДП. Ряд исследований был посвящен документу Древнего мира и раннего Средневековья¹¹. Помимо печатных публикаций, ИКДП организовал ряд постоянно действующих и временных выставок: «Печать Великой французской революции», «Преследование книги как метод классовой борьбы в феодальном и буржуазном обществе», «История западноевропейской книги (XV—XVIII вв.)», «Выставка социальных утопий», «Выставка энциклопедий», «Выставка по истории средневекового документа», «Выставка по истории образования современного типа буквенного письма»¹².

Постоянная экспозиция состояла из разделов: 1) Письмо Древнего мира и раннего Средневековья, 2) Письмо и документ Западной Европы (эпоха феодализма), 3) История печатной книги (XV—XVIII вв.), 4) Печать Великой французской революции.

В своей деятельности ИКДП ориентировался не только на специалистов, но и на самые широкие круги работников книжного дела, а также на трудящихся фабрик и заводов, молодежь. В активной популяризации истории книги и книжного дела, достижений книговедения — примечательная особенность деятельности этого академического учреждения 30-х годов.

В 30-е годы продолжилось изучение рукописной книги и книжного производства на Западе. Кроме указанных уже исследований ИКДП

---

⁷ См. о нем: Свойский М. Л. Институт книги, документа и письма по материалам Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР. — Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 30, с. 185—194.

⁸ Маленн А. И. Литература времени Великой французской революции в собраниях АН СССР. — Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1934, № 2, с. 119—130; № 4, с. 269—280; Тонкова Р. М. 1) Выставка литературы эпохи Великой французской революции. — Вестн. АН СССР, 1934, № 1, с. 65—70; 2) Коллекция брошюр эпохи французской революции из собрания А. И. Шпагина (Москва). — Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1934, № 2, с. 131—136; Берков П. Н., Маленн А. И., Тонкова Р. М. Издания времени Великой французской буржуазной революции в собрании Одесской центральной научной библиотеки. — Там же, 1935, № 6, с. 599—613.

⁹ Берков П. Н., Маленн А. И., Тонкова Р. М. Выставка социальных утопий. — Вестн. АН СССР, 1933, № 7, стб. 39—44.

¹⁰ Статьи по истории энциклопедий. — Тр. Ин-т книги, документа, письма, 1932, [вып.] 2, с. 65—72.

¹¹ Рифтин А. П. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях Академии наук. М.; Л., 1937; Акты Кремоны X—XIII вв. в собраниях Академии наук СССР/Подготовил к изд. С. А. Аннинский. М.; Л., 1937.

¹² Институт книги, документа, письма. Краткое описание выставок. Л., 1932.

следует выделить особо работы крупнейшего советского специалиста в этой области О. А. Добиаш-Рождественской. На рубеже 30-х годов в «Трудах комиссии по истории знания» АН СССР отдельным изданием вышло ее исследование «Мастерские письма на заре Западного Средневековья и их сокровища в Ленинграде». Результатом длительного изучения латинских манускриптов раннего Средневековья явилось ценное исследование о рукописях мастерской письма XVII—XIX вв. в монастыре Корби¹³. В 1937 г. под редакцией и с предисловием О. А. Добиаш-Рождественской выходят (упомянутые выше) «Акты Кремоны X—XIII вв. в собраниях АН СССР».

Продолжая изучение старопечатных изданий, Н. П. Киселев опубликовал в 1938 г. краткий «инвентарь» инкунабулов Библиотеки СССР им. В. И. Ленина¹⁴.

Беллетризованная биография Иоганна Гутенберга, выпущенная в серии «ЖЗЛ» в 1933 г., могла пробудить интерес к истории книгопечатания у широкого читателя, но в научном отношении давала мало¹⁵.

В 30-е годы развертывается деятельность одного из крупнейших знатоков инкунабуловедения в СССР и наследия Вольтера В. С. Люблинского. Самыми значительными его работами, изданными в этот период, были — «Наследие Вольтера в СССР. Вольтеровские материалы в советских собраниях», опубликованная в 1937 г. в сборнике «Литературное наследство» (т. 29/30) и «Производство книги в прошлом» (Л., 1940). Последняя работа, дающая по словам чл.-корр. АН СССР А. А. Сидорова, «превосходное введение в изучение всего книжного дела в историческом развитии»¹⁶, была обращена к массовому читателю, но содержащимися в ней наблюдениями побуждала к новым серьезным исследованиям мировой истории книгопечатания, выполненным в дальнейшем и самим автором.

Юбилей 500-летия европейского книгопечатания был отмечен в 1940 г. рядом публикаций, преимущественно популярного характера. Среди них следует отметить брошюру И. Баса «Великое открытие. 500 лет книгопечатания». И лишь статья Н. П. Киселева, опубликованная «Историческим журналом», носила серьезный научный характер¹⁷. Подлинно научное, углубленное изучение жизни и деятельности Гутенберга, его вклада в мировую культуру было все же впереди.

Война не остановила работы творческой мысли советских книговедов, их каждодневного поиска, исследований. Продолжалась деятельность крупнейших специалистов и знатоков зарубежной книги и книгопечатания — Н. П. Киселева, В. С. Люблинского, С. А. Клепикова и др. В крупнейших библиотеках страны велась кропотливая, повседневная работа по описанию, систематизации, каталогизации инкунабулов, старопечатных изданий, накапливался материал, требовавший своего осмысления, научной обработки, исследования.

Уже первое послевоенное десятилетие дало в этом смысле ощутимые результаты. Появляются публикации по отдельным частным проблемам и аспектам истории зарубежной книги, книгопечатания и книж-

---

¹³ Histoire de L'atelier graphique de Corbie de 651 a 830, reflétée dans les manuscrits de Leningrad, 1934.

¹⁴ Киселев Н. П. Инвентарь инкунабул Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1938.

¹⁵ Проскуряков В. Гутенберг. М., 1933.

¹⁶ В кн.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 4.

¹⁷ Киселев Н. П. Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе. — Ист. журнал, 1940, № 9, с. 77—89.

ного дела, учебные пособия, монографии, популярные издания, защищаются первые диссертации.

Центрами изучения истории книги, в том числе и зарубежной, становятся в это время Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук, республиканские библиотеки, библиотечные институты Москвы и Ленинграда, Московский полиграфический институт.

Если в библиотеках особенно ценные достижения были достигнуты в работе над инкунабулами и палеотипами, в связи с изучением фсндов редкой книги, то ученые советских книговедческих вузов немало сделали для разработки программ по истории книги и книжного дела, создания учебных пособий и учебников. Среди трудов обобщающего характера, появившихся в это время, следует особо выделить «Историю письменности и книги» Е. И. Кацпржак, опубликованную издательством «Искусство» в 1955 г. Не претендуя на научную глубину (книга была задумана как учебное пособие к курсу «История письменности и книги», читавшемуся автором в редакционно-издательском техникуме), эта работа отличалась широтой обзора истории книги, включая историю письма и зарубежного книгопечатания с древнейших времен до наших дней. При отдельных недочетах книги самый факт выхода подобного издания, первого после монографии М. И. Щелкунова труда столь широкого диапазона, нельзя было не оценить положительно. Значительное место в книге было отведено характеристике зарубежных издательств, типографов, оформлению книг, особый раздел посвящен изданию за рубежом произведений основоположников научного социализма.

Первый послевоенный период ознаменовался началом серьезного изучения литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, истории издания их произведений. Наиболее полно в советской литературе этот вопрос был освещен в работе Л. А. Левина «Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» (М., Госкультпросветиздат, 1948). Первые две главы этого труда посвящены прижизненным публикациям и изданиям, третья глава освещает вопросы первых публикаций и изданий произведений Маркса и Энгельса за период после смерти Энгельса (1895) до первой мировой войны.

В поле зрения советских историков книги оказались в это время проблемы истории революционных изданий и места книги и книжного дела в революционных движениях прошлого¹⁸, демократического книгоиздания¹⁹. Цикл работ о книжном деле во Франции XVI в. принадлежит М. А. Молдавской²⁰.

Ряд ценных историко-книжных исследований выполнили востоковеды во главе со «старейшиной» советской востоковедческой науки

---

¹⁸ Баренбаум И. Е. Свобода печати в теории и практике французской революции 1948 г. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1953; Лившиц Р. В. Этьен Доле (из истории борьбы с феодально-католической реакцией во Франции в первой половине XVI века). — Тр./Ленингр. библ. ин-т им. Крупской, 1957, т. 2, с. 49—61; Молдавская М. А. Зарождение капитализма в книгопечатном производстве и классовая борьба рабочих-печатников во Франции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1953.

¹⁹ Якимович Т. К. Демократические альманахи 1830—1835 гг. во Франции. — Учен. зап. Ин-т мировой литературы, 1956, т. 2, с. 130—164.

²⁰ Молдавская М. А. 1) Развитие капиталистических отношений в книгопечатном производстве Франции в первой половине XVI века. — Сред. века, 1955, вып. 7, с. 152—173; 2) Развитие книготорговли во Франции в первой половине XVI в. — Там же, 1957, вып. 10, с. 124—133.

акад. И. Ю. Крачковским²¹. В 1945 г. вышла примечательная во многих отношениях книга И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», снабженная скромным подзаголовком: «листки воспоминаний о книгах и людях». Автор писал: «Судьба этой книжки оказалась счастливой: я писал ее в суровые годы войны, но свет она увидела в знаменательные дни мая 1945 г., когда вся страна с торжеством встретила победное завершение подвига военных лет»²². Книга имела большой успех. В 1948 г. она вышла уже третьим изданием. Некоторые ее части были опубликованы в серии «Библиотека „Огонька“». Она привлекла внимание читателей арабских стран и Запада. И это неудивительно. Книга вобрала в себя колоссальный опыт, эрудицию и любовь к делу всемирно известного советского арабиста. Она не только знакомила с поисками, изучением, хранением арабских рукописей, но и увлекала читателя в мир книг и библиотек, заражала жаждою познавать и творить. Вместе с тем она подводила как бы итог многолетней деятельности ученого, содержала компендиум сведений по востоковедению.

Н. Петровский и А. Белов подготовили предназначенную для массового читателя, для любознательной молодежи в первую очередь, книгу «Страна Большого Хапи» (Л., 1955). А. Белов в соавторстве с Л. Липиным написал «Глиняные книги» (М.—Л., 1952). Книги вышли с предисловиями и под научной редакцией акад. В. В. Струве, что подчеркивало их авторитетный характер. Египтология и ассириология были раскрыты в них преимущественно через рассказ о древнейших письменных книгах и библиотеках. Читатель в деталях ознакомился с техникой книжного дела Древнего Египта и Ассирии, с искусством письма, с богатейшим содержанием дошедших до нас памятников древней письменности, с историей их дешифровки.

Важной задачей советских историков зарубежной книги было в это время изучение и критика буржуазного книжного дела на Западе, разоблачение антинародной практики капиталистических издательств и, одновременно, освещение прогрессивных явлений в сфере книги и книжного дела, борьбы за свободу печати, за хорошую книгу для народа. Этому был посвящен ряд статей и брошюр²³. Тогда же начинается изучение истории книги и книжного дела в странах социалистического лагеря, появляются первые обзорные статьи, сборники материалов²⁴.

Успехи исторической науки и книговедения в СССР, начиная со второй половины 50-х годов, определили новый подъем исторического книговедения, внесли еще большее оживление в изучение истории книги и книжного дела за рубежом.

Большое внимание публикации статей и материалов по истории зарубежной книги уделяет научно-книговедческий сборник «Книга. Ис-

²¹ Крачковский И. Ю. Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии. — Тюркологический сб., 1951, вып. 1, с. 120—126; Горбачева З. И. Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания Института востоковедения Академии наук СССР. — Учен. зап./Ин-т востоковедения АН СССР, 1958, т. 16, с. 309—351.

²² Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л., 1948, с. 5.

²³ Михайлов Л. Борьба за прогрессивную книгу во Франции. — Библиотекарь, 1949, № 2; с. 38—41; Гаврилов Н. Борьба за прогрессивную книгу во Франции. — Там же, 1951, № 1, с. 33—38; Издание марксистской книги в США. — Вопр. истории, 1955, № 2, с. 179—180; Борьба за прогрессивную книгу (ФРГ). — Сов. кн. торговля, 1956, № 10, с. 27; Немировский Е. 1) В защиту книги. — Новый мир, 1957, № 8, с. 251—253; 2) Джунгли книжной Америки. М., 1959.

²⁴ Галов Н. Книга Венгерской Народной Республики. — Библиотекарь, 1953, № 4, с. 36—40; Кательников З. И. Издание книг в Румынской Народной Республике. — Сов. библиогр., 1955, вып. 39, с. 71—73; Основные издательства стран народной демократии. Сб. статей. Л., 1955; Губер Ю. Книжное дело в Народной Польше. — Сов. кн. торговля, 1958, № 9, с. 52—56 и др.

следования и материалы». Уже со второго выпуска на страницах этого сборника появился раздел «Книга и издательское дело за рубежом». В этом разделе опубликовано уже несколько десятков статей. По вопросам истории зарубежной книги, современной практики книгоиздательского дела на Западе и в странах зарубежного Востока на страницах «Книги» выступают В. С. Люблинский, Н. В. Варбанец, А. С. Мыльников, Е. Л. Немировский, А. И. Маркушевич, Б. С. Горбачевский, Л. И. Владимирова, Т. Н. Копреева и др. Тематика исследований разнообразна. Здесь и история книги Древнего Востока, статьи о книгопечатании и книгоиздательском деле в Японии, первой государственной типографии во Франции, о радикальном французском издателе XIX в. П.-Ж. Этцеле, об издании французских переводов «De officiis» Цицерона в XV в.²⁵ и др.

Истории книги и книгопечатания в странах социалистического лагеря посвящены работы А. С. Мыльникова, А. П. Марина, О. С. Острой²⁶ и др. Об общих вопросах современного издательского дела за рубежом пишет Б. С. Горбачевский.²⁷ Ряд публикаций сборника связан с деятельностью видных зарубежных книгоиздателей, печатников, библиофилов, пропагандистов книги — Ричарда Бери, Дж. Леттоу, Яна Амоса Коменского, Эдуарда Гордона Крэга, новые материалы о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга приводятся в статье Э. Ф. Венгеровой-Зиллинг²⁸. Отто Мейснеру, издателю «Капитала» К. Маркса, посвящена статья Х. Вольф и А. В. Уроевой²⁹.

В 60-х — начале 70-х годов появились крупные работы монографического плана, учебники и учебные пособия, труды коллективного характера.

В 1959 г. была издана книга В. С. Люблинского «На заре книгопечатания». Хотя работа и вышла в виде популярного «пособия для учителей», но это был подлинно научный труд, как бы подытоживший разработку вопросов, связанных с изучением истории происхождения книгопечатания, деятельности Гутенберга и других европейских первопечатников XV — начала XVI в.

---

²⁵ Лихачева В. Д. Судьба одной византийской книги. — Книга. Исслед. и материалы, 1969, сб. 18, с. 201—209; Дробинский А. И. У истоков энциклопедической литературы. Энциклопедические явления в культурах Древнего Востока. — Там же, 1969, сб. 19, с. 155—182; Гривнин В. С. 1) Влияние китайской книги на развитие книгопечатания в Японии (VII—XIV века). — Там же, 1961, сб. 5, с. 213—221; 2) История развития и современное состояние книгоиздательства в Японии. — Там же, 1961, сб. 4, с. 287—314; Френкель Л. М. Первая государственная типография во Франции (1640—1660). — Там же, 1975, т. 30, с. 160—168; Дмитриева В. А. П.-Ж. Этцель — издатель произведений И. С. Тургенева во Франции. — Там же, 1978, сб. 36, с. 163—171; Колга Л. А. Издания французских переводов «De officiis» Цицерона в XV в. — Там же, 1978, сб. 37, с. 177—181.

²⁶ Мыльников А. С. 1) Из предыстории формирования прогрессивной книги в Чехии. — Там же, 1966, сб. 12, с. 219—234; 2) Чешские книгоиздательство эпохи национального возрождения. (Конец XVIII — первая половина XIX века). — Там же, 1960, сб. 2, с. 286—331; 3) Книга, которую держал Ян Гус. — Там же, 1976, сб. 32, с. 176—177; Марин А. П. Книгораспространение в Венгерской Народной Республике. — Там же, 1969, сб. 19, с. 183—294; Острой О. С. 1) Классика польской литературы в современных книжных изданиях. — Там же, 1960, сб. 3, с. 379—406; 2) О современной польской книжной графике. — Там же, 1961, сб. 5, с. 294—320.

²⁷ Горбачевский Б. С. Современное зарубежное книгоиздание. (1960—1970 гг.). — Там же, 1974, сб. 29, с. 141—152.

²⁸ Венгерова-Зиллинг Э. В. Актовые свидетельства о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга. — Там же, 1971, сб. 22, с. 185—198.

²⁹ Вольф Х., Уроева А. В. Отто Мейснер — издатель «Капитала» К. Маркса. — Там же, 1972, сб. 23, с. 161—171; см. также ст. А. В. Уроевой «Об экземплярах с обложкой первых нелегальных изданий К. Маркса (1867—1895)». — Там же, 1978, сб. 37, с. 173—176.

В 60-е годы блестяще раскрылось замечательное дарование В. С. Люблинского-историка, теоретика, пропагандиста и организатора книги и книжного дела. Он интенсивно исследует инкунабулы и все, что связано с начальным периодом развития книгопечатания, пишет исследование о происхождении письма и его эволюции, продолжает начатую еще в 30-е годы работу по изучению библиотеки Вольтера, литературного наследия великого французского мыслителя и писателя. Его многочисленные статьи по этим и другим проблемам истории зарубежной книги и книгопечатания публикуются на страницах сборника «Книга», в ряде академических изданий, во «Французском ежегоднике», появляются они и за рубежом³⁰. В. С. Люблинский сыграл выдающуюся роль как создатель и руководитель Лаборатории консервации и реставрации при Академии наук СССР. С его именем связано открытие, реставрация и публикация редчайшего памятника Средневековья — французского рукописного «Легендария» XIII в.

Уже посмертно был издан сборник трудов В. С. Люблинского «Книга в истории человеческого общества» (М., 1972), подготовленный ученицей и коллегой ученого — Н. В. Варбанец. В этот сборник выдающегося советского книговеда вошли и многие ранее не опубликованные его статьи.

Широко отметила советская общественность 500-летие со дня изобретения книгопечатания Гутенбергом.

Исследованием «гутенберговского вопроса» занимались в эти годы ряд советских ученых. В 1958 г. в «Трудах» Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской была опубликована статья П. Н. Беркова и Н. В. Варбанец «Современное состояние гутенберговского вопроса», в которой суммировалось все известное до сих пор о Гутенберге и его трудах, намечались линии дальнейшей работы. Через десять лет в сборнике «500 лет после Гутенберга» Н. В. Варбанец помещает новую статью о гутенберговском вопросе, наиболее полно и обстоятельно освещающую эту сложную, содержащую немало загадок и нерешенных вопросов проблему в связи с многовековым изучением первоисточников. Многолетнее кропотливое исследование отечественной и зарубежной историографии, скрупулезное изучение первоначальных европейских изданий, критическое осмысление первоисточников вылилось в итоге в диссертационный труд «Иоганн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе», успешно защищенный в 1972 г.

Несколько ранее, в 1969 г. Э. В. Зилинг защитила диссертацию «Жизнь и деятельность Иоганна Гутенберга (Актовые свидетельства и ранние источники)».

Празднование 500-летия книгопечатания было ознаменовано выходом в свет сборника статей, исследований и материалов «500 лет после Гутенберга, 1468—1968» (М., 1968). Носящий широкий характер, этот сборник касался не только «Гутенберговского вопроса», но места и роли книги в эволюции человеческого общества как средства информации, орудия науки, искусства, просвещения, идеологии. Помимо упоминавшейся статьи Варбанец, следует выделить имеющую важное методологическое значение статью С. С. Волка «Карл Маркс и Фридрих Энгельс с печатном слове», энциклопедическую по охвату и осмыслению материала работу В. С. Люблинского «Ранняя книга как ступень в развитии информации», историографически и концептуально насыщенную статью

---

³⁰ См.: Список трудов В. С. Люблинского. — В кн.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 322—326.

А. А. Сидорова — «Книга — печать — искусство». Е. Л. Немировский осветил технику книгопечатания от Гутенберга до начала XX в.

Сборник «500 лет после Гутенберга» подытожил некоторые аспекты и направления изучения зарубежной книги в СССР и стал в свою очередь отправной точкой для развертывания новых исследований в этой области.

Историю книги и книгопечатания нельзя отрывать от истории письма и письменной книжности. Вот почему, говоря о достижениях советской книговедческой науки после 1960 г., следует назвать капитальный обобщающий труд В. А. Истрина «Развитие письма», вышедший в 1961 г. и переизданный в 1965 г. в расширенном виде под названием «Возникновение и развитие письма». Это подлинная энциклопедия сведений и гипотез о письме, его происхождении и эволюции, единственный в СССР труд столь обширного плана, «впитавший» в себя достижения мировой и в том числе отечественной науки о письме. Труд — не бесспорный в своих построениях и выводах, что отмечала научная критика, но творческий, продуктивный, дающий простор для новых суждений и гипотез. Этому исследованию суждено было стать и первой в СССР докторской диссертацией, защита которой принесла В. А. Истрину степень доктора книговедения — первого в нашей стране.

В 1964 г. появилось новое издание труда Е. И. Кацпржак «История книги». Раздел «Общая история письменности и книги» был в нем пополнен, доведен до наших дней. Специальная глава посвящена книге в странах социалистического лагеря.

Письменность и книжное дело Западного Средневековья исследовала ученица и последовательница О. А. Добиаш-Рождественской — А. Д. Люблинская. В ее работе «Латинская палеография» (М., 1969) характеристика латинского письма доводится до наших дней.

В 1970 г. была защищена кандидатская диссертация В. Л. Романовой о рукописной книге во Франции в XIII—XVI вв. по материалам собрания рукописных книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Спустя пять лет она вышла в виде монографии в издательстве «Наука»³¹.

Старейший знаток старопечатных изданий Н. П. Киселев выступил в 1961 г. с необычайно тщательным и тонким исследованием нескольких неизвестных ранее фрагментов древнейших памятников печати Германии и Голландии³².

В результате многолетнего изучения инкунабул в крупнейших книгохранилищах нашей страны в 60-е годы были опубликованы их научные описания. Первый «Каталог инкунабулов» был издан Библиотекой Академии наук³³. Самостоятельное значение имеет приложенная к нему в качестве предисловия статья В. С. Люблинского «Научное значение инкунабулов», в которой подводились некоторые итоги и намечались перспективы дальнейшего изучения инкунабулов.

Вслед за каталогом Библиотеки АН СССР появились и иные сходные по своему назначению каталоги: Библиотеки АН УССР³⁴, Универ-

---

³¹ Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. По материалам собрания рукописных книг. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1975.

³² Киселев Н. П. Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии. М., 1961.

³³ Библиотека АН СССР. Каталог инкунабулов/Сост. Е. И. Боброва. М.; Л., 1963.

³⁴ Центральная науч. б-ка АН УССР. Каталог инкунабул/Сост. Б. И. Зданевич. Киев, 1974.

ситетской библиотеки в Ленинграде³⁵ и некоторые более мелкие. Так постепенно закладывается необходимая база для решения крупной задачи — создания сводного каталога инкунабулов, хранящихся в СССР.

Здесь уместно также назвать подготовленный группой сотрудников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сборник методических материалов», освещающий опыт работы отдела редкой книги³⁶. Наряду с материалами, характеризующими общие принципы организации и хранения фондов отдела редкой книги, в нем значительное место занимают и разделы по инкунабуловедению. Помещенное в сборнике «Введение в работу с инкунабулами» Н. В. Варбанец следует расценить как первое методическое пособие по инкунабуловедению для начинающих работников.

За последние годы история зарубежной книги обогатилась рядом серьезных монографий. Они обращены преимущественно к истории книгопечатания и книжного дела в отдельных странах Европы и Азии.

В 1959 г. в издательстве Академии наук СССР вышел обширный труд выдающегося знатока китайской книги К. К. Флуга «История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XII вв.» По словам редактора книги З. Горбачевой, «огромный фактический материал, собранный К. К. Флугом в исследовании, новые мысли и смелые гипотезы, заключенные в нем, детальность в изучении поставленных вопросов и источников, связанных с той или иной проблемой, делают труд К. К. Флуга значительно шире всех вышедших до сего времени работ по данному вопросу... и являются, несомненно, достижением советского китаеведения» (с. 7). Отметим также краткий исторический обзор «Культура книги в Китае», изданный в 1959 г. в Ереване (авторы — Т. А. Вечхайзер-Пиралова и В. В. Воронина).

Истории древней китайской книги посвятила свою диссертацию М. И. Демидова³⁷. «В мире античных свитков» — так назвал свое исследование В. Г. Борухович (Саратов, 1976). В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла монография Г. В. Граматчикова «Революционная пресса Вьетнама», охватывающая период с 1930 по 1945 г. Это ценный труд по истории печати героического Вьетнама. Следует отметить и другие крупные достижения в области изучения книг стран Востока и античной древности. Это монография А. П. Каждана «Книга и писатель в Византии» (М., 1973), монография В. Д. Лихачевой «Искусство книги. Константинополь XI век». (М., 1976), Т. Д. Кара «Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности» (М., 1972). О книге и книгопечатании в Турции писали А. Д. Желтяков и А. Х. Рафиков³⁸. Историк восточной книги почерпнет немало ценного из ежегодника «Письменные памятники Востока» (М., «Наука», 1970). Наконец, отметим диссертацию В. В. Кушева об афганской рукописной книге³⁹.

³⁵ Научная б-ка им. М. Горького Ленингр. ун-та. Каталог инкунабулов/Сост. А. Х. Герфункель. Л., 1967.

³⁶ Сборник методических материалов. Опыт работы./Гос. Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина. Отд. редкой книги. Л., 1968, вып. 1/Сост. Н. В. Варбанец, А. С. Демич, Т. Н. Копреева, В. И. Лукьяненко.

³⁷ Демидова М. И. Дуньхуанская книга как памятник китайской культуры конца IV — первой половины IX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1974.

³⁸ Желтяков А. Д. 1) Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. 1729—1908 гг. М., 1972; 2) Турецкая печать в источниках и литературе (1729—1908). — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, 1974, вып. 3, с. 10—19; Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.

³⁹ Кушев В. В. Афганская рукописная книга (Очерки афганской письменной культуры). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974.

Истории книги и книгопечатания в Чехии посвятил ряд своих исследований А. С. Мыльников, обобщенных в его докторской диссертации «Возникновение национально-просветительской идеологии в чешских землях XVIII в.» (1971). Ему же принадлежит монография «Чешская книга. Очерки истории. (Книга. Культура. Общество)», освещающая различные аспекты истории чешской рукописной и печатной книги на протяжении столетий.

Существенно отметить появление в последнее время работ, охватывающих многовековую историю книги и книжного дела той или иной страны. В Ленинградском государственном институте им. Н. К. Крупской задумана первая в нашей стране серия специальных учебных пособий. Вышли четыре выпуска, посвященные Франции, США и Германии⁴⁰. В научных планах института очередные пособия, посвященные Англии, Канаде, Италии. Создание цикла учебных пособий по истории зарубежной книги позволит в дальнейшем объединить их в единый учебник, в котором так нуждаются наши студенты и преподаватели.

Примыкает по своему характеру и назначению к этому циклу работ и учебное пособие А. Говорова «Из истории книгоиздательства и книжной торговли за рубежом в XVI—XIX вв.», опубликованное в 1970 г. Московским полиграфическим институтом.

Истории русско-итальянских книжных связей в начале XX в. посвящена диссертация Л. М. Коваль⁴¹. В ней весьма полно исследованы вопросы издания и распространения русской общественно-политической литературы в Италии и итальянской в России. Книжные связи России и Западной Европы освещаются в ряде диссертационных исследований, подготовленных сотрудниками и аспирантами Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Они посвящены изданиям Королевской типографии во Франции, хранящимся в библиотеках СССР (Л. М. Френкель), французской книге в чтении декабристов (Ж. О. Комарницкая), французскому издателю П.-Ж. Этцелю и его русским связям (В. А. Дмитриева).

В Советском Союзе хранится замечательная коллекция изданий Парижской коммуны и I Интернационала. Наши историки создали ряд ценных каталогов, имеющих большое научно-справочное значение и содержащих богатый историко-познавательный материал об издательской деятельности парижских коммунаров, о предпринятых ими изданиях-афишах, плакатах, брошюрах, газетах⁴². В этом же ряду изданий следует назвать содержательные очерки С. М. Маневич «Издано Парижской коммуной» (М., 1978), богатые фактами, написанные живо, увлекательно.

К столетию со дня выхода в свет «Капитала» К. Маркса было приурочено издание монографии А. В. Уроевой «Книга, живущая в веках» (М., 1967), в которой обстоятельно освещена история первых изданий (в том числе переводов) гениального творения Маркса.

---

⁴⁰ История зарубежной книги. Учеб. пособие. Вып. 1—4. Л., 1972—1978. Вып. 1—2. Баренбаум И. Е. Франция; Вып. 3. Шомракова И. А. Соединенные Штаты Америки; Вып. 4. Баренбаум И. Е. Германия.

⁴¹ Коваль Л. М. Из истории русско-итальянских общественно-революционных связей. 1906—1914 гг. (Взаимопроникновение общественно-политической литературы). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1976.

⁴² Печать первого Интернационала и Парижской коммуны. Свод. каталог изданий, хранящихся в библиотеках СССР. М., 1964, ч. 1—2; Французские издания периода Парижской коммуны 1871 года. Аннотир. каталог коллекции Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1961, вып. 1—2. Печать Парижской коммуны 1871 года. Метод. пособие. Л., 1974.

Привлекла внимание советских исследователей и такая важная книговедческая проблема, как издание энциклопедий. Здесь следует назвать общеметодологическую по своему характеру работу А. И. Дробинского «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая литература» (М., 1958) и учебное пособие И. В. Гудовщиковой «Общие зарубежные энциклопедии» (Л., 1963).

Монографических работ об отдельных крупнейших зарубежных издателях и печатниках, изданных в виде книг, у нас почти нет. Отрядным исключением стали книги В. Аронова «Эльзевиры» и В. В. Лазурского «Альд и альдины», выпущенные издательством «Книга» соответственно в 1975 и 1977 гг.

В поле зрения советских книговедов находится современная практика книжного дела за рубежом — книгоиздание, книжная торговля, полиграфия, тенденции, присущие развитию книги и книгопечатания в странах социалистического лагеря, капиталистических и развивающихся странах мира. Историк книги найдет в исследованиях и обзорах такого рода немало для себя ценного, значительного⁴³.

В последние годы стала разнообразнее и численно возросла статейная литература о книге и книжном деле за рубежом. Исследователи пишут об истории книги и книгопечатания в отдельных странах⁴⁴, в различные эпохи⁴⁵, об отдельных выдающихся издателях и типогра-

⁴³ Горбачевский Б. С. Организация издательского дела за рубежом. Техн.-экон. обзор. М., 1959; Яблоков М. Н., Фельдман Б. А. Заметки об издательском деле и полиграфии Японии. М., 1966; Коровкин И. П. Экономические аспекты издательского дела в ГДР. М., 1972; Попов В. В. На выставке книжного оформления и в английских типографиях. М., 1958; Яблоков М. Н., Ничипоренко Н. А. Заметки о полиграфии США. М., 1975; Штернгарц М. Книжная торговля за рубежом. М., 1958; Титов С. Н., Семин В. Д., Поливановский С. Е. Книжная торговля в Чехословакии. Организация и экономика книжной торговли в ГДР. М., 1964; Зильберман И. Е. Распространение и пропаганда книг в ГДР. М., 1974; Сидоров А. А., Шицгал А. Г. Оформление современных зарубежных изданий. М., 1960; Горбачевский Б. С. Перспективы развития печати и книгоиздания в 70—80-е гг. за рубежом. — Изд. дело. Экспресс-информация, 1976, № 6; Отметим также несколько смежных изданий: Зарубежная печать стран Арабского Востока, Африки и Латинской Америки. Учеб. пособие. М., 1975; Акбаров А. и Аишанов М. Печать стран Азии и Африки. Ташкент, 1977.

⁴⁴ Колмаков П. К. 1) Статистические и библиографические источники по истории печати скандинавских стран. Тарту, 1963; 2) Некоторые показатели развития книжного дела в скандинавских странах. — Изд. дело. Книговедение, 1970, № 8, с. 39—40; Баренбаум И. Е. Издательское дело во Франции на современном этапе. — Там же, 1972, № 7, с. 20—24; Горфункель А. Х. Печатная и рукописная книга в Италии XVI в. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 114—120.

⁴⁵ Гермашева Ф. В. Четыре издания из коллекции западноевропейской печати XV—XVI веков в научной библиотеке СГУ. — Вопросы библиотекведения. Сборник статей. Саратов, 1968, с. 97—108; Алексеева М. Н., Маневич С. М. Революционные листовки и брошюры периода Парижской коммуны. — Новая и новейшая история, 1961, № 5, с. 116—126; Гордон Л. С. Некоторые итоги изучения запрещенной книги эпохи Просвещения (вторая половина XVII века). — В кн.: Французский ежегодник, 1959, М., 1960, с. 89—120; Ефремова Н. П. Печать парижских баррикад. — Вопр. истории, 1970, № 3, с. 119—132; Свердлов Н. М. Издательская деятельность периода парижской коммуны. — Изд. дело. Книговедение, 1971, № 2, с. 26—29; Гуревич М. М. Подпольные немецкие издания 1934—1935 гг. в Библиотеке Академии наук СССР. — Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, 1973, [вып.] 13, с. 135—138; Варбанец Н. В. Издание античных авторов в XV в. — В кн.: Книги и графика. М., 1972, с. 68—77; Лебедева И. Н. Греческая рукописная и печатная книга XV—XVI вв. и ее влияние на книжность других народов. — В кн.: Рукописная и печатная книга, с. 105—113; Ревякина Н. В., Махарова Л. М. Западноевропейская книга XV—XVIII вв. в библиотеках Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975, с. 149—165; Костыгова Г. И. Из истории среднеазиатской и иранской рукописной книги XIV—XVI вв. — В кн.: Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 182—209; Визирь А. П. Собрание книг XV столетия в отделе рукописей ЦНБ АН УССР. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 63—70.

фиях⁴⁶, о тех или иных примечательных изданиях⁴⁷, об искусстве книги⁴⁸ и др.

История зарубежной книги и книжного дела изучена еще не достаточно. Простор для научного поиска здесь весьма велик, имеющиеся лакуны восполняют публикации популяризаторского характера. В этом отношении немало делается издательством «Книга». Здесь вышли научно-популярные издания Б. С. Горбачевского, Е. Л. Немировского, Г. Дрюбина и С. Львова⁴⁹. Внимание специалистов и широкого круга библиофилов привлекает серия «Судьбы книг», вышли работы Д. М. Урнова, В. С. Муравьева, А. А. Аникста, Т. Л. Мотылевой, Л. Ю. Брауде, Р. Д. Орловой, А. В. Блюма⁵⁰.

История зарубежной книги, как и любая другая наука, не может усиленно развиваться без достаточной библиографической, информационной базы. В этом отношении за последние годы произошел положительный сдвиг. Если еще несколько лет тому назад литературу по этим вопросам, особенно зарубежную, приходилось разыскивать по крупицам по многочисленным разрозненным источникам, то теперь дело обстоит иначе. Начало деятельности ЦБНТИ по печати, выпуск им библиографических и реферативных изданий, обзоров, сигнальной информации стало серьезным подспорьем для всех советских книговедов, в том числе и для тех, кто занимается исследовательской работой в области зарубежной книги и книжного дела. Особо следует отметить издаваемые ЦБНТИ обзоры по странам. Те, которые уже вышли, не только содержат колоссальный фактографический и библиографический материал,

---

⁴⁶ Савельева Е. А. 1) Издательство Планта в XVI—XVII вв. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, 1973, [вып.] 3, с. 408—422; 2) Шведский гуманист XVI в. Олаус Магнус и его издательская деятельность. — Там же, 1970, [вып.] 2, с. 212—224; Виноградов С. А. К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX в. — Сов. славяноведение, 1969, № 5, с. 76—78; Крюкова З. Ф. Книги и неизданные рисунки Марии Сибиллы Мериан в библиотеке Ботанического института (к 250-летию со дня смерти). — Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, 1970, [вып.] 2, с. 183—192.

⁴⁷ Кононенко А. М. «Privilegium Civitatis» — венецианский документ 1493 г. — Там же, с. 193—200; Альбина Л. Л. Издание «Политического Заветания» Ришелье в Библиотеке АН СССР. — Там же, с. 298—301; Рафиков А. Х. Словарь Шу'ури (турецкая первопечатная книга). — Там же, с. 302—308; Венедиктов Г. К. Об одной книге эпохи болгарского Возрождения. — Сов. славяноведение, 1966, № 2, с. 56—60; Киселева Л. И. Фрагменты редких изданий XV—начала XVI вв. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М., Л., 1966, с. 38—50; Маркушевич А. И. Книжный дебют «Женитьбы Фигаро». — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 228—234.

⁴⁸ Самородов Б. П. Вильям Моррис и книга. — Полиграфия, 1967, № 2, с. 40—41; Турова В. Немецкая иллюстрированная книга первой трети XX века. — Искусство книги, 1967, вып. 4, с. 172—185; Голомшток И. Мазеерель-иллюстратор. — Там же, с. 128—136; Нессельштраус Ц. Г. Первые европейские иллюстрированные книги. (Издание Альбрехта Пфистера в Бамберге). — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 78—88; Сосинский В. Метаморфозы. — В мире книг, 1975, № 10, с. 29—31; Сидоров А. А. Искусство западной книги на рубеже XIX—XX вв. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги с. 235—252; Кранах Л. Альбом репродукций. Сост. и вступит. ст. Н. Н. Никулина. Л., 1976.

⁴⁹ Немировский Е., Горбачевский Б. С книгой через века и страны. М., 1964; Горбачевский Б. Кресты, костры и книги. М., 1965; Дрюбин Г. Книги, восставшие из пепла. М., 1966; Львов С. Эхо в веках. М., 1969.

⁵⁰ Урнов Д. М. Как возникла «страна чудес». М., 1969; Муравьев В. С. Путешествие с Гулливером (1699—1970). М., 1972; Аникст А. А. Первые издания Шекспира. М., 1974; Мотылева Т. Л. Первый антифашистский роман. «Верноподанный» Г. Манна. М., 1974; Брауде Л. Ю. Полет Нильса. Судьба книги С. Лагерлёф. М., 1975; Орлова Р. Д. Хижина, устоявшая столетие. М., 1975; Блюм А. В. Каратель лжи, или книжные приключения барона Мюнхгаузена. М., 1978.

но в ряде случаев восполняют отсутствие специальных работ по истории книги отдельных зарубежных стран⁵¹.

Перед нами прошла картина развития исследовательской работы в области изучения истории книги и книжного дела за рубежом за годы Советской власти. От работ отдельных специалистов, появившихся в первые годы после Октября от случая к случаю, до широко развернувшейся, ставшей более или менее планомерной исследовательской работы целых научных коллективов и учреждений в наше время — таков путь и первый итог этой деятельности. Накоплен разнообразный по тематике, содержанию и значению материал. Что-то мы знаем уже хорошо, что-то находится в постоянном поле зрения исследователей, но многое еще лишь начинает изучаться, есть и серьезные лакуны. Изучать историю книги и книжного дела за рубежом следует систематически, последовательно и, что особенно важно, планомерно. Для нас ясно, что разрозненные усилия не дадут должного и своевременного эффекта. Необходима концентрация сил и координация всей работы, ведущейся сейчас во многих местах и учреждениях.

Развитию исследовательской работы в этой области мешает отсутствие специального курса «Истории зарубежной книги» в наших книговедческих вузах. Это тем более необходимо, что читаются частные курсы «Истории библиотечного дела за рубежом», «Истории зарубежной библиографии». Введение курса «Истории зарубежной книги» по необходимости стимулировало бы работу научной мысли в этом направлении, облегчило бы создание специальных учебников и учебных пособий, методических материалов, способствовало бы активизации диссертационных исследований по различным актуальным, методологически важным аспектам истории зарубежной книги и книжного дела.

В перспективе и такое важное мероприятие, как создание обобщающего труда по всемирной истории книги. Создать его можно, лишь опираясь на все достижения и всячески расширяя и углубляя изучение истории книги за рубежом, особенно по странам и континентам. Советское книговедение находится на таком уровне развития, когда даже столь «кисполинские» задачи становятся ему под силу.

---

⁵¹ Немировский Е. Л. 1) Издательское дело и книговедение ГДР. Обзор. М., 1971, вып. 1—2; 2) Издательское дело и книговедение Народной Республики Болгарии. Обзор. М., 1973; 3) Издательское дело и книговедение ПНР. Обзор. М., 1975.— 1976, вып. 1—2; Шомракова И. А. Основные издательства США. Общая характеристика. М., 1974; Баренбаум И. Е. Издательское дело и книговедение во Франции. М., 1974; Мерчанская М. П. Издательское дело в Индии. М., 1975; Мартиросян Е. М. 1) Состояние книгоиздательского дела в развивающихся странах Азии и Африки. Обзор. М., 1976; 2) Книгоиздательское дело в Италии. М., 1976; Москаленко В. В. 1) Книгоиздание в США. Организация, экономика, распространение. М., 1976; 2) Книгоиздание в Испании. М., 1977; Гроссман В. М., Дудкин Н. А. Книгоиздание в Японии. — Изд. дело, 1977, № 10; Мартиросян Е. М. Книгоиздание и книгораспространение в социалистической Венгрии. Обзорная информация. М., 1977; Хорцев В. И. Издательское дело Франции на современном этапе. М., 1977; Гуркин Ю. Ф. Книжный рынок некоторых зарубежных стран. М., 1977; Киселев М. И. Основные тенденции в экономике книгоиздания Великобритании. М., 1978; Гуркин Ю. Ф. Книгоиздание в ФРГ. М., 1978; Хорцев В. И. 1) Детская литература во Франции. — Изд. дело. Экспресс-информация, 1978, вып. 5; 2) Французские специализированные издательства, выпускающие книги по искусству и фотографии. — Изд. дело. Экспресс-информация, 1978, вып. 8.

АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЕЙ КНИГИ В СОБРАНИИ С. А. ВЕНГЕРОВА *

Задача настоящей публикации — продолжить информирование широкого круга книговедов (специалистов в области истории издательского дела, библиофильства, библиографии) о находящихся в обширном рукописном собрании С. А. Венгерова автобиографиях и биографиях деятелей русской книги второй половины XIX — начала XX в.

Тексты автобиографий воспроизведены по правилам современной орфографии и пунктуации с соблюдением (в ряде случаев) индивидуальных особенностей.

При наличии двух и более автобиографий предпочтение отдано наиболее содержательному варианту, с указанием важных фактических расхождений или дополнений в подстрочных примечаниях.

Публикация *М. Д. Эльзона*

А. А. БАХТИАРОВ (1851/1852—1914?)

Бахтиаров Анатолий Александрович — публицист, из дворян, родился в 1851 году в селе Ертарском Пермской губернии Камышловского уезда¹. В раннем детстве, оставшись сиротой, поступил в Военноначальное училище в Перми². Затем был переведен в Ярославскую военную прогимназию и впоследствии, в числе лучших учеников — в Учительскую семинарию в Москве, откуда в 1874 году был выпущен в звании учителя военных прогимназий. По окончании курса наук поступил преподавателем русского языка в Военно-фельдшерскую школу в С.-Петербурге. Писать начал в 1884 году в газетах «Эхо» и «Здоровье». С 1885 по 1888 г. поместил в «С.-Петербургских ведомостях», «Петербургской газете» и «Новостях» ряд фельетонов под заглавием «Брюхо Петербурга», вышедших отдельным изданием Павленкова в 1887 году³. Книга была встречена

* Продолжение. Начало см.: Книга. Исслед. и материалы, 1974, сб. 29, с. 153—164.

¹ В первой автобиографии (от 1 февраля 1889 г.) указан 1852 г.

² В Пермскую школу кантонистов А. А. Бахтиаров поступил в 1864 г.

³ «Брюхо Петербурга» печаталось также в «Русском богатстве» (1886, № 5—8).

на общим сочувствием русской печати. См. рецензии: «Правительственный вестник» (1887 г., № 275), «Новое время» (1887 г., № 4240), «Новости» (1888 г., № 54), «Неделя» (1888 г., № 2), «Живописное обозрение» (1887 г., № 52), «Север» (1888 г. № 3), «Вестник Европы» (1888 г., № 3), «Русский вестник» (1888 г., № 2), «St. Petersbourger Zeitung» (1888, № 10) и мн. др. Материалы для книги были собраны мною лично. С записною книжкою в кармане я странствовал по городским бойням, рынкам, пристаням, вступая в разговоры с разными представителями столичного населения, так или иначе соприкасающимися с продовольственным делом столицы⁴. В этой книге я описал механизм питания столицы, получающей для своего продовольствия продукты питания из внутренних губерний государства.

А. А. Бахтиров

В 1888 году в газетах «День» и «Новости дня» напечатан ряд очерков «Брюхо Москвы», для чего специально ездил в Москву.

В 1890 году вышла «История книги на Руси», удостоенная награды на Первой всероссийской выставке печатного дела в Петербурге в 1895 году⁵. В издававшемся во время выставки журнале «Обзор выставки печатного дела» мною был помещен «Путеводитель по выставке». В 1893 г. вышла книга «Слуги печати». Отзыв о ней см.: «Свет» (<1893 г.>, № 122), а также «Новое время» (<1893 г.>, № 6180) и «Варшавский дневник». В 1892 году — «Биография Гутенберга», издана Павленкова⁶.

В 1903 году по случаю 200-летия Петербурга редакцией журнала «Родник» выпущено юбилейное издание «Современный Петербург»⁷. В этом же году приглашен был городской училищной комиссией принять участие вместе с городскими учительницами в составлении «Путеводителя по <Санкт>-Петербургу», который, по случаю 200-летия столицы, издан городской думой и роздан был ученикам городских школ. В означенном путеводителе многие статьи написаны мною, например, «Антропологический музей», «Гутевский остров и морской порт», «Церковь Матфея Апостола», «Палата мер и весов», «Экспедиция заготовления государственных бумаг» и проч.

В самое последнее время, в 1903 году, вышли «Босяки» и «Отпетые люди», печатавшиеся раньше в фельетонах «Петербургской газеты». Для изучения типов погибших людей я неоднократно предпринимал литературные экскурсии в городские ночлежные дома, в тюрьмы, загородные притоны и, наконец, на известное в столице «Горячее поле», а также

⁴ В книге дано также описание книжных лавок.

⁵ Впервые: «Детское чтение», 1889, № 2. «История книги на Руси» также была издана Ф. Ф. Павленковым.

⁶ Точное название книги: Гутенберг. Его жизнь в связи с историей книгопечатания. Спб., 1892 (Жизнь замечательных людей).

⁷ «Родник», 1903, № 5 (весь номер).

«Куликово поле», где приходилось встречать одичавших подонков общества, ютившихся в шалашах. Рассказы «пропавших людей» о своих похождениях в связи с моими наблюдениями их внешнего быта послужили материалом для двух книг о босяках.

Сожалею, что начальник Главного тюремного правления не разрешил мне посетить петербургские тюрьмы, что охотно разрешается иностранцам. См. рецензию о «Босяках» в журнале «Нива» (1903 г., № 1) ⁸.

Кроме вышеупомянутых книг мною были напечатаны для народа: «Как делают бумагу и как печатают книги» (издание высочайше утвержденной Комиссии по устройству народных чтений)⁹, «О книгопечатании»¹⁰, «Москва — первопрестольная столица» (издания журнала «Народное образование»), «Христофор Колумб» (лубочное издание Кузина), «Слепой», «Тряпичный туз», «О том, как появились первые книги на Руси»¹¹, «Как делают ситец?», «Валаамская обитель», «Иван Федоров — первый русский книгопечатник»¹². Некоторые книги одобрены Ученым комитетом Министерства народного просвещения.

Кроме всего этого многочисленные очерки и статьи рассеяны в следующих современных изданиях: «Русское богатство», «Природа и люди», «Слово», «Техника и ремесла» (в этом журнале в 1904 году помещены описания следующих фабрик и заводов в Петербурге: «Императорский фарфоровый завод», «Стекланный завод», «Тентелевский химический завод», «Бронзовый завод», «Фабрикация обоев», «Балтийский судостроительный завод», «Багетно-рамочное производство», «Колокольный завод», «Клеенчатое производство»), «Русский паломник», «Петербургский листок», «Детский отдых», «Детское чтение», «Родник», «Семейные вечера», «Читальня „Народной школы“», «Колосья», «Новь», «Наборщик», «Новый мир», «Игрушечка», «Народная школа», «Север», «Петербург», «Фельдшер», «Медицинский журнал», «Наша пища», «Птицеводство», «Деревня», «Плодоводство», «Крестьянское хозяйство», «Земледельческая газета», «Вегетарианский вестник»¹³.

Были года, когда я писал от 60 до 70 газетных и журнальных статей в год.

7 апреля 1905 г.

А. Бахтиаров ¹⁴
(ф. 377, 1 собр., № 283).

⁸ «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“», 1903, № 1, стб. 129. Б. п. В кратком отзыве-аннотации «Босяки» сравниваются с аналогичными очерками М. Горького.

⁹ Как делают бумагу и как печатают книги. Спб., 1893; изд. 2-е, Спб., 1897; изд. 3-е, Спб., 1901.

¹⁰ О книгопечатании. Очерк печатного дела. [Спб., 1904]; то же, с подзаголовком: О том, как печатают книги и газеты. Спб., 1904 (Школьная библиотека, кн. 25).

¹¹ О том, как появились книги на Руси. Ист. очерк. Спб., 1890 (Читальня «народной школы»; Вып. 12).

¹² Иван Федоров — первый русский книгопечатник. Спб., 1895.

¹³ Из разнообразных публикаций А. А. Бахтиарова в этих журналах следует выделить очерки: «Тряпичники и бумага» («Родник», 1886, № 3), «О письменах» (там же, 1887, № 10), «Писчая бумага» («Детское чтение», 1888, № 9).

¹⁴ В этой же папке находится письмо А. А. Бахтиарова к сотруднику «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона Соколовскому от 4 октября 1911 г., содержащее перечень публикаций с 1903 г., в т. ч. — брошюры «История бумажного листа» (1906), «Как печатаются иллюстрации» (1906), «История первой печатной книги» (1907), «Лист бумаги» (1913, в серии «Книжка за книжкой» М. Н. Слепцовой), очерк «Как слепые читают, пишут и печатают книги для слепых» («Русская школа, 1911, № 10). «Из беллетристических моих произведений, — писал А. А. Бахтиаров, — могу назвать „Типы полицейского дома“ — ряд фельетонов, печатавшихся в „Петербургской газете“ 1908 года и прекращенных дальнейшим печатанием по распоряжению петербургского градоначальника г. Драчевского, под страхом наложения на газету крупного денежного штрафа и высылки автора из Петербурга административным порядком в 24 часа».

Н. А. ОБОЛЪЯНИНОВ (1868—1916) ¹

Николай Александрович Обольянинов, родился в С.-Петербурге 16 марта 1868 г., отец, Александр Николаевич, был военный артиллерист, мать — урожденная Шишкова (внучка Александра Семеновича)². Род Обольяниновых известен по VI родословной книге.

Учился в С.-Петербургской Введенской гимназии³, затем в Военно-медицинской академии, которую окончил в 1893 г. Служил 4 года военным врачом, с 1897 по 1905 г. — земским начальником С.-Петербургской губернии Гдовского уезда.

Библиофилом был смолоду, еще гимназистом в Варшаве собрал довольно большую библиотеку старинных латинских изданий, затем увлекся русской гравюрой, литографией и т. д.

Начал сотрудничать в 1911 г. в журнале «Русский библиофил», где помещены статьи: в № 1 (1911 г.) — «Заметки о русских иллюстрированных книгах 1740—1860 гг.», в № 2 — «Азбуки 1760—1860 гг.», в № 7 — «Листовые азбуки», в 1912 г. в № 4 — «К. Я. Тромонин, его издания и работы», в № 6 — «Театральный альбом 1842 г.».

В журнале «Старые годы» (1913, № 3) помещена заметка «Несколько неизвестных марок русского фарфора».

В журнале «Голос минувшего» (1913 г., в № 5) — статья «Поэт и типограф-любитель Н. Е. Струйский» и в № 10 — заметка «Одна малоизвестная русская политическая карикатура».

Осенью 1913 г. издана книга «Русские граверы и литографы». Добавление к «Словарю русских граверов» Ровинского и «Описанию нескольких гравюр и литографий» Тевяшова (М., 1913 г., 4^о) с приложением 43 снимков.

Печатается и к осени 1914 г. выйдет «Каталог русских иллюстрированных книг и альбомов 1725—1860 гг.», заключающий подробное описание около 4000 изданий⁴.

(ф. 377, II собр.)

Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВ (1840—1919)

Пантелеев, Лонгин Федорович, православного исповедания. Родился 6 октября 1840 г. в Сольвычегодске, где мой отец был начальником инвалидной команды; от него я остался на шестом месяце.

Дед мой был солдат из крестьян Московской губернии; отец из кантонистов дослужился до офицерского чина. Мать вологжанка, старинной купеческой фамилии Поповых-Введенских, родоначальником которой был «поп от Веденья», как говорят в Вологде.

Первоначальной грамоте обучался в вологодском женском монастыре; в 1850 г. поступил в вологодскую гимназию, сначала приходящим, а через год был принят пансионером на дворянский счет. Гимназию кончил в 1858 г. и тогда же поступил в С.-Петербургский университет по

¹ К автобиографии (машинопись) приложено сопроводительное письмо от 10 января 1911 г.

² А. С. Шишков (1754—1841) — государственный деятель и писатель, вице-адмирал, глава «Беседы любителей русского слова» (1811—1816), президент Российской Академии (в 1813—1841 гг.).

³ Окончил гимназию в 1887 г. (см. заметку о Н. А. Обольянинове неустановленного лица. — ГПБ, ф. 443, № 263, л. 1).

⁴ См.: Обольянинов Н. А. Каталог русских иллюстрированных изданий. 1725—1860. В 2-х т. М., 1914—1915.

юридическому факультету. Когда состоялось разделение этого факультета на два отделения, чисто юридическое и административное, то я выбрал последнее. Должен был кончить курс в 1862 г., но в 1861 г. за участие в осенней истории¹ был исключен из университета, так что выпускные экзамены сдавал (в особой комиссии) в 1863 г. Степени кандидата, однако, не получил, так как не представил диссертации, почему и считаясь действительным студентом.

Из обязательных лекций исправно посещал только лекции <К. Д.> Кавелина, <В. Д.> Спасовича, Б. <И.> Утина, у других профессоров едва показывался; зато был усердным слушателем <Н. И.> Костомарова и <М. М.> Стасюлевича. Все время студенчества жил заработками от журналов.

У меня еще в гимназии сказалась любовь к чтению, особенно книг исторического содержания. Интерес к истории обнаружился ранее, чем перешел в 3-й класс, где начиналось преподавание русской истории. Потом познакомился с учителем истории Константином Ивановичем Лебединским, который иногда давал мне кое-какие книги (например, <М. С.> Куторги, <П. Н.> Кудрявцева); но вообще книг было крайне мало и доставать их <было> необыкновенно трудно.

С четвертого класса началось знакомство с изящной литературой, но кроме Пушкина, Лермонтова, Гоголя почти не шло далее хрестоматии <А. Д.> Галахова. Из переводов каким-то чудом удалось мне прочитать «Дон-Кихота» (в переводе <К. П.> Масальского), но без окончания, да нескольких романов Вальтера Скотта, то и другое с увлечением. В 6 и 7 классах, благодаря одному товарищу, отец которого выписывал журналы, я получил возможность довольно регулярно читать «Русский вестник», «Библиотеку для чтения», «Современник». Я особенно увлекался «Русским вестником» и в нем обличительной литературой с «Губернскими очерками» во главе; вместе с тем у меня стал обнаруживаться и большой интерес к политико-экономическим статьям. С переездом в Петербург сказалось преобладающее влияние «Современника», но не сразу. После недолгого увлечения Майковым, Фетом и др., я всецело стал на сторону Некрасова, а из иностранных поэтов — Гейне (в переводах, так как немецким языком не владею). Из капитальных книг ни одна не оказалась на меня такого глубокого влияния, как «История цивилизации <в Англии>» Бокля.

Но вот настал 1861 г. с его осенней студенческой историей, пребыванием в Петропавловской крепости, началом политической агитации; затем разразился 1863 г. и в конце концов 11 декабря 1864 г. я был арестован, а в 1866 г. очутился в Сибири, где и оставался до конца 1874 г., когда получил разрешение вернуться в Россию²; право жительства в Петербурге — лишь через два года³.

Еще в 1861 г. в «Светоче» (кн. VIII) была напечатана моя статья «Новый наставник русского народа» (по поводу брошюры Погодина)⁴; в Сибири было не до писательства (служил на частных золотых приис-

¹ Известные студенческие волнения, приведшие к закрытию университета.

² Во второй автобиографии Л. Ф. Пантелеев сообщал: «Арестованный в декабре 1864 г., судился в Вильно военно-полевым судом и за участие в тайном обществе «Земля и воля», а также за посредничество между русскими и польскими революционерами был приговорен на 6 лет каторжных работ в Сибири».

³ Согласно второй автобиографии, Л. Ф. Пантелеев поселился в Петербурге в начале 1877 г.

⁴ Имеется в виду брошюра М. П. Погодина «Красное янчко для крестьян» (1861). Подробнее об этом см.: Первые литературные шаги. [Сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911], с. 146—147; см. также: Пантелеев в Л. Ф. Воспоминания. [М.; Л.], 1958, с. 492—493. 786.

ках); впрочем, в «Голосе» и «Петербургских ведомостях» было несколько моих корреспонденций.

По возвращении в Россию жил одно время на Кавказе, а там в 1875-6 гг. в «Тифлисском вестнике» иногда появлялись мои фельетоны (псевдоним — «Актолик») и публицистические статьи. Поселившись в Петербурге, принялся за книгоиздательское дело; в то же время в «Отечественных записках» летом 1879 г. были помещены два моих рассказа (из сибирской жизни) — «Макар» и «Тунгусская примадонна». Но затем почти пятилетний, на этот раз добровольный, отъезд на Амур и в Якутскую область опять оторвал меня от связей с литературой. Скончательно устроившись в Петербурге в 1885 г., я стал принимать несколько деятельное участие в основанном Ядринцевым⁵ «Восточном обозрении», где кроме публицистических статей поместил вторую половину «Макара». Корреспондировал в «Русские ведомости» (главным образом из-за границы), иногда печатался в «Сыне отечества», редакции С. Н. Кривенко. Но вообще я тогда отнюдь не считал себя профессиональным литератором (даже часто не подписывался) и на свою литературную деятельность смотрел только как на дающую мне некоторый ценз, чтобы быть членом разных литературных обществ. Но в 1901 г. Сипягину угодно было выслать меня на три года из Петербурга и большей части России⁶. Вынужденный досуг заставил меня взяться за перо. Кроме довольно частых корреспонденций и политических фельетонов в «Русских ведомостях» я поместил там большую часть моих воспоминаний из раннего возраста и студенчества⁷.

Когда вернулся в 1904 г. в Петербург, меня захватила волна начинавшегося движения и я стал довольно часто выступать с публицистическими статьями и заметками в «Новостях», «Руси», «Сыне отечества», «Наших днях», «Нашей жизни», «Товарище», «Стране», «Слове», «Речи» и позднее в «Спб. ведомостях» и «Вопросах жизни». В «Речи» печатаюсь и до сего дня.

В «Русском богатстве» были помещены мои статьи: «Назарей в Венгрии», «Из воспоминаний о гимназии 50-х годов» (еще за время Н. К. Михайловского) (т. е. 1892—1904 гг. — М. Э.) и в последние годы — «Из истории первых лет Университета св. Владимира», «Закрытие Виленского университета», в «Былом» и «Минувших годах» тоже есть несколько моих статей и заметок. Из провинциальной печати, кроме «Тифлисского вестника», кое-что помещал в «Северном крае» (редакции Д. И. Шаховского). Отдельно выпущены мною три книжки: «Из ранних воспоминаний» и «Из воспоминаний прошлого» (в двух частях).

В Кракове был издан перевод моих писем к профессору М. Здзеховскому (по польскому вопросу)⁸; в Варшаве в «Pravda» печатались те главы из моих воспоминаний, которые имеют интерес для поляков; в Петербурге «Dziennik Petersburni» поместил перевод «Из прошлого польской ссылки в Сибири» (на русском языке появились в № 5 <за> 1910 г. «Сибирских вопросов»). Больше ничего о переводах не знаю.

---

⁵ Н. М. Ядринцев (1842—1894) — видный сибирский публицист и общественный деятель.

⁶ Подробнее об этом см. в статье С. А. Рейсера «Л. Ф. Пантелеев» (в кн.: Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 13—14). Д. С. Сипягин (1853—1902) — министр внутренних дел (с 1899 г.).

⁷ Сводку библиографических данных см. в кн.: Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 700—702.

⁸ Польский вопрос. Открытое письмо к проф. М. Здзеховскому. Krakow, 1905 (на рус. и пол. яз.). Мариан Здзеховский (Zdziechowski) (1861—1938) — историк славянской культуры и литературы, литературный критик, публицист.

Рецензий на мои книжки было немало, в общем благоприятные.

С начала моей издательской деятельности (1877 г.) и по сей день мною выпущено свыше 260 изданий, считая в том числе и повторные, на сумму (номинальную) близкую к 1 миллиону руб.⁹

Россию исколесил от Ченстохова до Владивостока и от Вологды до Самарканда и Одессы. В Европе не заглядывал только в Норвегию и Сан-Марино, зато побывал в Северной Африке, Египте и Японии.

Л. Пантелеев
(ф. 377, 1 собр., № 2112)

В. Г. ЧЕРТКОВ (1854—1936)¹

В конце 1883 года, узнав о том, что Л. Н. Толстой, о котором он до сих пор знал только как о романисте, проповедует близкие ему взгляды на военную службу, Чертков познакомился с ним в Москве, проездом из Воронежской губернии². Л. Н. Толстой явился для него первым человеком, вполне убежденно разделявшим отрицательное отношение к военной службе. Хотя внутренний переворот и перелом в образе жизни и деятельности Черткова совершились за несколько лет до его встречи с Л. Н. Толстым и к взглядам своим он пришел независимо от всякого «толстовского» влияния, тем не менее знакомство его с Л. Н. Толстым и последующее близкое общение с ним глубоко и сильно отразилось на душевном развитии Черткова и значительно помогло ему окончательно выяснить свое общее понимание жизни. В свою очередь, и Чертков для Л. Н. Толстого был тоже почти первым единомышленником... С первого же знакомства между ними завязалось живое общение, отразившееся в их обширной взаимной переписке (более 900 писем)³. В 1884 г. умер отец Черткова, завещав все большое наследство оставшейся после него жене в пожизненное владение, так как, зная убеждения своего сына, опасался, чтобы тот не роздал землю крестьянам и вообще не растратил бы состояние на какие-нибудь «идейные» предприятия<...> После смерти отца <Чертков> счел своей нравственной обязанностью жить со своей матерью, оставшейся совершенно одинокой и жившей зимою в Петербурге, а часть лета за границей. Но не переставая стремиться быть полезным крестьянскому населению, <он> искал деятельности, куда <...> мог бы разумно применить свои силы, и с этой целью мысли его останавливались на двух отраслях, колебаясь в выборе — на учреждении не существовавших тогда еще организаций для поощрения кустарных промыслов или же на издании и распространении среди народа хороших просветительных книг и картин. Так как Л. Н. Толстой в то время интересовался этой последней областью, то Чертков и остановил свой выбор на ней. Таким образом, в 1884 году в Черткове произошла вторая резкая перемена — он перешел от земской деятельности к издательской, просветительской. У образовавшегося вокруг Л. Н. Толстого кружка радетелей народной литературы явилась мысль издавать народный журнал. С этой целью Чертков вместе с другом своим П. И. Бирюковым вступил в сно-

⁹ См.: Безгин И. Г. 1) Издания Л. Ф. Пантелеева. 1877—1895 гг. [Каталог]. Спб., 1895; 2) Издания Л. Ф. Пантелеева. 1895—1907 гг. Спб., 1907.

¹ Из биографии, составленной А. К. Чертковой и А. П. Сергеевко.

² Знакомство В. Г. Черткова с Л. Н. Толстым состоялось после 13 октября 1883 г. См.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1958, с. 563—564.

³ См.: Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934. (Гос. Толстов. музей).

шение со многими русскими литераторами, заручился сочувствием Л. Н. Толстого, очень поощрявшего его в этом деле, и обеспечил прочное материальное положение этого предприятия привлечением к нему сочувствия известного богача К. М. Сибирякова. Но издание журнала не смогло осуществиться из-за крайних цензурных стеснений. Одновременно с этим Чертков вместе с тем же Бирюковым предпринял издание книжек-листовок для народа, основан в 1885 г. издательство «Посредник»⁴. К делу были привлечены многие сотрудники, в числе которых были такие, как писатели Лесков, Островский, Потехин, Гаршин, Эртель, Барыкова и многие др. С последними тремя у Черткова завязалась тесная дружба, не прекращавшаяся до самой их смерти. Большой поддержкой издательство пользовалось со стороны Л. Н. Толстого, написавшего для него свои известные народные рассказы, тексты к лубочным картинам и др. и вообще принимавшего в издательстве советами и личным содействием самое горячее участие⁵. Лучшие художники того времени, с Крамским и Репиным во главе, с живым сочувствием отозвались на призыв принять участие в этом народном издательстве путем иллюстраций книжек и популярного издания лучших картин русской школы. Войдя в соглашение с известным книгоиздателем И. Д. Сытиным, Чертков напечатал народные издания в сотнях тысяч экземпляров⁶. Можно смело сказать, что только с этого времени хорошая книга и получила доступ в народ, расходясь среди него в миллионном количестве. Печатались также особая серия изданий с полезными сведениями по всем отраслям практической жизни, изложенными в форме, доступной самому малограмотному читателю. Через несколько лет после возникновения «Посредника» <в 1891 г.> при нем был основан другой отдел, «для интеллигентных читателей», но главное внимание по-прежнему уделялось народным изданиям. В 1886 г. Чертков женился на Анне Константиновне Дидерихс, дочери генерала. А. К. примкнула с самого начала к делу «Посредника» и первое время Черткову, П. И. Бирюкову и <ей> приходилось только втроем нести на своих плечах все это большое и сложное дело⁷. Во главе «Посредника» Чертков стоял, как издатель и редактор, до 1893 г. В этом году произошла третья крупная перемена в его деятельности. Как издателю, ему постоянно приходилось иметь сношения с цензурой, соглашаясь на все ее урезки и всячески прилаживаясь к ее требованиям, сводившимся к вытравливанию из готовившихся изданий всего, по мнению издателей, самого существенного и нужного для читателей. Это

⁴ О деятельности В. Г. Черткова в «Посреднике» см. также воспоминания И. И. Горбунова-Посадова «О моих учителях и товарищах по работе». — В кн.: Сорок лет служения людям. Сб. статей, посвящен. общ.-лит. и книгоизд. деятельности И. И. Горбунова-Посадова/Под ред. Н. Н. Гусева и М. В. Муратова. М., 1925, с. 130—133.

⁵ См. публикацию А. К. Чертковой отрывков из писем Л. Толстого к В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову. — В кн.: Толстовский ежегодник 1913 г. [М.; Спб., 1914], с. 1—140.

⁶ Подробнее об этом см.: «Посредник». — В кн.: Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960, с. 62—66. См. также: Чертков В. И. Д. Сытин и «Посредник». — Там же, с. 229—230; Бирюков П. И. Д. Сытин и дело «Посредника». — Там же, с. 236—239; Лебедев В. К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И. Д. Сытин и К^о». — Рус. лит., 1969, № 2, с. 209—212; Динерштейн Е. А. Во имя благого дела (Л. Н. Толстой, И. Д. Сытин и «Посредник»). — Книга. Исслед. и материалы, 1978, сб. 37, с. 70—97.

⁷ Далее А. К. Чертковой (с примечанием: «Совсем не место. А. Ч.») зачеркнуто: «Ставши женой Черткова, Анна Константиновна, несмотря на слабость своего здоровья, часто развивавшуюся в острые заболевания, всегда участвовала душой во всей его деятельности и во всех его предприятях, поддерживая своего мужа в его, иногда весьма тяжелых, затруدنениях и вообще служа центром вдохновения и энергии для образовавшихся вокруг них кружка сотрудников и помощников».

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков

неизбежное для всякого издателя пособничество в деле заглушения правды всегда тяготило Черткова. И, наконец, Чертков почувствовал, что не может продолжать входить в компромисс с цензурой и потому счел себя вынужденным отказаться от дальнейшего заведывания делом «Посредника», которое он передал в руки друзей и сотрудников своих П. И. Бирюкова и И. И. Горбунова⁸ <...>

С 1894 г. по 96 г. Чертков, проводя каждое лето около Ясной Поляны <в Деменке>, занимался переписыванием, собиранием и распространением сочинений Толстого.

В связи с практическими работами Льва Николаевича Владимир Григорьевич оказывал ему ту помощь, в которой Толстой тогда больше всего нуждался, так как дочери его были в то время еще юны и неопытны, а гр. Софья Андреевна стала равнодушно относиться к писательской деятельности Льва Николаевича с тех пор, как он занялся преимущественно писаниями не художественными, а религиозно-философского или общественного характера и когда одновременно с этим перестал брать гонорар за свои сочинения.

За несколько лет накопившиеся бумаги Льва Николаевича были разобраны и приведены в порядок его преданным другом, дорожившим каждой страничкой Толстого, причем некоторые еще не переписанные и неиспользованные рукописи Льва Николаевича Черткову удалось отыскать среди кучи ненужных бумаг, заваливавшихся за шкапами. У Толстого никогда не было постоянного или платного переписчика, и неиспользованные рукописи Льва Николаевича Черткову удалось Николаевич не любил обрабатывать по своей оригинальной рукописи.

⁸ Ср. с публикацией А. К. Чертковой «Из моих воспоминаний» (в кн.: 40 лет служения людям, с. 18—24).

Он писал всегда очень тесно и густо, не оставляя места для поправок, и если начинал исправлять по оригиналу, то потом сам с трудом разбирался в своих перечеркнутых поправках и вставках (образчиком подобной рукописи может служить черновик его повести «Евгений Иртенъев», озаглавленной им впоследствии «Дьявол»). Зная это, Чертков, приезжая гостить в Ясную, старался подогнать переписку, необходимую для дальнейшей обработки Льву Николаевичу и иногда дни и ночи прожитывал над перепиской для того, чтобы к следующему утру все сработанное Львом Николаевичем накануне лежало на его столе в переписанном набело виде. С этой же целью он завел в Ясной ремингтон, на котором дочери Льва Николаевича стали переписывать для своего отца; он же организовал правильную регистрацию и копирование писем Льва Николаевича, которые до тех пор отсылались без оставления копии и даже без записи, и теперь об очень многих письмах этих, рассеянных по всему свету, невозможно найти никаких следов. Позднее Чертков доставлял Льву Николаевичу то переписчиков, то способных помощников по секретарской части (каковыми, напр., за последние 4 года были <Н. Н.> Гусев и <В. Ф.> Булгаков), что Толстой очень ценил, так как с его исключительно огромной корреспонденцией ему самому невозможно было справляться даже с помощью преданной ему дочери Александры Львовны, занятой большую часть дня перепиской то новых произведений отца, то его «Дневников»⁹.

Во-вторых, Чертков взял на себя устройство и наблюдения над правильным появлением в печати одновременно в России и за границей на разных языках всех *новых* произведений Толстого, тогда как сам Л. Н. был очень непритячен в этом отношении и довольно равнодушно относился к тому, где и кто будет печатать его новые произведения, вследствие чего они появлялись только на русском языке и часто в мало распространенных изданиях, а за границей — только в виде изуродованных извлечений или односторонних рецензий.

Поселившись <в 1897 г.> в Англии в местечке Пэрлей, а затем около г. Крайстчерч (в 150-ти верстах от Лондона), Чертков занялся издательской деятельностью <...>

Предприняв свое издательство в Англии, Чертков устроил с этой целью хорошо оборудованную типографию, главным образом для печатания всех новых и прежних произведений Л. Н. Толстого, которые по цензурным условиям не могли появиться в России целиком, между прочим и романа «Воскресение» без цензурных пропусков, выдержавшего пять изданий, а также 10 томов предпринятого Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (написанных за период 1881—1896 г.), совершенно запрещенных тогда в России, одновременно с постоянно печатавшимися новыми произведениями Льва Николаевича, доставляемыми ему самим автором (иногда в оригиналах, иногда в копиях) для первого опубликования на русском и других языках <...> Таким образом, Чертков стал посредником между Львом Николаевичем и издателями его писаний в России и за границей, наблюдая за тем, чтобы они печатались в самых

---

⁹ Позднее А. К. Черткова добавила: «Лев Николаевич не раз в разговоре наедине со мной с умилением высказывал благодарность Владимиру Григорьевичу за его несравненную помощь и о том, как он, Лев Николаевич, „счастлив, имея такого друга“, и вместе с тем, по всегдашней скромности, прибавлял, что чувствует себя недостойным такой самоотверженной дружбы и находил, что Владимир Григорьевич преувеличенно дорожит всяким его словом, слишком много отдавая на это времени и сил. Однажды со мной с усилением высказывал благодарность Владимиру Григорьевичу за его не-*сдаю* вашу личную жизнь... И кто бы другой делал бы для меня то, что ваш муж делает...».

распространенных органах и без малейших пропусков или искажений; вследствие этого подлинные статьи Толстого стали читаться миллионами людей, разбросанными по всему миру.

Другая отрасль издательства Чертковых были «Листки» и «Сборники» «Свободного слова», а позднее журнал «Свободное слово», выходящий приблизительно ежемесячно¹⁰. В журнале «Свободное слово» сообщались сведения о сектантском движении в России и о гонениях за веру, особенно жестоких в то время. Так как в первое время пребывания Черткова в Англии за границей не было внепартийного русского органа, предававшего гласности творящиеся в России правительственные злоупотребления вообще, и Черткову постоянно направлялись такие сведения с Родины, то он считал своим долгом предоставлять и им место на страницах своего журнала до появления за границей органа г. Струве «Освобождение», куда он впоследствии стал направлять такой материал. (Всех «Листков свободного слова» — 14; 2 сборника и журнала «Свободное слово» 18 №№). Кроме того, издательством «Свободное слово» выпущено несколько книг и брошюр других авторов, родственных по духу Толстому, по религиозным и общественным вопросам.

Одновременно с русским заграничным книгоиздательством Чертковым было организовано английское «The Free Age Press», печатавшее сочинения Л. Н. Толстого и других однородных с ним по воззрениям авторов. Один из главных переводчиков сочинений Толстого на английский язык был сам Чертков. Деятельность Черткова в Англии состояла также в чтении лекций об экономическом и государственном положении Англии и России, выступлениях по общественным вопросам на публичных митингах и статьях в английской печати по вопросам о смертной казни, земельном вопросе, войне и др. Во время печатания романа «Воскресение» в иностранных переводах Л. Н. Толстой назначил Черткова своим уполномоченным по этому делу. И с этого времени Чертков стал единственным представителем Л. Н. Толстого по изданию всех его впервые появлявшихся сочинений за границей. Необходимость подобного представительства была вызвана зачастую появлявшимися в печати сочинениями Толстого в крайне искаженных переводах и даже в виде статей совершенно вымышленных, приписываемых перу Толстого. Кроме того, раз случайно появившаяся статья Толстого в каком-нибудь одном журнале или газете уже не перепечатывалась в изданиях других стран. Чертков устроил постоянные переводы сочинений Л. Н. Толстого на главные европейские языки одновременно с появлением их на русском языке. В течение всего пребывания Черткова в Англии Л. Н. Толстой беспрепятственно посылал ему свои рукописи, черновики, копии писем и дневники, и у Черткова образовался большой архив, для которого он построил в 1906 г. особенное огнеупорное здание. Со времени своей высылки из России Чертков лишь в 1905 г. получил первый раз разрешение въехать в Россию на короткое время для свидания с Л. Н. Толстым. В 1906 г. это было позволено ему во второй раз, а в 1907 г. он получил разрешение окончательно вернуться в Россию. В 1908 г. он с семьей поселился около Ясной Поляны на хуторе Телятинки, но через год, по доносам некоторых тульских дворян-помещиков, был выслан из Тульской губернии. Обратный въезд в нее ему был разрешен лишь через полтора года. За время высылки из Тульской губернии Л. Н. Толстой дважды навещал Черткова: однажды в имении Пашковых «Крекшино» под Москвой, второй раз — на даче в Мещерском по Московско-Курской железной до-

¹⁰ Издание началось в 1898 г. («Листки Свободного слова» редактировал В. Г. Чертков, сборники «Свободное слово» — П. И. Бирюков); журнал «Свободное слово» начал издаваться в 1902 г.

ге. Последние дни жизни Л. Н. Толстого Чертков провел около него безотлучно в Астапове, куда Л. Н. Толстой вызвал его, почувствовав близость смерти. После кончины Л. Н. Толстого Чертков явился, вместе с Александрой Львовной Толстой, главным исполнителем по смертных распоряжений Л. Н. Толстого в связи с его литературным наследием на основании полномочий Л. Н. Толстого.

Август 1913 г.
(ф. 377, 1 собр., № 2913)

А. К. ЧЕРТКОВА (1859—1927)

Из автобиографии

Переехав со всей семьей в Петербург, поступила на Бестужевские курсы в 1879 г.¹ и, пройдя два курса словесного отделения, перешла потом на естественный, прошла четыре курса, но на последнем экзамене заболела и так и не держала его. Еще будучи на курсах, начала работать при издательстве «Посредник» с самого начала его существования, т. е. с весны 1885 г., через посредство П. И. Бирюкова, с которым я незадолго до того познакомилась. Через него же я познакомилась с Л. Н. Толстым и с основателем «Посредника» В. Г. Чертковым. Осенью 1886 г. вышла замуж за В. Г. Черткова.

В течение первого десятилетия «Посредника» мне пришлось близко стоять к делу издательства и распространения народных книг. В последующий период редакторство «Посредника» перешло в руки П. И. Бирюкова и И. И. Горбунова-Посадова, и мое участие в «Посреднике» проявлялось лишь спорадически, хотя душою никогда не переставала сочувствовать этому делу.

Проведя в Англии безвыездно 10 лет, с увлечением занималась издательством «Свободное слово», в котором числилась издательницей, но, в сущности, исполняла функции корректорши, конторщицы, компиляторши и помощницы редактора, писала редакционные заметки, составляла №№ журнала «Свободное слово», вела сношения с типографией и проч.

Август 1913 г.

---

¹ С бестужевки А. К. Дидерихс (Чертковой) была написана картина П. А. Ярошенко «Курсистка».

А. К. Черткова

Л. Л. АЛЬБИНА

ВОЛЬТЕР КАК ЧИТАТЕЛЬ

К

руг читательских интересов Вольтера был исключительно широким и нашел отражение в переписке с друзьями, литературными агентами, издателями и книгопродавцами. Письма к Дамилявилю, Даржансону, Даржанталю, Тьерю, Бриассону, Крамерам, Ламберу изобилуют данными о недавно вышедших книгах, иногда встречаются списки сочинений, в которых Вольтер нуждался, обуславливаются суммы на их приобретение, нередко просьбы не задерживать присылку, жалобы на отсутствие источников в Ферне и т. д. Значительный материал содержится в письмах к авторам, посылавшим Вольтеру свои сочинения в дар и на отзыв. На основании переписки были составлены списки книг, прочитанных Вольтером в сирейский и берлинский периоды его жизни¹.

Однако эти данные не могут считаться исчерпывающими без учета материалов личной библиотеки Вольтера, в которой сохранились (помимо других) многие из упомянутых в переписке изданий. Книги библиотеки, служившие Вольтеру во все периоды жизни, позволяют более определенно и точно судить не только о круге его интересов и эрудиции, но о стиле и манере чтения, о времени ознакомления с отдельными произведениями, использованными, зачастую в качестве источников, необходимых для работы, об его отношении к прочитанным книгам, их авторам и т. п.

Настоящая статья не претендует на полное освещение всех аспектов темы и базируется в основном на материалах первых трех томов публикации «Корпуса» читательских помет Вольтера, подготовленных к печати в 1969—1976 гг. группой научных сотрудников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина². Пометы

---

¹ Wade I. O. *Voltaire and Madame du Châtelet: an essay on the intellectual activity at Cirey*. London, 1941, p. 205—212; Fontius M. *Voltaire in Berlin*. Berlin, 1966, S. 91—117.

² Об этом издании см.: Воронова Т. П. Издание «Корпуса» помет Вольтера. — Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 218—219; Taylor S. S. B. *Voltaire's marginalia: a preview of the forthcoming edition*. — *Studies on Voltaire and the eighteenth century*, 1975, [vol.] 135, p. 165—180.

Вольтера на полях, а также многочисленные и разнообразные следы внимательного чтения — отчеркивания строк и фраз, загнутые углы и поля страниц, закладки, бумажные наклейки и иные знаки, оставленные более чем на двух тысячах книг библиотеки, воспроизводятся в «Корпусе» во всей полноте. Первые три тома «Корпуса» занимают около 200 авторских листов. Все издание рассчитано на 8—10 томов, включая «Приложения». Описания семисот произведений, находящихся в первых трех томах «Корпуса», расположенные в порядке алфавита названий, охватывают разделы «А—F» «Каталога» библиотеки Вольтера³. Материалы первых трех томов «Корпуса» позволяют уже сейчас сделать ряд наблюдений и выводов об особенностях чтения Вольтера, внести новые, иногда существенные, детали в разработку темы. Это касается в основном вопроса об использовании Вольтером прочитанных книг при создании своих сочинений. Публикация читательских помет Вольтера позволяет глубже понять методику его работы, характер знакомства с литературными, историческими и иными источниками, процесс научного творческого осмысления и переосмысления содержащихся в них сведений. Впервые «Корпус» вводит в научный оборот весь комплекс читательских помет Вольтера, позволяющий объяснить многие его суждения о произведениях современников и книгах предшествующих эпох. Отдельные публикации помет Вольтера на полях сочинений Руссо, Дидро, Гельвеция, Кребийона, Бейля и Неккера были осуществлены в статьях К. Н. Державина, В. С. Люблинского и Л. С. Гордона⁴.

Чтение обычно полностью захватывало Вольтера (читал он быстро), впечатления были сильными и находили отражение в маргиналиях и письмах, написанных иногда в тот же день. Так, в десятых числах июня 1749 г., под впечатлением от присланной в дар книги Дидро «Письмо о слепых в назидание зрячим» (вышедшей 9 июня), Вольтер написал первое письмо ее автору: «Я с величайшим удовольствием прочитал Вашу книгу, которая рассказывает о многом и заставляет многое понять»⁵. В экземпляре «Письма о слепых» (№ 1037) множество закладок из обрывков черновиков (автографов), встречаются отчеркивания на полях и подчеркивания отдельных слов, пометы — немногочисленны. Возле диалога Саундерсона, слепого профессора математики и физики, с английским священником Холмсом о божественном происхождении живого организма, Вольтер заметил: «Мне кажется, что Саундерсон весьма скверно рассуждает» («Sanderson me paroît raisonner fort mal»)⁶. Помета перекликается с высказыванием Вольтера в письме к Дидро: «Я признаюсь Вам, что совершенно не согласен с мнением Саундерсона, который отрицает бога только потому, что родился слепым»⁷. Дидро ответил Вольтеру в почтительном тоне, приписав Саундерсону всю вину в атеизме.

³ Библиотека Вольтера. Каталог книг. М., 1961, с. 105—401. Далее в тексте при упоминании книг из библиотеки Вольтера указывается их номер по этому изданию.

⁴ Державин К. Н. Вольтер — читатель «Эмиля» Руссо. — Изв. Акад. наук СССР, 1932, сер. 7, № 4, с. 317—339; Люблинский В. С. Маргиналии Вольтера. — В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Л., 1947, с. 115—173; Гордон Л. С. Вольтер — читатель Бейля и Неккера. — В кн.: Французский ежегодник. 1961. М., 1962, с. 469—480.

⁵ Voltaire's correspondence. Ed. by Th. Besterman, Genève, 1965, vol. 17, № 3400. Далее: Voltaire's correspondence.

⁶ Здесь и далее во французском оригинале сохраняется орфография и пунктуация Вольтера.

⁷ Voltaire's correspondence, vol. 17, № 3400.

Вольтер. Портрет работы художника М. К. де Латура. Гравюра XVIII в.

Вольтер самым тесным образом связан с его критикой картезианства в «Философских письмах» и статьях «Душа» и «Картезианство» в «Вопросах к Энциклопедии». «Весьма несносная книга экс-иезуита по имени Ноннот, которому был дан ответ», — дописал Вольтер после заглавия книги своего противника, аббата Ноннота — «Ошибки Вольтера», вышедшей в 1766 г. (№ 2579). «Этот небольшой трактат принадлежит экс-иезуиту Нонноту, он является выдержкой из четырехтомного словаря, которым благочестивый человек непременно должен усыпить публику», — иронически отозвался Вольтер о другом сочинении Ноннота (№ 2580). Пометы эти совпадают с оценкой, данной Вольтером в одном из примечаний к поэме «Гражданская война в Женеве» (1768): «Это находится в книжонке экс-иезуита, озаглавленной «Ошибки Вольтера», в книжонке столь же переполненной ошибками, как и дурными рассуждениями»¹¹.

Многие из помет Вольтера не только по содержанию, но и стилю близки к высказываниям в переписке и произведениях. Его интонации везде звучат одинаково свежо и живо. Характерно письмо Вольтера к Дамилявилю от 19 ноября 1765 г., содержащее излюбленные общие оценки, часто встречающиеся в маргиналиях: «Разрушайте плоские декламации, жалкие софизмы, исторические неточности, противоречия, бесчисленные абсурдности, помешайте тому, чтобы люди здравого смысла стали рабами тех, кто им совсем не обладает»¹².

В маргиналиях же Вольтер нередко повторял оценки, приведенные прежде в письмах и сочинениях. На отдельном листе, вклеенном перед шмуцтитолом книги Гельвеция «Истинный смысл системы природы»

«Я проглотил сегодня книгу Болингброка... Болингброк — жалок», — писал Вольтер в письме к мадам Деши от 20 апреля 1754 г.⁸ В письме к Д'Аламберу от 1 марта 1773 г. Вольтер заметил: «Я прочитал, умирая, небольшую книжонку г-на Кондорсе, это столь же хорошо в своем жанре, как и похвальные слова Фонтенеля». В тот же день Вольтер написал автору о том, что получил его «маленькое золотое произведение» и прочитал «немедленно»⁹.

Под впечатлением от чтения книги Дариграна «Анти-финансист» (8 января 1764 г.) Вольтер писал Дамилявилю 14 января: «Я благодарю Вас за «Анти-финансиста». Произведение это наглое и неосновательно от начала до конца»¹⁰.

Пометы, сделанные Вольтером в процессе чтения, в большинстве своем находились в тесной связи не только с его письмами, но и произведениями.

Так, маргиналии Вольтера на сочинения Декарта самым тесным образом связаны с его критикой картезианства в «Философских письмах» и статьях «Душа» и «Картезианство» в «Вопросах к Энциклопедии». «Весьма несносная книга экс-иезуита по имени Ноннот, которому был дан ответ», — дописал Вольтер после заглавия книги своего противника, аббата Ноннота — «Ошибки Вольтера», вышедшей в 1766 г. (№ 2579). «Этот небольшой трактат принадлежит экс-иезуиту Нонноту, он является выдержкой из четырехтомного словаря, которым благочестивый человек непременно должен усыпить публику», — иронически отозвался Вольтер о другом сочинении Ноннота (№ 2580). Пометы эти совпадают с оценкой, данной Вольтером в одном из примечаний к поэме «Гражданская война в Женеве» (1768): «Это находится в книжонке экс-иезуита, озаглавленной «Ошибки Вольтера», в книжонке столь же переполненной ошибками, как и дурными рассуждениями»¹¹.

Многие из помет Вольтера не только по содержанию, но и стилю близки к высказываниям в переписке и произведениях. Его интонации везде звучат одинаково свежо и живо. Характерно письмо Вольтера к Дамилявилю от 19 ноября 1765 г., содержащее излюбленные общие оценки, часто встречающиеся в маргиналиях: «Разрушайте плоские декламации, жалкие софизмы, исторические неточности, противоречия, бесчисленные абсурдности, помешайте тому, чтобы люди здравого смысла стали рабами тех, кто им совсем не обладает»¹².

В маргиналиях же Вольтер нередко повторял оценки, приведенные прежде в письмах и сочинениях. На отдельном листе, вклеенном перед шмуцтитолом книги Гельвеция «Истинный смысл системы природы»

⁸ Ibid., vol. 24, № 5132.

⁹ Ibid., vol. 84, № 17158, 17159.

¹⁰ Ibid., vol. 54, № 10804.

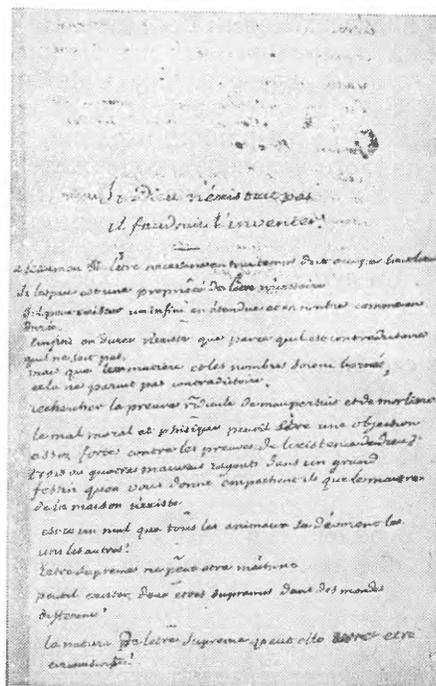
¹¹ Voltaire. Oeuvres complètes. Paris, 1877, t. 9, p. 535, note 1.

¹² Voltaire's correspondence, vol. 59, № 12123.

(1774), Вольтер написал фразу, ставшую впоследствии широко известной: «Если бы бога не было, его следовало бы изобрести» (№ 1613). Впервые это высказывание встречается в его стихотворном послании 1769 г. автору сочинения «О трех обманщиках»¹³. Это важное для утверждения своей философской позиции замечание Вольтер повторил в другом произведении «Речь мэтра Беллеге, бывшего адвоката» (1773): «Таким образом, бог необходим миру в любом смысле, и можно сказать вместе с автором «Послания» кропотелю плоской книги «Три обманщика»: «Если бы бога не было, его следовало бы изобрести»¹⁴.

Нередко Вольтер несколько раз возвращался к прочитанному, широко используя маргиналии, сделанные во время чтения. Так, издание трагедий известного драматурга XVIII в. Кребиллона (1750) Вольтер прочитал, сопроводив многими пометами сразу после получения. В письме к Даржанталю от 13 июля 1751 г. он писал о «варварских стихах, напечатанных в Лувре»¹⁵. Позднее, после смерти своего соперника, в памфлете «Похвальное слово господину Кребиллону» (1762) Вольтер возвращается к этому изданию, цитирует стихотворные отрывки, отмеченные маргиналиями и иными знаками чтения. Свои впечатления он вновь выразил в письме к Даржанталю от 23 июля 1763 г.: «Поскольку в Лувре напечатан несравненный «Триумvirат» неподражаемого Кребиллона, я полагаю, что смог бы сделать нечто столь же скверное, не претендуя на почести Лувра»¹⁶. Факт этот особенно задевал Вольтера, произведения которого (в отличие от Кребиллона) никогда не печатались в Королевской Луврской типографии¹⁷. Работая над «Посланием к Д'Аламберу» в 1770—1771 гг. Вольтер привел отрывки из трагедии Кребиллона «Атрей и Тиест», отмеченные при чтении издания 1750 г.¹⁸ В письме к графине Даржанталю от 11 января 1771 г. Вольтер писал: «Я пересмотрел его „Атрей“, он показался мне могилой здравого смысла, грамматики и поэзии. Можно считать, что это сочинение гениального вандала, плохо знающего наш язык»¹⁹.

Разумеется, не всегда существовала прямая, отраженная в маргиналиях, связь между книгами, использованными в качестве источников,

Пометы Вольтера на чистом листе перед титулом книги Гельвеция «Истинный смысл системы природы». Гаара, 1774

¹³ Voltaire. Op. cit., t. 10, p. 403.

¹⁴ Ibid., 1879, t. 29, p. 10.

¹⁵ Voltaire's correspondence, vol. 19, № 3933.

¹⁶ Ibid., vol. 52, № 10492.

¹⁷ Люблинский В. С. Указ. соч., с. 124.

¹⁸ Voltaire. Op. cit., t. 10, p. 429—434, note 4.

¹⁹ Voltaire's correspondence, vol. 78, № 15928.

и произведениями Вольтера. Не всегда можно встретить знаки чтения на книгах, прочитанных им. Например, книга Дюкло «Рассуждения о нравах века» представлена в библиотеке Вольтера в четвертом издании (1764) без каких-либо следов чтения. Вольтер, вероятно, читал ее в одном из более ранних изданий, так как отзыв об этой «неплохой» книге «честного человека», содержится в его письме от 4 июня 1760 г.²⁰

На книге Ларше 1767 г. (№ 1923), как и на многих других произведениях, с которыми Вольтер полемизировал, нет никаких знаков чтения. Известно, тем не менее, что Вольтер не только ознакомился с ней, но в том же году подверг жестокой критике в своем сочинении «Защита моего дяди». Быстрота, с которой Вольтер ответил, дает основания предположить, что он читал книгу Ларше по экземпляру, сохранившемуся в его библиотеке.

Однако в большинстве случаев книги библиотеки Вольтера помогают непосредственно проследить его работу над источниками на всех этапах и во всех деталях. Так, во время работы над «Комментариями к Корнелию» (1762) Вольтер располагал вначале одним изданием «Сида» (1644), которое сохранилось в его библиотеке (№ 867). Оно испещрено исправлениями, замечаниями, добавлениями, сделанными Вольтером и одним из его секретарей. В сентябре 1761 г. Вольтер писал Дюкло о получении другого издания сочинений Корнелия (1664 г.), ставшего рабочим экземпляром. Именно по нему Вольтер в «Комментариях к Корнелию» цитировал стихи, подчеркнутые или отмеченные при чтении закладками, воспроизводил отрывки и выражения, вызвавшие у него особенно резкую критику (№ 862).

Как правило, чтение являлось для Вольтера исходным моментом при создании того или иного сочинения. Многие из маргиналий носили характер заметок, тесно связанных с последующей работой. Несомненно, чтение 26-томного «Пословного комментария к Ветхому и Новому завету» Дом Кальме дало Вольтеру не только огромный запас сведений, но послужило толчком к критике Священного писания при создании «Наконец разъясненной Библии» (1776). Вольтер читал труд Дом Кальме зимой 1739 г. в Сирейском замке вместе с маркизой дю Шатле (в некоторых томах встречаются закладки с ее пометами)²¹. Результатом этих занятий явилось сочинение маркизы дю Шатле «Изучение книги бытия», оставшееся в рукописи, обнаруженное и опубликованное американским ученым Айра Вейдом уже в нашем столетии²². После смерти маркизы дю Шатле книги были перевезены из Сире в Париж, где оставались до возвращения Вольтера из Берлина. В письмах к графине Бентинк Вольтер настойчиво просил приобрести для него труд Дом Кальме. Шарль де Бросс в письме к барону Жемо от 31 декабря 1764 г. писал о Вольтере: «Он проводит жизнь, читая Кальме, откуда черпает эрудицию и куда добавляет свои эпиграммы»²³. Многочисленные ссылки на «Пословный комментарий» встречаются в сочинениях Вольтера: «Опыт о нравах и духе народов» (1756), «Бог и люди» (1769) и в статьях «Философского словаря» (1764—1765) и «Вопросов к Энциклопедии» (1770—1772). Более ста ссылок и цитат из «Пословного комментария» содержится в «Наконец разъясненной Библии». Форма «Пословного комментария» не только повлияла, но в известной степени обусловила характер построения сочинения Вольтера, методически опровергавшего аргументы уч-

²⁰ Ibid., vol. 42, № 8214.

²¹ Pomeau R. La Religion de Voltaire. Paris, 1969, p. 163; Wade I. O. Op. cit., p. 42.

²² Wade I. O. Op. cit., p. 43.

²³ Voltaire's correspondence, vol. 56, № 11434.

ного монаха-бенедиктинца. Многие из помет на книге Дом Кальме почти текстуально воспроизведены Вольтером в «Наконец разъясненной Библии». Пребывание Вольтера в 1754 г. в течение месяца в «местожительстве наук и мудрости», дружеские отношения с Дом Кальме, настоятелем Сенонского монастыря в Вогезах, не помешали Вольтеру использовать выписки из фолиантов творений отцов церкви и трудов вселенских соборов в исторической, филологической и философской критике Священного писания.

Широко использовал Вольтер 36-томную «Церковную историю» Клода Флери, послужившую ему одним из основных источников при написании «Опыта о нравах и духе народов». Полемические выпады против Флери встречаются в таких сочинениях Вольтера, как «Важнейшее исследование милорда Болингброка» (1767) и «Пирронизм в истории» (1768). Жестоко критиковал он Флери во многих статьях «Философского словаря» и «Вопросов к Энциклопедии».

В маргиналиях Вольтер обычно более определенно и резко формулировал свое отношение к книге и ее автору, четко, почти в афористической форме, приводил оценку, отличающуюся в ряде случаев от высказываний в письмах и произведениях. Сочинения драматургов XVIII в. вызывали наиболее острые и язвительные замечания Вольтера. Рассмотрение их вносит новые, порой неожиданные детали и оттенки в уже сложившиеся представления об отношениях Вольтера со многими его современниками. Замечания эти менялись в разные периоды, но для определенного момента дают верное представление о непосредственной реакции Вольтера при чтении. В. С. Люблинский справедливо отмечал, что «в целом ряде вопросов откровенность первых впечатлений чтения, бесспорно, имеет решающее значение»²⁴.

Несомненно, без полного учета и анализа всех высказываний Вольтера по определенному вопросу, нельзя достаточно убедительно судить о характере и значении его маргиналий. Окончательная систематизация многочисленных помет Вольтера возможна лишь после выхода всех томов «Корпуса» маргиналий. Следует отметить, однако, что среди разнообразных по содержанию и по форме читательских помет Вольтера, преобладают эмоциональные, полемические заметки, выразительные и яркие при всем своем лаконизме. Особенно характерны маргиналии Вольтера на сочинениях известных драматургов XVIII в. — Кребиллона-старшего, Беллуа, Лагарпа, Арно де Бакуляра и многих других, отличавшиеся, как правило, от его писем. Например, в письме к Лагарпу от 4 июня 1777 г. Вольтер писал: «Мой дорогой брат (по Академии), я получил от Вас почти одновременно два письма и „Монахиню“. Эта весьма чувствительная „Монахиня“ была хороша и станет много лучше. Я рассматриваю это произведение как одно из лучших на нашем языке»²⁵. В письме речь шла о драме Лагарпа «Мелани», (№ 1873), на титульном листе которой Вольтер добавил «Монахиня» («La religieuse»). В помете на одной из страниц драмы он написал: «Этот отрывок слишком длинен и отец не должен его слушать» («Ce morceau est trop long et le pere ne doit pas l'écouter») и далее: «Еще более длинен» («encor trop long»). Возле одного из диалогов Вольтер приписал: «Это скорее напоминает послание, чем диалог» («ceci est plus tot du ton d'une epitre que de celui du dialogue»). Против пространного монолога Мелани (принявшей яд) Вольтер заметил: «Надо говорить меньше, когда отравлен» («il faut parler moins quand on est empoisoné»).

²⁴ Люблинский В. С. Библиотека Вольтера. (Ист. очерк). — В кн.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 287.

²⁵ Voltaire's correspondence, vol. 96, № 19532.

62 MÉLANIE,

Il voit leur choc de loin, il court les séparer ;

Mais il est arrivé pour le voir expirer.

Monsieur, DE FAUBLAS.

Je perds tout.

SCENE IX. ET DERNIERE.

Les Acteurs précédens, MONVAL.

MONVAL, à Madame de Faublas sans voir Mélanie.

Ah ! quels maux acablent votre vie !

Le Ciel ! trop yengé les pleurs de Mélanie.

J'ai voulu vainement...

(Le Ciel est disposé de manière que Mélanie d'un côté du Théâtre est dans un fauteuil, ayant sa main à sa droite, penchée sur elle, quelques fleurs couronnées à sa gauche ; & de l'autre côté M. de Faublas est dans l'attitude de l'accablé. Le Ciel est auprès de lui.)

MÉLANIE.

O Monval !

MONVAL.

Quelle voix !

Ella m'appelle encore ! ah ! qu'elle-ce que je vois !

(Il tombe à genoux devant elle.)

MÉLANIE.

Ton amante qui meurt pour te rester fidèle.

Je viens pour t'aimer — ma mort est moins cruelle !

Puisque le pain du monde, j'allais ton chôn.

Tu vas me mourir pour la première fois.

DRAME.

MONVAL.

Tu m'aimes & tu meurs ! ô ! Mélanie ! ô ! rage !

MÉLANIE.

Un breuvage empoisonné m'arrache à l'esclavage.

De jour où je t'ai vu, je jurai d'être à toi,

L'amour à tous les deux dicta la même loi,

Ma main se soulevait, le Ciel en cadent

Ne m'eût fait rencontrer un tyran dans un pote,

Il verdit dans mon sein le poison des douleurs,

Plus cruel mille fois que celui dont je meurs,

Cet homme injuste & dur accabla Mélanie

Du poison qu'il reçut pour protéger ma vie.

Il vit mon desespoir avec tranquillité.

La nature en son cœur n'a jamais habité. —

La mort est dans le sein — les serpents le déchirent.

(Aux fleurs.)

O ! vous, que mes malheurs & ce spectacle aient,

Et vous qui réfléchez les feux dont j'ai brûlé,

Qui dormez sous ce maître où mes pleurs sont coulé,

Lèvez-vous à jamais, victimes malheureuses !

(Elle se lève avec effort soutenue par sa main & se dirige vers Mélanie. Monval reste appuyé sur sa main, la tête dans ses mains.)

Lèvez-vous, entendez mes hautes douleurs,

Accablés avec moi l'oppressé abhorré,

Dont je n'ai pu briser le cœur dévoré,

Dieux que le dernier cri de sa fille expirante,

Persécutée à jamais dans une tremblante,

Et s'il s'offre implorer au jour de son trépas,

Rejetez la prière & ne pardonnez pas.

LE CURÉ.

O ! ma fille ! abjurez ces sentiments coupables.

63

*el faux parle
monni quand
est-empoi
soné.*

Пометы Вольтера на полях драмы Ж.-Ф. Лагарпа «Мелани». Париж, 1770

Для читательской манеры Вольтера характерны были добавления замечаний, как правило саркастических, к тексту и ремаркам авторов. Так, в речи Родонвилье, произнесенной 11 июля 1774 г. во Французской Академии (№ 1068), где говорилось о качествах Кондамина, который «любил и видел все», в отличие от других путешественников, Вольтер язвительно добавил: «И ничего не сделал» (et n' a rien fait). К ремарке Арно де Бакуляра к трагедии «Файель» (№ 108), — «Габриэль плача» — Вольтер добавил: «Если она может» («si elle peut»). Рядом с ремаркой Беллуа к трагедии «Габриэль де Вержи» (№ 334): «Габриэль, весьма нежно», — Вольтер заметил: «Ах, мой друг, будь нежным, не объявляя этого» («Eh mon ami soit tendre et n' affiche point»). Такого же типа приписка добавлена к ремарке «Файель, со страстью»: «Ах, мой друг, привноси страсть и не настаивай на этом» («ah mon ami mets y de la violence et ne l'indique pas»). Здесь же слова Габриэли: «Прощай, моя душа улетает, унося твой образ» Вольтер снабдил ироническим замечанием: «У тебя слишком много здравого смысла для умирающей» («tu as trop desprit en mourant»).

Во многих пометах Вольтер писал о фактах заимствования у него (или у других авторов) мыслей, выражений, сведений, указывая на случаи прямого подражания, обращая серьезное внимание на стиль. «Стихи в подражание «Кребильону» («Vers a la Crebillon»), — написал Вольтер на полях трагедии «Габриэль де Вержи» (№ 334), далее он заметил кратко: «Мариво» (marivaux»). В «Зельмире», другой трагедии Беллуа (№ 338), Вольтер настойчиво отмечал: «Какое гнусное подражание «Магомету» («Quelle fade imitation de Mahomet»), «плохо под-

ражает Меропе» («mal imite de mérope»), «в этом произведении слишком много украденных полустижий» («il y a dans cet ouvrage trop demistiches pillez») и, наконец, «весьма награблено» («trop pillé»).

О стиле Беллуа Вольтер писал: «Какой беспорядок! Какое скопление невероятных вещей! Какой стиль!» («Quelle confusion! quel amas de choses improbables! quel stile!»). Стихи Ариосто (№ 101) Вольтер снабдил замечанием: «Заимствованно Лафонтемом, но не так хорошо» («Imité par lafontaine mais inférieurement») и далее: «Подражание Горацию» («imité dhorace»). В письме к издателю Панкуку от 29 сентября 1769 г. Вольтер отметил, что в его статье «Басня», написанной для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, имеется материал для «приятного сравнения басен, выдуманных Ариосто и заимствованных Лафонтемом»²⁶. В помете на полях отрывка из постановления Парижского Парламента (№ 125) Вольтер приписал: «Слишком подражает «Провинциальным письмам» (Паскаля.—Л. А.) и плохо подражает» («Trop imité des lettres provinciales, et mal imité»).

Вольтер, естественно, уделял серьезное внимание фактам, необходимым для работы, отмечал при чтении даты, события, цифровые данные, сведения о том или ином лице, предмете и т. д. Многие замечания (особенно на закладках) носили чисто справочный характер, облегчавший нахождение материала, привлечшего его внимание. В них повторялись имена, цифры, давалось краткое содержание главы, абзаца, статьи, делались выписки из наиболее заинтересовавшего Вольтера текста. Иногда эти сведения сопровождались ссылками на страницы. Таким способом Вольтер отметил многие статьи из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, внимательно и неоднократно им прочитанные и проштудированные, а также статьи «Исторического, литературного и критического словаря» Барраля. В пометах на некоторых закладках Вольтер четко указывал, для какой из его работ предназначались сведения, привлечшие его внимание. «Аннаты»,— отметил он на закладке в книге Дююи «Трактат о правах и свободах галликанской церкви» (№ 1178). В своей статье «Аннаты» (1770) в «Вопросах к Энциклопедии» Вольтер использовал данные, содержащиеся на отмеченных при чтении страницах сочинения Дююи²⁷.

Нередко Вольтер отмечал неточности, ошибки в датах, цифрах, конкретных сведениях и т. д. Поправки были фактическими, оценки — общими: «Неверно», «напротив», «ошибка», «химера», «какие химеры», «абсурд», «совсем не так», «ложь», «сомнительно», «болтовня», «фальшиво», «темно», «плоско», «какая глупость», «какая детская декламация», «весьма скверные рассуждения» и т. д. Некоторые замечания были полны раздражения, вызванного бездоказательностью положений автора: «Это заслуживает большего объяснения», «нужно было бы это доказать, это заслуживает труда», «да, но надо начать с доказательств», «предположения», «я в этом сомневаюсь», «вероятно, но нужно проверить».

Прямые выпады против автора облекались зачастую в форму непосредственного обращения к нему: «Ах палач!», «жалкий человек», «животное, для бога не имеет значения то, что он тобой хвалим», «идиот», «краснобай», «кто тебе это сказал?», «ах, бедняга Бейль, почему ты не читал Ньютона?», «глупец, чтобы писать трагедии, нужно сначала научиться писать», «ах, мошенник, напиши нам восхитительные стихи, но не говори актеру, чтобы он ими восхищался».

²⁶ Ibid., vol. 73, N 14944.

²⁷ Voltaire. Op. cit. Paris, 1878, t. 17, p. 258—260.

Возгласы негодования, как правило преобладавшие, перемежались с одобрительными восклицаниями. Вольтер всегда пытался воздать должное глубоким мыслям, интересным сравнениям, верным наблюдениям, совпадавшим с его собственными. Чаще всего одобрение выражалось кратко, одним или несколькими словами: «хорошо», «браво», «прекрасно», «великолепно», «сильно», «восхитительно», «интересно», «верно и тонко», «какая идея», «прекрасные стихи», «добрые рассуждения», «ново и забавно», «весьма хорошо», «очень верно, а значит и очень хорошо» и т. д. Некоторые из замечаний Вольтера носили характер наставлений, поучений: «Верно, но необходимо развить», «это слово добродетель заслужило немного большего толкования».

Серьезная, обстоятельная полемика с авторами отражена в маргиналиях Вольтера на сочинениях Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Монтескье, Бюффона, Неккера, Шатлю и многих других. Доброжелательный тон, хвалебные отзывы, согласие со многими положениями авторов, не мешали Вольтеру твердо отстаивать свое мнение, выдвигать возражения по существу, отмечать слабые места в книге. Несмотря на то, что маргиналии делались в процессе чтения, выражались они преимущественно в тщательной и завершенной форме и носили подчас самостоятельный характер. Такого рода полемические замечания Вольтера встречаются на парижском издании 1746 г. «Философских мыслей» Дидро (№ 1037) и на их издании 1777 г., вышедшем в Голландии без имени автора (№ 1038).

Чаще всего, возражения Вольтера выражались в форме конкретного суждения по тому или иному вопросу. Таковы его пометы на «Истории Франции» иезуита Даниеля, на сочинениях Дюбо, Дюгайана, на 36-томной «Церковной истории» Клода Флери и многих других. Иногда внешне беспристрастно, спокойно оперируя фактами, Вольтер указывал на ошибки, замечал неточности, приводил свое мнение. Таковы его пометы на отдельных статьях «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (№ 1216). Например, в статье «Капитулярый», там, где неизвестный автор сослался на мнение Монтескье об ассамблеях сенйоров и епископов при франках, Вольтер заметил: «Епископы собирались только при Пипине» («Les eveques ne furent assemblez que sous Pepin»).

Многочисленными были общие оценки всего произведения в целом, отдельных глав, статей, сцен, отрывков. Такого рода пометы встречаются чаще всего на титульных листах книг, форзацах, в конце сцены, акта, монолога и т. д. «Эта капуцинская галиматья была уничтожена полицией» («Ce galimatia saruscip a eté supprimé par la police»), — написал Вольтер на титульном листе сочинения Фиделя де По (№ 1339). Второй том «Мемуаров», написанных Лабомелем (№ 1794), отмечен Вольтером: «Переполнен смешными неточностями, также как и все последующие» («Rempli de faussetés ridicules ainsi que les suivants»). На форзаце 5-го тома «Истории евреев» Иосифа Флавия (№ 1743) Вольтер написал: «Примечание: полемические сочинения Иосифа содержат столько же лжи, как и его история, и еще больше скверных рассуждений» («Nota bene que les livres polémiques de Joseph contiennent autans de mensonges que son histoire, et de plus de tres mauvais raisonnements»). На обороте титульного листа «Мемуаров» Бакалар и Сана (№ 238) Вольтер заметил: «В этой книге много ошибок. Нужно ее сравнить с мемуарами маркиза де Торси» («Il y a beaucoup d'erreurs dans ce livre. il faut le confronter avec les memoires du marquis de torcy»). Сочинение Аббади (№ 6) Вольтер оценил следующим образом: «Это весьма достойно столь несносной книги. Бесчисленные возражения, неужели они ничего не значат? Имеется ли хотя бы одно против математических ис-

тин?» («Cela est bien digne de cet impertinent livre. des objections sans nombre ne sont elles rien? en fait on une seule contre des veritez matématiques?»).

В помете на полях 184-й страницы Вольтер заметил: «Я не думаю, чтобы когда-нибудь были написаны книги более наполненные паралогизмами и ошибками» («Je ne crois pas qu'on ait jamais fait de livres plus rempli de paralogismes et d'erreurs»). Перед тем, как отбросить книгу Аббади, Вольтер в раздражении написал: «Эти глупости приводят меня в ярость, я не могу больше тебя читать!» («ces sottises me mettraient en colere je ne peux plus te lire»).

Наиболее распространенным приемом Вольтера были краткие иронические вставки, добавленные к имени автора, названию книги, главы и т. д. К заглавию книги Ленге «Тетория гражданских законов» (№ 2136) Вольтер добавил: «Или теория парадоксов в пышных декламациях, в которых однако проявляется ум» («Ou theorie des paradoxes en declamations fastidieuses mais qui annoncent de lesprit»).

На титульном листе «Мемуара о регентстве герцога Орлеанского» Пиосанса (№ 2744), после слов «первый том», Вольтер приписал: «Где имеются только глупости и неточности» («Ou il ny a que des sottises et des faussetez»).

Заглавие сочинения Вире «Ответ на «Философию истории» (№ 3452) Вольтер снабдил язвительным: «Ответ глупца» («Dup sot»).

Свои мысли в пометах Вольтер выражал с большой экспрессией, обычно лаконично, в отточенной форме, повторяя иногда полюбившиеся ему высказывания. «Действительно, французы умертвили только трех королей — Генриха III, Генриха IV и Людовика XV» («Les français pont en effet assassiné que trois rois henri 3 henri 4 louis 15»), — иронически отметил Вольтер на полях книги Дариграна (№ 941), рядом с высказыванием автора о том, что «нет француза, который не любил бы своего короля так, как ребенок любит нежного отца». В помете на «Надгробном слове Людовику XV» епископа Бовэ (№ 311) он почти дословно повторил это высказывание. Возле слов Бовэ «о бессмертной верности и нежности французов к своим королям», о том, что «не было народа более достойного любви своих суверенов», Вольтер заметил: «И этот народ умертвил Генриха IV, Генриха III, Людовика XV и свершил Варфоломеевскую ночь» («et ce peuple assassiné henri 4 henri 3 louis 15 et a fait le St barthelemi»).

Наряду с маргиналиями, Вольтер широко использовал графические и иные, так называемые «немые» знаки чтения. Особенно часто применялись закладки без помет, отмечавшие необходимые для работы данные. Закладками для Вольтера служили разорванные (а иногда целые) письма, фрагменты черновики — автографов, счета, деловые и личные записки, игральные карты, обрывки (и целые номера) газет, корректурные листы, каталоги издательских фирм и т. д. Материалы эти помогают иногда установить время обращения Вольтера к данной книге, дополнить новыми штрихами картину его отношений с издателями и книгопродавцами, восстановить неизвестные дотоле письма и открыть новые имена среди корреспондентов. Некоторые черновики — автографы Вольтера содержат варианты его трагедий, оставшиеся неизвестными издателям.

Неоднократно встречаются на книгах подчеркивания отдельных слов, фраз, строк, вертикальные отчеркивания строк, абзацев, страниц, загнутые углы, наклейки на отдельных словах и т. д. Во многих книгах встречаются загнутые углы и поля страниц, содержащих сведения, использованные Вольтером впоследствии в его работе. Загнутый угол бро-

шюры Бонсера о феодальных правах (№ 460) привлекает внимание к произведению, изданному анонимно (с ложными выходными данными) в последние месяцы министерства Тюрго. Брошюра была осуждена Парижским парламентом и сожжена у подножия большой лестницы Дворца правосудия. Вольтер предполагал использовать это «великолепное произведение» (как видно из его письма автору от 8-го марта 1776 г.) для написания мемуара, адресованного Тюрго и Мальзербу²⁸. После осуждения брошюры Вольтер написал в марте 1776 г. памфлет «Письмо преподобного отца Поликарпа», едко высмеивавший генерального адвоката Сегье, автора обвинения сочинения Бонсера²⁹.

Для Вольтера характерны были однотипные отметки, принятые с начала чтения книги для выделения особо важного текста. В некоторых книгах встречаются только закладки, в иных наклейки или загнутые углы и страницы. Закладки и отчеркивания, например, преобладают на книге аббата Дероша «Защита христианства», на «Рассуждении о методе» и «Письмах» Декарта, сочинениях Буленвилье, Аристотеля, Дерхама и многих других. «Немые» знаки чтения нередко перемежаются с маргиналиями, создавая в целом своего рода конспект прочитанной книги, в котором Вольтер не только резюмировал свое восприятие, но и подготавливал материал для работы. Во многих произведениях и письмах Вольтер воспроизводил подчеркнутые фразы, цитировал отрывки текста, отмеченные наклейкой (или точками), ссылаясь на страницы, выделенные при чтении закладкой или загнутым углом. Например, отрывок текста из «Бесед Цицерона о природе бога» (№ 773), отмеченный точками, был дословно приведен Вольтером в его статье «Конец света» (1771) в «Вопросах к Энциклопедии»³⁰. В «Веке Людовика XIV»³¹ Вольтер широко использовал «Мемуары» Торси (№ 807), цитировал отдельные фразы, делал отсылки к тексту, находящемуся на страницах, отмеченных при чтении закладками, наклейками, загнутыми углами.

Рассмотрение «немых» знаков чтения помогает воссоздать рабочие, читательские приемы Вольтера, особенности сбора материала и характер использования той или иной книги при формировании его собственных сочинений. Методика работы Вольтера с книгой, огромное его трудолюбие, умение выделять важнейший материал, проявляются в «немых» знаках чтения достаточно определенно и красноречиво.

Личная библиотека всегда служила Вольтеру ценнейшим справочным аппаратом, источником, интенсивно использованным при создании исторических, философских, литературных произведений. Изучение маргиналий помогает глубже понять позицию Вольтера по отношению ко многим волновавшим его вопросам философии, истории, религии, экономики, морали, права, более четко определить его связи с предшественниками и современниками. Читательские пометы Вольтера, блестящие по форме, не утратившие полемического накала и общественного звучания, представляют огромный интерес для исследователей творчества великого писателя Франции.

---

²⁸ Voltaire's correspondence, vol. 93, N 18839.

²⁹ Voltaire. Op. cit. Paris, 1880, t. 30, p. 333—338.

³⁰ Ibid., 1879, t. 19, p. 142.

³¹ Ibid., 1878, t. 14, p. 55, 323.

**ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
В ИЗДАНИЯХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ТИПОГРАФИЙ
XVIII—XX вв.**

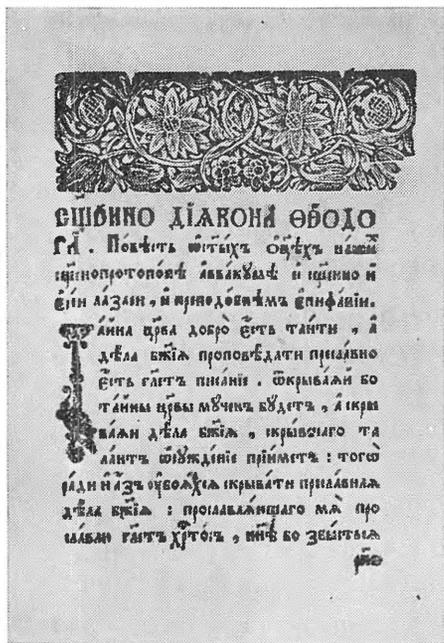

Истории русской дореволюционной культуры существует весьма значительная, но пока малоизученная часть, связанная с возникновением и развитием движения, именуемого старообрядчеством. На протяжении веков старообрядчество сознательно продолжало и развивало древнерусскую культурную традицию, создало на ее основе, по сути, свою собственную, давшую нам много замечательных произведений литературы и искусства, сумевшую сбечь в себе огромное число духовных ценностей Древней Руси.

Историками культуры, литературы и искусства изучались до сих пор, в основном, лишь отдельные моменты и факты истории культуры русского старообрядчества. Особенно много было сделано такими исследователями, как А. С. Пругавин, В. Г. Дружинин, В. И. Малышев. Их усилиями собран значительный материал, освоение которого в полной мере еще впереди. В наши дни центрами изучения культуры старообрядчества являются сектор древнерусской литературы Института русской литературы в Ленинграде, возглавляемый академиком Д. С. Лихачевым и ряд учреждений Новосибирска, где проводятся исследования под руководством профессора Н. Н. Покровского. Этими центрами, а также другими организациями СССР устраиваются ежегодные археографические экспедиции, результатом которых является приобретение нашими книгохранилищами многих тысяч интереснейших памятников отечественной письменности. Таким образом, потенциал изучения культуры старообрядчества, в основном литературы, год от года растет.

В настоящем сообщении мы остановимся на некоторых моментах истории старообрядческого книгопечатания, размах и значение которого для многомиллионной массы русского народа еще предстоит определить. К сожалению, общих специальных работ по этому вопросу нет. Исключение составляет лишь сохранивший некоторое свое значение очерк П. Мельникова-Печерского, посвященный деятельности отдельных типографий¹. Заметки и упоминания о книгопечатании старообрядцев

¹ См.: Мельников-Печерский П. Записка о старообрядческих типографиях в Клинцах, Махновке, Янове, Майдане Погапинецком». — Собр. соч. 2-е изд. Спб., 1909, т. 7, с. 352—375.

Первый лист «Повести об Аввакуме, Лазаре и Епифании» Федора Иванова из супрасльского сборника (ок. 1789 г.)

Варшава; здесь даны также сведения о типографии в Пишу)⁶ и книга по истории старообрядчества в Польше, в которой определенное место уделено и издательской деятельности старообрядцев в Пишу⁷.

Библиографический учет старообрядческих изданий практически отсутствует. Библиографы прошлого лишь в какой-то степени подошли к этому вопросу, описав, часто с ошибками, некоторые старообрядческие издания, в основном, XVIII в. Наиболее полно сделано описание у А. С. Родосского, который определил и начальную дату старообрядческого книгопечатания⁸.

Говоря об историографии старообрядческого книгопечатания, мы обязательно должны назвать имя А. С. Зерновой, наиболее вдумчивого и авторитетного его исследователя нашего времени, строившего свои выводы на результатах изучения самих изданий, исследователя, провед-

в XVIII—XIX вв., которые мы находим в тех или иных отечественных дореволюционных трудах по истории старообрядчества, например, у А. Пругавина², основанные зачастую на непроверенных данных, большой ценности для историографии старообрядческого книгопечатания, как правило, не имеют. Некоторый интерес представляют сообщения Д. Б-ова³, М. Тищенко⁴ и некоторых других, сделанных на основе архивных документов. Но и они посвящены лишь отдельным моментам типографской деятельности в Клинцах. Работ, затрагивающих историю старообрядческого книгопечатания в тех государствах, где жили преследуемые в царской России старообрядцы, мы долгое время не знали. Лишь совсем недавно в Польше были изданы интересные заметки и статья преподавателя Лодзинского университета доктора Э. Иванца о старообрядческой типографии XIX в. в Пишу (Йоганнисбург)⁵, его же статья о двух других старообрядческих типографиях (Клинцы,

² Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904, с. 127—131 и др.

³ См.: Д. Б-ов. Типография раскольников в Клинцах.— Вера и жизнь, 1913, № 13, с. 10—44.

⁴ Тищенко М. Клинцивські друкарні старовірів.— Бібліог. вісті, 1927, № 1, с. 65—79.

⁵ См.: Иванец Э. История славянской типографии на Мазурах.— Рус. голос (Лодзь), 1965, № 1—2, с. 8.

⁶ Jwaniec E. Wydawnictwa staroobrzędowców naterene Polski i ich staroruskie tradycje.— Zeszyty Naukowe Uniwersytetu łódzkiego. Nauki humanistyczne i społeczne, 1976, seria I, z. 109, s. 65—70.

⁷ См.: Jwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców naziemiach polskich. Warszawa, 1977, s. 127—133.

⁸ Родосский А. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. Спб., 1898, вып. 2, 1701—1897 гг., № 1107.

шего огромную подготовительную работу по собиранию старообрядческой печатной литературы. От людей, близко знавших А. С. Зернову, известно, что в последние годы жизни она собирала материал о старообрядческом книгопечатании в XIX в.⁹. Однако эта работа закончена не была.

Вместе с тем, появившаяся еще в XIX в. необходимость собирания и изучения старообрядческих изданий неоднократно возникала и в самое последнее время. Приоритет здесь принадлежит ленинградским ученым (см., например, высказывания А. Х. Горфункеля¹⁰), археографические экспедиции которых стали собирать и поздние старообрядческие издания XX в.¹¹

Но проблема ценности старообрядческих изданий для истории русской культуры и литературы в должной мере поставлена еще не была. Более того, сотрудники многих библиотек, музеев, архивов и по сей день смотрят на печатную старообрядческую книжность в лучшем случае как на малооригинальные перепечатки богослужебных текстов (порой они сделаны с неизвестных нам изданий), лишенных какого-либо интереса для исследователей. На примере издания старообрядцами многих памятников древнерусской литературы, в том числе произведений ранней старообрядческой литературы, к которым мы относим и сочинения братьев Денисовых, постараемся показать несостоятельность таких взглядов.

Подобные издания стали предприниматься старообрядцами со второй половины XVIII в., когда старообрядческое книгопечатание значительно окрепло.

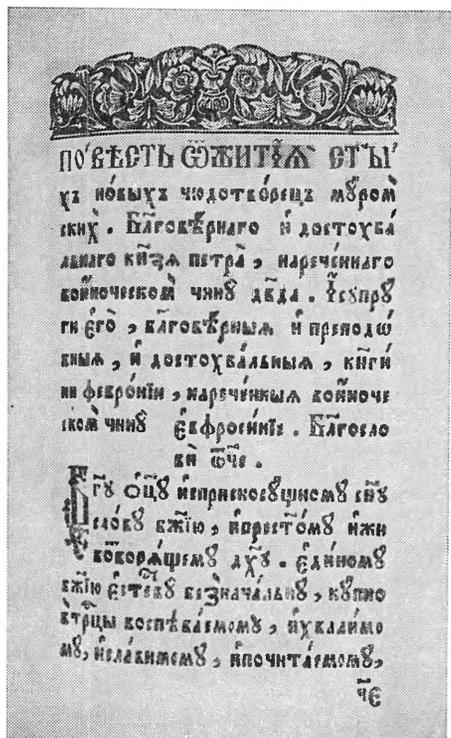
Начав с перепечатки в типографии М. Вощанки в Могилеве (1701 г.) «Часовника» с его московских изданий XVII в., старообрядцам постепенно удается наладить книгопечатание в уже существующих за границей и в России типографиях: в Чернигове, Супрасле, Варшаве и других местах. Наконец, появляются и собственно старообрядческие типографии, наиболее известные в Клинцах. В XVIII в. печатается огромное число изданий для старообрядцев (так, например, только в Супрасле было предпринято около 70 изданий различных книг), при этом тиражи каждого издания, особенно со второй половины XVIII в., были по тем временам огромными (так, в Супрасле разовый тираж отдельных книг достигал «нескольких тысяч экземпляров»¹²). Среди этих изданий значительное место занимают печатные воспроизведения памятников древнерусской литературы. Особенно повезло в издании последних типографии Супрасльского монастыря, в которой, начиная с 1792 г., Михаилом Григорьевичем Соловьевым был налажен выпуск старообрядческой литературы. В Супрасле впервые был издан (около 1789 г.) знаменитый среди старообрядцев сборник, в который вошли как собственно старообрядческие исторические, полемические, нравоучительные, агиографические

⁹ См.: Каменева Т. Н. Антонина Сергеевна Зернова. — В кн.: Федоровские чтения 1974. М., 1976, с. 129. Сведения о старообрядческих изданиях XVIII в. изложены А. С. Зерновой в «Методике описания старопечатных книг кирилловской печати». — Тр./Гос. б-ка СССР им. Ленина, 1960, т. 4, с. 243—246. То же в кн.: Работа с редкими и ценными изданиями. М., 1973, с. 71—75. См. также ее работу «Книгопечатание в Белоруссии XVIII в.» (400 лет русского книгопечатания. М., 1964, [т. 1], с. 230).

¹⁰ См.: Горфункель А. Х. Находки старопечатных книг. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972, с. 394.

¹¹ См., напр.: Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф., Петрова Л. А. Археографическая экспедиция Библиотеки АН СССР 1974 г. в Литву. — В кн.: Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976, с. 129—141 и другие материалы БАН.

¹² Rakowski J. Prawda Ruska. Warszawa, 1822, t. 2, s. 198—199.

Первый лист «Повести о Петре и Феронии» из сборника XIX в.

телей, а также конфискации изданных нелегально старообрядческих книг¹⁴. В то же время продолжает развиваться старообрядческое книгопечатание за границей¹⁵. Во второй половине XIX в. в Мануиловском Никольском монастыре выходят знаменитые «Поморские ответы» — плод труда группы выговских ученых-книжников во главе с Андреем Денисовым. Значительным источником снабжения старообрядцев богослужебными книгами становится Московская единоверческая типография, легально перепечатававшая «дониконовские» книги¹⁶. И все же, история старообрядческого книгопечатания той поры — это, преимущественно, история тайных старообрядческих типографий в самой России, владельцами многих из которых были простые крестьяне и история старообрядческих типографий за границей, которые даже пробовали использовать в своей работе русские революционеры¹⁷. Наибольший ин-

сочинения, так и произведения древнерусской литературы: «История о отцах и страдальцах соловецких» С. Денисова, «Соловецкая челобитная», «Послание к брату смиренного инока...», «Повесть о белом клобуке», «Повесть о протопопе Аввакуме, священнике Лазаре и преподобном Епифании», написанная диаконом Федором, «Мучение неких старец и исповедник Петра и Евдокима», «Прение священнодиакона Федора с митрополитом Афанасием... о сложении перстов». Сборник этот многократно переиздавался старообрядческими типографиями в XIX и начале XX в. Из других изданий Супрасля интересно отметить «Сборник» 1791 г., в состав которого входит слово об антихристе Максима Грека, «Патерик» 1791 г.¹³ и др.

Век XIX дает нам новые примеры издания старообрядцами древнерусских литературных текстов. В этот период старообрядческое книгопечатание вынуждено уйти в глубокое подполье. Газеты тех лет пестрят сообщениями и конфискации полицией подпольных типографий старообрядцев, аресте самих изда-

¹³ В последнее время супрасльским «Азбучным патериком» заинтересовался голландский ученый В. Р. Федер, см. его «Сведения о славянских переводных патериках». — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 218.

¹⁴ См., напр.: Открытие тайной подпольной печати. — Голос, 1882, 25 марта (6 апр.); Процесс книгопродавцев-старообрядцев Большакова, Перевощикова и Хваткова. — Неделя, 1879, 6 мая и др.

¹⁵ См., напр.: Заграничные раскольные издания новейшего времени. — Братское слово, 1876, кн. 1, отд. 3, с. 18—34; 1875, кн. 3, отд. 3, с. 251—257.

¹⁶ О ней см., напр., заметку «Из Москвы». — Голос, 1880, 30 ноября (12 дек.).

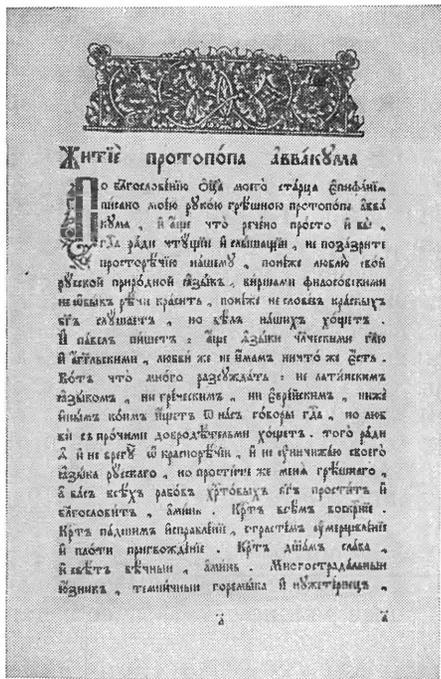
¹⁷ См.: Гросул В. Я. Попытки основания русских революционных типографий на Нижнем Дунае в 60—70-х гг. XIX в. — В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 88—99.

терес для нас и представляет деятельность этих типографий¹⁸.

В XIX в. в них печатаются многие замечательные памятники древнерусской литературы, в том числе «Повесть о Петре и Февронии», принадлежащая, как следует из сведений помещенных в колофоне, перу патриарха Гермогена, бывшего в момент написания «Повести» митрополитом Казанским и Астраханским (март 1595)¹⁹.

В начале XX в. старообрядцам были дарованы многие религиозные свободы, «начиная с 1905 года старообрядцы довольно энергично пользовались печатным станком для своих писаний; издательства были и в столице, и на окраинах, и в мелких провинциальных городах. Написано и издано сотни брошюр, десятки периодических изданий, тысячи листов и пр.»²⁰. Разобраться в этом многообразии, конечно, нелегко. Вместе с тем, уже сейчас можно сказать, что наряду с изданиями произведений, отражающих внутрискладообрядческую полемику, полемику с православными миссионерами, значительную часть старообрядческой печатной литературы составляли переиздания богослужебных книг дониконовской редакции, памятников древнерусской литературы, в том числе и литературных памятников первых десятилетий старообрядчества. Печатаются тексты уже издававшиеся ранее: «История о отце и страдальце соловецких», «Повесть о протопопе Аввакуме...», «Повесть о Петре и Февронии» и другие «многие драгоценные древние памятники», которые «совсем не были изданы»²¹.

Крупные старообрядческие типографии издательства начинают печатать древнерусские литературные тексты с прямым указанием на то, с какого списка делается издание и где и под каким номером хранится этот список. Назовем лишь некоторые из этих изданий: «Прение живота со смертию» (М., 1910 и 1911) — печатается «с рукописи, хранящейся в Московском историческом музее», «Сказание о прении с Лаврентием Зизанием» (М., 1912) — с подлинника рукописи, находящейся у В. Я. Минаева; различные жития, перепечатанные из «Великих Четых Миней

Первый лист «Жития протопопо Аввакума» (М., 1912)

¹⁸ В настоящем обзоре мы ничего не сообщаем о старообрядческих гектографированных изданиях, которые насчитывают многие сотни наименований.

¹⁹ Автор литературной обработки «Повести о Петре и Февронии» был до сей поры неизвестен. Патриарх Гермоген, русский писатель конца XVI — начала XVII в., является весьма почитаемым среди старообрядцев. См., напр.: Старообрядческая мысль, 1913, май, с. 431—433.

²⁰ Новые книги. — Голос церкви, 1918, № 7—8, с. 370.— Подпись: К.

²¹ См.: Извещение от старообрядческой Рогожского кладбища типографии. [Листовка]. М., [б. г. (после 1907 г.)].

Макарьевских» и др. Многие из этих изданий снабжены цветными воспроизведениями миниатюр, к некоторым приложены иллюстрации, с картин известных русских художников, писавших на темы из истории старообрядчества, например, картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» и т. д.

В это же время печатает некоторые памятники древнерусской литературы и Московская единоверческая типография. Среди этих изданий лучшим является «Житие Анны Кашинской» (1909 г.) с приложением факсимильно воспроизведенного первого листа рукописи XVII века.

В связи с созданием старообрядческой периодики (появилась еще в XIX в.), легализацией инициативных групп старообрядцев различных толков, позднее создавших старообрядческий институт²² и даже академию²³, значительно увеличивается распространение среди рядовых старообрядцев (общее число их к концу XIX в. составляло несколько миллионов человек)²⁴ текстов древнерусских литературных произведений, среди которых мы должны в первую очередь назвать изданный в 1912 г. в Москве кириллицей замечательный памятник русской литературы «Житие протопопа Аввакума» (в 1911 г. по инициативе старообрядцев «Житие» было напечатано гражданским шрифтом) и произведений о его ближайших сподвижниках — «Повесть о боярыне Морозовой» (М., 1914; нам известны также гектографированные издания этой повести в XIX в. и более ранние печатные ее издания) и др.

Как мы видим, изучение многих памятников древнерусской литературы и, уж конечно, самих литературных памятников раннего старообрядчества не будет полным без учета их старообрядческих изданий, которые широко расходились в старообрядческой среде XVIII—XX вв. Старообрядцы знали, любили и усердно читали произведения древнерусской литературы, которые ими не только активно переписывались, но и перепечатывались на протяжении веков.

Заканчивая этот небольшой обзор, хотелось бы обратиться ко всем библиотекам, архивам, музеям с предложением собирать старообрядческую печатную книжность, в том числе и позднюю, таящую для нас еще очень много совершенно нового и неизвестного. Памятники этой книжности исчезают на наших глазах и уже сейчас ни одна библиотека страны не сможет составить сколь-нибудь полное собрание старообрядческой печатной литературы, в изучении которой сделаны лишь самые первые шаги.

---

²² См.: Рыбаков А. Докладная записка о преподавании в Старообрядческом институте. М.: тип. П. П. Рябушинского, б. г.

²³ См.: Кириллов И. А. Старообрядческая Народная Академия. М., 1918.

²⁴ См.: Кириллов И. Статистика старообрядчества. Цифровые данные. — Старообрядческая мысль, 1913, № 3, с. 249—262. Сравните с данными, приведенными в работе «Старообрядческое население России по всеобщей переписи 1897 г.» (М., 1909).

О НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕЕ А. Ф. СМИРДИНА

Почти вся последняя треть жизни замечательного русского книжника пушкинской эпохи Александра Филипповича Смирдина прошла в длительной и упорной борьбе с разорением. Причин, приведших к этому разорению, имелось немало. Прежде всего была достаточно слабой экономическая база смирдинской книжной фирмы. Близкий знакомый Смирдина, тесно связанный с ним общими книготорговыми операциями, К. А. Полсовой писал: «Смирдин не имел почти никакого капитала в своей торговле, развел огромные дела на кредит, и от первого удара мог пошатнуться»¹. К началу 1840-х гг. на Смирдине «лежали огромные долги, большею частью происшедшие от его излишней доверчивости и от обмана людей неблагонамеренных»². Общая сумма этих долгов, по свидетельству современников, в 1842 г. составляла полмиллиона ассигнационных рублей (примерно 150 тыс. руб. серебром).

Однако главной причиной разорения многих тогдашних издателей и книгопродавцев, в их числе и Смирдина, стала затоваренность книжного рынка, вызванная общеэкономическим кризисом в стране. Книги в это время продавались плохо, медленно, в малых количествах, да и то лишь значительно удешевленные, порой за полцены, а то и меньше. Огромную массу нераспроданных изданий, находящихся на складах, Смирдину пришлось заложить под немалые проценты. Многие из этих книг так и остались невыкупленными. По словам одного из его приказчиков Н. Г. Овсянникова, Смирдин «занимал деньги всюду и под залоги товара, и под векселя, но дела все-таки падали»³. Смирдин продает типографию, затем расстается с собственным домом на Лиговке, уступает право на издание журналов «Библиотека для чтения» и «Сын отечества», отказывается от аренды дорогостоящих апартаментов для магазина и библиотеки в доме Лютеранской церкви на Невском проспекте, пере-

¹ Полевой Кс. Записки. Спб., 1887, с. 371—372.

² Библиотека для чтения, 1857, т. 146, отд. Смесь, с. 253.

³ Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 г. — В кн.: Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879, с. 14.

Иллюстрация из сборника «Вчера и сегодня» (СПб., 1845). В окне — Смирдин

лем чтения и покупателем других книг. Рынок же оживился дешевизною покупок выигрышей и дешевизною их продажи, при которой, так сказать, вербовали новых читателей и покупателей»⁴.

Кстати, выручка от второй лотереи позволяет Смирдину выплатить долг за ранее предоставленную правительством субсидию, и он тут же испрашивает новую субсидию — 30 тыс. руб. серебром на 6 лет с залогом. Очевидно, именно эти деньги дали ему возможность в 1846 г. начать дешевое издание «Полного собрания сочинений русских авторов». Серия выходила в небольшом и красивом формате — на манер французских изданий Жервэ Шарпантье, печаталась убористым шрифтом и стоила чрезвычайно дешево — по рублю серебром за том. «Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы!..» — восторженно приветствовал смирдинское начинание В. Г. Белинский⁵. За пять лет Смирдин выпустил 40 томов с произведениями 25 писателей: Батюшкова, Бестужева-Марлинского, Богдановича, Дениса Давыдова, Дельвига, Державина, Кантемира, Капниста, Карамзина, Княжнина, Лермонтова, Ломоносова, Тредьяковского, Фонвизина, Хемницера... Целая библиотека лучших русских писателей! Издание этой библиотеки было, поистине, подвигом Смирдина во славу отечественной литературы. В тот год, когда началось издание серии, у Смирдина по требованию кредиторов был описан и продан с торгов книжный товар. Однако далеко не весь. По крайней мере несколько десятков тысяч экземпляров книг уцелело на складах, где владельцем их формально числился не сам Смирдин, а то или иное подставное лицо из круга его близких людей. В 1847 г. Смирдин расстается со своей знаменитой библиотекой, переходящей в руки его бывшего приказчика П. И. Крашенинникова. Прерывается печатание третьего дополнения к «Росписи» этого собрания.

⁴ Там же, с. 15.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1914, т. 10, с. 430.

Но терзасмый кредиторами, практически почти без денег, чаще всего печатая книги в долг, Смирдин продолжает выпускать серию. Это кажется ужасной несправедливостью, но ее издание не принесло коммерческого успеха. Книги серии продавались довольно вяло. К. А. Полевой с грустью писал: «Эту последнюю услугу Смирдина недостаточно оценили. Должны были все покупать, хотя бы из уважения к его заслугам. Говорят, что его издания неисправны. Не все — «История государства Российского» очень хорошо издана. Да и самые плохие из смирдинских изданий достаточно исправны для большинства читателей русских, не приученных нашими Дидотами и Шарпантье ни к роскоши, ни к правильности, ни к дешевизне книг. Мало покупают книг не от того, что они напечатаны не с дипломатической точностью: не покупают потому, что не имеют в них надобности. Вот почему не удостоилось надлежащего, т. е. огромного успеха и последнее полезное предприятие А. Ф. Смирдина»⁶.

В конце 1851 г. Смирдин подает министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому прошение о новой книжной лотерее. Сохранился черновик этого прошения⁷. Он не датирован, однако дату можно примерно установить по неопубликованному письму Смирдина к А. С. Норову от 11 октября 1851 г. В это время Норов был крупным чиновником министерства внутренних дел. Он печатался у Смирдина, был участником его обеда в 1832 г. В этом письме издатель просит Норова помочь ему получить разрешение на поднесение царю 40 томов «Полного собрания сочинений русских авторов», надеясь с помощью этого подарка склонить монарха, который при своей абсолютной власти вершил и большие и малые дела своих подданных, на разрешение третьей лотереи. «...Я захожусь в самом стеснительном положении, и единственное мое средство — розыгрыш в лотерею остальных моих книг, о чем я утруждаю чрез комиссию прошения высочайшее имя. Поднесение же экз<емпляра> в теперешнее время будет мне величайшим благодеянием», — писал Смирдин⁸. Неизвестно, принял ли царь этот подарок издателя или нет — сведения об этом в сохранившихся документах отсутствуют.

«...Действуя на поприще книжной торговли для пользы русской словесности более сорока лет, — писал Смирдин в прошении, — я в последние 25 лет издал значительное число русских и переводных книг. Ныне, приближаясь к пределу жизни и желая прекратить мою торговлю, а заняться только продолжением издания предпринятого мною *полного собрания сочинений русских авторов*, таковых уже мною изданы сочинения *двадцати пяти писателей*, в *сорока* томах, всех же готовлюсь издать более ста томов, кроме того употреблю остальное время на составление издания полной русской библиографии всех вышедших в России книг гражданской печати, коих собрано мною более двадцати тысяч званий.

Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с всепокорнейшею просьбою довершить Ваши мне благодеяния исходатайствованием мне разрешения, дабы в окончании предпринятых мною в прошедших годах двух книжных лотерей обратиться ныне в лотерею оставшиеся у меня остальные книги на тридцать шесть тысяч руб. серебром, полагая втрое менее против каталожной цены их стоимости, до ста двадцати пяти тысяч рублей серебром. Я желал бы обратиться их в розыгрыш с выпуском для сего тридцати шести тысяч билетов, каждый по рублю серебром.

К этой мере понуждают меня приступить не столько мои уже преклонные лета, сколько болезненное мое положение после многолетней

⁶ Полевой Кс. Воспоминания о А. Смирдине. — Сев. пчела, 1857, № 21.

⁷ ГПБ, ф. 696, ед. 72.

⁸ Там же, ф. 531, ед. 577, л. 1—1 об.

борьбы с неудачами, среди которых я заботился сохранить честное имя и поддерживать многочисленное семейство из последних сил, не оставляя трудов для пользы распространения русской словесности, но совершенно оскудев в денежных средствах, необходимых для успешного продолжения издания русских авторов, сверх того желая из суммы, полученной за проданные билеты, прежде всего уплатить при моей жизни лежащий на мне казенный долг — высочайше мне выданных в ссуду семи тысяч рублей серебром, всепокорнейше прошу Ваше сиятельство быть великодушным моим представителем.

Сиятельнейший граф! Дозволение лотереи такого рода не бесполезно для ознакомления соотечественников с богатствами русской словесности. Это самое значительно способствует распространению полезных книг, а притом каждый билет окупается выигрышем, следовательно никто не терпит убытка.

Имею счастье представить при сем на высокое воззрение Вашего сиятельства подробный план предполагаемой мною окончательной лотереи книг моих».

Сохранился и черновик «Плана окончательной беспроигрышной лотереи книг, разыгрываемых Александром Смирдиным для довершения предпринятого им полного собрания сочинений русских авторов»:

«1) В лотерею назначается по прилагаемому при сем реестру до 1800 разных званий книг, составляющих более 36 000 частей.

2) Кроме выигрыша на каждый билет назначаются сто двадцать премий.

Двадцать пять из них выигрывают каждая полное собрание всех сочинений издаваемых мною русских авторов, с правом получать продолжение их во всю мою жизнь безденежно, сколько мною еще издано будет.

Другие двадцать пять премий выигрывают каждая до тридцати званий книг разного содержания на сумму сто рублей серебром, а в сложности на 2500 р. серебром.

Остальные семьдесят премий выигрывают каждая до тридцати званий на двадцать пять рублей, а в сложности на 1750 рублей серебром.

По объявлении в продажу билетов чрез четыре месяца последует розыгрыш одной трети лотереи, сколько бы ни было роздано билетов; чрез четыре месяца от времени первого розыгрыша имеет быть второй розыгрыш; чрез четыре месяца от второго розыгрыша последний розыгрыш, так что в течение двенадцати месяцев от дозволения лотереи она будет вся разыграна»⁹.

Таким образом, в 1851 г. у Смирдина оставалось еще более 36 тыс. экз. книг 1800 названий. Общий номинал их составлял 125 тыс. руб. серебром. Смирдин предполагал распространить лотерейных билетов на сумму 36 тыс. руб. серебром. При успехе лотереи он мог выручить, за вычетом расходов на проведение лотереи и процентов казначейству, не менее 25 тыс. руб. серебром. В это время его долги исчислялись примерно такой же суммой, и Смирдин смог бы заплатить их, избавившись от домогательств кредиторов, на удовлетворение претензий которых уходили все его физические и моральные силы. Столь желанного для него избавления от долгов так и не произошло, поскольку книжную лотерею власти не разрешили. В «Описи бумаг А. Ф. Смирдина», составленной им самим, записано: «Перовский, граф Лев Алексеевич. Последнее прошение к нему об окончательной лотерее и плане оной. Два отказа его»¹⁰. Однако пилюлю подсластили: 14 декабря 1851 г.

⁹ Там же, ф. 696, ед. 72.

¹⁰ Список с «Описи бумаг А. Ф. Смирдина» (1857 г.). — ГПБ, ф. 696, ед. 66, с. 52.

Смирдин вместе с женой и детьми был возведен в сословие почетных граждан. О его материальном состоянии в это время красноречиво свидетельствует письмо к С. Д. Полторацкому от 26 сентября 1851 г., в котором Смирдин сообщает, что за грамоту о почетном гражданстве нужно внести в герольдию 330 руб. серебром, ему же недостает 95 руб., и поэтому он просит своего корреспондента ссудить его 50 руб.¹¹ Вполне возможно, что известие о подаче Смирдиным прошения о новой лотерее навело его кредиторов на след неизвестных им книжных остатков. Так это было или нет, но в 1852 г. у него вновь описывают книги. По сути дела, после этого Смирдин как книгопродавец кончился. Когда спустя три года, в конце 1855 г. или в самом начале 1856 г., по требованию кредиторов описали все оставшиеся у Смирдина книги, то за них выручили менее 160 руб. серебром¹². Возможно, в этот раз была описана его личная библиотека.

Каким-то чудом Смирдин ухитрялся выпускать очередные томики «Полного собрания сочинений русских авторов»: в 1851—1855 гг. он издал еще 30 томов 20 писателей: Веневитинова, Гнедича, Грибоедова, Карамзина («История государства Российского»), И. И. Козлова, Кукольника, А. Погорельского, В. Л. Пушкина... Н. П. Смирнов-Сокольский, внесший свой вклад в исследование биографии и книжной деятельности Смирдина, утверждал: «Начатое старым Смирдиным дело издания «Полного собрания сочинений русских авторов» продолжается сыном, причем к старым писателям прибавляется ряд фамилий новых, современных»¹³, т. е. что по крайней мере в 1854—1855 гг. серию издавал не сам А. Ф. Смирдин, а его старший сын А. А. Смирдин совместно с В. Е. Генкелем. Автор настоящей работы не располагает материалами, подкрепляющими это утверждение. Но оно вполне правдоподобно. Средств у Смирдина фактически никаких уже не было. Жил он иждивенцем в семье своей второй дочери Е. А. Александровой. И хотя книги издавались с его именем, они могли выпускаться на счет близких старому издателю людей, сочувствующих его благородному стремлению. Так, известно, что «Историю государства Российского» Карамзина взялся выпускать бумажный фабрикант Варгунин, и не ради собственных выгод, а чтобы помочь Смирдину. Естественно предположить, что и А. А. Смирдин всячески старался поддержать фирму отца, финансируя его издания. Во всяком случае еще в 1855 г. книги с маркой «Издание А. Смирдина» продолжали выходить в свет, напоминая читателям, что старый русский книжник здравствует и продолжает свою славную деятельность.

Было у Смирдина и еще одно важное дело, о котором он упоминает в прошении: составление каталога всех русских книг гражданской печати. Этим он занимался, буквально, до конца своих дней. А. А. Смирдин сообщал историку М. П. Погодину в письме от 28 октября 1857 г.: «...Всего замечательнее то, что до последней минуты жизни батюшка не терял охоты к деятельности и продолжал свой труд по тому предмету, страсть к которому была причиной его счастья, известности, страсть самоотверженная и великодушная. Я могу засвидетельствовать это как сын, как член семейства, претерпевшего много, много нужд и лишений. Труд, о котором я говорю, есть составление каталога русских книг:

¹¹ ГПБ, архив С. Д. Полторацкого, ед. 186, л. 1.

¹² Разные бумаги по делу о долгах почетного гражданина Александра Смирдина.— ИРЛИ, Л14551/ЛXXXIVб. 13, л. 76—77 об.

¹³ Смирнов-Сокольский Н. П. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957, с. 67.

более 20 000 карточек изготовлены были отцом моим, некоторые из них написаны уже на предсмертном одре»¹⁴.

Каталог Смирдина должен был превзойти в полтора раза «Опыт» В. С. Сопикова по числу зарегистрированных названий. Было в нем и еще одно качественное отличие: если Сопиков нередко списывал названия книг из книгопродавческих росписей и других косвенных источников, то Смирдин включал в свой каталог только издания, виденные им воочию. Его работа, будь она опубликована, существенно обогатила бы русскую библиографическую литературу и стяжала бы своему автору славу замечательного библиографа. К сожалению, работа не дошла до нас, как и многие другие материалы из архива Смирдина, например, такой важный источник для оценки его издательской деятельности, как составленный им черновой перечень собственных изданий. Однако даже свидетельства о существовании опромной библиографической работы Смирдина позволяют нам признать достаточно основательными утверждения людей, близко знавших его, что он был главным составителем и «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова...», вышедшей под редакцией В. Г. Анастасевича (1820), и «Росписи» уже собственной библиотеки (1828).

8 октября 1856 г., менее чем за год до кончины Смирдина, его объявили несостоятельным должником. Кто-то из кредиторов внес за него кормовые деньги — 6 руб. 50 коп. серебром. Можно представить, каким страшным ударом было для Смирдина, честнейшего книгопродавца, гордившегося званием «почетного гражданина», это решение Коммерческого суда, предотвратить которое он был не в состоянии. А кто знает, может быть, этого не случилось, получи он в конце 1851 г. разрешение на книжную лотерею...

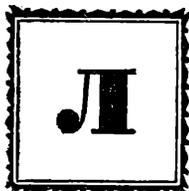
---

¹⁴ ГПБ, ф. 696, ед. 73. Копия. В несколько сокращенном виде этот отрывок приведен И. Н. Кобленцем в статье «„Роспись“ библиотеки А. Ф. Смирдина...». (Книга. Исслед. и материалы, 1973, сб. 26, с. 92).

БИБЛИОФИЛ И КНИГА

(Некоторые вопросы теории библиофильства) *

Любое целенаправленное собирательство, коллекционирование имеет объективное культурно-историческое значение, и прежде всего это относится к книгам и предметам старины, искусства. Достаточно вспомнить о судьбе рукописей произведений античной литературы, сохранившихся зачастую в единичных экземплярах на полках средневековых книжных собраний. Собирательство заслуживает изучения, но такое изучение слишком часто подменяется библиофильским резонерством, на русском языке практически нет научных работ по этому вопросу.

Кажется, Эдгару Дега принадлежит афоризм: «Искусство есть умение жертвовать». В еще большей мере, чем к искусству, это относится к науке. Любое описание явления по необходимости схематично. Научное описание отличается лишь тем, что эта схематизация осознана и целенаправлена. Следовательно, говоря о вопросах теории библиофильства, мы тем самым сразу отказываемся от претензии на полноту описания. Речь может идти только о схеме, но о схеме по возможности отражающей наиболее важные, с точки зрения поставленной задачи, черты явления. В данной работе нас интересуют три задачи: определение роли библиофилии в динамике обращения книги в обществе; выявление структуры библиофильской массы; описание структуры библиофильских собраний. Автор не претендует на однозначное решение всех поставленных вопросов. Но сама их постановка представляется полезной и своевременной: резкое расширение круга собирателей книги заставляет глубже задуматься о природе библиофильства и его общественном значении. Рост интереса к книге и книгособирательству — серьезнейшее общественное явление, требующее специального изучения. Оно связано, вероятно, с естественной реакцией на унифицированность средств массовой информации (кино, телевидение, газеты), с желанием построить *свой* духовный мир, отличный от принятого стереотипа. Подобного рода исследования и требуют прежде всего ответа на поставленные выше вопросы, развития той (несуществующей пока) ветви «социодинамики культуры», в рамки которой должна входить и теория библиофильства.

* Приношу благодарность Ю. Я. Герчку и Я. А. Смородинскому за советы и замечания, данные в ходе работы над статьей, и В. И. Якубовичу за стимулирующие полемические замечания по рукописи.

Попытаемся прежде всего вскрыть общественную сущность собирательства. Оставим пока в стороне такие вторичные явления, как специальные «библиофильские» издания, и рассмотрим простейшую ситуацию. Пусть в 19... г. в свет вышла книга стихов никому не известного молодого автора. Часть тиража попадает в библиотеки, большая же часть постепенно расходуется через книготорговую сеть. Проходят годы. В силу превратностей жизни, экземпляры книги частично исчезают, погибают в пожарах и войнах, сдаются за ненадобностью в утиль, частично меняют своих владельцев, переходя нередко в руки людей, которым они вовсе не нужны, и тем самым неотвратимо приближаясь к гибели. Для такого процесса характерна тенденция к рассеянию книги в обществе и, в конечном счете, к ее гибели как вещи. Но при этом книга выполняет свою основную общественно-культурную роль, отдавая людям содержащуюся в ней информацию. Указанная роль определяется условиями времени и содержанием книги, но эта, вообще говоря важнейшая, сторона дела, нас здесь не интересует.

Допустим теперь для наглядности, хотя это и неважно для окончательных выводов, что автор первой книги стихов оказался талантливым. Ему повезло, еще при жизни он был признан, его произведения многократно издавались и переиздавались, но все же пока пришло признание, минуло лет 10—20. Теперь, спустя 50—70 лет после выхода первой его книги, экземпляры ее ценятся на вес золота: они нужны отечественным библиотекам (где по недосмотру были зачитаны до дыр или просто украдены) и библиотекам за рубежом, где ими не интересовались раньше, литературоведам и ... библиофилам. Здесь ли впервые выступает на сцену библиофил, в какой-то момент, может быть, конкурирующий с библиотеками в приобретении теперь уже редкой книги, зачастую лишаящий специалиста возможности познакомиться с первоизданием изучаемого им автора? Если бы это было так, общественная роль библиофилии и книгособирательства была бы преимущественно негативной. Но это не так. Те самые редкие экземпляры, за которыми идет теперь азартная погоня по букинистам и аукционам, в значительной степени сохранились именно благодаря библиофилам. Восторженная курсистка, собиравшая все выходявшие в свет стихотворные сборники, на старости лет оказалась владелицей ценной библиотеки поэзии. А может быть, жизнь ее сложилась трудно, и ей удалось сберечь только 2—3 десятка тоненьких книжечек, которые ездили со своей хозяйкой в эвакуацию и несут на себе следы разнообразных бытовых невзгод... Но зато это те самые книжечки, которых давно не видели букинисты и которые годами разыскивают библиофилы следующего поколения.

Теперь, начинает вырисовываться роль библиофила в жизни книги. Если само по себе обращение книги в обществе приводит к рассеянию и в конечном счете гибели тиража издания, то роль библиофила прямо противоположна этой основной тенденции: он собирает, концентрирует, в худшем случае консервирует книги, так или иначе предохраняя их от рассеяния и гибели, хотя бы на протяжении времени жизни одного поколения.

Читатель, знакомый с основными понятиями физики, уже все понял: процесс рассеяния тиража в обществе — это типичный процесс деградации, умирания, процесс с возрастающей энтропией¹.

Во избежание недоразумений подчеркнем еще раз: речь идет о жизни и смерти книги-вещи, а не книги — носительницы идей. Вторая в про-

¹ Энтропия — есть мера неупорядоченности системы. Максимальной энтропией обладают системы с равномерно распределенными параметрами, в нашем случае системы равномерного распределения книг в обществе.

цессе рассеяния отдает людям информацию — в этом ее основное назначение. Ее можно переиздать: рассеяние не грозит ей смертью. Первая же есть памятник культуры своего времени и своего народа. Сейчас никому не придет в голову «читать» первое издание «Евгения Онегина», прочесть его можно в сотнях других изданий, первые же тетрадки — музейная редкость. Это уже не источник информации (в смысле содержания книги), а предмет — памятник культуры, подлежащий охране. Библиофил и сохраняет от гибели книгу-вещь, книгу — памятник культуры. В жизни книги он играет роль островка с убывающей энтропией.

Итак, наши рассуждения привели к очевидной и простейшей модели процесса обращения книги-вещи в обществе. Это процесс двусторонний: рассеяния и концентрации книги, соответствующий двум ее ипостасям — источника информации и памятника культуры. Напечатав тираж, мы создаем в типографии систему с высокой степенью упорядоченности: все экземпляры данной книги находятся в одном месте, и больше их нигде нет. Распространяя тираж через книготорговую сеть, мы снижаем степень упорядоченности системы, более или менее равномерно распределяя книгу в обществе.

В обществе, где отсутствует система сохранения, рассеяние книги есть не только начало ее полезной жизни, но и первый шаг к смерти: равномерное рассеяние и равномерная эксплуатация книги приведут к ее исчезновению вследствие физического износа. При этом количество экземпляров будет постепенно убывать во времени вплоть до полного исчезновения данного издания. Таким образом исчезло, как известно, великое множество книг, и человеческая культура понесла невосполнимые потери. Достаточно опять же вспомнить судьбы античных рукописей в средние века. Однако в наше время наряду с государственной системой сохранения по мере того, как книга становится редкой, она все в большей степени делается предметом коллекционирования: процесс рассеяния и исчезновения вытесняется процессом собирания и концентрации. Роль библиофила в нем очевидна и благородна: он, этот проклятый скряга, вечно трясущийся над своим книжным хламом, отказывающийся приятелю в элементарной просьбе «дать почитать», в сущности, может оказывать первым незаметным, но незаменимым хранителем будущей «древности», предтечей будущего музейного работника.

Значение библиофильства возрастает также благодаря одной особенности обращения книги в обществе, характерной для самых разнообразных исторических явлений и описанной в известной книге Тейяр де Шардена «Феномен человека» (М., 1965). «По природе нет ничего более деликатного и мимолетного, чем начало... В любой области, когда вокруг нас начинает пробиваться что-то действительно новое, мы его не замечаем по той простой причине, что нам надо было бы видеть его расцвет в будущем, чтобы заметить его в самом начале. А когда та же самая вещь выросла, и мы оборачиваемся назад, чтобы найти ее зародыш и первые наброски, то тогда в свою очередь скрываются эти первые стадии, уничтоженные или забытые... Где первые прятки, первые колесницы и первые очаги? Где (уже) первые модели автомобилей, самолетов, киноаппаратов?..» (с. 121). Именно этим объясняется редкость *первых* книг известных впоследствии писателей или книг, ставших заметными вехами в истории литературы, общественной мысли и т. п. В том, что подобные издания сохраняются библиофилами, нет ничего чудесного. Библиофилы не пророки, но их много, и интересы их многообразны. Да и чутье на новые явления культуры у истинных библиофилов обострено благодаря основательному знакомству с ее историей. Угадать в начинающем поэте будущий талант, в первой книге, оформ-

ленной неизвестным молодым художником,— новое явление в графике — вот благородная задача библиофила.

Следует специально отметить и роль библиофилов в сохранении экземпляров книг, почему-либо бывших редкими изначально, книг, чьи тиражи погибли в каких-либо общественных катаклизмах, были запрещены и уничтожены властями и т. п. Весьма вероятно, что многие из них исчезли бы бесследно, если бы с самого начала не становились предметом вожделения и поисков библиофилов. Кто знает, сколько экземпляров первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» сохранилось бы до наших дней, если еще сто лет назад эти экземпляры не были бы величайшей библиофильской редкостью!

Заметим, что библиофильская система аккумуляции книги, в отличие от государственных систем, сохраняет отнюдь не все вышедшие печатные издания или издания, удовлетворяющие каким-то заранее указанным формальным требованиям, а лишь те из них, которые представляют библиофильский интерес. Полная неопределенность последнего определения обеспечивает высокую адаптационную способность естественного библиофильского механизма сохранения: как правило, сохраняется именно то, что нужно обществу.

Легко видеть, что все это рассуждение с незначительными изменениями приложимо к любым предметам коллекционирования: ведь и банки из-под пива, если их собрано достаточно много, несут определенную (и небесполезную) информацию о структуре и нравах общества.

Определив в целом место собирательства в динамической системе распространения книги в обществе, естественно рассмотреть подробнее структуру библиофильской массы. Множество библиофилов среди широкой читающей публики образует некую инфраструктуру, как бы всасывающую «лучшие» в некотором смысле книги из массы и концентрирующую их в своих узлах — библиофильских собраниях. С экономической точки зрения — это сеть покупателей, так сказать «антиторговая сеть», построенная, как и все упорядоченные структуры, по некоторому иерархическому принципу. Точно так же, как «спускаясь» от издателя к читателю, книга проходит ряд ступеней от оптовых складов до книжных магазинов и ларьков, так же и на обратном пути — от массы читателей к крупнейшим книжным хранилищам и к музею книги — она часто проходит через руки собирателей разных уровней. Разумеется, уровни эти могут быть выделены лишь условно, но они удобны для описания и отражают естественную дифференциацию библиофилов, их интересов, а также их общественную роль.

Если под нижней ступенькой иерархии книжного собирательства поставить рядового читателя, вообще не имеющего собственных книг или являющегося обладателем случайного и неустойчивого по составу собрания из нескольких десятков их, то на первой ступени окажется владелец устойчивого собрания, обычно из нескольких сотен томов. В сущности, он еще не является библиофилом, а представляет собой весьма распространенный у нас тип человека, видящего в книге источник информации и эстетического наслаждения, но еще не умеющего понять и почувствовать книгу-вещь. Собрания такого рода, как правило, не профилированы (за исключением книг по специальности владельца) и в большинстве случаев не содержат каких-либо редкостей или вообще книг, представляющих общественный интерес. Но в этих собраниях книга сохраняется уже лучше, чем в массе читателей.

На второй ступени находятся собиратели, у которых прорезывается библиофильская жилка. Их собрания либо разрастаются до многих сотен и первых тысяч томов, не приобретая при этом определенной направленности, либо приобретают эту направленность, но в силу тех или иных обстоятельств не разрастаются количественно. Сохранность книг в них обеспечивается отличная. Владелец такой библиотеки знает, как трудно бывает порой достать нужную книгу, и бережет ее. На этой ступени начинается обычно и собирание старой книги через посредство букинистических магазинов, либо случайным образом. В таких собраниях уже можно встретить ценные издания, представляющие некий общественный интерес, но само собрание, как таковое, интересно, как правило, только владельцу. Владелец подобного собрания начинает чувствовать и вещную сторону книги: различает качество экземпляров, следит за сохранностью книг и т. д.

Собственно библиофильство в узком смысле слова начинается на следующей, третьей ступени. Библиофил знает, что собрать все хорошие книги нельзя — их слишком много: не хватит ни жизни, чтобы их собрать и прочесть, ни жилплощади, чтобы их хранить. Библиофильское собрание всегда специализированно. Специализация бывает самая разнообразная, порой удивительная, но чем она уже, тем (при прочих равных условиях) более результативно собирательство: можно собрать все о Цветаевой, но нельзя собрать все о русской поэзии. Для библиофила содержательная сторона книги неотделима от вещной. Это и понятно: собирая книги по определенной теме, библиофил по необходимости имеет дело с редкими книгами, для которых вопрос о состоянии экземпляра имеет первостепенное, а иногда и решающее значение. В таком собрании книгу не только сберегают — ее реставрируют и переплетают, и не зря, ибо в подобной библиотеке уже, как правило, содержатся книги, представляющие общественный интерес, а нередко представляет музейную ценность и вся подборка книг как целое или какие-то ее части.

Собрания четвертой, высшей ступени отличаются от предыдущих не столько по своему характеру, сколько по характеру собирателя. Библиофилы этого класса — исследователи. Для любого библиофила книга — важная часть жизни, но на высшей ступени собрание перестает быть самоцелью или, точнее, перестает быть только самоцелью и превращается в большей или меньшей степени в аппарат исследования. Именно так собирали книги Д. В. Ульяновский и В. А. Десницкий, А. К. Тарасенков и Н. П. Смирнов-Сокольский.

Приведенная иерархия, повторяю, носит в значительной мере условный характер и отнюдь не ставит своей целью провозгласить какие-то библиофильские касты, возвысить одних и принизить других. Напротив, это иерархия, по ступеням которой обычно проходит развивающийся, растущий собиратель. Причем процесс этот, как правило, необратимый: вставшему на первую ступень библиофильской лестницы уже редко удастся спуститься назад, зато очень часто он поднимается на вторую².

Объективным свойством приведенной иерархии является ее количественная характеристика. Если число начинающих собирателей (I ступень) измеряется у нас в стране в настоящее время сотнями тысяч или даже первыми миллионами (такую оценку можно сделать, основываясь на тиражах массовых изданий), то число библиофилов-исследователей

---

² Такой творческий рост библиофила проанализирован в статье В. А. Петрицкого «Библиофильство как творчество» (Книга. Исслед. и материалы, 1976, сб. 33, с. 189—193).

вряд ли выходит за пределы нескольких десятков или первых сотен человек. Такая конусная или пирамидальная структура — характерное свойство многих организованных систем. Типична она и для собирательства. Количественные характеристики этой «пирамиды» четко реагируют на социальные особенности общества. Так, в предреволюционные и первые послереволюционные годы число библиофилов первой ступени измерялось в России десятками, максимум сотнями тысяч, а количество библиофилов-исследователей не превышало нескольких десятков человек. Таким образом, в структуре библиофильской массы отчетливо сказались социальные сдвиги в обществе, то самое «движение культуры вширь», о котором писал в свое время И. Эренбург³. Вместе с тем есть основания считать, что «конусность» структуры, т. е. соотношение размеров нижнего и верхнего оснований, есть величина постоянная, зависящая больше от внутренних законов ее функционирования и меньше от внешних условий. Если это так, то резкое увеличение числа собирателей первых ступеней, происшедшее за последние 5—10 лет, должно повлечь за собой в обозримом будущем столь же резкий приток библиофилов на верхние ступени иерархии.

Представляется, что изложенная схема рассеяния-концентрации книги есть основа для понимания роли библиофила в жизни книги. Эта модель приводит и к построению описанной библиофильской пирамиды. Но все это только одна сторона вопроса.

Дальнейшее углубление нашей темы требует перехода от простейшей структурной модели рассеяния-концентрации «одномерной» книги-вещи к книге, характеризующейся множеством признаков: содержанием, оформлением, принадлежностью к той или иной эпохе, стране, стилю как по содержанию, так и по оформлению, изданию и т. п.

Переход к «многомерной» книге сразу показывает ограниченность модели рассеяния-концентрации. Действительно, концентрация книги на начальном этапе этого процесса и в его конце — на книжном складе и в библиофильском собрании — осуществляется по разным признакам. В первом приближении можно сказать, что склад — это собрание множества экземпляров одной и той же книги, библиотека — это собрание множества разных книг, каждая из которых, как правило, представлена одним экземпляром. Таким образом, переход от склада к библиотеке есть не только количественный переход через стадию рассеяния (возрастание энтропии), но и качественный переход к новой системе, характеризующейся совсем иными параметрами.

Как же осуществляется этот переход? Как «работает» библиофильская пирамида? Какова, наконец, структура отдельных библиофильских собраний?

Мы уже упоминали, что на своем «прямом» пути — от издателя к читателю, рассеиваясь в обществе, книга выполняет свое основное назначение — отдает людям содержащуюся в ней информацию. По мере выполнения этой прямой задачи, отслужив положенный ей срок, книга физически изнашивается, становится редкой, и тогда (в тем боль-

---

³ Любопытно отметить, что если культурная революция (ликвидация безграмотности; введение всеобщего среднего образования) произошла у нас, в основном, в 20—30-е годы, то соответствующая ей «библиофильская» революция — указанное выше резкое расширение основания библиофильской пирамиды — началась только в 50-е и возобновилась после некоторого перерыва в 70-е годы. Подобное запаздывание является, вероятно, закономерным, хотя величина его, конечно, определяется конкретными историческими условиями.

шей степени, чем больше было ее общественно-культурное значение) на первый план начинает выходить вторая сторона книги — книги-вещи, памятника эпохи. Теперь задача общества уже не в том, чтобы донести книгу до читателя, а в том чтобы собрать и спасти оставшиеся экземпляры. Очевидно, что «всасывание» книг из всей толщи общества возможно только при массовом характере собирательства. Наиболее глубоко в читательскую массу проникают собиратели первой-второй ступени, которых можно найти в самых отдаленных уголках страны. В их собраниях накапливаются и сохраняются современные издания, в том числе местные, особенно легко исчезающие из обращения.

С точки зрения модели рассеяния-концентрации можно сказать, что эти собиратели задерживают и консервируют книги на их прямом пути — от издателя к читателю. В этом смысле их деятельность может оказаться даже вредной. Полезна она, главным образом, постольку, поскольку эти собиратели сами являются читателями и способствуют обращению книги в среде своих знакомых.

Иными словами, на первых ступенях собирательства доминирующую роль играет содержательная сторона книги. Собиратель первой-второй ступени это преимущественно библиофил-читатель. Соответствующую структуру имеет и его библиотека. Книги в ней подбираются почти исключительно по содержательному признаку. И вот здесь начинает работать великая воспитательная сила книги. Сперва книги собирают по принципу «интересно-неинтересно», это еще практически случайный подбор книг. Но чем больше человек читает, тем шире становится его кругозор, все больше и больше интересного видит он в жизни и в книгах. Книги начинают собираться по темам, эпохам, странам. Бессистемное вначале собирание обретает структуру, в которой книги связаны лишь по одному признаку — содержанию. Эта связь еще очень слаба, и многие собрания такого типа похожи друг на друга, как книжные шкафы, в которых они хранятся.

По смерти владельца собрания первой-второй ступени, как правило, распыляются, и более ценные книги из их состава часто переходят в собрания других библиофилов непосредственно, через посредников или через букинистические магазины. При смене владельца имеется тенденция к переходу наиболее интересных книг в собрания более высокой ступени. Эта тенденция важна, ибо отчасти благодаря ей формируются собрания высших ступеней. Возникает она вследствие активного поиска нужных книг, ведущегося библиофилами. Найти редкую книгу, находящуюся в рассеянии, т. е. неизвестную библиофилам и никогда ими не собиравшуюся — куда труднее, чем такую же по редкости, но известную, «коллекционную» книгу. Этот хорошо известный собирателям факт свидетельствует об общественной значимости собирательства.

Итак, в собраниях третьей-четвертой ступени поступают преимущественно экземпляры, находящиеся, так сказать, на обратном пути: от читательской массы к музею книги. Для музея их пока слишком много, но для обычного обращения среди читателей уже слишком мало. Аккумуляция этих книг на полках библиофила общественно полезна.

Как же формируются библиофильские собрания высших ступеней? Здесь с полным основанием можно перефразировать Маяковского: «нужной книги ради просмотришь тысячи тонн книжной руды». Библиофильское собрание коренным образом отличается от библиотеки «универсального» типа в двух отношениях: 1) здесь нет или почти нет книг случайных, не являющихся органической частью собрания; 2) здесь на равных правах с культом содержательной книги царит дух книги-вещи, предмета коллекционирования.

Думаю, что эти два условия являются неотъемлемыми чертами библиофильского собрания, и именно они дают основание считать эти собрания островками убывающей энтропии. Первое из этих условий общепризнано, хотя смысл его вовсе не очевиден. Дело в том, что интересы владельца библиотеки могут быть любыми. Строго соответствующий им подбор книг субъективно не будет случайным, но если интересы владельца разрознены и несистематичны, то и подбор книг у него будет объективно случайным. Таким образом формируются большие или меньшие собрания книг, но еще не библиофильские собрания.

По каким же признакам отбираются книги в библиофильские собрания? Можно ли эти собрания как-то классифицировать? Чтобы понять всю сложность этой задачи, попробуем перечислить хотя бы возможные признаки — основания подобных классификаций. Известно прежде всего различие содержательных и формальных признаков книг. К числу первых относится непосредственно содержание. Отбор книг по содержанию приводит к возникновению тех или иных тематических подборок, являющихся, как упоминалось, наиболее распространенной формой книжных собраний. Книги собираются также по авторам (персоналии), по месту и времени написания (по странам и эпохам).

Формальные признаки чаще используются библиофилами высших ступеней. К их числу относятся, в первую очередь, особенности издательского оформления книг. Собираются также книги по месту и времени издания или даже по издательствам (от «Альдов» до «Academia»). Наконец, основой собирательства могут являться особые признаки книги: автографы, наличие особого переплета, особо малый тираж или размер издания («миниатюрные книги»), принадлежность к бывшим библиотекам и т. п.

Каждый из перечисленных признаков порождает определенный тип собрания. Но специфические типы собраний образуются и пересечением этих признаков. Можно собирать, например, прижизненные издания определенных поэтов (пересечение персоналии со временем издания), иллюстрированные издания определенной эпохи (пересечение особенностей оформления с временем и местом издания). Кроме того, библиотека может включать и, как правило, исключает не одну, а несколько подборок одного или разных типов: например, русские издания по экслибрису, прижизненные издания русских поэтов XX в., книги издательства «Academia».

Только при таком строгом отборе книг возникает тесная связь их друг с другом: из хорошей библиотеки книгу не выкинешь и другой не заменишь. Именно поэтому истинное собирательство есть процесс создания новых культурных ценностей, которые не заложены в каждой отдельной книге. Библиотека или ее часть в этом смысле выступают как органическое целое. Книги здесь связаны множеством перечисленных выше признаков, начиная с автора и содержания и кончая характером экземпляров (в обложках, в любительских переплетах), наличием автографов, экслибрисов и т. п. Подобная система уже неповторима: она отражает личность собирателя и, благодаря этому, является самостоятельной культурной ценностью — именно как целое, как система, а не как механическая сумма книг. В такой системе меняется и шкала ценностей. Допустим, одна из полутора сотен памятков Русского общества друзей книги (РОДК) сама по себе не представляет большого интереса, но в рамках собрания изданий РОДК она бесценна.

Второе условие — дух книги-вещи часто вызывает возражения, но представляется необходимым хотя бы для того, чтобы различать библиофильские и рабочие библиотеки. Заметим, кстати, что различие это,

на первый взгляд очевидное, на самом деле условно, хотя и бесполезно. Рабочая библиотека, допустим, искусствоведа или библиографа легко приобретает библиофильский характер и, наоборот, библиофильское собрание высшей ступени может стать рабочей библиотекой библиофила-исследователя. Но библиофильский тип собрания достигается именно благодаря пониманию духа книги-вещи. При этом не следует путать восприятие книги-вещи как памятника эпохи, полиграфического искусства, литературно-художественного быта и т. п. — того именно, которое здесь имеется в виду, с пониманием книги-вещи как носительницы материальной ценности. Эти две стороны книги, конечно, связаны, но это все же разные стороны: отношение к книге как к товару, вложению денег не может служить признаком библиофильского подхода к собирательству, а скорее есть болезнь библиофильства или качество, вовсе не имеющее с ним ничего общего, а только маскирующееся под него.

Понимание книги как вещи в указанном выше смысле возникает как естественное следствие тематического собирательства. Допустим собирая «все о Цветаевой», естественно стремиться к тому, чтобы иметь ее книги в первоизданном виде — в обложках, даже неразрезанными, тем более — с автографами. Именно эта вещность придает смысл такому собранию. Можно ведь перепечатать все тексты на пишущей машинке — содержательная сторона книг будет при этом передана полностью, но коллекции не будет.

Рассмотренные условия обеспечивают концентрацию редких книг в библиофильских собраниях, позволяют им противостоять общей тенденции к рассеянию книг в обществе, резко снижают энтропию распределения книг. В силу своей более или менее узкой направленности, библиофильские собрания, как правило, известны соответствующим специалистам: историкам, искусствоведам, литературоведам и т. д., в зависимости от характера собрания. Наиболее ценные из библиофильских собраний не всегда распыляются по смерти владельца, а целиком или в значительной степени становятся достоянием крупнейших книгохранилищ и музеев, завершая таким образом процесс концентрации редкой книги. Здесь достаточно сослаться на примеры уже упоминавшихся собраний А. К. Тарасенкова, Н. П. Смирнова-Сокольского, И. Н. Розанова и др.

Существенными особенностями этого процесса являются его необратимость и естественность. Книги из крупнейших библиотек и музеев уже не распыляются в обществе, пополнение же этих собраний различными путями происходит непрерывно. Таким образом, крупнейшие книжные хранилища отделены от массы «рассеянной книги» как бы полупроницаемой перегородкой: книги могут переходить из состояния рассеяния в эти хранилища, но не наоборот. Поэтому излишними представляются рассуждения о необходимости организованной передачи крупных библиофильских собраний в государственные хранилища. Подобные разговоры, не меняя процесса по существу (он и так идет в желаемом направлении), могут вызвать лишь его болезненные осложнения.

К этому надо добавить, что, как правило (за исключением уникальных собраний типа упоминавшихся), попадая в крупное государственное хранилище, личная библиотека неизбежно растворяется в нем, перестает существовать как целое, как единица культуры. При этом культура общества в целом несет неизбежный урон. Более того, искусственная интенсификация концентрации книги в государственных собраниях может привести к нарушению сложившегося (и безотказно работающего) механизма естественной концентрации книг в библиофильских собраниях, механизма, в течение тысячелетий способствующего преемственности

в развитии культуры вообще и формирующего особый тип библиофильской культуры, в частности.

Резюмируя изложенное, хотелось бы подчеркнуть, что общественное значение библиофильства определяется двумя тесно взаимосвязанными функциями; формальной — функцией аккумуляции книг и содержательной — культурно-воспитательной функцией. Выполненный структурный анализ касается главным образом формальной стороны явления. Вместе с тем эта сторона представляется и наиболее специфичной. Уже из ее анализа становится очевидным, что собирательство представляет собой общественно-культурное явление, занимающее вполне определенное место в «социодинамике культуры». В этом плане исследование различных сторон библиофильства может явиться актуальной задачей ряда научных направлений, от книговедения до социологии культуры.

СБОРНИКИ «ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» И ИХ МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ КНИГОВЕДЕНИИ *

оброй традицией советского книговедения стали регулярно проводимые в Москве и Ленинграде конференции, посвященные разным аспектам изучения истории отечественной книги. Пальма первенства среди этих форумов по праву принадлежит «Федоровским чтениям». 25 декабря 1933 г. в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина состоялась вечер памяти Ивана Федорова, но только двадцать пять лет спустя, по инициативе члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова, регулярные научные заседания, посвященные истории отечественной книги, приобрели подлинную масштабность и представительность. С 1973 г. материалы «Федоровских чтений» систематически публикуются в виде сборников научных трудов, став таким образом доступными широкой читательской аудитории.

Первый сборник «Федоровские чтения 1973» (М., 1976), посвященный 400-летию украинского книгопечатания, открывается проникновенным «Словом об Иване Федорове» А. А. Сидорова. В содержательном докладе А. И. Дея прослежена в общих чертах вся четырехвековая история книжного дела на Украине, от первых «друков» Федорова до новейших киевских изданий. Естественно, что на нескольких страницах невозможно было сколько-нибудь обстоятельно обрисовать все стороны и направления деятельности украинских издателей, поэтому автором совершенно справедливо указаны лишь наиболее существенные этапы, самые важные аспекты; и не случайно, думается, доклад назван «Веги большого пути».

Несмотря на огромное количество работ, посвященных личности первопечатника, в его биографии остается еще немало белых пятен. Каждая новая находка в архивах обогащает наши знания о жизнен-

---

* Федоровские чтения [1973—1976]: Сб. науч. трудов/Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1976—1978; [Вып. 1]: 1973. 1976. 108 с., ил.; [Вып. 2]: 1974: К 50-летию преобразования Румянцевского музея в Гос. б-ку СССР им. В. И. Ленина. 1976. 144 с., ил.; [Вып. 3]: 1975: История революционной печати. 1977. 165 с., ил.; [Вып. 4]: 1976: Читатель и книга, 1978. 160 с., ил.

ном пути этого выдающегося просветителя, снимает несколько спорных вопросов, но одновременно ставит и новые задачи, открывает дополнительные направления в исследованиях. В этом свете главным достоинством доклада Я. Д. Исаевича «Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине» представляется насыщенность его конкретным фактическим материалом, в том числе и новонайденным. Из многих проблем, затронутых автором, наиболее интересен вопрос о взаимоотношениях Федорова с седляром Сенько Калениковичем. Известна (и отмечена Я. Д. Исаевичем) переписка Сенько-седляра с князем А. М. Курбским. Не потому ли Иван Федоров по своему приезде во Львов и обратился к этому человеку, что мог слышать о нем от князя Андрея? А. М. Курбский, один из образованнейших людей своего времени, еще в московский период жизни интересовался (как это видно из его воспоминаний о встречах с Максимом Греком) вопросами книгопечатания. Не исключено, что Курбский и Федоров знали друг друга еще по Москве, и уж во всяком случае должны были слышать один о другом в Литве, так как князь Андрей, эмигрировав из России, скоро стал одним из признанных руководителей православного меньшинства на территории Польско-Литовского государства. Общеизвестна близость А. М. Курбского с Кузьмой Мамоничем, К. И. и К. К. Острожскими (их князь Андрей называл даже своими душеприказчиками). Не по рекомендации ли Курбского и было заключено затем соглашение Ивана Федорова с К. К. Острожским? Думается, что вопрос о возможных связях первопечатника с князем А. М. Курбским (независимо от того, прямые ли то были связи или опосредованные) заслуживает обстоятельного исследования. Не исключено, что новые находки, возможные еще в архивах Украины, Польши и Австрии, прольют свет не только на отдельные стороны биографии русского первопечатника, но и на деятельность его не менее известного современника, одного из талантливейших публицистов того времени.

В докладе А. П. Запаско «Художественное убранство украинских изданий Ивана Федорова» содержатся интересные дополнения к теме, разработке которой в последние десятилетия уделяется большое внимание. Несомненным достижением автора нужно признать констатацию фактов использования федоровских досок даже в XIX столетии. Тем самым лишний раз подтверждается неразрывная преемственная связь дел первопечатника и его соратников с трудами следующих поколений мастеров книжного «строения».

Перу Е. Л. Немировского принадлежит ряд интересных историографических работ. Его доклад «400 лет историографии русского и украинского первопечатания», по существу, является обобщением более ранних изысканий и, естественно, в нем упоминаются прежде всего основные произведения, более частные оставлены в стороне. В данном случае это оправдано, так как вся совокупность литературы о начале русского и украинского книгопечатания явно не может быть охарактеризована в рамках одного доклада. Спорной здесь представляется лишь формулировка темы. По современным представлениям историографией считается специальная историческая дисциплина, предметом которой является история становления и развития исторической науки, а объектом изучения — сочинения, отражающие и исследующие ретроспективу общественной жизни (т. е. собственно-исторические разработки). Сочинения же Ивана Федорова и Симона Будного, к которым автор возводит начало историографии русского и украинского первопечатания, даже с натяжкой трудно отнести к историческим исследованиям, учитывая, в особенности, систему жанров исторического повествования,

существовавших в XVI в. И если искать для них какое-то место в современной классификации текстов, то скорее их следует поместить среди литературных произведений (что, конечно, не снижает огромного значения этих памятников как исторических источников).

Второй раздел сборника открывается библиографическими очерками Я. Д. Исаевича «Типография Михаила Слезки и ее роль в межславянских культурных связях» и О. Я. Мацюка «Новые документы о типографе Спиридоне Соболе», в которых содержится немало новых сведений о деятельности этих видных украинских книгоиздателей XVIII в. Оба печатника по происхождению были белорусами и, как современники, вполне могли знать друг друга. Поэтому нам представляется весьма перспективным поиск информации об их деловых связях, причем не только в архивах, но и в особенностях полиграфического оформления изданий, вышедших из рук М. Слезки и С. Соболя. Статья М. Б. Выдашенко «Книгопечатание в Уневе в XV—XVIII вв.» дает наиболее полные сведения о деятельности Уневской типографии за более чем столетний период существования. Думается, что такого рода монографические разработки должны стать необходимым предварительным этапом в подготовке «Сводного каталога книг кириллической печати». Работа А. А. Гусевой «Взаимосвязи украинских типографий конца XVI — первой половины XVII в. (Проблема миграции типографских материалов)» является обобщением трудов по подготовке каталога украинских кириллических изданий. В рамках рецензируемого сборника она служит хорошим дополнением к названным выше очеркам Я. Д. Исаевича и О. Я. Мацюка (что, разумеется, не снижает ее значительной самостоятельной ценности).

Досадно, что в некоторых статьях первого сборника «Федоровских чтений» встречается ряд фактологических противоречий. Так в работах второго раздела у разных авторов зачастую приводятся несходные даты существования отдельных типографий. В статьях Я. Д. Исаевича и А. А. Гусевой указываются различные суммы, уплаченные Львовским братством наследникам М. Слезки за типографские материалы (с. 47 и 79 соответственно). Эти, а также и некоторые другие несоответствия могут вызвать недоумения у читателя.

Темой восьмых «Федоровских чтений» было изучение истории книги в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и ее предшественнике — Румянцевском музее. Более ста лет это крупнейшее хранилище страны, располагающее уникальными фондами и кадрами высококвалифицированных исследователей, является одним из ведущих научных учреждений в области книговедения. Концентрированный опыт работы нескольких поколений сотрудников национальной библиотеки Советского Союза с рукописной и редкой книгой, подведенный в сборнике «Федоровские чтения 1974» (М., 1976), представляет несомненный интерес для всех специалистов-книговедов как в нашей стране, так и за рубежом.

Выступление на «Чтениях» проф. Н. М. Сикорского, подчеркнувшего недопустимость «забвения истории» книги, без чего невозможно «выявить объективные законы развития книжного дела и механизм их действия в конкретных исторических условиях», как бы задавало тон всей конференции. Почтив память людей, заложивших фундамент отечественного книговедения, докладчик кратко охарактеризовал важнейшие научно-информационные издания, подготовленные Библиотекой за последние годы («Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800», «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.», «Личные архивные фонды в государствен-

ных хранилищах СССР») и наметил основные задачи, стоящие в наши дни перед советскими историками книги. Многие из этих задач уже решены или успешно решаются, о чем свидетельствует создание Музея книги при Ленинской библиотеке, успешное проведение III Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения в апреле 1977 г., начало работы над сводными каталогами русской книги гражданской печати первой половины XIX в. и книг на иностранных языках, изданных на территории России в XVIII в.

Эмоционально «Слово о Библиотеке» члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова. Впервые посетив Румянцевский музей более семидесяти лет назад, он всю свою долгую жизнь сохранял живую связь с этим «садом мудрости», с его книгами и людьми. А. А. Сидоров воскресил неповторимую атмосферу первых лет становления советского книговедения.

Все остальные статьи сборника можно условно разделить на две большие группы: проблемные доклады об основных направлениях исследовательской работы по истории книги в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и «персоналии» о выдающихся русских книговедах, работающих в ее стенах. Как видно из статьи Л. В. Тигановой, изучение древнерусской рукописной книги началось здесь еще в 1862 г. с приходом в Румянцевский музей видного историка и археографа А. Е. Викторова. Почти сто лет Библиотека регулярно публиковала обзоры новых поступлений в рукописный отдел и описания отдельных, наиболее замечательных коллекций, однако в наши дни такие формы раскрытия рукописных фондов явно перестали удовлетворять возросшую потребность читателей в информации о наиболее ценных первоисточниках по истории отечественной и мировой культуры. С 1963 г. сотрудники отдела начали работу над многотомным справочником, содержащим описание всех 26 тыс. славяно-русских рукописей из фондов Ленинской библиотеки. Несомненно, выход в свет такого справочника станет важной вехой в истории отечественной археографии, хотя принцип систематического описания рукописных книг, принятый Библиотекой Академии наук СССР¹, представляется нам более информативным и рациональным. Своеобразным комментарием и дополнением к историографической части статьи Л. В. Тигановой служат библиографический очерк о первом хранителе рукописного отделения Румянцевского музея А. Е. Викторове и библиографический список его работ, составленные А. П. Толстяковым. Е. Л. Немировский опубликовал со своим предисловием несправедливо забытую статью Викторова «Описание безвыходных печатных книг», впервые обосновавшую гипотезу о существовании в Москве в середине XVI в. дофедоровской анонимной типографии.

Несколько статей во втором сборнике «Федоровских чтений» посвящены жизни и научной деятельности преемников Викторова — крупнейшего советского библиографа-инкунабуловеда Н. П. Киселева (А. И. Маркушевич), первого заведующего отделом редкой книги У. Г. Иваска (О. Г. Ласунский) и хранителя фонда книг кирилловской печати А. С. Зерновой (Т. Н. Каменева). Приятно отметить, что каждый из их биографов нашел теплые, нешаблонные слова, рассказывая читателям о творческих поисках и находках этих неутомимых тружеников и блистательных эрудитов. Хочется напомнить еще об одной осно-

---

¹ См.: Копанев А. И. Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР. — Труды/Б-ка АН СССР и Фундам. б-ка обществ. наук АН СССР, 1958, т. 3, с. 129—141.

воположнице советской науки о книге, человеке редкой душевной красоты Евгении Ивановне Кацпржак. Все, кто знал ее и высоко ценил ее разностороннюю эрудицию, удивительную доброжелательность и неугасаемый интерес к жизни, по праву надеются на то, что историографы Ленинской библиотеки не обойдут вниманием труды своего друга и учителя.

Огромный документальный материал лег в основу статьи С. В. Житомирской о первом в России архиве освободительного движения («комнаты людей 40-х годов»), созданном при Румянцевском музее неутомимой собирательницей творческого наследия Герцена и Огарева Е. С. Некрасовой. В годы Советской власти собирание и изучение историко-революционных материалов стало одним из важнейших направлений в деятельности отделов редкой книги и рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Особую роль в организации этой работы сыграли директор Ленинской библиотеки, видный государственный деятель, историк-марксист и библиограф В. И. Невский, а также заведующий отделом редкой книги Б. И. Козловский. Их жизни и трудам посвящены биографические очерки Л. В. Гапачко и И. М. Полонской.

До недавнего времени книговеды Ленинской библиотеки мало занимались историей библиотечного дела и библиографии, сосредоточив все внимание на вопросах книгопечатания. Столетний юбилей библиотеки и в особенности организация специализированного научно-исследовательского отдела библиотековедения и теории библиографии заметно оживили работу в этой области. Как видно из статьи Л. Д. Дергачевой «Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина и развитие исследовательской работы по истории библиотечного дела», сотрудниками отдела подготовлены и выпущены в свет несколько интересных библиографических указателей и обзоров архивных материалов, которые послужат надежными первоисточниками для будущей серии фундаментальных монографий по истории библиотечного дела в СССР (1917—1977 гг.) Заметим, что и материалы рецензируемого нами сборника со временем войдут органической частью в новое издание «Истории Библиотеки СССР им. В. И. Ленина». Неясной остается только роль Ленинской библиотеки в разработке истории библиотечного дела в России до 1917 г. и истории советской библиографии. Думается, что она, как общесоюзный методический центр по проблемам книговедения, должна и здесь сказать свое веское слово.

«Федоровские чтения» 1975 г. были посвящены истории революционной печати России. Материалы этой конференции опубликованы в сборнике, изданном в 1977 г.

История революционной печати в наши дни стала вполне сложившейся отраслью советской исторической науки. Исследованиям в этой области книговедения и планам дальнейшей работы посвящены вступительное слово проф. Н. М. Сикорского и статья С. С. Левиной «О некоторых проблемах книговедческого изучения произведений нелегальной революционной печати». Н. М. Сикорский, охарактеризовав современный уровень изучения революционной печати, подчеркнул, что исследования необходимо продолжить и в дальнейшем, при этом основная задача состоит в том, чтобы «традиционно библиотечными средствами и методами обеспечивать плодотворное развитие исследований в этой области везде, где они ведутся». Многие нелегальные издания, хранящиеся в различных библиотеках и фондах, остаются до сих пор неизвестными, недоступными читателям и не могут быть использованы в качестве первоисточника. Государственная библиотека СССР им.

В. И. Ленина в кооперации с крупнейшими библиотеками и архивами нашей страны проделала огромную работу по собиранию, изучению и библиографическому описанию нелегальных изданий. В результате этого были составлены и изданы чрезвычайно ценные сводные каталоги русской нелегальной и запрещенной печати («Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Книги и периодические издания» и «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки»). Подробно рассказав о подготовке каталогов, С. С. Левина указала на необходимость проведения научно-методической работы в этой области, на целесообразность концентрации изданий нелегальной революционной печати XIX в. в крупнейших книгохранилищах страны.

Многосторонняя деятельность В. И. Ленина по переводу и изданию произведений К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыта в статье Л. А. Левина. Автор ее не только обобщил все ранее написанное по этому вопросу, но и использовал ряд новых материалов, свидетельствующих о непосредственном участии В. И. Ленина в переводе, редактировании и издании трудов основоположников марксизма. Здесь же приведен перечень этих работ, раскрыто их содержание, рассказано о том, как они применялись В. И. Лениным при выработке стратегии и тактики большевистской партии в буржуазно-демократической и социалистической революции в России. Несомненный интерес представляют сведения о лицах, готовивших к изданию труды Маркса и Энгельса, и об издательствах, их печатавших. О пристальном внимании основоположников марксизма к русской революционной печати рассказывается в статье М. Д. Дворкиной «Русская революционная литература в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса». Как видно из ее сообщения, совместными усилиями Институтов марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ удалось обнаружить значительное количество книг из этих библиотек, среди которых 400 русских изданий (в том числе 150 книг, журналов и газет, напечатанных различными революционными организациями и группами в России и за рубежом).

Статьи, помещенные в третьем сборнике «Федоровских чтений», охватывают все основные этапы истории революционной печати: от книг декабристов до изданий РСДРП первой русской революции. История издания произведений декабристов в годы подготовки восстания на Сенатской площади посвящена статья Ю. И. Герасимовой, в которой рассказывается о том, что несмотря на все попытки царского правительства преградить доступ к читателям «крамольных» сочинений К. Ф. Рыльева, Н. И. Тургенева, С. М. Глинки, А. А. Бестужева, цензурное ведомство оказалось бессильным задушить их идеи. Анализ нелегальных изданий польских революционеров посвящены статьи В. А. Дьякова и И. С. Миллера. Рассматривая революционную литературу 30—40-х годов XIX в., В. А. Дьяков внимательно проанализировал репертуар не только эмигрантских изданий, распространявшихся нелегально, но и рукописной «потаенной» литературы, создававшейся в самом Царстве Польском. Для изучения восстания 1863 г. существенный интерес представляет подпольная пресса 1861—1864 гг., о которой рассказал читателям сборника Миллер. Обе статьи содержат большой фактический материал, весьма ценный для историков национально-освободительного движения в Польше.

Близки по тематике статьи И. Е. Баренбаума и В. Я. Гросула. Первый из них подробно освещает деятельность «Издательской артели» И. А. Рождественского и П. В. Михайлова, основанной в Петербурге в 1865 г., второй рассказывает о попытках организовать русские рево-

люционные типографии на Нижнем Дунае в 60—70-х годах XIX в. «Издательская артель» просуществовала недолго, этим, по-видимому, следует объяснить то, что в работе Баренбаума детально проанализирован устав артели, приведены сведения о ее членах, а об издательской деятельности артели говорится очень мало. Страны Юго-Восточной Европы в пореформенное время стали вторым по значению центром русской революционной эмиграции, и потому не случайным было намерение ее руководителей основать в этом районе мощную типографию. Как явствует из статьи Гросула, такие попытки имели место.

Обзор и характеристика новых публикаций о деятельности П. Л. Лаврова — тема статьи М. И. Перпер. Обширный архив этого видного деятеля русского освободительного движения в настоящее время находится в разных местах. Большое количество документов Лаврова ныне хранится в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, который в последнее время выпустил два двухтомника, посвященных жизни и деятельности П. Л. Лаврова. М. И. Перпер обстоятельно проанализированы эти издания и отмечен ряд их существенных недостатков.

Большое количество произведений нелегальной народнической печати 80—90-х годов XIX в рассмотрено в статье Е. А. Григорьевой. Она справедливо отмечает важное значение проделанной огромной работы по систематизации и изданию библиографических указателей русской нелегальной литературы, попутно перечисляя важнейшие публикации советских и иностранных авторов, посвященные этому вопросу.

В третьем сборнике «Федоровских чтений» значительное место отведено истории печати РСДРП. Этому вопросу посвящены статьи Е. С. Петропавловского «Первые издания материалов съездов, конференций и совещаний РСДРП как исторический источник», А. П. Кузичевой «Использование марксистами либеральных изданий в годы подготовки первой русской революции» и З. И. Перегудовой «Газета «Северный рабочий» — орган Костромского окружного комитета РСДРП (январь — май 1907 г.)». Как отмечает Петропавловский, издание документов и материалов съездов, конференций и совещаний имело большое практическое значение для распространения в массах идей марксизма-ленинизма. Они являются ценным источником по истории России периода империализма, истории русского революционного движения. Кузичева приводит ряд интересных примеров использования марксистами либеральных изданий. В 1905—1907 гг. в стране выходило свыше 100 большевистских газет и журналов. Деятельность одной из них — газеты «Северный рабочий» — охарактеризована в статье З. И. Перегудовой.

Посвятив десятые «Федоровские чтения» (1976 г.) проблеме изучения русского читателя, организаторы конференции и редколлегия четвертого научного сборника Ленинской библиотеки (1978) подвели итоги многолетней работы нескольких исследовательских коллективов Москвы и Ленинграда в одной из важнейших, социально значимых областей книговедения. Стремление исследователей выявить и глубоко осмыслить основные направления эволюции читательских интересов и активно влияющие на нее факторы книжного дела наглядно проявилось в широте их творческого диапазона (большие хронологические пласты, яркие имена крупнейших мыслителей и художников прошлого, интересные социологические наблюдения и обобщения и т. д.).

Общий тон сборнику задают вступительное слово Н. М. Сикорского и статья И. Е. Баренбаума «История читателя и чтения в системе книговедческих дисциплин» — первая серьезная теоретическая попытка

показать органическую взаимосвязь «читателеведения» (мало удачный, на наш взгляд, термин) с историей издательского дела, книжной торговли, библиотек и библиографии, обосновать специфические приемы и методы книговедческого изучения разных категорий русских читателей со времен Древнего Киева до наших дней. По справедливому замечанию автора, читатель является важнейшим и (добавим от себя) активнейшим фактором, определяющим пути и направления развития книжного дела, непосредственным участником и вместе с тем объектом воздействия этого процесса.

Принципиальное значение имеет статья Р. Г. Абдуллина «Забота о читателе как принцип авторской и редакторской работы В. И. Ленина». Р. Г. Абдуллину удалось раскрыть творческую лабораторию В. И. Ленина-редактора, достаточно полно охарактеризовать конкретную методику его редакторской работы. Думается, что исследования в этом направлении следует продолжить и дальше, поскольку в наши дни, в условиях все более растущей дифференциации научных знаний и одновременного взаимопроникновения отдельных наук, рождения новых дисциплин на стыках прежних проблема ясности, достоверности и доступности изложения материала в печатных работах остается весьма острой. Овладение ленинской методикой редакторской работы позволит нашим издательским сотрудникам приблизить печатаемые ими книги к читателю, сделать их доступными не только узкому кругу специалистов, но и широким читательским массам.

Раздел сборника, посвященный древнерусской книжности, открывается статьей Б. В. Сапунова «Книга в быту Древней Руси». Автор обладает счастливым даром извлечь из минимального числа источников максимум полезной информации и, что не менее существенно, умением увлекательно изложить эту информацию перед читателем. К сожалению, ряд досадных неточностей снижает общее впечатление от этой интересной работы. Так, на с. 38 автор цитирует «восторженный гимн книге», помещенный под 1073 г. в Лаврентьевской летописи; однако на деле ни в Лаврентьевском, ни в любом другом списке «Повести временных лет» в изложении событий 1073 г. соответствующих слов не обнаруживается. Цитированные же Б. В. Сапуновым строки помещены в Лаврентьевском списке под 1037 г. Ошибка такого рода может быть объяснена небрежностью редакционной подготовки статьи, опечаткой и т. п. Но чуть ранее, на с. 36 автор, говоря об одном памятнике («Молении Даниила Заточника»), в подтверждение своего тезиса цитирует другой («Слово Даниила Заточника»), причем в воспроизведенной фразе допущены отклонения от пунктуации использованного первоисточника, что привело к изменению смысла цитированного отрывка. Подобные «накладки» вынуждают к проверке и других данных автора, затрудняя тем самым читательское восприятие этой интересной и в целом содержательной работы.

Ряд статей в сборнике «Федоровские чтения 1976» объединен общим объектом — читательскими и владельческими записями на древнерусских книгах. Статья Е. Л. Немировского посвящена анализу владельческих записей на изданиях Ивана Федорова, обзор Ю. А. Лабынцева — записям на старообрядческих книгах Супрасльской типографии. При этом, если Е. Л. Немировский, привлекает для исследования записи и пометы на экземплярах изданий, находящихся в самых различных хранилищах, то Ю. А. Лабынцев ограничивается лишь собраниями Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Как тот, так и другой подходы к теме правомерны, и выбор их определяется прежде всего объемом наличного материала. В данном случае оба автора со-

общили читателям интересные сведения не только о судьбе отдельных экземпляров, но и о сфере распространения соответствующих изданий.

Несколько иной характер носит статья И. В. Поздеевой «Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник». Исследовательницей предпринята попытка систематизировать записи на книгах в зависимости от обстоятельств их происхождения, содержания и функциональной направленности. Классификация, как и всякий инструмент исследования, условна, и автором справедливо отмечается, что границы предложенных ею классификационных групп «достаточно аморфны». Возможно, что некоторые положения И. В. Поздеевой будут приняты, другие же, как например, отнесение к ряду записей типографских помет или издательских послесловий, могут быть оспорены последующими исследователями. Однако в любом случае попытку теоретического обобщения такого рода материала (и в целом — попытку удачную) следует лишь приветствовать. Думается, впрочем, что в процессе подготовки статьи имело бы смысл использовать опыт предшественников, что позволило бы избежать некоторых нечеткостей в терминологических изысканиях и дать более простые и доступные определения ряда понятий.

Статья Я. Д. Исаевича «Круг читательских интересов городского населения Украины в XVI—XVII вв.» построена на анализе, главным образом, сохранившихся описей частных и корпоративных библиотек названного периода. В отечественной литературе последних лет старые библиотечные описи и каталоги получают все большее признание в качестве основного источника по книжно-библиотечному делу средневекового периода. Выводы автора представляются весьма интересными и убедительными. Было бы, на наш взгляд, целесообразно более обстоятельно сопоставить их с аналогичными наблюдениями исследователей русской книжности того же времени: подобное сопоставление позволит установить как общие, так и специфические черты в развитии культуры двух братских восточно-славянских народов.

С. П. Луппов, подводя итоги своих многолетних разысканий в истории русской культуры петровского времени, наметил основные тенденции в эволюции читателя XVII — первой половины XVIII в., рожденного эпохой бурных социально-экономических преобразований. Петровские реформы радикально изменили не только характер и состав национального книжного репертуара, но и запросы его потребителей. Демократизация читательской аудитории, резкое возрастание роли светской (в т. ч. иностранной), книги как орудия просвещения и расширение географических рамок отечественного библиофильства определили на много лет вперед генеральное направление в развитии русского книжного дела.

Возрастание роли книги в духовной жизни России XVIII в. проявилось не только в повседневном быту, но и на более широком лингвистическом уровне, потребовав уточнения и конкретизации ряда терминов, связанных с чтением. Этой проблеме посвящена статья Т. И. Кондаковой «О наименовании понятия «читатель» в русском литературном языке XVIII века».

Цикл статей Л. Л. Альбиной, Г. Н. Моисеевой и В. С. Гречаниновой посвящены личным библиотекам и кругу чтения трех выдающихся мыслителей XVIII — начале XIX в. — Вольтера, М. В. Ломоносова и П. Я. Чаадаева. Среди них особое внимание заслуживает интересная попытка реконструировать на базе вольтеровских маргиналий методику работы с книгой «фернейского патриарха». «Темпераментный и впечатлительный читатель, Вольтер, — пишет Л. Л. Альбина, — обычно

откровенно раскрывал в маргиналиях свои подлинные оценки и взгляды. Читательские его пометы красноречивы именно искренностью, недостижимой ни в произведениях, рассчитанных на гласность, ни даже в дневниковых записях и письмах, не гарантированных зачастую от огласки» (с. 102). Это наблюдение представляется нам чрезвычайно интересным, так как читательские пометы действительно являются одним из наиболее искренних, откровенных и интимных свидетельств подлинного отношения владельца книги к ее содержанию. Опыт работы с фрагментами библиотек талантливого русского поэта XVIII в. М. Н. Муравьева, его современника Ф. В. Каржавина и некоторыми другими книжными собраниями эпохи Просвещения убедительно подтверждает важность изучения маргиналий читателей-литераторов как важного элемента их творческой лаборатории. К сожалению, в отличие от Альбиной, автор статьи о библиотеке П. Я. Чаадаева ограничилась только воспроизведением разного типа его читательских помет, оставив их не расшифрованными и не приведя в логическую систему.

Особое место в четвертом сборнике «Федоровских чтений» занимает яркая, написанная на большом фактическом материале статья Т. Г. Дервниной «Книга А. де Кюстина «Россия в 1839» и ее читатели в России и за рубежом в 40-х годах XIX века». Посвятив свою работу выяснению читательского восприятия одного из самых интересных и в то же время остро тенденциозных сочинений иностранца о Российском государстве и обществе времен царствования Николая I, исследовательница вскрыла причины, вызвавшие оживленную полемику вокруг этой «крамольной» книги. Противоречивость читательских откликов на «Россию в 1839» требует, на наш взгляд, ее более четкой авторской оценки, сделанной с позиций современного уровня обществоведения.

Несомненный интерес как у историков книги, так и у литературоведов вызовет статья Т. М. Макагоновой «Проблема читателя в статьях В. Г. Белинского». Как явствует из нее, великий русский критик предъявлял самые высокие требования к читателю, считая самостоятельную, углубленную работу с книгой одним из важнейших факторов интеллектуального и нравственного воспитания человека. Менее удачна заметка А. П. Кузичевой «А. П. Чехов и читатель рубежа веков», отклоняющаяся несколько в сторону от весьма перспективного первоначального замысла проанализировать переписку Чехова с читателями его книг с целью выявить их взаимовлияние.

Своеобразным «мостиком» между общетеоретическими и историко-культурными проблемами отечественного книговедения и текущей работой по изучению читательских интересов разных групп современного общества служит статья И. А. Шомраковой «Рабочий читатель 20-х годов». Разработав оригинальную социологическую анкету, позволяющую выделить отдельные типы массового читателя по совокупности определенных аспектов его отношения к книге, она проиллюстрировала свои предложения на большом конкретном материале. Остается только пожелать, чтобы свойственная социологии тенденция к унификации разнородных явлений не заслоняла от исследователей читателя как индивида, с неповторимым восприятием одной и той же книги.

Можно не сомневаться, что все четыре сборника «Федоровских чтений», посвященные «колыбельному» периоду отечественного книгопечатания, книговедческим трудам Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, истории революционной печати в России и проблеме изучения читателя, займут достойное место в библиотеках историков русской книги. Удачное сочетание подытоживающих, обзорных материалов с проблемными статьями, выдвигающими перед исследователями

новые пути и направления в области книговедения, служит надежной гарантией их непреходящей ценности для нашей науки. Высокое качество иллюстраций, хороший справочный аппарат (именные указатели к первым трем томам) и умелая компоновка статей в сборниках «Федоровские чтения» по праву заслуживают самой высокой оценки. Опыт издания первых четырех сборников показывает, что авторским коллективам и редакции удалось придать не только индивидуальный характер каждому из томов, но и найти для них те общие черты, что характеризуют «лицо» всякого серьезного продолжающегося книговедческого издания. Хотелось бы только пожелать, чтобы эти сборники выходили более оперативно и в плотных художественно оформленных переплетах.

А. А. АМОСОВ, И. Ф. МАРТЫНОВ, А. Х. РАФИКОВ

ИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ *

К

нига возникла одновременно со становлением человеческой цивилизации. Однако несмотря на то, что процесс накопления сведений о ней шел издавна, а с конца XVIII в. уже предпринимались первые попытки теоретического осмысления книжного дела, книговедение как комплексная наука сложилась по сути дела на наших глазах — в 60—70-х годах текущего столетия.

При этом без преувеличения можно утверждать, что ведущая роль в обосновании научного, основанного на марксистской методологии, подхода к книге и в разработке на базе этого истории книжного дела и общих теоретических проблем книговедения принадлежала и принадлежит советским ученым. Об этом свидетельствуют монографии и сборники, изданные за последние десятилетия, всесоюзные научные конференции по вопросам книговедения, регулярно проводимые Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, Библиотекой Академии наук СССР и другими научными книговедческими центрами в сотрудничестве с Научным советом Академии наук СССР по истории мировой культуры.

Как и любая отрасль знания, книговедение развивается коллективными усилиями большого отряда специалистов, в обстановке широких творческих контактов с коллегами из братских социалистических стран, с учеными других государств. Информация о состоянии мировой книговедческой мысли, критическое освоение зарубежного опыта приобретает в настоящее время особо важное, актуальное значение. Именно под этим углом зрения надлежит рассматривать новый сборник, выпущенный издательством «Книга» под редакцией известного советского книговеда доктора исторических наук Е. Л. Немировского.

Сборник состоит из девяти статей книговедов Польши, ГДР и ФРГ. Для любого издания такого рода чрезвычайно важна репрезентативность отбора материала. Едва ли нужно указывать на то, что немало полезных и существенных для разработки общих проблем книговедения

---

* Проблемы общей теории книговедения: Сб. статей. Пер. с нем. и пол. яз./Под ред. и со вступит. статьей Е. Л. Немировского. М.: Книга, 1978. 126 с.

работ опубликовано и в других странах, прежде всего в странах социалистического содружества, а также в США, Великобритании, Франции и других государствах. И нет сомнения в том, что в дальнейшем издательство «Книга» примет меры для ознакомления с важнейшими из них советских книговедов. И все же, думается, включение в данный сборник работ в первую очередь польских книговедов и ученых из ГДР и ФРГ вполне правомерно, поскольку отражает многие аспекты современных разработок общих теоретических проблем книговедения за рубежом. При этом, как подчеркивает Е. Л. Немировский, особое внимание уделено работам польских авторов. «Сделано это, — пишет он, — сознательно, ибо успехи польского книговедения представляются нам наиболее впечатляющими» (с. 18). В этой связи можно было бы обратить внимание и на другое обстоятельство, восходящее к давним традициям русско-польских и русско-германских контактов в сфере книговедческих исследований. Показательно, например, что главный редактор польского ежегодника «Исследования о книге» проф. К. Гломбёвский, статья которого «Функциональная концепция науки о книге» опубликована в рассматриваемом сборнике, касаясь истории вопроса о книговедческом изучении литературных явлений, поставил в один ряд поляков И. Лелевеля и А. Богаткевича, немца Ф. Эйхлера и русских А. М. Ловягина и Н. М. Лисовского (с. 27).

Итак, в сборник вошли две статьи книговеда из ГДР, перу которых принадлежат труды по истории письма, рукописной и печатной книги, проф. Г. Люльфинга — «Книговедение» и «Предмет книговедения», статьи польских авторов — упомянутая выше работа К. Гломбёвского, статья доцента Института библиотековедения Вроцлавского университета К. Мигоня «Наука о книге» и «Проблемы исторического книговедения» и заведующей отделом старопечатных изданий Национальной библиотеки в Варшаве П. Бухвальд-Пельцовой «История книги и история литературы. Эволюция взглядов». Завершают сборник статьи западногерманских книговедов — «Автономия книговедения» Г. Зихельшмидта, «Книговедение?» П. Глотца и В. Р. Лангенбухера и «О необходимости и возможности существования общего книговедения» Г. Грундмана. Сборник предваряется вступительной статьей Е. Л. Немировского «Проблемы общей теории книговедения в трудах зарубежных ученых».

Статья Е. Л. Немировского написана сжато, но чрезвычайно информативно и заслуживает высокой оценки. Понятно, что значительное место в ней занимает оценка и анализ публикуемых в сборнике работ зарубежных книговедов, показывается место их воззрений в системе национального и международного книговедения, подчеркиваются места, заслуживающие особого внимания или, наоборот, критического отношения к себе со стороны читателей. Так, Е. Л. Немировский обращает внимание на позитивные аспекты и, одновременно, на пределы возможного применения так называемого функционального книговедения, в духе которого построены статьи Гломбёвского и его ученика Мигоня. Указывая, что школа Гломбёвского сформировалась при Вроцлавском университете, Е. Л. Немировский замечает, что ее успехи особенно заметны в области изучения социологии чтения, поскольку, в частности, с точки зрения К. Мигоня, «книговедение прежде всего является марксистской социологией книги» (с. 14—15). По мнению Е. Л. Немировского, функциональное книговедение, сыграв значительную и полезную роль в формировании книговедения как комплексной науки, все же обедняет ее содержание, поскольку книговедческая проблематика не сводится к социологическому анализу. С этим, по-видимому, нельзя не

согласиться. Обращаясь к характеристике позиции книгovedов ГДР и ФРГ, Е. Л. Немировский стремится проследить различие не только методического, но и более глубокого методологического осмысления ими проблем теории книговедения. Наиболее примечательна в этом смысле, с точки зрения Е. Л. Немировского, обзорная статья П. Глотца и В. Лангенбухера «Книговедение?», в которой приведена сводка мнений западногерманских ученых о том, что такое книговедение. «Своего мнения, — замечает Е. Л. Немировский, — авторы не высказывают; по косвенным намекам можно судить, что оно, это мнение, скорее отрицательное, чем положительное. Отдельные пассажи наглядно демонстрируют кризис современной буржуазной науки, сомневающейся даже в необходимости критического литературоведения» (с. 12). Подобные кризисные явления, связанные с отсутствием твердого методологического фундамента, характерны, разумеется, не только для западногерманской, но и для современной буржуазной науки в целом. Этому не противоречит, однако, то, что в западногерманской книговедческой литературе последние лет, в основном уже после опубликования указанной статьи П. Глотца и В. Лангенбухера (1965), появилось несколько работ по проблемам читателеведения и истории книги, которые, при всех своих методологических недостатках, несомненно, представляют научный интерес. Можно, в частности, назвать доклад проф. Г. Гепферта «К вопросу о методике и теоретической основе исследования сущности книжного и издательского дела», и написанную на его материалах статью¹, в которой книга трактуется как средство связи между автором и читателем, а также монографию Г. Кизеля и П. Мюнха «Общество и литература в XVIII в. Предпосылки формирования немецкого литературного рынка» (Мюнхен, 1977)². В последней монографии, в частности, широко применяется историко-социологическая и статистическая методика и содержатся данные из истории русско-немецких книжных и культурных связей. Говоря о современном состоянии книговедческих исследований в ФРГ (одним из центров таких исследований является объединение по истории книги при научной библиотеке в Вольфенбюттеле), нельзя не отметить все более растущий интерес к работам советских книгovedов и к разработке в Советском Союзе как общих проблем теории книговедения, так и отдельных аспектов истории книги.

Но значение статьи Е. Л. Немировского не сводится только к характеристике включенных в сборник работ. Автор затрагивает широкий круг вопросов, связанных с возникновением и теоретическим осмыслением книговедения в международном масштабе, начиная с деятельности венского писателя и библиотекаря XVIII в. М. Дениса. Важной заслугой автора следует считать и то, что он включает в исторический контекст деятелей не только зарубежного, но и отечественного книговедения, начиная с В. С. Сопкиова и В. Г. Анастасевича. Показывая вклад в разработку этих вопросов представителей польской и немецкой школы в XIX — начале XX в., Е. Л. Немировский указывает, что в это время термин «книговедение» оказался почти полностью забытым. «Возродил его из небытия Н. М. Лисовский, которого можно было бы смело признать основоположником общей науки о книге в точном смысле этого слова» (с. 7). Этот вывод представляется важным и не только в историографическом смысле. Не только теоретическое наследие русской дореволюционной книговедческой мысли, но и работы в

¹ Buch — und Verlagswesen im 18. und 19. Jh. Berlin (West), 1977, S. 1—4.

² Kiesel H., Münch P. Gesellschaft und Literatur im 18. Jh. Voraussetzungen und Entstehung des literarischen Markts in Deutschland. München, 1977.

этом русле советских и польских ученых в период между двумя мировыми войнами оставались почти совершенно неизвестны для западных книговедов. То, что было ранее сделано в этой области, западным книговедам пришлось фактически начинать с нуля. Этот пример лучше всего показывает, насколько важную со всех точек зрения роль играет хорошо налаженная информация и сколь великое практическое и, можно сказать, экономическое значение для развития науки имеет хорошее знание ее истории.

Не только вступительная статья Е. Л. Немировского, но и многие материалы, включенные в сборник, убедительно демонстрируют неразрывную связь между историей книги и наукой о книге с разработкой актуальных теоретических проблем современного книговедения. Видный книговед из ГДР Г. Люльфинг с полным основанием указывает, что книговедение «в первую очередь пользуется исторически-генетическими методами, чтобы найти точное место книги в ряду достижений культуры. Поскольку эти познания могут быть распространены на настоящее и будущее, они принимают характер анализирующей и, в крайнем выражении, — прогностической науки» (с. 23). Вместе с тем, многие авторы статей подчеркивают специфику истории книги, которую нельзя подменять историей тех областей знания, которым книга посвящается. Интересно, например, суждение К. Мигоня относительно причин различного истолкования содержания истории книги: «Не способствовало формированию единой концепции множество взглядов, определяющих науку о книге, а также тот факт, что работы по истории книги выходили из-под пера историков литературы и культуры, библиофилов, издателей, книговедов, печатников, библиотекарей, которые свои профессиональные интересы переносили на почву упомянутой науки» (с. 72). Эти вопросы в свое время оживленно обсуждались и в среде советских ученых, которые выработали определенную методику, позволяющую раскрыть специфику истории книги как именно книговедческой дисциплины. В качестве примера сошлемся на монографию С. П. Луппова, посвященные истории книги в России с XVII до середины XVIII в. Заслуживают внимания рассуждения К. Мигоня, отмечающего, что успех в любой науке «всегда зависит не только от полученных результатов, но и от правильно сформулированных вопросов». В этой связи он выдвигает идею выработки «новой периодизации истории книги» (с. 80—81). Автор совершенно прав, обращая внимание на то, что история книги, зародившись как особая дисциплина в Западной Европе, обладает чертами западного европоцентризма: «Явления книжной жизни на других территориях рассматриваются в общих работах в гораздо меньшей степени, нежели они того заслуживают. Пишут чаще всего о книге древнего Ближнего Востока, Греции и Рима, далее — о книге Южной (не целиком) и Западной Европы периода средневековья и нового времени» (с. 80).

Нарисованная картина в целом достаточно типична для большинства западных работ и курсов истории книги. Из поля зрения авторов оказываются исключенными материалы не только истории книги народов Азии, но и развитие книжной культуры у славянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Неосведомленность нередко граничит с откровенной политической тенденциозностью, при которой, например, в экспозициях музея Гутенберга в Майнце (ФРГ) возникновение польского и чешского книгопечатания оказывается включенным в общую историю немецкой книги! И, ратуя за отказ от давно изжившей себя европоцентристской, прозападной концепции истории книги, К. Мигонь специально затрагивает проблемы периодизации.

«Эту новую периодизацию истории книги, — пишет он, — следовало бы создать как в масштабе всего мира, так и в масштабах национальных, а также относительно частных проблем исторического книговедения (например, истории библиотечного дела, истории библиографии и т. д.)» (с. 81). Рассуждения польского книговеда заслуживают поддержки с одной, впрочем, оговоркой. Видимо, дело не сводится только к выработке новой периодизации всемирной истории книги, как бы важна и сложна эта задача ни была. Необходимо установить критерии такой периодизации, поскольку привычное членение материала «по столетиям», как верно отмечает Мигонь, в конечном счете неудовлетворительно. На наш взгляд, выход заключается в разработке основ исторической типологии книги, о чем нам уже приходилось неоднократно говорить³. Дело это в значительной мере новое, однако, в советской культурологии и в книговедении некоторый методический опыт такой работы имеется. И важно подчеркнуть, что в этом отношении теоретическая мысль советских и польских ученых в известной мере развивается параллельно, еще раз подтверждая пользу сотрудничества в сфере разработки проблем общей теории книговедения.

Вопрос о системе исторической типологии книги неразрывно связан с более широкой проблематикой, а также с местом и ролью книги в контексте культуры. В той или иной степени этого аспекта касаются авторы большинства статей, помещенных в рассматриваемом сборнике. Но если в работах западногерманских книговедов (прежде всего — в статье Г. Зихельшмидта, с. 83—84, 87) эти сюжеты трактуются скорее под углом зрения систематизации и классификации различных областей книговедения, то книговеды ГДР и Польши затрагивают принципиальные методологические проблемы культурной, общественной роли книги, нередко ссылаясь на опыт советского книговедения. Проф. Гломбёвский, например, останавливается на общественной функции книги и на выявлении ее места в ряду других средств массовой информации. Нельзя, впрочем, согласиться с автором, когда он заявляет, что в древности и в средние века устное слово в Европе «никогда... не служило... передаче будущему доверенного ему содержания» (с. 31). Утверждать столь категорично — значило бы забывать роль фольклора и других средств передачи информации. Несомненно, однако, что возможности «благоприятного социального воздействия книги на людей» и степень «точности в передаче содержания» у книги, действительно, велики. Но это, в свою очередь, означает, что и рассматривать эту роль книги нужно в общем контексте культурной деятельности. Если сравнительно недавно слишком пылкие приверженцы информатики были склонны вообще списать книгу со счетов культуры, то так называемый «информационный взрыв» породил иную крайность, когда, например, невиданный прежде интерес, особенно в нашей стране, к книге и к созданию личных библиотек стал объяснять причудами моды. Мода, разумеется, во все времена диктовала те или иные доступки. Но только ли «модой» можно объяснить интерес советских людей к книге? Разве в той же мере не переполнены залы музеев, разве пустуют залы театров и концертных залов?

Если смотреть на эти и подобные им примеры не изолированно, а в едином русле общественного развития, то, даже принимая во внимание разного рода издержки, нельзя не видеть в этом проявление глубинных процессов необычайного роста культуры многомиллионных масс. И «книжный взрыв» является прямым следствием культурной револю-

³ См., напр.: Мыльников А. С. Книга и культура. Тез. доклада. М., 1977, с. 13—17.

ции, произошедшей в нашей стране за годы Советской власти. А хорошо известно, какую роль в совершении этого величайшего культурного переворота сыграла именно книга. Следовательно, теоретическое и историко-типологическое осмысление книжного дела в прошлом и настоящем, выявление связей, существующих между книгой и культурой, имеет первостепенное научное и практическое значение.

Мы остановились лишь на некоторых, на наш взгляд, наиболее существенных аспектах рецензируемого сборника. Следует также отметить удачный отбор материалов. Завершая разбор, нельзя не упомянуть и о хороших переводах статей зарубежных книговедов, выполненных Б. П. Боссартом и Ю. А. Лабынцевым, а равно об именном указателе, существенно облегчающем пользование книгой и повышающем ее информационную значимость. Нужно всячески приветствовать инициативу издательства «Книга» и выразить уверенность, что оно продолжит так успешно начатое ознакомление советских книговедов с наиболее интересными работами их зарубежных коллег.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

ОБ ОПТИМАЛЬНОМ АППАРАТЕ ИЗДАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

В ежегодном репертуаре изданий значительная часть приходится на художественную литературу — более 750 млн. экз. Практически каждая третья книга — художественная. Подобные масштабы издания художественной литературы придают повышенную актуальность каждому аспекту редакционно-издательского процесса. Неисследованность в теории, эмпиризм на практике оборачиваются нередко громадными издержками как идеологического, так и практического характера.

Одним из важных этапов подготовки к выпуску в свет изданий художественной литературы является создание и редактирование сопроводительного аппарата литературно-художественных изданий. Отсутствие аппарата в издании снижает его научную ценность в историко-литературных исследованиях, силу идейно-художественного воздействия литературы на читателей, а также уровень ее популяризации. Снабжение изданий аппаратом, обладающим малой информационностью, или, наоборот, перенасыщенным ею, не повышающей научной и идейно-художественной ценности его, ведет к неоправданным расходам бумаги, к перегруженности полиграфических мощностей.

Не случайно все три Всесоюзные научные конференции по проблемам книговедения уделили значительное внимание теоретическим и практическим вопросам, связанным с сопроводительным аппаратом. Нередко к этим проблемам обращается периодическая печать. В последнее время вышло несколько теоретических работ и практических пособий по проблемам сопроводительного аппарата. Так, в 1977 г. издательство «Книга» выпустило работу Г. Тяпкина «Аппарат произведения печати». Ее автор предпринял успешную попытку «дать читателю более или менее полные сведения о значении, месте в книге, принципах подготовки любого элемента аппарата для того или иного вида издания или вида литературы»¹. Годом позже в том же издательстве вышла книга В. Е. Барыкина «Справочный аппарат изданий художественной литературы».

* Барыкин В. Е. Справочный аппарат изданий художественной литературы. М., Книга, 1978. 143 с.

¹ Тяпкин Б. Г. Аппарат произведения печати. М., 1977, с. 4.

Названные книги, как и публикации по этой проблематике в книговедческой периодической печати, свидетельствуют о том, что разработка проблем сопроводительного аппарата затрагивает как издания всех типов литературы, так и ее отдельных типов. Пока больше всего повезло аппарату изданий художественной литературы, так как именно этой проблематике посвящено наиболее значительное число публикаций. Это прежде всего работы наших виднейших текстологов Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума.

В начале 60-х годов вышли в свет и такие фундаментальные работы, как «Основы текстологии» (1962), «Текстология» Д. С. Лихачева (1962), «Вопросы текстологии» (вып. 3, 1964), «Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта» (1963), «Текстология. (Принципы издания классической литературы)» Е. И. Прохорова (1966) и др.

В 1974 г. внимание литературоведов, текстологов, книговедов, издателей к проблеме комментирования изданий классики привлекла рядом острых выступлений «Литературная газета». В 1978 г. издательство «Просвещение» выпустило вторым изданием «Основы текстологии» С. А. Рейсера, который уделил вспомогательному аппарату немалое внимание.

Мы не случайно так подробно остановились на библиографии рассматриваемой текстологической и книговедческой проблемы. Имеющаяся литература подготовила в известной мере работу В. Е. Барыкина, и в то же время поставила перед автором ряд сложных задач — критически рассмотреть сделанное другими, выявить наметившиеся тенденции, определить и обосновать свою точку зрения и на основе научных обобщений выработать практические рекомендации издателям.

Для книговедческой теории стало очевидным положение о прямой зависимости сопроводительного аппарата от типа издания. Однако издательской практикой такая зависимость еще не осознана в достаточной мере. И повинны в этом не столько издатели-практики, сколько книговеды-теоретики. Доказав зависимость аппарата от типа издания, они не раскрыли во всей сложности и полноте механизм этой зависимости, механизм воздействия типа издания на содержание и структуру сопроводительного аппарата. Выпущенная «Книгой» работа В. Е. Барыкина и есть в известной мере восполнение этого пробела.

Небольшая по объему книга В. Е. Барыкина состоит из трех глав — «Значение справочного аппарата в изданиях художественной литературы», «Методология подготовки и редактирования справочного аппарата» и «Техника оформления элементов справочного аппарата». В структуре книги четко выражена ее направленность — определить основные функции и систему справочного аппарата изданий художественной литературы, показать их зависимость от типа издания, охарактеризовать принципы создания и редактирования каждого из элементов справочного аппарата, раскрыть технику оформления каждого из них. Как видим, научный анализ, систематизация и теоретическое обобщение большого опыта, накопленного советскими издательствами, подчинены в первую очередь задачам широкого распространения его в редакционно-издательской практике. И В. Е. Барыкин, и автор данной рецензии согласны с утверждением Б. Г. Тяпкина о том, что главная причина неблагополучия с сопроводительным аппаратом изданий — в недостаточной специальной книговедческой подготовке редакторов. Рецензируемая работа и является тем специальным пособием, которое позволит восполнить пробелы книговедческой подготовки издательских работников.

Уже отмеченная нами зависимость аппарата от типа издания заста-

вила автора обратиться к проблеме классификации (вернее типизации) литературно-художественных изданий. Ей посвящена первая глава, хотя она и получила название с несколько иным аспектом — «Значение справочного аппарата в изданиях художественной литературы».

Проблематику своей темы и проблемы типизации В. Е. Барыкин рассматривает применительно к собраниям сочинений писателей-классиков. Подобное ограничение вполне оправданно и аргументировано автором.

Похвально стремление автора рецензируемой работы «выделить из множества мнений, высказанных в разное время учеными, то общее, в чем они сходятся в своих попытках наметить основы типологической классификации изданий классиков» (с. 10). В. Е. Барыкин безусловно прав, утверждая: «Все исследователи считают, что при определении типа издания необходимо учитывать его целевое и читательское назначение» (с. 10). Именно этот критерий завоевывает в конце концов право считаться общепризнанным принципом типизации изданий художественной литературы. Об этом свидетельствуют и последние работы, специально посвященные проблемам типизации литературно-художественных изданий².

Однако автор вскоре отходит от высказанных им положений, утверждая, что «ни один из исследователей не предлагает единого критерия для группировки типов изданий художественной литературы» (с. 10). И далее он продолжает: «В качестве основы деления берется совокупность признаков, взятых в том или ином сочетании (полнота, уровень научности, состав, читательский адрес, целевое назначение, характер справочного аппарата и т. д.)» (с. 10). Подобное утверждение неточно. Не все авторы работ о типизации изданий художественной литературы смешивают типобразующий принцип систематизации изданий с существенными чертами изданий, характерными для определенного типа, как это делает В. Е. Барыкин.

На необходимость четкого разграничения критерия, принципа типологического деления изданий (целевое и читательское назначение) и существенных признаков выделенных типов изданий (состав, структура издания, особенности подготовки текста и его подачи, характер и структура сопроводительного аппарата) указывается в работе, на которую ссылается В. Е. Барыкин³. Об этом же пишет и Б. Я. Бухштаб: «Тип литературно-художественного издания в конечном счете определяется основным целевым и читательским назначением»⁴.

Мнение о критерии, принципе типизации у большинства исследователей совпадает, а вот набор типологических черт, в котором практически проявляется тип издания, у каждого исследователя оказывается разным. Один исследователь приписывает, например, академическому изданию одни черты, другой — несколько видоизмененные. А в результате одно и то же издание разными авторами причисляется к разным типам издания. Это и приводит к своего рода «тупиковой ситуации» в разработке проблем типологии изданий.

Каков же выход из этой ситуации? Вот как намечает его Б. Я. Бухштаб в своей статье, которая по праву считается «наиболее развернутой и обоснованной попыткой в нашей литературе дать научную клас-

² Бухштаб Б. Я. Проблемы типологии литературно-художественных изданий. — Книга. Исслед. и материалы, 1976, сб. 32, с. 5—35; Монастырский И. М. Научная база совершенствования издательского дела. — Итоги науки и техники. Сер. «Экономика, организация и технология полигр. производства», 1977, т. 1.

³ Лавров Н. П. Редакционно-текстологическая подготовка собраний сочинений советских писателей. — Книга. Исслед. и материалы, 1965, сб. 11, с. 83.

⁴ Бухштаб Б. Я. Указ. соч., с. 15.

сификацию типов и видов литературно-художественных изданий»⁵. При типизации конкретных изданий он предлагает учитывать, что «признаки могут быть присущи изданиям в разной степени». По его мнению, надо «установить, какие признаки наиболее существенны для характеристики типа и в какой мере (максимальной, минимальной?) каждый из этих признаков характеризует то или иное издание»⁶.

К сожалению, автор «Справочного аппарата изданий художественной литературы» не воспользовался этими рекомендациями. Для разработки избранной им темы достаточно четкая функциональная типизация изданий, развивающая уже достигнутое в этой области, — необходимое условие. В. Е. Барыкин отважился решить одну из сложнейших проблем книгоиздания и теории книговедения. Справедливо отметив, что большинство исследователей делят все издания художественной литературы на четыре основные группы, обозначая этим словом нередко тип издания, он сам склоняется к такому заключению: «Издания классической художественной литературы (или вообще писателей прошлых эпох) по читательскому адресу и целевому назначению делятся на академические и научно-популярные» (с. 23).

Эта точка зрения автора, во-первых, не учитывает новейших тенденций в разработке типологии изданий художественной литературы. Так в упоминавшейся аналитической статье Б. Я. Бухштаба обосновываются шесть типов изданий. Правда, выделение одного из них — научно-массового — признается дискуссионным. В. Е. Барыкин ссылается на Б. В. Томашевского, который в одной из лекций говорил о двух типах изданий. Но у Б. В. Томашевского есть и другое утверждение: «Собственно говоря, сколько имеется категорий читателей с их различными запросами, столько может быть и различных типов издания»⁷. Точка зрения В. Е. Барыкина, во-вторых, не получает достаточного обоснования. Почти вся система доказательств сводится к рассуждениям о содержании понятий *научность* и *массовость*. Автор полагает, что все исследователи обычно противопоставляют эти понятия. Правда, он сам ссылается на Г. О. Винокура, который вполне справедливо утверждал, что все издания-классиков в смысле их подготовки к печати должны быть научными. Потому-то у большинства исследователей содержание терминов, применяемых для обозначения типов изданий — научный, академический, научно-массовый, массовый — определяется целевой и читательской установкой. Учитывая, что в наше время издания всех типов выходят массовыми тиражами, автор данной статьи предлагал уже уточнения: научно-популярное, популярное.

Отметим также, что В. Е. Барыкин не всегда внимателен к своим доказательствам. Так автора этих строк он причислил к защитникам «межеумочных» изданий, в то время как он занимался анализом причин появления таких изданий⁸. В настоящее время все многотиражные и многочисленные академические издания выходят сериями, каждая из которых имеет свой тираж. По-видимому, В. Е. Барыкин не одобряет «синтетический» способ тиражирования томов в таких изданиях. Но пишет о нем неопределенно: «думается, не оправдал себя» (с. 12).

Итак, всего два типа издания художественной литературы выделяет В. Е. Барыкин. Дихотомическое деление, за которое ратует автор, налицо. Но налицо и его недостатки. Академических изданий наперечет. Бесчисленное множество неакадемических (т. е. научно-популярных)

⁵ Рейсер С. А. Основы текстологии. М., 1978, с. 131.

⁶ Бухштаб Б. Я. Указ. соч., с. 14.

⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга. 2-е изд. М., 1959, с. 155.

⁸ Лавров Н. П. Указ. соч., с. 83—84.

изданий остается пребывать неопределенной массой. Вероятно, неслучайно дихотомическое деление считают лишь вспомогательным приемом в ходе предварительной наметки классификации.

В книге «Справочный аппарат изданий художественной литературы» дихотомия взята за основу. В результате появляется несколько типологических рядов. Уже названный: академический и научно-популярный. Далее: по характеру подготовки текстов — критический и некритический, по характеру справочного аппарата — комментированный и некомментированный. И все они названы основными типами изданий. Правда, на той же странице В. Е. Барыкин, полемизируя с Б. Я. Бухштабом, пишет вполне справедливо: «Неубедительной была бы и попытка провести разграничение (изданий.— *Н. Л.*) по характеру элементов справочного аппарата, так как они зависят от целей и задач издания» (с. 23).

Ведущее место в книге занимает вторая глава «Методология подготовки и редактирования справочного аппарата». Она-то в первую очередь определяет теоретическую и практическую значимость работы В. Е. Барыкина. Внимательно и аргументированно в строгой последовательности с использованием в большинстве случаев работ предшественников рассматривается возникновение и совершенствование каждого из элементов аппарата. Все элементы сгруппированы по общности специфических функций, которые они выполняют. Правда, недостаток места продиктовал автору необходимость выбора лишь двух групп: сопроводительные статьи и комментарии, указатели и приложения. За пределами оказалась третья группа: выходные сведения, аннотация, титульные элементы и т. д. Такой выбор представляется вполне оправданным.

Больше всего места В. Е. Барыкин отводит сопроводительным статьям и комментариям. Ведь они имеют непосредственное отношение к содержанию издания и призваны помочь читателю составить правильное представление об авторском тексте. Они осуществляют познавательную функцию аппарата. Поэтому прежде всего рассматривается познавательная ценность сопроводительных статей. Образцом марксистской интерпретации художественного творчества являются статьи В. И. Ленина о Толстом. Беспартийное истолкование художественного произведения невозможно — это положение получило научное обоснование в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература». В. Е. Барыкин наглядно показывает, к каким последствиям приводит отступление от ленинских принципов.

Характеризуется и такой распространенный недостаток вступительных статей, как эклектизм, порою ошибочно принимаемый за эрудицию. Редактору раскрываются истоки подобных слабостей. И это стремление В. Е. Барыкина заслуживает всемерной поддержки. Редактору издания полезно и хорошее знание типологических различий между основными видами сопроводительной статьи: вступительная статья, предисловие, послесловие, биографический очерк. О биографическом очерке автор пишет аналитически. По поводу же других видов статей он предпочитает ограничиваться изложением существующих точек зрения.

С интересом читаются параграфы, посвященные комментариям. Они подкупают наглядностью изложения сложных проблем и аргументированностью позиции автора. Убедительно обоснована объективная необходимость комментирования текста. Читатель чувствует стремление раскрыть разницу между сопроводительными статьями и комментарием, авторам которого нежелательно выходить за пределы фактического материала. Основательно подходит В. Е. Барыкин к проблеме о мере

вмешательства комментатора в авторский текст. В поисках этой меры комментаторы и редакторы порою впадают в крайности. Это либо сухое, протокольное комментирование, оторванное от внутренней жизни произведения, либо произвольное, «творческое» толкование авторского текста. Эти подстерегающие издателей опасности рассматриваются на конкретных примерах, при этом и намечается тот непростой путь, который приводит к желаемым результатам. Путь действительно непрост, так как составление и редактирование комментария — «дело творческое и в высшей степени тонкое» (с. 85).

Вполне заслуженно привлекла внимание В. Е. Барыкина проблема классификации видов комментария. К сожалению, до сих пор не существует общепринятой классификации. Автор предлагает свою классификацию, которая, по его заявлению, усовершенствует и упростит классификацию, предложенную некогда Б. В. Томашевским. В ней выделяются шесть видов комментария: текстологический, библиографический, реальный, стилистический, литературно-критический, биографический. Четыре из них, приводимые в большинстве текстологических и книговедческих работ, получили достаточно полную характеристику. Это текстологический, историко-литературный (у В. Е. Барыкина — литературно-критический), реальный и словарный (у В. Е. Барыкина — стилистический). Предложенные автором библиографический и биографический комментарии обычно не выделяются в самостоятельные виды, а сведения библиографического характера включаются в текстологический (его называют еще источниковедческим), биографического характера — в историко-литературный. Четырехвидовая классификация, как и принятые названия каждого вида, представляются нам более обоснованными.

Аргументированный анализ издательской практики позволил автору написать о вспомогательных указателях. В нем убедительно показано значение указателей в различных изданиях, раскрыты приемы их подготовки и редактирования. Правильно ориентируют редактора и авторские рекомендации, посвященные приложениям.

Заключительная главка книги, посвященная технике оформления элементов справочного аппарата, невелика по размеру, но насыщена полезным практическим материалом. Особо подчеркивает В. Е. Барыкин экономичность того или иного приема оформления. «Еще более экономичны списки источников, каждый из которых имеет порядковый номер, — справедливо утверждает он. — При цитировании и ссылках на них достаточно указать соответствующий номер» (с. 129).

Книга В. Е. Барыкина несомненно сыграет заметную роль в повышении уровня специальной книговедческой подготовки редакционно-издательских работников и тем самым в росте культуры наших изданий.

Итак, сделан значительный шаг на пути к созданию оптимального справочного аппарата изданий классической литературы. На очереди исследование, а также разработка методики подготовки и редактирования справочного аппарата изданий советской художественной литературы, изданий зарубежной литературы, как классической, так и современной. После этого мы сможем говорить о создании оптимальной модели справочного аппарата изданий всей художественной литературы.

Н. П. ЛАВРОВ

КНИГОВЕДЕНИЕ

Указатель литературы за 1977 г.

Данный указатель охватывает основную литературу по вопросам книговедения за 1977 г. и литературу за 1965—1975 гг., не вошедшую в предыдущие указатели. В связи с тем, что выходит ежемесячный указатель «Новая советская и иностранная литература по библиотековедению и библиографии», выпускаемый Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, а библиография по оформлению книги публикуется в сборнике «Искусство книги», в нашем указателе соответствующие разделы отсутствуют. Литература на языках народов СССР, за исключением книг, включается с 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и книга: К. Маркс и Ф. Энгельс (№ 1—4); В. И. Ленин (№ 5—58); История издания и распространения произведений классиков марксизма-ленинизма (№ 59—101); *Решения КПСС и Советского правительства по вопросам печати* (№ 102—106); *Общие вопросы теории печати и книгоиздательского дела* (№ 107—175); *Общие вопросы информатики, библиотековедения и библиографоведения* (№ 176—217); *История, социология и психология чтения* (№ 218—253); *Книговедческая периодика* (№ 254—262); *Указатели литературы по книговедению* (№ 263—268); *Терминология* (№ 269—288); *История письменности, печати и книгоиздательского дела:* Работы общего характера (№ 289—299); *Книжные фонды библиотек* (№ 300—314); *История письменности* (№ 315—332); *Рукописная книга* (№ 333—419); *История печати и книгоиздательского дела СССР (1564 — октябрь 1917 г.)* (№ 420—447); *Книгоиздательское дело народов России* (№ 448—474); *История издательств* (№ 475—485).

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

1. Белая Л. Новое пособие для студентов: [Рец. на кн.]: Бережной А. Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс—журналисты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.—Журналист, 1977, № 8, с. 61.

2. Дворкина М. Д. Русская революционная литература в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса.— В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 34—41.

3. Иванова Е. М. Публицистическое мастерство Маркса в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции». — В кн.: Проблемы истории, теории и практики журналистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977, с. 59—73.

4. Молчанов В. С пометками Маркса: [О поисках рус. книг из б-ки К. Маркса]. — Правда, 1977, 6 мая.

В. И. ЛЕНИН

5—7. В. И. Ленин и библиотечное дело: [Сборник/Сост. К. И. Абрамов]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1977. 431 с., ил., 4 л. факс., 1 л. портр.— В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

Разделы: В. И. Ленин о б-ках в дореv. России и за границей; В. И. Ленин о библиотечном деле в соц. о-ве; Б-ки и хоз. стр-во; Централизация библиотечного дела; В. И. Ленин и библиогр.; Б-ка и библиогр. в жизни В. И. Ленина; Декреты и постановления Сов. власти о библиотечном деле и библиогр.; Из воспоминаний о В. И. Ленине.

Рец.: Абрамов К. Ленинский план организации библиотечного дела.— Библиотекарь, 1977, № 11, с. 75—77; Уланова Л. Н. Второе издание сборника «Ленин и библиотечное дело». — Сов. библиотечное дело, 1977, № 1, с. 118—120.

8. Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника, 1870—1924. Т. 8. Ноябрь 1919—июнь 1920/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1977. XVI, 704 с., 9 л. ил.

См. рубрики «Указателя организаций, предприятий, учреждений и общественных зданий»: Б-ки — бывш. Вольного экон. о-ва (Петроград) — личная б-ка В. И. Ленина — Публичная (Петроград) — Публичная б-ка Румянцевского музея (Москва) — Центр. парт. б-ка — Юрьевского ун-та; Всерос. Центр. Исследовательский Ком-т (ВЦИК) — Всерос. агентство ВЦИК по распределению произведений печати (Центропечать); Выш. совет нар. хоз-ва (ВСНХ) — полигр. отд.; Изд-ва — Военное изд-во — «Всемирная литература» (Москва) — Всеукраиниздат — Гос. изд-во (Госиздат) — «Земля и Воля» (Петроград) — изд-во

ВЦИК — «Колос» — «Центрофуга»; Комиссии — по распределению национализированных книг; Рос. кн. палата (Петроград); Склады — центр. книжный (Москва); Типографии — Военного ведомства — «Копейка» (Петроград) — бывш. Мамонтова (Москва) — 1-я Гос. (Петроград) — Политуправления Реввоенсовета Республики — 17-я (бывш. Кушнерева, Москва) — бывш. Сытина (Москва) — бывш. Яроцкого; Управления — фабриками заготовления гос. знаков (Гознак).

9. Абдуллин Р. Г. Ленинские принципы книгоиздания. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 41—52.

10. Абрамов К. И. Исторические источники по проблеме «Ленин и библиотечное дело». — История библиотечного дела в СССР, 1977, сб. 3, с. 3—10.

11. Абрамов К. И. Листая страницы ленинской биохроники: [К изучению ленинского плана библиотечного дела]. — Сов. библиотечное дело, 1977, № 5, с. 3—12.

12. Акулич В. А. В. И. Ленин о социальной роли советских библиотек. — В кн.: Вопросы истории/Минск. пед. ин-т им. А. М. Горького. Минск, 1977, с. 3—13.

13-14. Балухев Б. П. Ленин полемизирует с буржуазной прессой. М.: Политиздат, 1977. 254 с.

Рец.: Кузнецов В. — Новый мир, 1977, № 11, с. 282.

15. Бережной А. Ф. В. И. Ленин публицист и редактор. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1977. 224 с. — В надзаг.: Выш. парт. школа при ЦК КПСС, Кафедра журналистики. — На молд. яз.

16. Всесоюзное чтение на тему «Ленин и книга», посвященное 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: (Метод., библиогр. и др. материалы в помощь б-кам)/[Сост. М. М. Цома]; Гос. респ. б-ка ГССР им. К. Маркса. Тбилиси, 1977. 14 с. — На груз. и рус. яз.

17. Гасанов М. М. В. И. Ленин о комплектовании библиотечных фондов. — Учен. зап./Азерб. ун-т. Сер. библиотечное дело, 1977, № 2, с. 44—49. — На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

18. Деметьев А. Г. Ленин — читатель художественной литературы. — Молодой коммунист, 1977, № 4, с. 79—85.

19. Ерохин А. «В мире не бывало таких конституций, как наша»: (Литература о первой Конституции Страны Советов в личной б-ке В. И. Ленина в Кремле). — Библиотекарь, 1977, № 12, с. 34—36.

20. Ерохин А. На книжной полке Ильича: [Об изданиях брошюр с текстом Конституции РСФСР 1918 г., находящихся в личной б-ке В. И. Ленина]. — Учительская газ., 1977, 9 июля.

21. Ерохин А. Напечатано в Самаре: (В б-ке В. И. Ленина в Кремле хранится самар. изд. книги Н. К. Крупской «Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Республики»). — Волж. коммуна, 1977, 1 сент.
22. Ерохин А. Соловьиная песня России: Рассказы о книгах, прочит. В. И. Лениным в канун Октября. — Учительская газ., 1977, 4 ноября.
23. Зайниев Н. З. В. И. Ленин об информировании народных масс. — Труды/Самарк. ун-т, 1976, вып. 301, с. 135—145.
24. Западов А. В. Мысль и слово: Из наблюдений над лит. работой В. И. Ленина. 3-е изд., перераб. М.: Книга, 1977. 181 с. — В надзаг.: Всесоюз. добр. о-во любителей книги.
25. Захарченко В. Д. Стокгольм: Музей Ленина: [О Стокгольм. Королевской б-ке, в которой работал В. И. Ленин в 1907 и 1910 гг.] — В кн.: Захарченко В. Д. Проводи меня до звезды: Лирико-эпич. повествование о путях в Завтра. М.: Мол. гвардия, 1977, с. 231—237.
26. Иванов Н. Здесь работал В. И. Ленин [В Прусской гос. б-ке — ныне Гос. б-ке ГДР]. — Известия, 1977, 22 янв., Моск. веч. выпуск.
27. Левин Л. А. Роль В. И. Ленина в издании произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке до Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 8—21.
28. В. И. Ленин и изобразительное искусство: Документы. Письма. Воспоминания/[Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств Акад. художеств СССР; Авт.-сост. В. В. Шлеев]. М.: Изобразит. искусство, 1977. 551 с., ил. См.: Лит. по искусству в б-ке В. И. Ленина в Кремле, с. 525—530; Выписки из каталогов Бернской б-ки, сделанные В. И. Лениным, с. 531.
29. Малинин Н. Из книг семьи Ульяновых: [Об обнаружении счета петербургского книгопродавца И. Глазунова на имя И. Н. Ульянова на высланные ему в авг. 1881 г. книги]. — Сов. культура, 1977, 21 янв.
30. Поляков М. Г. Иностранные языки в жизни и деятельности В. И. Ленина: Пособие для учителей иностр. яз. М.: Просвещение, 1977. 167 с.
31. Посадсков А. Л. Ленинская концепция книжного дела и ее претворение в жизнь в СССР. — В кн.: Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977, с. 5—18 (АН СССР, Сиб. отд-ние. Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Сб. науч. трудов; [Вып. 37]).
32. Салищев К. Землю всю охватываая разом... [В. И. Ленин об издании картограф. литературы]. — В мире книг, 1977, № 4, с. 40—42.
33. Сергеев А. Истоки великого закона: [О б-ке В. И. Ленина в Кремле]. — Гудок, 1977, 15 дек.
34. Сизоненко А. И. Подарок В. И. Ленину из Мексики: [К истории передачи В. И. Ленину в 1922 г. книги К. Валенсуэла и А. Чаверри Матаморос «Сонора и Карранса»]. — Латин. Америка, 1977, № 6, с. 145—146.
35. Слободянюк Р. Д. Книга про Ленина — публициста и редактора: [Рец. на кн.]: Бережной А. Ф. В. И. Ленин — публицист и редактор. М.: Мысль, 1975. — Журналистика (Киев), 1977, вып. 2, с. 121—126. — На укр. яз.
36. Гарасов М. За строккой ленинского документа: [Из истории Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина]. — Библиотекар, 1977, № 11, с. 15—19.
37. Трофимов Ж. Тургенев в семье Ульяновых. — Лит. Россия, 1977, 22 апр., с. 5.
38. Трофимова Л. М. В. И. Ленин и книжное дело: [Рец. на кн.]: Книга и книжное дело в первые годы Советской власти. Вып. 1. В. И. Ленин и кн. дело. Декреты Советской власти о книге и книжном деле. Указ. литературы. [Сост. Т. А. Подмазова, Л. А. Егорнова, Л. И. Фурсенко]. М., 1976. — Сов. библиогр., 1977, № 4, с. 84—86.
- 38а. Уживительных истоков: [Значение наследства В. И. Ленина в теории и практике библиотечного дела. Передовая]. — Библиотечная работа, 1977, № 4, с. 1—2. — На литов. яз.
39. Фонов Г. П. Жизненность ленинских идей в области библиографии и пропаганды книги. — В кн.: 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие библиотечного дела в стране: Всесоюз. науч.-теорет. конф. (26—28 сент. 1977 г.): Тезисы докл. и сообщ. М., 1977, с. 10—13.
40. Шарапов Ю. П. Книга в жизни Ленина. — Веч. сред. школа, 1977, № 2, с. 9—15.
- 41—52. Шарапов Ю. П. Ленин как читатель. М.: Политиздат, 1977. 208 с., ил. Рец. на изд. 1976 г.: Агеносов В. Книга о Ленине-читателе. — Распространение печати, 1977, № 10, с. 39; Жировов Б. — Лит. обозрение, 1977, № 1, с. 36—37; Кинкулькин А. — Лит. в школе, 1977, № 2, с. 71—74; Кирлите С. — Библиотечная работа, 1977, № 11, с. 22—25. — На литов. яз.; — Кожемякин Н. Великий читатель. — Семья и школа, 1977, № 1, с. 51—52; Лучинский Е. О Ленине-читателе. — Сов. Сибирь, 1977, 13 апр.; Минчин Б. М. — Сов. литературоведение, 1977, № 4, с. 86—87. — На укр. яз.; Михальчик С. Не только для исследователей. — Гродн. правда, 1977, 28 дек.; Напельбаум Л. Школа духа. — Юность, 1977, № 10,

с. 89; Новиков Н. Бесценные свидетельства. — Огонек, 1977, № 3, с. 8; Панченко Т. Ленин читает. — Знамя, 1977, кн. 4, с. 236—239; Савицкая Р. М. — Вопр. истории КПСС, 1977, № 7, с. 120—123.

53. Шарапов-Антонов Ю. П. Изучение В. И. Лениным исторических источников и литературы: Некоторые вопросы методологии и методики 1917—1923 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. М., 1977. 40 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).

54. Эвентов И. «И подружим над землею...»: В. И. Ленин и рев. песня. — Нева, 1977, № 4, с. 175—182.

55—57. Эвентов И. С. Пробуждение новых сил: В. И. Ленин о поэзии. Л.: Лениздат, 1977. 231 с.

Рец.: Дементьев А. Ленин о поэзии. — Вопр. лит., 1977, № 11, с. 270—278; Молдавский Д. «Надо мечтать!» — Новый мир, 1977, № 11, с. 249—253.

* * *

58. Лениниана: Библиогр. произведений В. И. Ленина и литературы о нем, 1956—1967 гг. [В 3-х т.] Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Т. 3. Литература о жизни и деятельности В. И. Ленина. Ч. 3: Музея В. И. Ленина. Исторические места, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в СССР и за рубежом. Вспомогательные указатели. [Подгот. А. Н. Горяиновым, М. С. Старшиновой, Г. С. Чанышевой и др.] М.: Книга, 1977. 239 с.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

59. Агафонов Л. Н. Произведения классиков марксизма-ленинизма в текущей книжной продукции и в фондах массовых библиотек. — В кн.: Книгоиздание и фонды массовых библиотек. Л., 1977, с. 9—38.

60. Беляева П. Х. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин: Каталог изданий, выпущенных Политиздатом Украины: 1944—1975 гг. Киев: Политиздат Украины, 1977. 46 с. — На укр. яз.

61. Дашжамц Д. Начало распространения идей марксизма-ленинизма в Монголии [1917—1921]. — Проблемы Дальнего Востока, 1977, № 1, с. 102—113.

62. Куча А. Я. Издание произведений классиков марксизма-ленинизма на молдавском языке — важнейший фактор развития культуры Молдавии (1925—1976 гг.). — В кн.: Великий Октябрь и расцвет социалистической культуры Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1977, с. 95—101.

63. Мамбеталиев С. От первой книги до собрания сочинений: [Об изданиях произведений классиков марксизма-ленинизма на кирг. яз.]. — Пропагандист и агитатор Киргизстана, 1977, № 6, с. 10—12.

64. Морозова Е. М. О редких изданиях произведений классиков марксизма-ленинизма в библиотеке ВПШ при ЦК КПСС. — Учен. зап./Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1977, вып. 7, с. 234—238.

65. Халафов А. Т. Общие вопросы издания произведений основоположников марксизма-ленинизма. — Учен. зап./Азерб. ун-т. Сер. библиотековедения и библиогр., 1977, № 2, с. 7—14. — На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

66. Шерешевский Б. М. Великий Октябрь и распространение марксизма-ленинизма в Китае. — Изв. Сиб. отделения АН СССР, 1977, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 59—65.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

67. Алексеев В. «Манифест» в России: [Об издании «Манифеста Коммунистической партии» в 1905—1907 годах]. — Лит. Россия, 1977, 17 июня, с. 24.

68. Алексеев В. Письма К. Маркса: [О первом издании брошюры К. Маркса «Письма к Л. Кугельману» под ред. и с предисл. В. И. Ленина. 1907 г.]. — Лит. Россия, 1977, 30 сент., с. 16.

69. Алексеев В. Таинственное издание: [Об издании брошюры К. Маркса и Ф. Энгельса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в России в 1895 г.]. — Лит. Россия, 1977, 10 июня, с. 16.

70. Багдасарян Е. Г. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на армянском языке (1894—1973). Ереван, 1977. 175 с. — В надзаг.: Ин-т истории партии ЦК КП Армении — арм. филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гос. кн. палата АрмССР. — На арм. яз. Предисл. на рус. яз.

71. Наш календарь: [К 100-летию издания первого тома «Капитала» К. Маркса. О. Сайкин; А. Уроева]. — В мире книг, 1977, № 9, с. 81—82.

72. Никоненко С. Вечно живое: [Рец. на кн.]: Штерн Х., Вольф Д. Великое наследие: Ист. репортаж о лит. наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М.: Политиздат, 1976. — Знамя, 1977, № 6, с. 233—235.

73. Панухина Н. Б. [Рец. на кн.]: Саралиева З. Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895—1917 гг.) Распространение и пропаганда. М.: Мысль, 1975. — История СССР, 1977, № 1, с. 191—193.

74. Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса: Произведения 1837—1895 гг.: Библиогр. указ. [В 2-х ч.]/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ч. 2: 1864, сент. — 1895/[Подгот. Н. У. Белоусовой и К. И. Конновой]. М.: Книга, 1977. 423 с., факс.
См. № 27.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

75. Бигаев Ю. Прижизненные публикации произведений В. И. Ленина в Дагестане. — Сов. Дагестан, 1977, № 2, с. 72—74.

76. Веселина М. [Рец. на кн.]: Кузьмин С. И. Бесценное ленинское наследие: Поиски и находки. М.: Политиздат, 1976. — Полит. самообразование, 1977, № 7, с. 136—139.

77. Волкова Г. Ее ждали в России: [К 75-летию выхода в свет работы В. И. Ленина «Что делать?»]. — В мире книг, 1977, № 4, с. 77—79.

78. Волин М. С. Публикация произведений В. И. Ленина комитетами РСДРП(б) в 1917 г. — Вопр. истории КПСС, 1977, № 4, с. 113—115.

79. Гак А. М. Вклад Центрального музея революции СССР в дело розыска ленинских документов. — Вопр. истории КПСС, 1977, № 4, с. 118—120.

80. Гарафутдинов Р. Распространение ленинских произведений в Казани до Великого Октября. — Коммунист Татарии, 1977, № 3, с. 71—75.

81. Джабраилов Ф. Б. Об издании полного собрания сочинений В. И. Ленина на азербайджанском языке. — Учен. зап./Азерб. ун-т. Сер. библиотекосведения и библиогр., 1977, № 2, с. 50—61. — На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

82. Иванов Ю. Живое ленинское слово: [О перепеч. статей В. И. Ленина «Начало демонстраций» и «Борьба с голодающими» в Кишинев. подпольной типографии. 1902 г.] — Сов. Молдавия, 1977, 21 янв.

83. Коваль Б. И. Свет Октября над Латинской Америкой. М.: Наука, 1977. 184 с. (АН СССР. Сер. «Страны и народы»).

См.: Гл. Мексиканские рабочие читают «Письмо Ленина». Об издании «Письма к американским рабочим» в 1919—1920 гг. в Мексике, Бразилии, Аргентине, Уругвае и в др. странах Латинской Америки, с. 91—99.

84. Койчурев А. Д. История создания и публикации работ В. И. Ленина по аграрному вопросу в России (1893—1903 гг.) Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1977. 22 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

85. Мадан И. К. Издание и библиографирование произведений В. И. Лени-

на в Советской Молдавии. — Библиотекосведение и библиографосведение Молдавии, 1977, вып. 2, с. 3—18.

86. Мамедов М. Уникальное издание: [Об издании работы В. И. Ленина «О государстве», выпущенном немецкими антифашистами в Германии в годы фашизма под видом поваренной книги]. — Лит. газ., 1977, 16 марта, с. 3.

87. Матусов Г. Ленинская брошюра: [О первом изд. работы В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата». Пг., 1917 г. «Дешевая б-ка» изд-ва «Жизнь и знание»]. — Туркм. искра, 1977, 25 марта.

88. Петров Ф. П. [Рец. на кн.: см. № 76]. — Вопр. истории, 1977, № 4, с. 145—148.

89. Познанский В. [Рец. на кн.: см. № 76]. — Сиб. огни, 1977, № 4, с. 188—189.

89а. Покровская З. Реликвии забываемых лет: [О первых изданиях работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», хранящихся в отделе редких книг Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина]. — Кн. обозрение, 1977, 1 июля, с. 16.

90. Публикация произведений В. И. Ленина в большевистских газетах Украины в первые годы Советской власти/Авт.: Горшуляк И. Д., Солдатенко В. Ф., Беляева П. Х., Вовчок О. М. — Укр. ист. журн., 1977, № 4, с. 43—57. — На укр. яз.

91. Рожинская Ф. Знамя наших побед: Об издании в Узбекистане трудов В. И. Ленина и узбекской Ленинианы. — Корреспондент, 1977, № 4, с. 15—16.

92. Сарбей В. Г. Работа В. И. Ленина в «Киевском слове» в 1905 г. — Укр. ист. журн., 1977, № 4, с. 57—61. — На укр. яз.

93. Сафьян Б. Напечатано при жизни В. И. Ленина: [Из истории выпуска произведений В. И. Ленина в типографии «Печатный Двор». Ленинград]. — Полиграфия, 1977, № 4, с. 20—21.

94. Седов П. Переславские встречи: [Из истории напечатания работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» в подпольной типографии. 1894 г. д. Горки. Переслав. р-на Яросл. обл.] — Читательская газ., 1977, 23 апр.

95. Семенцова Н. Ф. Первое издание избранных сочинений В. И. Ленина: (К 70-летию выхода I тома сочинений В. И. Ленина «За 12 лет»). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика, 1977, № 5, с. 91—93.

96—98. Сочинения В. И. Ленина на Украине, (1894—февр. 1917 г.): Указ. арх. документов/Сост. М. И. Бутыч, И. И. Глыз, Н. И. Крячок, П. М. Шморгул. Киев: Наук. думка, 1977. 255 с. — В надзаг.: Гл. арх. упр. при Совете Министров УССР, Центр. гос. ист. архив УССР в Киеве, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук

при Киев. гос. ун-те им. Т. Г. Шевчен-ко. — На укр. яз.

Рец.: Буцко Н. А., Комарни-цкий С. И. — Архивы Украины, 1977, № 5, с. 82—84. — На укр. яз.; Варга-тjuk П. Л. — Укр. ист. журн., 1977, № 11, с. 139—141. — На укр. яз.

99. Сулейманов С. На киргиз-ском языке: [Об изд. ленинского теорет.

наследия в республике]. — Сов. Кирги-зия, 1977, 22 апр.

100. Фукидис Н. Книги В. И. Ле-нина в Греции. — Проблемы мира и со-циализма, 1977, № 7, с. 94.

101. Шестакова Л. «От имени всей юности...»: [О прижизненном изда-нии речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ «Задачи союзов молодежи»]. — Комс. правда, 1977, 1 окт., с. 2.

РЕШЕНИЯ КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

102. О награждении Всесоюзной книж-ной палаты орденом «Знак Почета». Указ Президиума Верховного Совета СССР. 11 мая 1977 г. — Ведомости Вер-ховного Совета СССР, 1977, № 20, ст. 306.

103. О награждении издательства «Юридическая литература» орденом «Знак Почета». Указ Президиума Вер-ховного Совета СССР. 24 ноября 1977 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 48, ст. 733.

104. О подготовке и издании свода за-конов СССР. Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. 2 сент. 1976 г. — В кн.: Решения партии и пра-вительства по хозяйственным вопросам. Т. 11. Ноябрь 1975 г. — июнь 1977 г. М.: Политиздат, 1977, с. 414—416.

105. О создании хозрасчетных редак-ционно-издательских отделов в автоно-мных республиках, краях, областях, горо-дах Москве и Ленинграде. Постановле-ние Совета Министров РСФСР. 21 июня 1977 г. — Собрание постановлений Пра-вительства РСФСР, 1977, № 13, ст. 126.

106. Об идеологической работе КПСС: Сб. документов. М.: Политиздат, 1977. 639 с.

См.: IV. Вопросы печати и издательско-го дела: Об улучшении качества и по-

вышении действительности общественно-политической литературы. Постановление ЦК КПСС 17 февр. 1967 г.; О повыше-нии роли районных газет в коммунисти-ческом воспитании трудящихся. Поста-новление ЦК КПСС 12 сент. 1968 г.; Об устранении серьезных недостатков в из-дательской деятельности министерств, комитетов, ведомств и организаций. Поста-новление ЦК КПСС 25 дек. 1970 г.; О порядке издания прижизненных собра-ний сочинений советских писателей. Поста-новление ЦК КПСС 24 авг. 1971 г.; О газете «Советская культура». Поста-новление ЦК КПСС 28 авг. 1972 г.; Об освещении вопросов социалистического соревнования в печати Литовской ССР. Постановление ЦК КПСС 3 апр. 1973 г.; Об организации издательства «Плакат». Постановление ЦК КПСС 2 июля 1974 г.; О мерах улучшения подготовки и выпус-ка энциклопедических изданий в союз-ных республиках. Из постановления ЦК КПСС 14 авг. 1974 г.; О мерах по улуч-шению подготовки и переподготовки журналистских кадров. Постановление ЦК КПСС 20 янв. 1975 г.; О мерах по дальнейшему упорядочению издания ли-тературы, экономики и рациональному использованию бумаги для печати. Из по-становления ЦК КПСС 2 июня 1975 г.

См. № 38.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

107. Азимов А. Непревзойденное: [О социальной роли книги]. — В мире книг, 1977, № 7, с. 88—91.

108. Актуальные проблемы книговеде-ния: Сб. науч. трудов/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Отд. редких книг; [Ред. коллегия: Р. Г. Абдуллин, Е. Л. Немировский, Т. А. Подмазова, А. А. Сидоров]. Вып. 2. История книги: Теорет. и методол. основы. М., 1977. 87 с.

Содерж.: Абдуллин Р. Г. О неко-торых аспектах теоретической разработ-ки проблем типологии в советском кни-говедении, с. 5—10; Мильников А. С. История книжных собраний как отрасль историко-книжного знания, с. 11—21; Гречишч А. А. Истоки формирова-

ния книговедения как науки: (К поста-новке проблемы), с. 22—33; Немиров-ский Е. Л. К вопросу об определении книги как знаковой системы, с. 34—43; Черняк А. Я. Еще раз об определе-нии понятия «книга», с. 44—53; Ля-хов В. Н. Искусство книги и история книги, с. 54—68; Немировский Е. Л., Подмазова Т. А. Некоторые мето-дологические основы монографии по ис-тории книги и книжного дела в СССР (1917—1977), с. 69—86.

109. Баренбаум И. Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга». — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 5—13.

110. Беловицкая А. А. Серия «Труды отечественных книговедов». —

Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 191—203.

111. Горбачевский Б. С. Нить Ариадны. Алма-Ата: Жалын, 1977. 143 с., ил. (Книга за книгой). — На каз. яз.

112. Зинкина В. А. Книговедческие исследования Фундаментальной библиотеки АН ЛатвССР. — Изв. АН ЛатвССР, 1976, № 10, с. 3—7. — На латыш. яз.

113—114. Книга: Исследования и материалы/Всесоюз. кн. палата; [Ред. коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др.]. М.: Книга, 1977.

Сб. 34. 239 с., ил.

Сб. 35. 255 с., ил.

115. Книговедческое обозрение: [О развитии книговедения в Молдавии]. — В мире книг, 1977, № 10, с. 92—93. — Подпись: Книговед.

116. Конференция по эстонскому книговедению, 8-я. Тарту, 24—25 окт. 1977 г.: Тез. докл. Таллин, 1977. 47 с. — В надзаг.: АН ЭССР, Лит. музей им. Фр. Р. Крейцвальда. — Посвящается 60-й годовщине Великой Октябрьской соц. революции. — На эст. яз.

Содерж.: Лотт М. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие эстонской книги, с. 3—5; Лоодус Р. Об оформлении эстонской книги в период революций 1917 г., с. 6; Веслис И. Библиография Советской Эстонии 1945—1976 гг., с. 6—9; Каху М. Об изданных в 1917—1940 гг. в Советском Союзе периодических изданиях на эстонском языке и их сотрудничестве, с. 9—12; Выйме Л. Прогрессивная газета американских эстонцев «Vus Ilm» в период между двумя мировыми войнами (1919—1939), с. 13—14; Йохани Х. Книга и читатель с точки зрения библиотекаря, с. 14—21; Роберт К. 425 лет таллинской библиотеке Олевисте, с. 21—27; Ноодла К. Книга в домашних библиотеках г. Тарту в конце XVIII — начале XIX в., с. 27—30; Яансон Е. О деятельности М. Г. Греншуса в типографии университета в 1802—1817 гг., с. 30—33; Пылдымяэ Р. «Tallorahva Postimees» (1857—1859 гг.), с. 33—38; Миллер В. Отраслевые издания и их значение в научно-исследовательской работе, с. 39—44; Лайдвез Л. Старейшая эстонская периодика в библиотеках, с. 44—46.

117. Лиховид Ф. Я. Книга в жизни советского общества: Лекция по курсу «Введение в специальность» для студентов библиофак. М., 1977. 39 с. — В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.

118. Мадан И. К. Развитие книговедения в союзных республиках. — Учен. зап./Азерб. ун-т. Сер. библиотковедения и библиогр., 1977, № 1, с. 26—32.

119. Немировский Е. Третья Всесоюзная: [По материалам 3-й Всесоюз. конф. по проблемам книговедения, посвящ. теме «60 лет советской книги».

Москва, апр. 1977 г.] — В мире книг, 1977, № 8, с. 88—90.

120. Подмазова Т. А. Третья Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения [«60 лет советской книги»]. Москва, апр. 1977 г.] — НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы, 1977, № 8, с. 25—26.

121. Подмазова Т. А. 60 лет советской книги: III Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. [Москва, апр. 1977 г.] — Сов. библиогр., 1977, № 4, с. 98—109.

122. Разенкова Т. В. Развитие представлений о содержательной структуре понятия «аппарат книги» в советском книговедении. — В кн.: Библиотковедение, библиография и информатика. М., 1977, с. 24—36.

123. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введ. в библиогр. психологию/[Вступит. статья Ю. А. Сорокина]. М.: Книга, 1977. 264 с., ил. (Труды отеч. книговедов).

124. Сводный план научно-исследовательской работы по библиотковедению, библиографоведению и книговедению в РСФСР на 1978 год/Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1977 [вып. дан. 1978]. 32 с.

125. Сикорский Н. М. Книга, единственно необходимая: [Беседа с дир. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина Н. М. Сикорским. Записал Ф. Медведев]. — Строит. газ., 1977, 14 окт.

126. Сикорский Н. М. «...У книги — огромная притягательная сила»: [Беседа с дир. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина Н. М. Сикорским. Записал Ф. Медведев]. — Соц. индустрия, 1977, 23 июля.

127. Синкявичюс К. На поприще книговедения: О III Всесоюз. науч. конференции книговедов. — Новые книги (Вильнюс), 1977, № 8, с. 4—5. — На литов. яз.

128. Специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. — Сов. библиогр., 1977, № 5, с. 115—116.

129. Теплов Д. Ю. Типизация в книговедении и библиографии: Основные проблемы на примере науч.-техн. литературы и ее библиогр. М.: Книга, 1977. 190 с.

130. Успенский Л. Праздник книги: [О роли книги в жизни сов. о-ва]. — Правда, 1977, 24 мая.

131. Чернышова А. А., Чернова Н. В. Книга и другие средства массовой информации. — Кн. торговля. Экспресс-информ., 1977, № 4, с. 1—18.

132. 60 лет советской книги: [III Всесоюз. науч. конференция по проблемам книговедения]. — Сов. культура, 1977, 12 апр.

133—138. 60 лет советской книги: Те-

зисы доклада/Третья Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения [11—13 апр. 1977 г.]. М., 1977. — В надзаг.: АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, М-во культуры СССР, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Госкомиздат СССР, Всесоюз. кн. палата, Всесоюз. добр. о-во любителей книги.

Костаков А. Н. Всесоюзное общество любителей книги и его роль в повышении эффективности использования книжных фондов. 13 с.

Лихтенштейн Е. С. Задачи повышения эффективности научных изданий в свете решений XXV съезда КПСС. 27 с.

Монастырский И. М. Актуальные проблемы научно-исследовательской работы в области издательского дела, книжной торговли и отраслевой системы научно-технической информации. 23 с.

Мыльников А. С. Книга и культура. 17 с.

Немировский Е. Л. Историография советской книги. 20 с.

Сикорский Н. М. 60 лет советской книги. 58 с.

139—144. 60 лет советской книги: Тезисы докладов/Третья Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения [11—13 апр. 1977 г.]. М., 1977. — В надзаг.: АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, М-во культуры СССР, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Госкомиздат СССР, Всесоюз. кн. палата, Всесоюз. добр. о-во любителей книги.

Секция издательского дела, книжной торговли и государственной библиографии. 46 с.

Содерж.: Свищов В. И. Некоторые аспекты редакционно-издательской деятельности в свете теории социальных коммуникаций, с. 3—4; Феллер М. Д. Управление качеством в издательской деятельности, с. 4—5; Коган Е. И. К вопросу о формировании тематического плана местными издательствами (на примере Южно-Уральского книжного издательства), с. 5—6; Алексеев В. И. Опыт системного исследования понятия редакторского анализа, с. 6—7; Мильчин А. Э. Структура редакторского анализа текста, с. 8—9; Машталер Р. М. Некоторые вопросы совершенствования управления издательско-полиграфической деятельностью на основе системного подхода, с. 9—10; Квитко И. С. Работа редактора над термином в научном документе, с. 10—11; Призмент Э. Л. О терминологии вспомогательных указателей к книгам, с. 11—12; Глебова Л. В. Массовая общественно-политическая книга как важнейшее средство идейно-воспитательного воздействия, с. 12—13; Лавров Н. П. Издание советской художественной литературы и литературный процесс, с. 13—14; Краснощекова Е. А. Серии художественной лите-

ратуры: (Теория, практика издания), с. 14—15; Барыкин В. Е. Справочный аппарат изданий художественной литературы, с. 15—16; Кирияк В. С. Вопросы издания и распространения русской книги в Советской Молдавии, с. 16—17; Кравец Е. М. Книга по истории фабрик и заводов Украины и ее роль в коммунистическом воспитании советских людей, с. 17—18; Дрюбин Г. Р. Перспективы развития научно-популярных серий в СССР, с. 18—19; Крундышев А. А. Принципы издания советской научно-популярной биографической литературы, с. 19—20; Иванецкий В. Ю. О «сюжете» и «герое» научно-популярных произведений, с. 20; Якимович Ю. К. Переводные словари и научно-технический прогресс, с. 21—22; Борисович К. Л. Некоторые проблемы совершенствования книгораспространения, с. 22—24; Утков В. Г. Необходимость дифференцированной информации покупателя научной книги, с. 24—25; Аштаменко К. И. Изучение покупательского спроса на техническую литературу и его влияние на тиражирование, с. 25—28; Топольская Т. Б. Пропаганда и реклама книги в периодической печати Латвийской ССР, с. 28—29; Грузинская Н. Н. Книжное дело и государственная библиография, с. 29—30; Немешаев И. П. Обязательный (контрольный) экземпляр произведений печати в СССР и его роль в книжном деле, с. 30—32; Дунаева Т. Г. Основание принципов составления репертуарных сводов национальной печатной продукции, с. 32—33; Платова М. Л. Основные направления совершенствования статистики печати, с. 34—35; Говоров А. А. Историко-книговедческий анализ как фактор ценообразования на бумажно-техническую книгу, с. 35—36; Лопатина Т. Ю. К вопросу о понятии «библиографический словарь», с. 36—38; Семеновкер Б. А. Развитие стандартизации в книжном деле СССР, с. 38—40; Кузин Ф. А. Общественная роль и социальные функции современной научно-технической книги, с. 40—41; Архипова И. В., Беляев Ю. А. Повышение культурного уровня населения и развитие издательской и книжной торговой деятельности, с. 41—43.

Секция искусства книги и теоретических проблем библиофильства. 41 с.

Содерж.: Варшавский Л. Р. 60 лет советской книжной иллюстрации: (Проблемы и характеристика), с. 3; Герчук Ю. Я. Стиль в искусстве книги, с. 3—4; Бабурина Н. И. Влияние стиля художественного оформления книги на другие жанры графики, с. 4—5; Юрьев Ф. И. Выразительные качества и познавательная эффективность цветной иллюстрации, с. 5—11; Чистякова А. В. Некоторые особенности со-

ветской книжной графики 20-х годов, с. 12—13; Валуенко Б. В. Проблемы повышения действенности изданий общенационально-политической литературы средствами искусства книги, с. 13—28; Волкова В. Н. Проблемы оформления современной исторической книги: (На примере деятельности сиб. кн. изд-в), с. 28—29; Шицгал А. Г. Типографские шрифты в СССР на русской графической основе: (Вопросы истории и развития), с. 30—31; Ласунский О. Г. У истоков советского библиофильства, с. 31—32; Теплов Д. Ю. К вопросу о структуре личных библиотек, с. 32—33; Острой О. С. Оскар Эдуардович Вольценбург как книголюб и книговед, с. 33—35; Репецкая В. К. Современный украинский экслибрис, с. 36—37; Панкратов В. Ф. Детский экслибрис в СССР, с. 37—39; Петряев Е. Д. Уральский библиофил В. П. Бирюков, с. 39—40.

Секция истории книги. 49 с.

Содерж.: Барсегян Х. А. Книга Советской Армении: Итоги и перспективы развития, с. 3—4; Ракович А. И. Книга Советской Белоруссии; История и современное состояние (1917—1977 гг.), с. 4—6; Рехимжанова С. Р. Книга Советского Казахстана в послевоенный период (1945—1958 гг.), с. 6; Бакинова Р. А. Книга Советской Киргизии: Итоги и перспективы развития, с. 7; Рожинская Ф. Н. Книгоиздание в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны, с. 8—9; Карулис К. А. Книга Советской Латвии: (Этапы, достижения, проблемы), с. 10; Инкис Р. Я. Книжное дело Советской Латвии (1940—1976 гг.), с. 10—11; Владимирова Л. И. Значение культурной революции в Литве для развития книжного дела, с. 11—12; Роберт К. А. Эстонское печатное слово в СССР в 1918—1940 гг., с. 12—13; Лотть М. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие книжного дела в Эстонии, с. 13—15; Насыров Т. М. Октябрь и книга в Татарии, с. 15—17; Черняк А. Я. Советская техническая книга: Итоги и перспективы развития, с. 17—18; Лаврова Т. С. Советская философская книга: Итоги и перспективы развития, с. 18—21; Макацария З. А. Основные этапы развития технической книги в Грузинской ССР, с. 21—22; Шохирева В. С. Производственно-техническая книга в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма в СССР (1945—1958 гг.), с. 22—24; Бахтурина Г. И. Издание научно-популярной литературы по естествознанию в годы первых пятилеток, с. 24—26; Озерова Г. А. Ленинградские книги, изданные в период блокады, с. 27; Журкина С. М. «Издательское товарищество иностранных

рабочих в СССР», с. 28—29; Зубкова Н. А. Рабочее партийно-кооперативное издательство «Прибой» в Ленинграде (1922—1927 гг.), с. 29—30; Фицицкий М. Я. Издательство Союза писателей Грузии (1925—1937), с. 30—31; Цхведиани Ш. В. Издательство «Техника да шрома» («Техника и труд») (1926—1957), с. 31—32; Скрипник Т. А. «Книгопилка» («Книга — селу») из истории распространения книги на Украине, с. 32—33; Лабынцев Ю. А. Советская книга в довоенной Польше (1918—1939): (Книгораспространение, обзоры, переводы), с. 33—34; Кившарь Т. И. Некоторые вопросы методики исследования истории книгоиздательского дела, с. 34—38; Беловицкая А. А., Омелянчук С. П. О некоторых отличительных чертах советской книги, с. 38—47.

Подсекция советской историографии книги. 28 с.

Содерж.: Розов Н. Н. Советская историография древнерусской рукописной книги, с. 3—4; Баренбаум И. Е. Советская историография зарубежной книги, с. 4—5; Шамин А. Н. Изучение собраний инкунабулов и палеотипов в библиотеках СССР: (К вопросу о сводном и специализированных каталогах), с. 5—6; Горфункель А. Х. Каталоги западноевропейских, старопечатных книг советских библиотек: Состояние и перспективы, с. 7; Исаевич Я. Д. Вопросы научного описания и изучения кирилловской старопечатной книги в Украинской ССР, с. 8; Анушкин А. И. Проблема учета отечественных старопечатных изданий в зарубежных книгохранилищах, с. 9—10; Луппов С. П. Советская историография русской книги XVII—первой половины XVIII века, с. 10—11; Мартынов И. Ф. Советская историография русской книги второй половины XVIII века, с. 11—13; Белоконь С. И. Музей книги на Украине, с. 13; Каганов И. Я. Журнал «Бібліологічні вісті» и его роль в развитии советского книговедения, с. 13—15; Свойский М. Л. Институт книги, документа и письма АН СССР и его роль в становлении советского книговедения, с. 16; Малыхин Н. Г., Сагидова Э. К. Некоторые итоги научно-исследовательской работы по истории национальной книги и библиографии автономных республик РСФСР за годы Советской власти, с. 17—22; Ковба Ж. Н. История изучения читателя и руководства чтением на Украине, с. 22—23; Петровичева Л. И. Из истории изучения советского читателя-рабочего (1920 гг.), с. 23—24; Левшина О. Н. Музей книги: Основные направления деятельности, с. 24—26.

Подсекция «Книга и книжное дело в первые годы Советской власти». 34 с.

Содерж.: Шомракова И. А. Гос-

издат и проблемы оптимальной структуры советского книжного дела, с. 3—5; Посадсков А. Л. Узловые проблемы советской книги в годы строительства социализма, с. 6—8; Андреев-Станкевич В. А. Возникновение комсомольского книгоиздания в 1918—1920 годы, с. 8—10; Подмазова Т. А. Становление советского специализированного издательства в первые годы Советской власти, с. 10—11; Левеншус Л. А. Деятельность военных издательств в период восстановления народного хозяйства (1821—1928 гг.), с. 11—12; Нарыжная С. М. Становление советского книгоиздательства на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.), с. 13—14; Батхина Е. В. Роль местного книгоиздания в становлении советской издательской системы в первые годы Советской власти: (К постановке вопроса), с. 14—15; Пайчадзе С. А. Первое советское книжное издательство Дальнего Востока, с. 16—17; Стонене В. В. Литовская печать в Советской России в 1917—1918 гг., с. 17—18; Белов С. В. Советские частные издательства 20-х годов, с. 18; Юниверг Л. И. Издательская деятельность И. Н. Кнебеля после революции (1918—1926), с. 19; Гужиева Н. В. В. Брюсов и проблема культурного наследия прошлого, с. 20—21; Толочинская Б. М. Книга о театре в первые годы Советской власти, с. 21—23; Анишкина Н. Н. Возникновение и развитие рабочего авторства в 20-е — начале 30-х годов, с. 23—24; Ишкова С. С. О некоторых проблемах издания детской книги в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.), с. 24—26; Серебряная М. Я. Первые издания книг о В. И. Ленине в Бурятии, с. 27—28; Курбангалеева Т. С. Формирование репертуара национальной книги в Татарии в первые годы Советской власти, с. 28—29; Рустамов М. И. Становление Советской власти в Туркестане и первые мероприятия в области книжного дела (1917, окт. — 1920, март), с. 29—31; Турарбеков З. Т. Из истории книгоиздания в Казахстане в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.), с. 31—32.

Секция общих проблем книговедения. 57 с.

Содерж.: Абрамов К. И. Ленинский план организации общественного пользования книгами в социалистическом обществе, с. 3—6; Мезенцев П. А. В. И. Ленин и книга, с. 6—7; Мыльников А. С. Книга и культура, с. 8—9; Тяпкин Б. Г. Книга и система средств массовой информации, с. 9—10; Петров В. М., Жукова Н. В. Книга в ряду культурных благ: (Опыт конкретного социол. исследования), с. 10—11; Поливановский С. Е. К вопросу о составе книговедения,

с. 11—12; Моргенштерн И. Г. Книжное дело как система: (К построению модели), с. 13—14; Беловицкая А. А. Понятие «книга» и «книжное дело» в современном книговедении, с. 15—18; Омилянчук С. П. Типологический подход к истории книги, с. 18—23; Гречихин А. А. Проблема типологии в советском книговедении, с. 24—28; Зубов Ю. С. Типология литературы в свете информационных потребностей и запросов читателей, с. 29—31; Семенюк Э. П. О роли общенаучных категорий в понятийно-категориальном аппарате современного книговедения, с. 31—32; Озола А. П. Книговедческая терминология на латышском языке, с. 33; Клапиюк В. Т. К анализу содержания и объема понятия «советская книга», с. 34—36; Каримуллин А. Г. О некоторых спорных вопросах определения «национальная книга», с. 36—38; Слуховский М. И. К вопросу о термине «библиографоведение», с. 38—39; Петров Г. А. Социально-психологические стереотипы и восприятие читателя, с. 39—40; Яновский В. И. Научно-техническая революция и научная книга, с. 41—42; Колчинский М. Л. Совершенствование научной библиографии как путь к повышению эффективности книжного дела, с. 42—43; Кириченко С. М. Информационная структура книги и ее отражение во вторичных документах, с. 43—44; Майо-Знак Э. О. Статистика книжного дела в системе «книговедение», с. 44—46; Низовой Н. А. Статистика печати в системе книговедческих дисциплин, с. 46—47; Шапошиков А. Е. Пути повышения эффективности использования книг в целях частичной компенсации слепоты, с. 47—48; Клевенский М. М. Пути повышения книговедческой подготовки читателей, с. 48—50; Терешин В. И. О книговедческой подготовке библиотечных кадров, с. 50—51; Старкунайте-Юркувенене В. П. Книговедческие исследования в Литовской ССР, с. 51—52; Синкявичюс К. А. Книговедческая проблематика в диссертациях по библиографоведению и библиотековедению в 1971—1975 гг., с. 53—54; Мигонь К. Взаимосвязи книговедения и науки о литературе, с. 54—55.

145. Шкловский В. Б. Память о будущем: [Заметки о социальной роли книги/Записал Г. Амбернади]. — Молодой коммунист, 1977, № 7, с. 82—88.

146. Ямпольская Р. М. Вопросы издательского дела на Третьей Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. — Изд. дело. Экспресс-информ., 1977, № 7, с. 1—17.

* * *

147. Бекнепесова О. Книжной палате — 50 лет. — Коммунист Туркме-

нистана, 1976, № 8, с. 83—86. — На туркм. яз.

148. Государственная книжная палата Казахской ССР: [Справка/Авт.-сост. Т. Ахтанов, З. Касымова, В. Малютин и др.] Алма-Ата, 1977. 29 с., ил. — Текст парал. на рус. и каз. яз.

149. Грузинская Н. Н., Монастырский И. М., Фартунин Ю. И. Всесоюзная книжная палата: К 60-летию со дня основания. М.: Книга, 1977. 40 с., ил. — В надзаг.: Всесоюз. кн. палата, ЦБНТИ.

150. Грузинская Н. Н. Основные направления научной и научно-методической деятельности Всесоюзной книжной палаты в области государственной библиографии. — Сов. библиогр., 1977, № 2, с. 6—13.

151. Касымова З. Лощман книжного моря: [К 40-летию Книжной палаты КазССР]. — Парг. жизнь Казахстана, 1977, № 7, с. 92—93.

152. Касымова З. Сорок лет работы Книжной палаты Казахской ССР. — Сов. библиогр., 1977, № 4, с. 59—65.

153. Монастырский И. М. Научно-исследовательская и информационная работа Палаты по проблемам книгоиздания и книгораспространения. — Сов. библиогр., 1977, № 2, с. 14—26.

154. Монастырский И. М. Научно-исследовательская работа Всесоюзной книжной палаты в области издательского дела и отраслевой системы научно-технической информации. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 80—104.

155. Научно-практическая конференция, посвященная 50-летию Книжной палаты Татарской АССР. — Сов. библиогр., 1977, № 2, с. 91—95.

156. Стукалин Б. И. Всесоюзной книжной палате: [Приветствие председателя Госкомиздата СССР]. — Сов. библиогр., 1977, № 2, с. 5.

157. Фартунин Ю. И. «Главный библиограф» страны: [Всесоюз. кн. палат]. — В мире книг, 1977, № 7, с. 48.

158. Фартунин Ю. И. 60 лет Всесоюзной книжной палате — центру государственной библиографии. — Сов. библиогр., 1977, № 5, с. 6—13.

159. Хисамова А. М. К 50-летию Книжной палаты Татарской АССР. — Сов. библиогр., 1977, № 1, с. 27—30.

* * *

160. Баранов А. И., Харитонов Р. П. О стандартизации в информатике, библиотечном деле, библиографии, издательской работе. — Стандарты и качество, 1977, № 10, с. 83.

161. Барсук А. И. К утверждению нового государственного стандарта «Библиография. Термины и определения».—

Науч. и техн. 6-ки СССР, 1977, № 12, с. 28—31.

162. Барсук А. И., Грузинская Н. Н., Семеновкер Б. А. Новый государственный стандарт «Библиография. Термины и определения». — Сов. библиогр., 1977, № 3, с. 12—20.

163. Петров Г. А. Стандарты и их роль в повышении качества печатной продукции: Обзор материалов Всесоюз. совещания работников полиграфии и издательств. — «Изд. дело. Экспресс-информация», 1977, № 2, с. 1—18.

164. Семеновкер Б. А. Второе заседание Межведомственной комиссии по стандартизации. — Изд. дело. Реф. информация, 1977, вып. 3, с. 21—24.

165. Семеновкер Б. А. Действующие и разрабатываемые в СССР стандарты и технические условия в области издательского дела. — Изд. дело. Реф. информация, 1977, вып. 6, с. 25—37.

166. Синкявичюс К. ISBN — международный стандартный номер книги. — Новые книги (Вильнюс), 1977, № 1, с. 4—6. — На литов. яз.

167. Смурова Н. И. Международные системы нумерации в документации. — В кн.: Библиотечное дело, библиография и информатика. М., 1977, с. 70—83.

168. Хренкова А. А. Стандартизация информационно-библиографической документации в СССР. — Сов. библиотечное дело, 1977, № 3, с. 49—64.

169. Хренкова А. Стандарты в борьбе за качество. — Библиотекарь, 1977, № 7, с. 66—68.

* * *

170. Библиографическая полоска. ГОСТ 7.6-69. М.: Изд-во стандартов, 1976. 2 с.

171. Библиографическое описание произведений печати. ГОСТ 7.1-76. М.: Изд-во стандартов, 1977. 62 с.

172. Библиография. Термины и определения. ГОСТ 7.0-77. М.: Изд-во стандартов, 1977. 24 с.

173. Издания: Основные виды: Термины и определения. ГОСТ 16447-70. М.: Изд-во стандартов, 1976. 16 с.

174. Международная стандартная нумерация книг: Стандарт СЭВ СТ СЭВ 176-75. М.: Изд-во стандартов, 1977. 5 с.

175. Сокращения русских слов и словосочетаний в библиографическом описании произведений печати. ГОСТ 7.12-77. М.: Изд-во стандартов, 1977. 24 с.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАТИКИ, БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ И БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ

176. Абрамов К. И. Библиотечное строительство в СССР (1917—1977 гг.). М., 1977. 56 с. (Гос. 6-ка СССР им.

- В. И. Ленина, Информ. центр. по проблемам культуры и искусства. Обзорная информация: Сер. «Библиотекосведение и библиографосведение»).
177. Аспекты библиотекосведения: [Сб. статей] 1(6): Книга-читатель-библиотека-библиография/Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лациса; [Редкол.: ...И. Микельсон (пред.) и др.] Рига: Звайгзне, 1977. 147 с. — На латыш. и рус. яз.
178. Барсук А. И., Коршунов О. П. Советское библиографосведение: состояние, проблемы, перспективы. М.: Книга, 1977. 108 с.
179. Библиотекосведение, библиография и информатика: Межвуз. сб. тр./Моск. гос. ин-т культуры; [Редкол.: ...Абрамов К. И. (отв. ред.) и др.] М., 1977. 252 с.
180. Болдов В. Г. Общетеоретические основы информационных систем: Лекция по курсу «Науч. информация и информ. системы» для студентов библиотеч. фак. М., 1977. 41 с. — В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.
181. Ванеев А., Гольдберг А. Главный объект библиотечной науки: [К обсуждению статьи А. Я. Черняка «Об объекте библиотекосведения» в журн. «Библиотекарь», 1976, № 1]. — Библиотекарь, 1977, № 12, с. 75—76.
182. Ванеев А. Н. Фундаментальный труд по библиотекосведению: [Рец. на кн.]: Чубарьян О. С. Общее библиотекосведение. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1976. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 5, с. 86—90.
183. Вопросы библиографосведения. Сб. науч. трудов/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Информ.-библиогр. отд.; [Редкол.: А. И. Барсук (отв. ред.) и др.] Вып. 2. М., 1977. 142 с.
184. Воронцов Г. А. Основы библиотекосведения и работа с книгой: [Учеб. пособие по факультативному предмету «Основы библиотекосведения и работа с книгой» для сред. спец. учеб. заведений] М.: Высш. школа, 1977. 84 с., ил.
185. Гарбузова В. Ф. К вопросу становления системы текущей библиографической информации по библиотекосведению и библиографосведению в СССР. — В кн.: Библиотекосведение, библиография и информатика. М., 1977, с. 98—111.
186. Голобуцкий П. В. Обсуждение книги А. И. Барсука «Библиографосведение в системе книговедческих дисциплин» [М.: Книга, 1975] в Киеве. — Сов. библиогр., 1977, № 3, с. 87—91.
187. Горш Е. А., Соловьева Л. А. Труды Крупской — начинающим библиотекарям; Дедкова Н. А. С точки зрения практика: [Рец. на кн.]: Крупская Н. К. О библиотечном деле. М.: Книга, 1976. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 4, с. 96—99.
188. Грузинская Н. Н., Майознак Э. О., Сланская Г. В. Четвертое совещание библиографов социалистических стран. [Будапешт. Июнь 1977 г.]. — Сов. библиогр., 1977, № 6, с. 25—37.
189. Гудовщикова И. В. Универсальная библиография библиографии: (История, современное состояние, перспективы развития). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра пед. наук. М., 1977. 31 с.; 3 л. граф. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
190. Добров Г. М., Кореньной А. А. Наука: информация и управление: (Информ. проблемы управления наукой). М.: Сов. радио, 1977. 256 с., ил.
191. Дрейцер И. С. О механизме профессионального общения в науке: [Рец. на кн.]: Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М.: Наука, 1976. — НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы, 1977, № 10, с. 25—28.
192. Екатеринославский Ю. Ю. Некоторые вопросы развития научных исследований по проблемам информатики. — НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы, 1977, № 3, с. 1—4.
193. Инькова Л. М., Осипова И. П. Советско-чехословацкий семинар «Организация научно-исследовательской работы в области библиотекосведения и библиографии». [Прага. Апр. 1976 г.] — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 61, с. 63—79.
194. Каневский Б. П. Научная деятельность ИФЛА и Комиссия по библиотекосведению. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 63, с. 44—61.
195. Каратыгина Т. Ф. Новое издание учебника по общему библиотекосведению: [Рец. на кн.: см. № 182]. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 8, с. 38—40.
196. Клапюк В. Т. О соотношении понятий «библиография» и «библиографосведение». — В кн.: Библиотекосведение, библиография и информатика. М., 1977, с. 1—23.
197. Коршунов О. П. Исследования оснований общей теории библиографической (вторично-документальной) информации. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра пед. наук. М., 1977. 46 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
198. Крейденко В. С. Методология и методика библиотечного исследования: Учеб. пособие по курсу «Библиотекосведение» для студентов библиотеч. фак. Л., 1977. 81 с. — В надзаг.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской.
199. Легостаева Г. Т., Фрумина Б. И. Библиотекосведческие исследования в девятой пятилетке: Достиже-

ния, проблемы. М., 1977. 47 с. (Обзор. информ./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Информ. центр по пробл. культуры и искусства. Сер. «Библиотекосведение и библиографоведение»).

200. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Исследования по информатике в СССР (1968—1977 гг.) — НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы, 1977, № 11—12, с. 1—12.

201. Михайлов А. И. Настоящее и будущее научной информации. — В кн.: Всесоюзная научная конференция по неевклидовой геометрии: «150 лет геометрии Лобачевского». Казань, 1976. М., 1977, с. 32—41.

202. Развитие библиографии в условиях многонационального государства. — В кн.: Междунар. семинар библиотечных работников стран Азии, Африки и Латинской Америки «Планирование национальных библиотечных систем» [Москва — Алма-Ата, 4—11 сент. 1975]. М., 1977, с. 64—80. — Авт.: Майо-Знак Э. О., Клевенская В. В., Голованова Л. Г., Грузинская Н. Н.

203. Свойский М. Весомый вклад в книговедение: [Рец. на кн.]: Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: Метод. очерк. М.: Книга, 1975. — В мире книг, 1977, № 7, с. 70.

204. Серебренников А. И., Фонов Г. П. О компонентах общей теории библиографии в книге О. П. Коршунова [«Проблемы общей теории библиографии». М.: Книга, 1975]. — Сов. библиогр., 1977, № 3, с. 63—86.

205. Сикорский Н. М. Основные направления развития советского библиотекосведения. — В кн.: 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие библиотечного дела в стране: Всесоюз. науч.-теорет. конф. (26—28 сент. 1977 г.): Тезисы докл. и сообщ. М., 1977, с. 7—9.

205а. Скворцов В. В. К вопросу о математизации формализации библиотекосведческих исследований в США. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 61, с. 40—57.

206. Скворцов В. В. Обобщающая работа: [Рец. на кн.]: Ванеев А. Н. Развитие библиотекосведческой мысли в СССР. Л., 1976. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 4, с. 100—104.

207. Стриганов В. Надежный наставник: [Рец. на кн./см.: № 182]. — Сов. культура, 1977, 25 окт., с. 5.

208. Сукиасян Э. Р. Первое пособие по информатике для библиотечных работников: [Рец. на кн.]: Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: [Учеб. пособие для библиографов]. Под ред. А. В. Соколова. Л., 1976. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 4, с. 91—95.

209. Тугов Ю. М. Об исходном пункте теоретического воспроизведения библиографии: [Рец. на кн.: см. № 204]. — Сов. библиогр., 1977, № 1, с. 50—67.

210. Фартунин Ю. И. Система государственной библиографии и задачи ее совершенствования. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 67—79.

211. Фонов Г. П. 60 лет советской библиографии: основные итоги и задачи. — Сов. библиогр., 1977, № 4, с. 3—11.

212. Фрумин И. Библиотекосведение: объект, предмет, функции: [По поводу статьи А. Я. Черняка. См. № 181]. — Библиотекарь, 1977, № 2, с. 64—68.

213. Хог Х. Организация научно-исследовательской работы в области библиотекосведения в Словакии: (История и соврем. проблемы). — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 62, с. 3—13.

214. Шапиро Э. Л. Об использовании теории коммуникаций в зарубежном библиотекосведении. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1976, вып. 59, с. 66—78.

* * *

215. Ванеев А. Н. Источники по истории библиотекосведческой мысли в СССР. — История библиограф. дела в СССР, 1977, № 3, с. 80—98.

216. Дворкина М. Я. Революционные демократы о социальной роли библиотек. — В кн.: Теория и практика библиотечного строительства в СССР. М., 1976 [вып. дан. 1977], с. 92—106.

217. Рожнова В. И. Комиссия сибирской библиографии в Русском библиографическом обществе. 1907—1917. — Сов. библиогр., 1977, № 5, с. 41—48.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ

218. Актуальные проблемы чтения современных школьников: [Сб. статей/Редкол.: Е. Я. Зазерский (отв. ред.) и др.] Л., 1977. 156 с. (Труды/Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской; Т. 35).

Из содерж.: Позднякова Г. И. О некоторых особенностях исследования проблем педагогики детского чтения в современных условиях, с. 3—18; Тихомирова И. И. Русская классическая литература и современный читатель-подросток, с. 19—35; Разова В. Д. Поэзия и эстетическое воспитание школьников, с. 36—51; Житомирова Н. Н. Историко-художественная книга в чтении подростков, с. 52—68; Коноплев В. В. К типологии чита-

- телей научной фантастики (ранний юношеский возраст), с. 69—89; Шеломенцева М. Б. Роль научно-художественной книги в воспитании читателей 10 лет, с. 90—102.
219. Беляев П. Труд чтения: [Рец. на кн.]: Канторович В. Я. Литература и читатель. М.: Знание, 1976. — В мире книг, 1977, № 7, с. 69.
220. Вайну М. Б. Элементы субъективности в восприятии художественной литературы и их влияние на процесс руководства чтением. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Л., 1977. 15 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).
221. Ванев А. Н. О теоретических проблемах руководства чтением. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 1, с. 32—41.
222. Гоге Р., Силиньш мите Р. Диапазон чтения рабочего: [Материалы социол. исследования Гос. б-ки ЛатвССР им. В. Лациса]. — Библиотекарь, 1977, № 3, с. 36—37.
223. Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках: Сб. науч. трудов/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Науч.-исслед. отд. библиотекосведения. Вып. 2: Читательский спрос в 1976 г./[Сост. А. И. Рейтблат, Т. М. Фролова]. М., 1977. 78 с.
224. Добрынина Н. Каков он, книголюб советского села? Заметки социолога. — В мире книг, 1977, № 11, с. 51—52.
225. Добрынина Н. Е. Проблемы руководства общим самообразовательным чтением на селе. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 1, с. 42—53.
226. Зубов Ю. С. На пути создания научной классификации читателей. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 2, с. 36—53.
227. Иванова Э. И. Энциклопедия по проблемам чтения: [Рец. на кн.]: Lesen. Ein Handbuch. Hamburg, Verlag für Buchmarktforschung, 1974. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 62, с. 76—93.
228. Игнатенко Н. А. Читатель как участник литературного процесса. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1977. 27 с. (АН УССР. Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко).
229. Книга и чтение в жизни армянского села: Сб. науч. трудов/Гос. респ. б-ка АрмССР им. Ал. Мясникяна. Науч.-исслед. отд. библиотекосведения и теории библиогр. Вып. 1. Основные табличные результаты социологического исследования/Сост.: Ц. О. Микаелян, Н. Р. Маркарян, Г. А. Погосян. Ереван, 1976. 121 с.
230. Книга и чтение в сельском районе: Результаты социол. исслед. Стат. табл./Гос. б-ка Латв-ССР им. В. Лациса, Н.-и. отд.; [Сост. В. Грундуле, И. Каллинка, С. Сардыко]. Рига, 1977. 98 с.
231. Кон И. Формирование личности и психология юношеского чтения. — Библиотекарь, 1977, № 1, с. 46—50.
232. Косиков Г. Чтение: статус социальный и идеологический: [Проблемы чтения во Франции]. — Иностранная лит., 1977, № 2, с. 228—232.
232. Круг чтения советского читателя — рабочего: Метод. рекомендации активистам о-ва книголюбов, изучающим интересы читателей/Добр. о-во любителей книги БССР; Сост. Л. И. Петровичева/Минск, 1977. 27 с.
233. Кузнецов О. А., Хромов Л. Н. Техника быстрого чтения. М.: Книга, 1977. 192 с., ил.+грампластинка.
234. Левидов А. М. Автор — образ — читатель/[Предисл. В. Г. Иванова, И. И. Тихомирова]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 360 с.; 8 л. ил. — В надзаг.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова.
235. Маслов Н. [Рец. на кн. см. № 219]. — Лит. обозрение, 1977, № 5, с. 88.
236. Недкова К. Актуальные проблемы социологии чтения в развитом социалистическом обществе. — Изд. дело. Экспресс-информация, 1977, № 3, с. 11—19.
237. Нольман М. Л. [Рец. на кн.]: Прозоров В. В. Читатель и литературный процесс. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1977, № 3, с. 120—122.
238. Полещук Г. Каков он, современный молодой читатель? — Библиотекарь, 1977, № 6, с. 36—39.
239. Римша В. Исследование интересов и чтения [в ЛитССР]. — Библиография, 1977, № 7, с. 22—25. — На литов. яз.
240. Сайдышева Л. А. Художественное восприятие и тезаурус читателя. — Иностран. яз. в высш. школе, 1976, вып. 4, с. 51—64.
241. Смородинская М. Д. Изучение чтения молодежи в Болгарии. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 62, с. 35—52.
242. Советский читатель — рабочий: Метод. рекомендации: [Аннот. список литературы]/Сост. С. М. Смирнова, М. Д. Смородинская, М. Г. Ханнин, В. И. Яновер]; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Науч.-исслед. отд. библиотекосведения. М., 1977. 44 с.
- 243—244. Социально-психологические проблемы чтения: Сб. науч. трудов/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Науч.-исслед. отд. библиотекосведения. М., 1977. Вып. 2: Чтение в системе массовых коммуникаций/[Сост. М. Г. Ханнин]. 76 с. Содерж.: Ханнин М. Г. Специфика чтения и влияние на него аудиовизуальной коммуникации, с. 4—60; Афанасьев М. Д. Межличностные каналы распространения чтения в сельской семье, с. 61—75.

Вып. 3: Социально-психологическая типология читателей-детей: Тип читателя, переходный от дет. к подростковому/ [Сост. Л. И. Беленькая]. 85 с.

245. Стельмах В. Д. Проблемы чтения, заслуживающие всестороннего обсуждения: [По поводу статьи Ю. С. Зубова. См. № 226]. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 2, с. 53—58.

245а. Стельмах В. Д. Развитие массового чтения в Советском государстве. — В кн.: 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие библиотечного дела в стране: Всесоюз. науч.-теорет. конф. (26—28 сент. 1977 г.): Тезисы докл. и сообщ. М., 1977, с. 34—37.

246. Теоретические проблемы руководства чтением: [Сб. статей/Отв. ред. Е. Я. Зазерский]. Л., 1977. 109 с. (Труды/Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской; Т. 33).

Содерж.: Ванеев А. Н. Разработка теоретических проблем руководства чтением в советском библиотекосведении, с. 5—30; Волкова С. И. О некоторых вопросах формирования личности и руководства чтением, с. 31—40; Уминов Б. Г. О понятийном аппарате психологии читателя, с. 41—58; Павлова А. С. Современные проблемы самообразовательного чтения, с. 59—71; Крейденко В. С. Некоторые теоретические аспекты индивидуальной и массовой работы с читателями, с. 72—87; Воронова Т. В. Особенности руководства чтением читателей универсальных научных библиотек, с. 88—101; Горева Г. Н. Использование биографического метода при дифференциации читателей, с. 102—108.

247. Тугов Ю. М. Организация массового чтения: успехи и перспективы. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 105—114.

* * *

248. Бегунов Ю. К. Рукописная литература XVIII века и демократический читатель: Проблемы и задачи изучения. — Рус. лит., 1977, № 1, с. 121—132.

249. Комарницкая Ж. О. Декабристы — читатели французской книги. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1977. 18 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

250. Левеншус Л. А. Федоровские чтения-76. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 5, с. 119—121.

251. Маслова О. М. Социологические исследования читательской аудитории в 20—30-х годах. — Социол. исследования, 1977, № 4, с. 121—129.

252. Стурау З. «Декамерон» Джованни Боккаччо и грузинский читатель. — Мнатоби, 1976, № 1, с. 159—166. — На груз. яз.

253. Цуприк Р. И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977, с. 121—132.

КНИГОВЕДЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА

254. Бугрова О. Л. Библиографические журналы, их место в системе информационного обслуживания. — В кн.: Библиотекосведение, библиография и информатика. М., 1977, с. 112—127.

255. Гордон Н. Г. Специальный журнал в системе библиотечной периодики: (На основе анализа сб. «Научные и техн. б-ки СССР 1961—1975 гг.») Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977. 20 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. журналистики).

256. Книговедческое обозрение: [О периодических и продолжающихся книговед. изданиях ГДР]. — В мире книг, 1977, № 2, с. 88—89. — Подпись: Книговед.

257. Моргенштерн И. Г. Читатели Урала о «Советской библиографии»: (Обсуждение сб. в Челябинске). — Сов. библиогр., 1977, № 2, с. 102—105.

258. Нечаева Л. Запечатленная память: Старейшему изданию Всесоюз. кн. палаты «Книжной летописи». — 70 лет. — Кн. обозрение, 1977, 22 июля, с. 16.

259. Смирнова С. М. Журнал «Красная печать» как источник изучения читателей 20-х годов: Обзор материалов. — История библ. дела в СССР, 1977, 3, с. 57—79.

260. Талалакина О. И. Вопросы библиотечного дела зарубежных стран в «Красном библиотекаре»: [1923—1929 гг.] — История библ. дела в СССР, 1977, 3, с. 99—110.

261. Урнежyte Е. Зрелость «Книжной летописи»: [К 30-летию издания. Литва]. — Библ. работа, 1977, № 8, с. 11—12. — На литов. яз.

262. Эмин Г. Сто номеров «Гркери ашхар» [«В мире книг»]. — Кн. обозрение, 1977, 11 февр., с. 16.

УКАЗАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КНИГОВЕДЕНИЮ

263. Андреева Н. Ф., Машкова М. В. Русская периодическая печать: (Общие и отраслевые библиогр. указ., 1703—1975): Аннот. указ. М.: Книга, 1977. 183 с. — В надзаг.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

264. Грачева О. А., Сокольская К. П. 60 лет советского книговедения: Каталог выставки/[Третья Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения; Предисл. Н. М. Сикорского, Е. Л. Немировского]. М., 1977. 46 с. —

В надзаг.: АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, М-во культуры СССР, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

265. Книга, библиотечное дело и библиография Сибири: Текущий указ, литературы: 1976 год/АН СССР, Сиб. отд-ние, Гос. Публ. науч.-техн. б-ка; [Сост. Г. П. Борцова, Л. С. Панкратова, Г. П. Попова], Новосибирск, 1977, 116 с.

266. «Научные и технические библио-

теки СССР»: Систем. указ. содержания за 15 лет. 1961—1975/[Сост. Быстрова Г. К., Черняк А. Я.]. М., 1976. 79 с.

267. Фурсенко Л. И. Книговедение: Указ. литературы за 1974 г. [Окончание]. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 208—236.

268. Фурсенко Л. И. Книговедение: Указ. литературы за 1975 г. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 221—248.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

269. Бацер Д. М. О новом словаре библиотечных терминов: [Рец. на кн.]: Сулова И. М. Словарь библиотечных терминов. М.: Книга, 1976. — НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы, 1977, № 8, с. 21—24.

270. Дубаускас С. [Рец. на кн.: см. № 269]. — Библ. работа, 1977, № 2, с. 35. — На литов. яз.

271. Информатика. Т. 2. Терминология информатики: (Теорет. и практ. вопросы)/В. М. Лейчик, И. П. Смирнов, И. М. Сулова; Науч. ред. В. И. Горькова и Е. С. Колобродова. М., 1977. 138 с. (ВИНИТИ. Итоги науки и техники: Сер. «Информатика»).

272. Касымова А. Г. Ценное пособие для библиотечных работников: [Рец. на кн.: см. № 269]. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 5, с. 96—98.

273. Колобродова Е. С. Об унификации терминологии информатики. — Междунар. форум по информатике и документации, 1977, т. 2, № 3, с. 30—32.

274. Линия С. Создается библиотечная и библиографическая терминология. — Библ. работа, 1977, № 8, с. 26—28. — На литов. яз.

275. Манохина Р. П. О библиотечных терминах, составляющих тематическую группу «Методическое руководство библиотеками». — В кн.: Вопросы методического руководства библиотеками страны. М., 1976, с. 68—78.

276. Манохина Р. Что стоит за термином «библиотека»? — Библиотекарь, 1977, № 6, с. 71—72.

277. Моргенштерн И. Г. Основные термины информационной работы библиотеки. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 2, с. 3—7.

278. Развитие сети по терминологии в области информации и документации. — ЮНИСИСТ. Информ. бюл., 1977, т. 5, № 4, с. 7—8.

279. Слуховский М. И. К вопросу о слове «библиографосведение». — В кн.: Справочно-библиографическая работа в библиотеках. М., 1977, с. 164—

185 (Б-ки АН СССР и акад. наук союзных республик; Сб. науч. трудов; Вып. 3).

280. Сулова И. М. Терминологическая система библиотекосведения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1977. 16 с. (Моск. гос. ин-т культуры).

281. Трубников С. А., Бабченко И. В., Сляднева Н. А. Опыт разработки словаря библиотечных терминов. — Сов. библиотекосведение, 1977, № 3, с. 102—108.

* * *

282. Библиотечные и библиографические термины/[Сост. С. Линия, Р. Ванас]; Гос. б-ка ЛатвССР им. Вилиса Лациса, Науч.-исслед. отд. Рига, 1977. 21 с. — Текст парал. на латыш. и рус. яз.

283. Библиотечные и библиографические термины/[Сост. С. Линия, А. Маулина, Р. Ванас]; Гос. б-ка ЛатвССР им. Вилиса Лациса, Науч.-исслед. отд. Рига, 1977. 14 с. — Текст парал. на латыш. и рус. яз.

284. Библиотечные и библиографические термины/[Сост. Линия С., Ванас Р.]; Гос. б-ка ЛатвССР им. Вилиса Лациса, Науч.-исслед. отд. Рига, 1977. 11 с. — Текст парал. на латыш. и рус. яз.

285. Матинян А. А. Русско-армянский полиграфический словарь. Ереван: Айастан, 1977. 300 с.

286. Немецко-русский словарь по полиграфии и издательскому делу: Около 28 000 терминов/[П. Ф. Чекрыжов, А. Г. Чернышева, Н. П. Соколова и др.]; Под ред. А. Н. Чернышева. М.: Рус. язык, 1977. 418 с.

287. Словарь библиотекосведения: Эст.-рус. и рус.-эст. [Вып.] 2. Доп. вып./[Сост. Э. Ааре, В. Энносар, Э. Хансон и др.]; Гос. б-ка ЭССР им. Фр. Р. Крейцвальда. Таллин, 1977. 46 с.

288. Словарь по информатике и обработке информации: Эст.-англ.-нем.-рус./Сост. У. Агур, А. Аристе, Х. Йохани [и др.] Таллин: Валгус, 1977. 278 с.

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ, ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

289. Книговедческое обозрение. — В мире книг, 1977, № 6, с. 86—87. — Подпись: Книговед.

290. Книговедческое обозрение: [Обзор конференций, посвященных истории книги (1976 г.)] — В мире книг, 1977, № 4, с. 92—93. — Подпись: Книговед.

291. Немировский Е. Л., Виноградова О. М. Миниатюрные книги вчера, сегодня, завтра. М.: Книга, 1977. 255 с., ил.

292. Свойский М. Л. Музей палеографии. — *Вопр. истории*, 1977, № 4, с. 211—215.

293. Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке/[Глав. ред. Н. С. Карташов]. Новосибирск, 1977. 160 с. (АН СССР, Сиб. отд-ние, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Сб. науч. трудов; [Вып. 37]).

* * *

294. Мухтаров А. Где искать библиотеку Улугбека. — *Коммунист Таджикистана*, 1977, 3 сент.

* * *

295. Государственный музей книги и книгопечатания Украинской ССР: [Фотоальбом/Авт.-сост. Н. Н. Гламазда, А. П. Сопин]. Киев: Мистецтво, 1977, 24 с., ил. — На рус. и нем. яз.

296. Левшина О. Н. Индивидуальность музея: [К обсуждению проблемы создания Всесоюз. музея книги]. — *В мире книг*, 1977, № 5, с. 79—81.

297. Левшина О. Музей книги: контуры экспозиции. — *Кн. обозрение*, 1977, 4 марта, с. 16.

298. Обсуждаем статью «Музей книги: каким ему быть?» [Авт. Е. Немировский. Журн. «В мире книг», 1976, № 6. По материалам «круглого стола» в ред. журн. Записал В. Зайцев. Выступление]: Д. Лихачев. И сохранить, и изучить. — Б. Рыбаков. «Ареал» в жизни книги. — С. Машинский. Живая связь времен. — Т. Федорова. Портрет поколения. — Л. Мартынов. Не упустить ничего, что нам дорого. — Н. Бельчиков. Экспонат — библиотека писателя. — *В мире книг*, 1977, № 3, с. 75—77.

299. Сиробаба Л. Сокровищница духовного золота: Репортаж из музея [книги и книгопечатания УССР. Киев]. — *Соц. культура*, 1977, № 7, с. 30—31. — На укр. яз.

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕК

300. Бартольд В. В. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать. — *Соч. М.: Наука*, 1977, т. 9, с. 556—563.

300а. Бикички М. Матице сербской — 150 лет. — *Библиотековедение и библиогр. за рубежом*, 1977, вып. 61, с. 23—27.

301. Воронова Т., Стерлигов А. «До времен Рафаэля...»: [Из собраний редких кн. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина]. — *Вокруг света*, 1977, № 12, с. 72—75.

302. Евстафьева Н. Инкунабулы? Пожалуйста! [О редких изданиях Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина]. — *Моск. комсомолец*, 1977, 12 ноября.

303. Зайцев Б. Шелест страницы: [Об отд. рукописей и редких книг б-ки Казан. ун-та]. — *Моск. комсомолец*, 1977, 9 окт.

304. Канарш В. Разгаданное и неразгаданное: [О коллекции автографов б-ки Симфероп. ун-та]. — *В мире книг*, 1977, № 1, с. 90.

305. Книжные сокровища Эрмитажа. — *Библиотекарь*, 1977, № 1, с. 62—64.

306. Кончин Е. «Великую ласку имеют...»: [О редких изданиях Гос. б-ки БССР им. В. И. Ленина]. — *В мире книг*, 1977, № 2, с. 83—84.

307. Научная библиотека Тартуского государственного университета: [Обзор]. Тарту, 1977. 74 с., ил. — На эст. яз. Рез. на рус. яз.

308. Научная библиотека Тартуского государственного университета: VII научная конференция... 8—10/VI 1977: Тез. докл. Тарту, 1977. 81 с. — Текст парал. на эст. и рус. яз.

Из содерж.: Пыллумаа Т. О нелегальной литературе XIX века в Научной библиотеке ТГУ, с. 42—43; Душечкина И. Книги из библиотеки Г. Г. Орлова в Научной библиотеке ТГУ, с. 43—46; Нурк Т. О собрании графики Научной библиотеки ТГУ, с. 47—49; Танклер Х. Коллекция автографов Ф. Л. Шардиуса, с. 49—52; Нагель О. Базельские старопечатные книги в Научной библиотеке ТГУ, с. 52—54; Валк-Фалк Э. Редкие переплеты в собрании Научной библиотеки ТГУ, с. 55—57; Брик Э. Атласы и географические карты XV—XVII вв. в Научной библиотеке ТГУ, т. 57—59; Урба Л., Вельди Л. Рост фондов библиотеки Тартуского университета, с. 67—69.

309. Научная библиотека Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета: Справочник. [К 60-летию б-ки/Сост. Э. Тохадзе]. — Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1977. 29 с., 8 л. ил. — На груз. яз.

310. Поляков А. Героническая летопись: [Из истории Севастоп. Морской б-ки]. — *Библиотекарь*, 1977, № 2, с. 48—50.

311. Сафонова Н. И. Переданы в дар альма-матер: [О коллекции лич. б-к выдающихся ученых, писателей. Беседа с зам. зав. отд. редких книг и рукописей Науч. б-ки им. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова Н. И. Сафоновой/Записал И. Черниковский]. — *Моск. правда*, 1977, 24 дек.

312. Стравинская А. Сокровища старейшего книгохранилища: [О редких изданиях Науч. б-ки Вильнюс. гос. ун-та им. В. Капсукаса]. — *Библиотекарь*, 1977, № 12, с. 66—67.

313. Узбекская республиканская биб-

лиотека имени Алишера Навои. 1870—1970. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1977. 198 с., ил.

314. Ханссон Е., Нагель О. Редкости в Научной библиотеке Тартуского государственного университета. — Ответы на вопросы трудящихся, 1977, № 16, с. 32—36. — На эст. яз.

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

315. Агаян Э. Б. К проблеме до месроповской армянской письменности, месроповского алфавита и о смежных вопросах. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1977. 266 с. — В надзаг.: Ерев. гос. ун-т. — На арм. яз.

316. Ахвледiani В. Грузинская письменность: [V—X вв./Тбилиси, 1975. 9 с., 11 с. староараб. паг., 5 л. чл. — Текст парал. груз., груз. (араб. шрифт).

317. Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 31 с. с граф. (АН СССР. Ин-т языкознания).

318. Бернадская Е. В. [Рец. на кн.]: Малов В. Н. Происхождение современного письма. М.: Нука, 1975. — Сред. века, 1977, вып. 41, с. 355—359.

319. Воинов В. Дешифровка: опыт, интуиция, фантазия. [Рец. на кн.]: Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. М.: Прогресс, 1976. — Знание — сила, 1977, № 1, с. 42.

320—322. Драчук В. С. Дорогами тысячелетий: О чем поведали письмена. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1977. 254 с., ил. (Эврика).

Рец.: Ивыгин Г. По следам тайны. — Сов. культура, 1977, 15 апр.; Ма-жук А. О повседневном и загадочном. — Учит. газ., 1977, 26 марта.

323. Магидов Ш. Путь к просвещению: [О развитии нац. письменности народов Сев. Кавказа]. — Наука и религия, 1977, № 9, с. 9—12.

324. Мачавариани Е. М. Грузинский алфавит: [История развития груз. письменности]. Тбилиси: Ганатлеба, 1977. 18 с., ил. — В надзаг.: Добр. о-во любителей книги ГССР. — Текст парал. груз., рус., англ.

325. Мусаяев К. Великий Октябрь и письменность народов СССР. — Рус. речь, 1977, № 5, с. 26—32.

326. Романова В. Л. [Рец. на кн.]: Киселева Л. И. Готический курсив XIII—XV вв. Л.: Наука, 1974. — Сред. века, 1977, вып. 41, с. 350—354.

327. Седых В. Тепло очагового огня: Праздник славян. письменности в Болгарии. — Лит. газ., 1977, 25 мая, с. 15.

328. Тычина П. Г. Вершины Маштоца: [К 1600-летию со дня рождения основателя арм. алфавита М. Маштоца.

Публикация]. — Коммунист (Ереван), 1977, 1 окт.

329. Убрятова Е. И. Изучение языков и создание письменности народов Сибири. — В кн.: Академия наук и Сибирь. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977, с. 107—121.

330. Фолсом Ф. Книга о языке: Человек разумный — это человек говорящий. [Пер. с англ.]. 2-е изд., испр. М.: Прогресс, 1977. 159 с., ил.

331. Язбердиев А. К проблеме зарождения и развития древнейшей письменности Средней Азии. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 2, с. 26—33.

332. Язбердиев А. Хорезмийское письмо. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 6, с. 44—50.

РУКОПИСНАЯ КНИГА

333. Азатян В. Д. Об одной неисследованной армянской рукописи из Матенадарана. — В кн.: Какавказская конф. по истории науки, 5-я. Баку, 1977. Тез. секционных докл. Баку: Элм, 1977, с. 85.

334. Акопян Г. Г. Миниатюра Васпуракана. Кн. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. 165 с., ил., 46 л. — В надзаг.: «Матенадаран», Ин-т древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров АрмССР. — На арм. яз.

335. Алексеев В. Н. Кунгурская легопись в составе «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. — В кн.: Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977, с. 80—97 (АН СССР, Сиб. отд-ние, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Сб. науч. трудов; [Вып. 37]).

336. Апанович Е. М. Вкладные, владельческие, дарственные записи и приписки переписчиков XVI—XVIII вв. на рукописных книгах ЦЕБ АН УССР. — В кн.: История книги и издательского дела. Л., 1977, с. 22—52.

337. Бампукчян Г. Некоторые армянские рукописи Стамбула. — Вестн. Матенадарана, 1977, [вып.] 12, с. 287—294. — На арм. яз.

338. Бегунов Ю. К. Описание собрания пергаменных рукописей: [Рец. на кн.]: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание рус. и слав. рукописей XI—XVI вв./Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачев, В. Ф. Покровская. Л.: Наука, 1976. — Сов. архивы, 1977, № 4, с. 105—106.

339. Бобков Е. А. Певческие рукописи гуслицкого письма. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977, с. 388—394 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

340. Бударагин В. П. Пополнение Северодвинского собрания. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XIII веков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977, с. 372—374 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).
341. Воронова Т. П. Новые советские исследования по латинской палеографии. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 256—262.
342. Галеркина О. И. Страницы истории среднеазиатской культуры: (Рукопись Матенадарана № 407). — В кн.: Армянская респ. науч. конф. по проблемам культуры и искусства Армении, 3-я. Ереван, 1977 г. Тез. докл. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977, с. 116—118.
343. Герасимова-Персидская Н. А. Записи на певческих рукописях XVII—XVIII вв. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1976. М.: Наука, 1977, с. 32—40.
344. Гранстрем Е. Э. [Рец. на кн.]: Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1975. — Сред. века, 1977, вып. 41, с. 359—362.
345. Гуляев В. И. [Рец. на кн.]: Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975. — Сов. этнография, 1977, № 4, с. 185—189.
346. Девдариани Ф. Г. Иллюстрированные грузинские богослужебные сборники — гулани XVII века: (Группа миниатюр Анчисхат гулани). Тбилиси: Мецниереба, 1977. 15 с. — В надзаг.: АН ГССР, Ин-т истории груз. искусства им. Г. Н. Чубиашвили, II Междунар. симпозиум по груз. искусству.
347. Дианова Т. В., Клосс Б. М. Филигрань «бегущий заяц» и ее датировка. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 69—70.
348. Дридзо А. Д. [Рец. на кн.: см. № 345]. — Латин. Америка, 1977, № 2, с. 221—224.
349. Евгеньева А. П. Рукопись «Сборника Кириши Данилова» и некоторые ее особенности. — В кн.: Древние российские стихотворения собранные Киришью Даниловым. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977, с. 414—424 (АН СССР. Лит. памятники).
350. Ермаков Н., Китаев Н. Манускрипт Леонардо да Винчи. — Кн. обозрение, 1977, 26 авг., с. 16.
351. Зейтуян А. О классификации рукописных единиц армянского перевода Библии. — Вестн. Матенадарана, 1977, [вып.] 12, с. 295—304. — На арм. яз.
352. Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. — Зап. отд. рукописей/Гос. б-ка СССР им. Ленина, 1977, вып. 38, с. 15—29.
353. Зорьян С. Матенадаран. — Лит. Армения, 1977, № 1, с. 61—64.
354. Иванова К. И. Об уточнении времени написания некоторых славянских рукописей XIV—XV вв. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 148—152.
355. Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей/[Отв. ред. Б. А. Рыбаков]. М.: Наука, 1977. 343 с. — В надзаг.: АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры.
- Из содерж.: Жуковская Л. П. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения, с. 5—31; Подобедова О. И. Изборник Святослава 1073 г. как тип книги, с. 31—45; Розов Н. Н. Ленинградская конференция, посвященная Изборнику 1073 г. и задачи издания памятника, с. 45—49; Куев К. М. Археографические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах, с. 50—56; Грязина Л. П., Щербачева Н. А. К текстологии Изборника 1073 г.: (По рукописям Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина), с. 56—89; Гиршберг В. Б. Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г., с. 185—203; Лихачева В. Д. Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г., с. 204—216; Щепкина М. В. К изучению Изборника 1073 г., с. 220—234; Сапунов Б. В. «Богословца от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в., с. 234—246; Георгиев Э. И. К вопросу о возникновении и составителях Изборника Симеона — Святослава, известного по рукописи 1073 г., с. 263—272; Динеков П. Н. Значение Изборника Симеона — Святослава 1073 г. в развитии болгарской культуры, с. 272—279.
356. Измайлова Т. А. Декор армянской эдесской рукописи 1147 г. (Матенадаран, № 313). — В кн.: Армянская респ. науч. конф. по проблемам культуры и искусства Армении, 3-я. Ереван, 1977 г. Тез. докл. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977, с. 123—125.
357. Имнашвили В. И. Грузинская рукопись XI в. Британского музея «Жития отцов»: (Исследование и изд. с комментариями и словарем). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Тбилиси, 1977. 40 с. (Тбил. гос. ун-т).
358. Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе. Тбилиси. Каталог персидских рукописей... (Коллекция АС)/Сост. М. Г. Мамацашвили. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 194 с. — На груз. яз.
359. Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XII—XVII веков. М.: Книга, 1977. 359 с., ил. — В надзаг.: АН АзССР, Ин-т архитектуры и искусства.

360. Караулова Ф. В. Палеографическое и фонетическое описание рукописи Златоуструя XII века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1977. 22 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

361. Карбелашвили М. К исторической классификации рукописей «Вепхисткаосани». Тбилиси: Мецниереба, 1977. 145 с., 4 л. ил. — В надзг.: АН СССР, Ин-т истории груз. лит. им. Ш. Руставели. — На груз. и рус. яз.

362. Кароматуллоева Н. Окно в минувшее: [Об отд. вост. рукописей Гос. респ. б-ки им. Фирдоуси. Душанбе]. — Библиотекарь, 1977, № 2, с. 20—21.

363. Касьяненко З. К. Монгольский рукописный Ганджур. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1977, № 389. Сер. востоковед. наук, вып. 19, с. 156—162.

364. Каххоров А., Ходжиев И. Об астрономических и математических рукописях, хранящихся в Государственной республиканской библиотеке им. А. Фирдоуси. — Изв. АН ТаджССР. Отд. физ.-мат. и геол.-хим. наук, 1977, № 1, с. 23—30.

365. Каштанов С. М. По следам троичских копийских книг XVI в. (Погодин. сб. 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). — Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина, 1977, вып. 38, с. 30—63.

366. Ким Я. А. К истории русского языка XIV—XV вв.: Палеогр. и фонетическое описание рукописи ГБЛ, фонд 354. (Вологод. собрание), № 1. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977. 18 с. (АН СССР. Ин-т рус. яз.).

367. Клосс Б. М. [Рец. на кн.]: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. — История СССР, 1977, № 3, с. 181—184.

368. Конференция по истории средневековой письменности и книги, Ереван 25—27 окт. 1977 г.: Тез. докл. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 123 с. — В надзг.: Археогр. комис. АН СССР, Ин-т древ. рукописей им. Маштоца «Матенадаран» при Совете Министров АрмССР. К 60-летию Великой Окт. соц. революции.

Из содерж.: Шмидт С. О. Некоторые итоги и перспективы развития источниковедения и археографии истории русского средневековья, с. 5; Рутенбург В. И. Итальянская средневековая книга как исторический источник, с. 6; Буганов В. И. Об изданиях и изучении русских летописей, с. 7—8; Хачикян Л. С. Итоги и перспективы источниковедческих работ в Матенадаране, с. 9—10; Чистякова Е. В. Русская рукописная книга в творческом наследии академика М. Н. Тихомирова, с. 12—13; Шеламанова Н. Б.

О «Сводном каталоге рукописей, хранящихся в СССР», с. 14; Торосян Х. А. О росте рукописных фондов Матенадарана за 1960—1977 гг., с. 15—16; Акопян Г. Г. О некоторых особенностях приемов украшения рукописей васпураканской школы армянской миниатюры, с. 19; Алиев Р. М. К характеристике унванов рукописей, с. 20; Амирбекян Р. И. Миниатюры путевого альбома персидского дипломата Мухаммеда Али бека Исфгани, с. 21; Аревшатян С. С. Латинская литература средневековой Европы в армянских переводах XIV века, с. 22—23; Афиани В. Ю. У истоков научного изучения памятников древнерусской письменности, с. 24; Варданян С. А. О сирийско-армянских научных связях (XI—XIII вв.), с. 27; Вартанян Ю. А. О коллекции армянских рукописей, сгоревших в Петербурге, с. 28; Воронова Т. П. Международный коллоквиум по сохранности и репродуцированию древних рукописей и редких книг, с. 29—30; Григорян В. Р. Армянские рукописи в Польше и на Украине, с. 315; Дианова Т. В. Использование филиграноведческих методов при изучении культурных связей России второй половины XVII в., с. 32; Каграманов Д. В. Коллекция тюркских рукописей рукописного фонда Азербайджана, с. 33—34; Казинян А. А. О некоторых вопросах издания научно-критического текста «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци, с. 35; Канчавели Н. Г. Дагестанские арабзычные письменные памятники Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, с. 36; Киселева Л. И. Латинские рукописи Матенадарана, с. 38; Клосс Б. М. Царская книгописная мастерская времени Ивана Грозного, с. 39—40; Князевская О. А. Рукописи XIII в., созданные в ростовской книгописной мастерской, с. 41; Кобяк Н. А. Апокрифические Евангелие Никодима в русской литературе XV—XVI вв., с. 42; Копанев А. И. Книга в северной крестьянской волости XVI—XVII вв., с. 43; Корхмазян Э. М. О некоторых чертах стиля миниатюр рукописей Высокой Армении (XIII—XIV вв.), с. 45; Кошелева О. Е. Лицевые церковно-учительские сборники «Лекарство душевное» в книжной культуре XVII в. (К вопросу об атрибуции памятника), с. 46—47; Кручинина А. Н. К вопросу о расшифровке памятников древнерусского певческого искусства, с. 48—49; Кукушкина М. В. Рукописная книга на Руси в XVI—XVII вв. (Основные проблемы и источники изучения), с. 50—51; Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе в рукописной книжности разных народов (основные проблемы изучения), с. 52—53; Матевосян А. С. «Книжкон» Анания Ширака-

ци — основополагающий памятник математики и естествознания средневековой Армении, с. 55; Мнацаканян А. Ш. Орнаменты земледельческого характера в армянских рукописях, с. 57; Мухтаров А. М. Рукопись XIII в. — источник по истории таджикско-персидского языка и книжной живописи, с. 64; Неволин Ю. А. Три лицевые рукописи XVI в., оформление кремлевским мастером — знатоком и интерпретатором западноевропейской гравюры, с. 67—68; Никишов Г. А. Двояменные рукописи последней четверти XVII — начала XVIII вв., с. 69—70; Подобедова О. И. Русские иллюстрированные рукописи начальной поры. К вопросу о великокняжеской рукописной мастерской XI в., и бытовавших в ней образцах книжных иллюстраций, с. 74; Поздеева И. В. Территориальное книжное собрание как источниковедческая категория. (К постановке проблемы), с. 75; Покровский Н. Н. Рукопись XVI века Ионы Думина из собрания Сибирского отделения АН СССР, с. 76—77; Рогов А. И. Польская книга на Руси, с. 79—80; Розов Н. Н. К изучению русско-армянских книжных связей древнейшего периода: Миграция текстов — миграция книг, с. 81; Самодурова З. Г. Византийские и древнерусские энциклопедические рукописные сборники X—XV вв., с. 82—83; Седова О. Н. Сокращенно написанные слова в древнерусском уставном письме XIII—XIV вв. (На материале канонических памятников), с. 85—86; Синицына Н. В. Кодикология рукописи и книжный скрипторий. (По материалам русских рукописей XV—XVI вв.), с. 89—90; Турилов А. А. Русский сборник конца XV — начала XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв., с. 95—96; Улубабян Б. А. Лapidарные надписи средневековой Хачена о рукописных книгах и их хранении, с. 97; Филиппова И. С. О некоторых проблемах публикации древнерусских рукописей, с. 100—101; Халидов А. Б. Особенности книжной традиции на средневековом Арабском Востоке, с. 102; Хевсуриани Л. М. Ленинградские фрагменты грузинских синайских рукописей, с. 105; Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи, с. 109; Черниловская М. М. Славянские рукописи Афона в собраниях отдела рукописей ГИМ, с. 110; Чукасян Л. Б. О художественных особенностях миниатюры «Сошествие во ад» Евангелия Тарманчац, с. 113; Шапов Я. Н. Новое о книжной справе на Руси в XII — первой половине XIII в., с. 115; Щепкина М. В., Костюхина Л. М., Лёвочкин И. В., Шульгина Э. В.

Изборник 1073 г. и проблемы его издания, с. 116—117.

369. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 223 с., 11 л. ил. — В надзаг.: АН СССР, 6-ка.

370. Купчинский О. А. Пергаменные рукописи XI—XVI веков: [Рец. на кн.: см. № 338]. — Архивы Украины, 1977, с. 73—74. — На укр. яз.

371. Лебедев В. В. Арабские рукописи Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. (Краткий обзор). — Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина, 1977, вып. 88, с. 95—103.

372. Лесневская Д. С. Морфологическое описание древненовгородской рукописи конца XIV в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1977. 19 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

373. Лихачева В. Д. Альбом миниатюр византийских рукописей собраний Афонских монастырей. — В кн.: Археологический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 263—266.

374. Лихачева В. Древнерусская рукописная. — В мире книг, 1977, № 5, с. 29—30.

375. Лихачева В. Д. Искусство книжной графики Византии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра искусствовед. наук. Л., 1977. 39 с. (Акад. художеств СССР, Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина).

376. Лихачева В. Д. Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия (на примере рукописи ГПБ). — Визант. временник, 1977, т. 38, с. 136—140.

377. Лихоткин Г. [Рец. на кн.]: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — Звезда, 1977, № 8, с. 221—222.

378. Мазунин А. И. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Ташкентского университета и Республиканской библиотеки имени Алишера Навои. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977, с. 377—382 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

379. Малышев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания: (Страничка воспоминаний). — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977, с. 395—401 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

380. Мальцев Ю. Загадочные купола Фустата: [Об рукописи из собрания Ин-та востоковедения АН ТаджССР]. — Коммунист Таджикистана, 1977, 31 авг.

381. Маркелов Г. В. Экспедиция в Пудожский район и Заонежье. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977, с. 375—376 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

382. Матевосян А. С. Древнейшая армянская рукопись на бумаге. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1976. М.: Наука, 1977, с. 7—11.

383. Мачавариани Е. М. Группа грузинских украшенных рукописей первой трети XI века, принадлежащая к Константинопольской художественной школе. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 10 с. — В надзаг.: АН ГССР, Ин-т истории груз. искусства им. Г. Н. Чубинашвили/II Междунар. симпозиум по груз. искусству.

384. Мокрецова И. П. Проблемы реставрации средневековых пергаментных рукописей: (Техника и реставрация средневековых иллюминированных рукописей на пергаменте). М., 1977. 48 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Информ. центр по проблемам культуры и искусства. Обзорная информация: Сер. «Реставрация, исследование и хранение музейных худож. ценностей»).

385. Мыльников А. С. «Родословие» Лаврентия Хурелча. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1976. М.: Наука, 1977, с. 21—31.

386. Никишов Г. А. Двознаменники как особый вид певческих рукописей последней четверти XVII — начала XVIII в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. искусствовед. наук. М., 1977. 29 с. — В надзаг.: ВНИИ искусствознания.

387. Никкель Г. Алавердские четвероевангелие и четвероевангелие из Гота: Живописная школа XI в. в Константинополе. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 3 с. — В надзаг.: АН ГССР, Ин-т истории груз. искусства им. Г. Н. Чубинашвили. II Междунар. симпозиум по груз. искусству. — Текст. парал. на рус. и нем. яз.

388. Околитенко Н. Сокровища мадридской библиотеки: [Новые рукописи Леонардо да Винчи]. — Наука и общество, 1977, № 1, с. 57. — С примеч. ред. На укр. яз.

389. Понырко Н. В. Находки в Тарногском районе Вологодской области. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.:

Наука, Ленингр. отд-ние, 1977, с. 370—371 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

390. Посова Т. К. Некоторые формальные характеристики индийской рукописи (XVI—XIX вв.). — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока/XII годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1977, с. 129—134.

391. Принципы научного описания археографических памятников народов Востока/Материалы Всесоюз. совещания. Баку, 1977 г. Баку: Элм, 1977. 102 с. — В надзаг.: АН АзССР, Респ. рукописный фонд.

Содерж.: Абуладзе Ц. А. Описание и изучение восточных археографических памятников в Институте рукописей АН ГССР, с. 3—5; Агаева Э. Р. Бакинский список «Ихбар ал-улама'би ахбар ал-жукама' Ибн ал-Кыфти», с. 5—8; Агаева С., Рагимов А. Об одной редкой рукописи дивана Султана Ахмеда, с. 8—10; Азерли М. И. Рукописный «Диван» аль-Мутанабби: (На основе рукописного списка М-245 Рукописного фонда АН АзССР). Тезисы, с. 10—13; Алиев Р. М. Принципы составления каталогов рукописей Республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, с. 13—16; Алиев Р. М., Алиев М. Уникальная рукопись «Дивана» Физули: (Тезисы), с. 16—18; Аллахъяров К. Г. Лицевые рукописи Дивана Амира Шахи Себзевари в рукописных собраниях Академии наук Азербайджанской ССР, с. 18—21; Буниятов З. М. Бакинский список Тридцатого трактата сочинения аз-Захави, с. 21—23; Гасымов А. М. Палеографические особенности азербайджанских хисьменных памятников XV—XVI веков, с. 24—25; Геюшев Н. Д. Об одной ценной рукописи по медицине «Души телес», с. 25—26; Дмитриев Л. В., Муратов С. Н. О состоянии описания и изучения тюркских арабоязычных памятников в хранилищах Ленинграда, с. 26—29; Дугар-Нимиев Ц. А. Проблемы научного описания монгольских рукописей, с. 29—32; Каграманов Д. В. Коллекция тюркских рукописей Рукописного фонда Азербайджана, с. 32—35; Керимов Э. К. О редкой рукописи «Тарих ал-Гийаси», с. 35—37; Лебедев В. В. О подготовке каталога арабских рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, с. 37—39; Мамедов А. Г. Каталог старопечатных тюркоязычных книг Рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР, с. 39—41; Мамедова М. Г. Об одном списке XVII века рукописи Низами Гинджевии «Хамса», с. 41—42; Мамедова Ф. Д. Два списка (рукописи) «История Ал-

бан» Моисей Каланкатуйского, с. 42—46; Мамедова Ш. К. О двух списках сочинения Казы Ахмеда Куми «Хуласат ат-Таварих», с. 46—48; Медведева Л. Я. О коллекциях караимских и крымчакских рукописей в Ленинграде, с. 49—54; Мирзоева Э. Г. О рукописи Зирекзаде «Ал-ишбах ва-н-назаир», с. 54—56; Михайлова И. Б., Халидов А. Б. Принципы и проблемы каталогизации арабских рукописей, с. 56—58; Мусеви Т. М. «Вакфна-мэ-йе Раби Рашиди» — одна из редких рукописей XIV века, с. 58—60; Нагиев М. З. Персидский источник азербайджанского переводного памятника «Шухаданама», с. 60—61; Нагиева Д. М. О некоторых совместных рукописях «диванов» Навои и Физулы, с. 62—64; Назаров Г. О Рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР и описании тюркоязычных рукописей, с. 64—67; Нейматов М. Х. Палеографические особенности Лapidарных документов Азербайджана, с. 67—70; Пириев В. Э. Описание рукописи «Дастан-и Султан Абу Са'ид Бахадур хан бин Улджайту», с. 70—73; Рагимов А. Г. Бадр Ширвани и рукопись его дивана, с. 73—75; Саидов М. Опыт составления «Каталога арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР»: Тез. доклада, с. 75—77; Тагирджанов А. Т. О научном описании рукописей, с. 77—78; Урумбаев А. Некоторые итоги и перспективы подготовки каталога «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», с. 78—88; Халимов Н. Б. Арабские рукописи Академии наук Туркменской ССР, с. 89—91; Эфендиев О. А., Фарзалиев Ш. Ф. Об уникальной рукописи сочинения Хуршаха в Британском музее, с. 91—94.

392. Пушкарев Л. Н. Некоторые источниковедческие проблемы археографического изучения русских древних рукописей. — Сов. архивы, 1977, № 2, с. 56—64.

393. Разумихин А. В глубь веков: [Рец. на кн.]: Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. — В мире книг, 1977, № 5, с. 74.

394. Рапова Г. И. Неизвестный список анонимной рукописной грамматики начала XVII в. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, 1977, № 6, с. 57—61.

395. Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М.: Книга, 1977. 167 с., ил. — В надзаг.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

396. Рыбина Е. Берестяная библиотека: [О берестяных грамотах XIV—XV вв.]. — Наука и религия, 1977, № 4, с. 46—50.

397. Рыков Ю. Д. Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмой в первой трети XVI века. — Зап. отд. рукописей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1977, вып. 38, с. 139—149.

398. Сапунов Б. В. «Информационный взрыв» на Руси в XI веке: [О расцвете кн. культуры]. — Рус. речь, 1977, № 2, с. 120—128.

399. Свиридова И. Гиганты позапрошлого тысячелетия: [Об Александрийск. б-ке государства Птолемея и о б-ке Пергам. царства]. — Библиотекарь, 1977, № 4, с. 64—67.

400. Сетин Ф. И. Книга удивительной судьбы: [К 300-летию изд. первой книги по истории «Синописк»]. — Сов. педагогика, 1977, № 2, с. 115—120.

401. Симонов Р. А. Новый фрагмент о колоде: [К изучению рус. рукописей конца XVI—XVII вв.]. — Зап. отд. рукописей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1977, вып. 38, с. 126—138.

402. Список восточных рукописей Фундаментальной библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои/Сост. А. Пулатов, Х. К. Ахраров; Отв. ред. А. А. Аббасов. Самарканд, 1977. 73 с.

403. Тер-Оганесян Т. Список армянских рукописей Брюссельского королевского книгохранилища. — Вестн. Матенадарана, 1977, [вып.] 12, с. 278—286. — На арм. яз.

404. Герентьев-Катанский А. П. К истории тангутской рукописной книги. — В кн.: Письменные памятники Востока: Ист.-филол. исследования. Ежегодник, 1972. М.: Наука, 1977, с. 167—173.

405. Турилов А. А. Памятники южнславянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII веков: [По материалам древнерусской библиографии]. — Сов. славяноведение, 1977, № 1, с. 67—82.

406. Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — В кн.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.: Наука, Ленингр. отд.-ние, 1977, с. 133—164 (АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. литературы; 32).

407. Фадеева И. Е. Редкая рукопись из собрания ЛО ИВ АН СССР о придворном этикете османских султанов [XVII в.]. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977, ч. 1, с. 145—148.

408. Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Матенадарана. — Вестн. Матенадарана, 1977, [вып.] 12, с. 305—325.

409. Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: Греч. рукописи в России. М.: Наука,

1977. 247 с., ил. — В надзаг.: АН СССР, Ин-т всеобщей истории.

410. Фонкич Б. Л. [Рец. на кн.]: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи. Сост. И. Н. Лебедева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — Визант. временник, 1977, т. 38, с. 214—220.

411. Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи [XV — начало XVI в.]. — Сов. археология, 1977, № 4, с. 301—306.

412. Чукасыян Б. Л. Армянские рукописи в Соединенных Штатах Америки. — Вестн. Матенадарана, 1977, [вып.] 12, с. 219—277. — На арм. яз.

413. Чукасыян Б. Разыскивается рукопись...: [О собрании древ. арм. рукописей, хранящихся в Матенадаране]. — Коммунист (Ереван), 1977, 4 сент.

414. Шаскольский И. П. Русский рукописный атлас XVIII в. в финляндском архиве. — Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1977, т. 109, вып. 1, с. 101—102.

415. Шмидт С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания. —

Зап. отд. рукописей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1977, вып. 38, с. 150—157.

416. Шмидт С. По маршрутам памяти: [Беседа с пред. Археогр. комис. АН СССР С. Шмидтом. Записала Л. Пронина]. — Комс. правда, 1977, 26 авг.

417. Шпекторова Т. В. Научная конференция, посвященная 900-летию Изборника 1076 г. [Ленинград 14—15 июня 1976 г.]. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 317—318.

418. Щепкина М. В. Миниатюры Хлудовской псалтыри: Греч. иллюстрир. кодекс IX в./[Вступит. статья И. С. Дуйчева]. М.: Искусство, 1977. 318 с., ил., факс. — В надзаг.: Гос. ист. музей. В кн. также: Щепкин В. Н. Характеристика византийской и славянской иконописи.

419. Юсупов Ш. «Охотники» за рукописями: [Об археогр. экспедиции А. М. Мухтарова]. — Веч. Душанбе, 1977, 15 авг.

См. № 248.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА СССР

(1564 — октябрь 1917 г.)

420. Болебрух А. Г. А. Н. Радищев о положении печати в царской России. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепрпетровск, 1977, с. 65—72.

421. Боханов А. Н. Буржуазные газеты России и крупный капитал. (Конец XIX в. — 1914 г.) Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1977. 21 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).

422. Боханов А. Н. Русские газеты и крупный капитал: [Газ.-изд. дело в конце XIX — начале XX вв. Ист. очерк]. — Вопр. истории, 1977, № 3, с. 113—120.

423. В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указания. Вып. 2/[Сост. А. А. Круминг]. М., 1977. 61 с. — Н надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Отд. ред.-кн. кн.

424. Григорьева Е. А. Нелегальная народническая печать 80—90-х гг. XIX в.: (К источниковедению и историографии вопроса). — В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 111—126.

425. Гросул В. Я. Попытки основания русских революционных типографий на Нижнем Дунае в 60—70-х гг. XIX в. — В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 88—99.

426. Гузнер И. А. Библиотеки Сибири в XVII—XVIII вв. — В кн.: Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на

Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977, с. 19—40 (АН СССР, Сиб. отд-ние, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. Сб. науч. трудов; [Вып. 37]).

427. Данилов Д. Летопись печати. [Рец. на кн.: Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края: 1798—1917: Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973; Антюхин Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области, 1917—1945. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976]. — Подъем, 1977, № 1, с. 147—149.

428. Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя: (Из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 313 с. (Серия «Литературоведение и языкознание»).

429. Зернова А. С. Доклад Антонины Сергеевны Зерновой [о книге А. А. Сидорова «Древнерусская книжная гравюра (М., 1951)». Новые поступления]. — Зап. отд. рукописей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1977, вып. 38, с. 190.

430. И. П. Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в.» — Сов. библиотековедение, 1977, № 3, с. 119—120.

431. История книги и издательского дела. Сб. науч. трудов/Б-ка АН СССР; [Ред. коллегия: ...С. П. Луппов (отв. ред.) и др.] Л., 1977. 159 с., ил.

432. Книжные обложки русских художников начала XX века: Каталог выставки/[Авт. вступит. статьи Е. Ф. Ков-

тун]. Л., 1977. 71 с., ил. — В надзаг.: Гос. Рус музей.

433. Кондакова Т. И. Слово издатель в русском литературном языке XVIII в. — Этимол. исследования по рус. яз., 1976, вып. 8, с. 106—113.

434. Лабынцев Ю. Первые московские печатные книги. — Кн. обозрение, 1977, 15 апр., с. 16.

435. Лупов С. П. Польская литература в русских библиотеках и частных книжных собраниях XVII — первой половины XVIII века: Из истории рус.-польск. культ. связей. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 47—60.

436. Павлов В., Блюм А. Первые уральские книги. — Уральский следопыт, 1977, № 5, с. 45—49.

437. Перпер М. И. К истории борьбы царского правительства против вольной русской печати за рубежом. — В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977, с. 98—100.

438. Покровская З. «Это нам совершенно необходимо»: [О нелегальной и запрещенной печати России]. — В мире книг, 1977, № 7, с. 83—84.

439. Рогов А. И. Возникновение и развитие книгопечатания. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. [М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977], ч. 2, с. 262—278.

440. Русская нелегальная и запрещенная литература XIX века в фондах Научной библиотеки ОГУ: Аннотир. указ./ Сост. О. Ю. Ноткина, Т. Н. Логвинова; Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1976 (вып. дан. 1977). Ч. I. VII, 42 с.

441. Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати,

1801—1926 гг.: Библиогр. указ. Вып. I: [А — М./Сост. Г. З. Гусева, Л. Б. Кулибаба, М. Н. Матвеева и др.]; Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1977. 179 с.

442-443. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Листовки: [В 3-х ч./Сост. С. С. Левина, Л. Н. Петрова, З. А. Покровская и др.]; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина [и др.]. М., 1977. — В надзаг. также: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, Б-ка Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР, Центр. гос. архив Октябрьской революции, высш. органов гос. власти и органов гос. управления СССР, Центр. гос. ист. архив СССР.

Ч. 1: [1830—1898 гг.], № 1—1082. 226 с.

Ч. 2: Листовки [1899—1900 гг.], № 1082а—2004. Прил. (№ 1—214). 208 с.

Ч. 3: Вспомогательные указатели. 116 с.

444. Сикорский Н. М. Вступительное слово на «Федоровских чтениях-75». — В кн.: Федоровские чтения 1975. М., 1977, с. 3—7.

445. Скворцова Е. В. [Рец. на кн.: Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт. М.: Книга, 1974]. — Пробл. журналистики, 1977, вып. 9, с. 140—141.

446. Федоровские чтения 1975: История рев. печати: Сб. науч. трудов/Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; [Ред. коллегия: А. А. Сидоров (пред.) и др.] М., 1977. 165 с., ил.

447. Хазанович К. Из Петербурга — по всей России: [О старых книгах]. — Ленингр. правда, 1977, 22 янв.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО НАРОДОВ РОССИИ

448. Апинис А. Латышская книга: От истоков до конца XIX века. Рига: Лиесма, 1977. 354 с., ил. — На латыш. яз.

449. Ахвердян Р. С. Из истории зарождения и развития русского книгопечатания в Грузии (первая половина XIX века). — Учен. зап./Азерб. под. ин-т рус. яз. и лит., 1977, № 4, с. 41—46.

450. Белоконов С. И. [Рец. на кн.]: Максменко Ф. Ф. Кирилловские старопечатные книги украинских типографий, хранящиеся во львовских собраниях (1574—1800): Сводный каталог. Львов: Вища школа, 1975. На укр. яз. — Сов. библиогр., 1977, № 6, с. 78—79.

451. Верба Р. Литовское национальное движение в 1865—1883 гг. (3. Мотивы борьбы литовской интеллигенции против запрета письменности). — Тр. Акад. наук ЛитовССР. Сер. А. Обществ. науки, 1977, [вып.] 3, с. 101—113. На литов. яз.

452. Верба Р. А. Литовское национальное движение в 1865—1883 гг. (4. Реализация постановления, запрещающего литовскую печать). — Труды АН ЛитССР. Обществ. науки, 1977, [вып.] 4, с. 93—103. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

453. Ганенко П. Т. Развитие письменности, книжного и библиотечного дела в Молдавии с древнейших времен до второй половины XVI-го века. — Библиотекведение и библиографоведение Молдавии, 1977, вып. 2, с. 112—148.

454. Гогидзе Ш. Н. Из истории издательской деятельности закавказских большевиков, 1905—1907. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 191 с., ил. — На груз. яз.

455-456. Зулонене М., Ешмантас Г., Бинките Э. Книги на литовском языке, 1905—1917: Контрольный список/Кн. палата ЛитССР. Вильнюс, 1977. — На литов. и рус. яз.

Ч. 1: Книги. 1082 с.

Ч. 2: Листовочные издания. Нотные издания. Изондания. Картографические издания. 422 с.

457. Исаевич Я. Д. История книгопечатания на Украине и его роль в межславянских культурных связях: (XVI — первая половина XVII вв.) Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. М., 1977. 36 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

458. Исаевич Я. Д. Новые материалы об украинских и белорусских книгопечатниках первой половины XVII в.— Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 149—154.

459. Ишханян Р. А. История армянской книги. I. 1: Армянская печатная книга в XVI—XVII вв. Ереван: Айастан, 1977. 535 с., ил.— В надзаг.: Респ. б-ка АрмССР им. Ал. Мясникяна. На арм. яз.

460. Каменева Т. Н., Гусева А. А. Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв.: Каталог изд., хранящихся в Гос. б-ке СССР им. В. И. Ленина. [В 3-х вып.]. Вып. 1: 1574 г. — I половина XVII в. М., 1976 (вып. дан. 1977). 448 с., ил.— В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Отд. ред. книг.

461. Кирияк В. С. Книга и печатное дело в Молдавии XVII—XVIII вв.: (По материалам хранилищ и архивов СССР)/Под ред. Д. Драгнева. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1977. 127 с., ил.— На молд. яз.

462. Клепиков С. А. Из истории украинского переплета XVII—XVIII вв.— В кн.: История книги и издательского дела. Л., 1977, с. 53—61.

463. Книговедение в Белоруссии: Сб. статей/АН БССР, Фундам. б-ка им. Якуба Коласа; [Редкол.: ...М. П. Стрижонко (отв. ред.) и др.]. Минск, 1977. 160 с.

464. Копаниця Л. М. Русско-украинско-молдавские культурные взаимоотношения в XVII в.: [К истории открытия первой типографии в Молдавии]. — Вестн. Киев. ун-та. Сер. филол., 1977, [вып.] 19, с. 39—43.— На укр. яз.

465-467. Макеев Н. Я. Из истории псевдонимов и анонимов: Атрибуция статей в период печати и листовок большевиков Азербайджана (1901 — февр. 1917 г.) Баку: Элм, 1977. 162 с.— В надзаг.: АН АзССР, Ин-т истории.

Рец.: Гусейнов Ш. Ценный научный труд.— Учен. зап. Азерб. ун-та Сер. журналистики, 1977, № 4, с. 57—59; Гусейнов Ш. Ценный научный труд.— Бакин. рабочий, 1977, 22 дек.

468. Мацаберидзе В. С. Составители и издатели грузинских народных книг. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 105 с.— В надзаг.: АН ГССР, Ин-т истории груз. литературы им. Ш. Руставели. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

469. Сапунов Б. В. Украинская книга в России в XVII в.: (Из истории рус.-укр. культурных связей). — В кн.: История книги и издательского дела. Л., 1977, с. 5—21.

470. Треуманн Х. История культуры книги. Таллин: Ээсти раамат, 1977. 160 с., ил.— На эст. яз.

471. Умецкая Е. С. История книгопечатания в Белоруссии и первой трети XIX века (1801—1832). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Минск, 1977. 27 с. (АН БССР. Отд-ние обществ. наук. Ин-т истории).

472. Утков В. На родном языке: [Рец. на кн.: Эрнazarов Т. Э., Акбаров А. И. История печати Туркестана, 1870—1925 гг. Ташкент: Укитувчи, 1976].— В мире книг, 1977, № 10, с. 66—67.

473. Шишко С. Работа над сводным каталогом латышских старопечатных изданий. — Аспекты библиотекостроения, 1977, [вып. 1], с. 134—144. Рез. на латыш. и англ. яз.

474. Языев А. [Рец. на кн.: Язбердыев А. Из истории библиографирования национальной печати народов Средней Азии второй половины XIX и первой четверти XX века. Ашхабад: Ылым, 1974]. — Народы Азии и Африки, 1977, № 6, с. 233.

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

475. Боронин Ф. Н. Из истории нижегородской-горьковской полиграфии. — В кн.: Записки краеведов: Очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977, с. 90—102.

476. Гальперин Э. Ю. Агитационно-пропагандистская издательская деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1977. 25 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

477. Гегешидзе З. Памятник большевистской печати: [Авларбарская

нелегальная типография в Тифлисе]. — Наука и техника (Тбилиси), 1977, № 9, с. 2—6.— На груз. яз.

478. Долгова С. Р. Ранние документы о типографии Академии наук. — В кн.: История книги и издательского дела. Л., 1977, с. 156—158.

479. Касумова Т. Дом, где печаталась «Искра»: [О подпольной типографии «Нина». Баку]. — Труд, 1977, 16 апр.

480. Месхи Д. Авларбарская нелегальная типография-музей: Краткий обзор. 2-е изд., доп. и испр. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 52 с., 8 л. ил.— На груз. яз.

481. Месхи Д. Н. Примечательный памятник революционной конспирации: [Об Авлабарской нелегальной типографии в Тифлисе]. — Коммунист Грузии, 1977, № 10, с. 93—96. — На груз. яз.

482. Морозова В. Первое партийное...: Об «Издательстве социал-демократической парт. литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина». — Кн. обозрение, 1977, 2 сент., с. 16.

483. Парамонова Н. Б. Книгоиздательская деятельность Казанского университета в первой половине XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степе-

ни канд. филол. наук. Л., 1977. 16 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

484. Пашаева Н. М., Климова Л. Н. Галицко-русская Матица во Львове и ее издательская деятельность. — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 61—77.

485. Петров А. Н., Царт И. Д. Первая академическая: К 250-летию 1-й тип. изд-ва «Наука». Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 99 с., ил. — В надзаг.: АН СССР, Б-ка.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- АЛЬБИНА** Лариса Лазаревна — главный библиотекарь отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранитель библиотеки Вольтера, кандидат исторических наук.
- АМОСОВ** Александр Александрович (р. 1948) — младший научный сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, кандидат исторических наук.
- АХУНДЖАНОВ** Эркин Адилевич (р. 1946) — старший преподаватель Ташкентского государственного института культуры.
- БАРЕНБАУМ** Иосиф Евсеевич (р. 1921) — заведующий кафедрой общей библиографии и книговедения Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, профессор, доктор филологических наук.
- БУРОВ** Константин Михайлович (р. 1915) — художник книги, заслуженный работник культуры РСФСР.
- КОНДАКОВА** Татьяна Ивановна — старший научный сотрудник отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ЛАБЫНЦЕВ** Юрий Андреевич (р. 1948) — младший научный сотрудник отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ЛАВРОВ** Николай Павлович (р. 1932) — декан факультета редактирования и экономики полиграфической промышленности Ленинградского филиала Московского полиграфического института, доцент, кандидат филологических наук.
- ЛИХТЕНШТЕЙН** Ефим Семенович (р. 1908) — ученый секретарь Редакционно-издательского совета Академии наук СССР, заместитель председателя Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, доцент, кандидат филологических наук.
- МАРТЫНОВ** Иван Федорович (р. 1939) — младший научный сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, кандидат педагогических наук.
- МЫЛЬНИКОВ** Александр Сергеевич (р. 1929) — старший научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, профессор, доктор исторических наук.
- НЕБЕНЗЯ** Алексей Андреевич (р. 1923) — заместитель председателя Госкомиздата СССР.
- РАФИКОВ** Ахмет Халилович (р. 1906) — старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, кандидат исторических наук.
- РАЦ** Марк Владимирович (р. 1935) — заведующий лабораторией математических методов Производственного и научно-исследовательского института инженерных изысканий для строительства Госстроя СССР, доктор геолого-минералогических наук.
- СВИНЦОВ** Виталий Иванович (р. 1928) — доцент кафедры философии Московского полиграфического института, доктор филологических наук.
- ФАРТУНИН** Юрий Иванович (р. 1931) — директор Всесоюзной книжной палаты, кандидат экономических наук.
- ЧЕРНЯК** Арон Яковлевич (р. 1921) — профессор кафедры общей библиографии и книговедения Московского государственного института культуры, доктор филологических наук.
- ШОМРАКОВА** Инга Александровна — доцент кафедры общей библиографии и книговедения Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, кандидат филологических наук.
- ЭЛЬЗОН** Михаил Давидович (р. 1945) — младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, кандидат педагогических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Советское книгоиздательство

<i>А. А. Небензя.</i> О дальнейшем совершенствовании государственного статистического учета печатной продукции СССР в свете современных задач	5
<i>Ю. И. Фартунин.</i> Методические и организационные принципы статистического учета произведений печати	15

II. Теория и практика редактирования

<i>В. И. Свинцов.</i> Алгебра и гармония, или Заметки о логических аспектах редактирования художественного текста	25
<i>И. А. Шомракова, Д. А. Фурманов</i> — редактор Госиздата	43

III. Оформление книги

<i>К. М. Буров.</i> Мастер книжного искусства (Н. В. Ильин)	61
---	----

IV. История книги

<i>Т. И. Кондакова.</i> Типографские и издательские марки в русских книгах XVIII века	73
<i>Е. С. Лихтенштейн.</i> Неопубликованные лекции В. И. Вернадского о книгопечатании	87
<i>А. Я. Черняк.</i> Техническая книга в годы первых пятилеток	101
<i>Э. А. Ахунджанов.</i> Становление и развитие книгоиздательского дела в Узбекской ССР (основные этапы и ведущие тенденции)	124

V. Историография

<i>И. Е. Баренбаум.</i> Изучение истории зарубежной книги в СССР	134
--	-----

VI. Публикации

Автобиографии и биографии деятелей книги в собрании С. А. Венгерова. Публикация <i>М. Д. Эльзона</i>	150
--	-----

VII. Сообщения

<i>Л. Л. Альбина.</i> Вольтер как читатель	162
<i>Ю. А. Лабынцев.</i> Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII—XX вв	173
<i>А. П. Толстяков.</i> О неосуществленной книжной лотерее А. Ф. Смирдина	179
<i>М. В. Рац.</i> Библиофил и книга. (Некоторые вопросы теории библиофильства)	185

VIII. Рецензии

<i>А. А. Амосов, И. Ф. Мартынов, А. Х. Рафиков.</i> Сборники «Федоровские чтения» и их место в современном советском книговедении	195
<i>А. С. Мыльников.</i> Из опыта зарубежной книговедческой мысли	206
<i>Н. П. Лавров.</i> Об оптимальном аппарате изданий художественной литературы	212

***

<i>Л. И. Фурсенко.</i> Книговедение. Указатель литературы за 1977 г.	218
--	-----

***

Коротко об авторах	245
------------------------------	-----

CONTENTS

I. Soviet Book-Publishing

- A. A. Nebenzya.* On further perfection of State printing production statistics in USSR according to modern tasks 5
Y. I. Fartunin. Methodic and organization principles of printing production statistics 15

II. Theory and Practice of Editing

- V. I. Svintsov.* Algebra and harmony, of Notes on logical aspects of fiction's editing 25
I. A. Shomrakova, D. A. Furmanov as Editor of the State Publishing House 43

III. Design of the Book

- K. M. Burov.* A skilled book illustrator (N. V. Ilyn) 61

IV. History of the Book

- T. I. Kondakova.* Typographical and publishing signs in Russian books of 18th century 73
Y. S. Likhtenshtein. V. I. Vernadsky's unpublished lectures on printing 87
A. Y. Chernyak. The technical book in the years of the first five-year-plans 101
E. A. Achundzhanov. Formation and development of book-publishing in the Uzbek SSR. (Main stages and leading tendencies) 124

V. Historiography

- I. E. Barenbaum.* Study of foreign book history in the USSR 134

VI. Publications

- Autobiographies and biographies of bookmen in S. A. Vengerov's collection. Publication by *M. D. Alzon* 150

VII. Information

- L. L. Albina.* Volter as reader 162
Y. A. Labyntsev. Old Russian literary monuments published by old-believers' printing-houses in 18—20 centuries 173
A. P. Tolstyakov. On unrealized book-raffle of A. F. Smirdin 179
M. V. Rats. The bibliophile and the book. (Some questions of the bibliophilic theory) 185

VIII. Reviews

- A. A. Amosov, I. F. Martynov, A. K. Rafikov.* Fedorov's Reading and their place in modern Soviet book-printing 195
A. S. Mylnikov. From foreign experience of book-science thought 206
N. P. Lavrov. On optimum apparatus criticism of fiction editions 212

* * *

- L. I. Fursenko.* Bookscience. Index of literature for 1977 218

* * *

- Short notes about authors 246

КНИГА

Исследования и материалы

ИБ № 587

Редакторы: *И. П. Баканова, И. Н. Тарасенко*
Редактор издательства *И. П. Глазырина*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *С. Ф. Сизова*
Корректор *М. Я. Жукова*

Сдано в набор 19.06.79. Подписано к печати 28.09.79. А 11508 Формат 70×108^{1/16}.
Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,70.
Уч.-изд. л. 21,58. Тираж 4000 экз. Зак. 2497. Изд. № 2962. Цена 3 р. 40 к.

Адрес редакции: Москва, Г-34, Метростроевская ул., 4.
Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.
Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.